



**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
2025 Том 16 № 1**

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторова, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синякин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticy@rudn.ru

**Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова**

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticy@rudn.ru

Подписано в печать 20.04.2025. Выход в свет 30.04.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 36,22. Тираж 500 экз. Заказ № 779. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru



RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2025 VOLUME 16 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Yunsheng Ju, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticy@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Text Editor *O.N. Kolysheva*
Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticy@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУРСОЛОГИЯ

- Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. (Челябинск, Российская Федерация).** Образ России в медиадискурсе ЮАР: фреймы и метафоры..... 9
- Tameryan T.Yu. (Vladikavkaz, Russian Federation), Terkulov, V.I. (Donetsk, Russian Federation).** Ideological Field Model in the Ossetian Political Narrative (Модель идеологического поля в осетинском политическом нарративе)..... 29
- Калинин О.И. (Москва, Челябинск, Российская Федерация), Игнатенко А.В. (Москва, Российская Федерация).** Представления о войне в китайской лингвокультуре 39
- Павлина С.Ю. (Нижний Новгород, Российская Федерация).** Англоязычная политическая карикатура в социокультурном контексте 61
- Khafizova A.A. (Kazan, Russian Federation).** Modelling the Image of the Country and the Image of a Political Leader in the American Media Discourse (Моделирование имиджа страны и образа политического деятеля в американском медиадискурсе) 77

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

- Korolkova A.V. (Moscow, Russian Federation), Novikova T.S. (Smolensk, Russian Federation).** Substandard Language Phenomena in Artistic Discourse (Субстандартные языковые явления в художественном дискурсе) 90
- Присянникова О.И., Скорик К.В. (Санкт-Петербург-Пушкин, Российская Федерация).** Перевод копмаундов со значением ‘warrior’ в поэме «Беовульф» 101
- Romanova T.V., Tovkes M.Yu. (Nizhny Novgorod, Russian Federation).** Language and Speech Models of Gender Stereotype Representation on the Material of the Russian Language (Языковые и речевые модели репрезентации гендерного стереотипа на материале русского языка) 117
- Кутьева М.В., Махортова В.А. (Москва, Российская Федерация).** Муравей и цикада в португальской лирике: динамика ассоциативной семантики 132
- Lacková M. (Žilina, Slovakia).** A Corpus-Based Comparative Study of Animal Idioms Applied in Contemporary Journalistic Texts (Особенности использования идиом с компонентом животное в современном публицистическом тексте) 148
- Сидорова Л.А. (Чебоксары, Российская Федерация).** Особенности и разновидности молодежного сленга в современном английском языке 166

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

- Дорошенков, В.А. (Краснодар, Российская Федерация), Амахина С.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Синицына Ю.Н. (Краснодар, Российская Федерация).** Труды А.М. Мухина: два закона функционирования языка..... 175
- Валипур А., Табассом Х.К. (Тегеран, Иран).** Грамматическая пауза в русском и в персидском языках 190

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Каменева В.А., Рабкина Н.В. (Кемерово, Российская Федерация), Жданова С.Ю. (Пермь, Российская Федерация), Румянцева А.А. (Кемерово, Российская Федерация).** Особенности репродуктивной и продуктивной речи подростков с врожденным пороком сердца после операции и условно здоровых сверстников: лингвокогнитивный аспект 198
- Шаклеин В.М., Соколовская А.А. (Москва, Российская Федерация).** Искажение социального идеала русской языковой личности конца XVIII — начала XX в. и его последствия 219
- Сафаралиева Л.А., Денисенко В.Н. (Москва, Российская Федерация).** Аксиологическое представления концепта МАТЬ в современной русской лингвокультуре 240
- Загуменнов А.В. (Вологда, Российская Федерация).** Нозматическая окрестность как текстовый феномен эпохи церковного раскола 255
- Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Nelyubova N.Yu. (Moscow, Russian Federation).** The Development of Global Citizenship Competence within Professional Public Relations Education (Развитие компетенции глобального гражданства в профессиональном образовании в области связей с общественностью) 265
- Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. (Москва, Российская Федерация).** Методология изучения коммуникативной личности политика 278
- Sergeeva O.V. (Krasnodar, Russian Federation), Zheltukhina M.R. (Pyatigorsk, Russian Federation), Ponomarenko E.B. (Moscow, Russian Federation).** Genre Features of the Educational Media Discourse in the Context of Information Ecology and Cyber Security (Жанровые особенности образовательного медиадискурса в контексте информационной экологии и кибербезопасности) 291

CONTENTS

DISCOURSE STUDIES

Solopova O.A., Koshkarova N.N. (Chelyabinsk, Russian Federation). The Image of Russia in South Africa Media Discourse: Frames and Metaphors	9
Tameryan T.Yu. (Vladikavkaz, Russian Federation), Terkulov V.I. (Donetsk, Russian Federation). Ideological Field Model in the Ossetian Political Narrative	29
Kalinin O.I. (Moscow, Chelyabinsk, Russian Federation), Ignatenko A.V. (Moscow, Russian Federation). The War Concept in Chinese Linguistic Culture	39
Pavlina S.Yu. (Nizhny Novgorod, Russian Federation). British and American Political Cartoons in Sociocultural Context	61
Khafizova A.A. (Kazan, Russian Federation). Modelling the Image of the Country and the Image of a Political Leader in the American Media Discourse	77

FUNCTIONAL SEMANTICS

Korolkova A.V. (Moscow, Russian Federation), Novikova T.S. (Smolensk, Russian Federation). Substandard Language Phenomena in Artistic Discourse	90
Prosyannikova O.I., Skorik K.V. (Saint Petersburg, Russian Federation). Translation of Compounds with the Meaning ‘warrior’ in “Beowulf”	101
Romanova T.V., Tovkes M.Yu. (Nizhny Novgorod, Russian Federation). Language and Speech Models of Gender Stereotype Representation on the Material of the Russian Language	117
Kutyeva M.V., Makhortova V.A. (Moscow, Russian Federation). Ant and Cicada in Portuguese Lyrics: Dynamic of Associative Semantics	132
Lacková M. (Žilina, Slovakia). A Corpus-Based Comparative Study of Animal Idioms Applied in Contemporary Journalistic Texts	148
Sidorova L.A. (Cheboksary, Russian Federation). Features and Varieties of Youth Slang in Modern English	166

FUNCTIONAL GRAMMAR

Doroshenkov V.A. (Krasnodar, Russian Federation), Amakhina S.A. (Saint Petersburg, Russian Federation), Sinitsyna Yu.N. (Krasnodar, Russian Federation). Works of Anatoliy M. Mukhin: Two Laws of Language Functioning	175
Valipour A., Khakrah K.T. (Tehran, Iran). The Analysis of Grammatical Pause in Russian and Persian Languages	190

COGNITIVE STUDIES

Kameneva V.A., Rabkina N.V. (Kemerovo, Russian Federation), Zhdanova S.Y. (Perm, Russian Federation), Rumyantseva, A.A. (Kemerovo, Russian Federation). Features of Reproductive and Productive Speech of Adolescents with Congenital Heart Disease after Surgery and Conditionally Healthy Peers: Linguocognitive Aspect	198
--	-----

Shaklein V.M., Sokolovskaya A.A. (Moscow, Russian Federation). The Distortion of the Social Ideal of the Russian Linguistic Personality of the End of the XVIII — beginning of the XX Century and Its Consequences	219
Safaraliev L.A., Denisenko V.N. (Moscow, Russian Federation). Axiological Representation of the Concept of MOTHER in Modern Russian Linguistic Culture	240
Zagumennov A.V. (Vologda, Russian Federation). Noematic Neighborhood as a Textual Phenomenon of the Church Schism Era	255
Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Nelyubova N.Yu. (Moscow, Russian Federation). The Development of Global Citizenship Competence within Professional PR Education	265
Mukhortov D.S., Zhovner E.A. (Moscow, Russian Federation). Elaborating a Methodology for Gauging a Politician's Communicative Personality	278
Sergeeva O.V. (Krasnodar, Russian Federation), Zheltukhina M.R. (Pyatigorsk, Russian Federation), Ponomarenko E.B. (Moscow, Russian Federation). Genre Features of the Educational Media Discourse in the Context of Information Ecology and Cyber Security	291



ДИСКУРСОЛОГИЯ DISCOURSE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-9-28

EDN: GXYLEO

УДК 070:811.161.1(680)

Научная статья / Research article

Образ России в медиадискурсе ЮАР: фреймы и метафоры

О.А. Солопова  , Н.Н. Кошкарлова 

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

 o-solopova@bk.ru

Аннотация. Международное сотрудничество со странами БРИКС является одним из приоритетных направлений внешней политики России. Актуальность исследования связана с необходимостью понимания особенностей восприятия образа России и механизмов его формирования в медиадискурсе стран-участниц альянса. Цель исследования — выявить специфику репрезентации образа России в южноафриканском медиадискурсе (2011–2024). Источником материала выступил корпус NOW (News on the Web), на основе которого сформирован виртуальный подкорпус, включающий 1000 статей на английском языке, опубликованных в ведущих изданиях Южной Африки. Для составления списков частотности, выявления N-gram, коллокаций и тематических кластеров использованы инструменты корпусной и компьютерной лингвистики: корпусный менеджер NOW и программно-аналитический комплекс «Концептоскоп». Для содержательной интерпретации данных привлекаются фреймовый анализ, метод метафорического моделирования и когнитивно-дискурсивный анализ. Результаты исследования показывают, что образ России в южноафриканском дискурсе конструируется опосредованно: через репрезентацию образа другой страны и межгосударственных взаимоотношений. Доминантными для моделирования образа России являются диагностический фрейм «партнерство» и прогностические субфреймы «прогресс» и «деградация». Для фрейма «партнерство» характерно использование лексических единиц со значениями сотрудничества, лексем совместности, метафор сферы-источника «взаимоотношения». Для прогностического субфрейма «прогресс» типичны лексические единицы с семантикой расширения, повышения, углубления и метафоры пути. Прогностический субфрейм «деградация» реализуется за счет метафор с отрицательным прагматическим потенциалом. Прикладная значимость исследования состоит в уточнении критериев идентификации фреймов с помощью инструментов корпусной и компьютерной лингвистики, в развитии теории дискурса за счет привлечения материала Южно-Африканской Республики.

© Солопова О.А. Кошкарлова Н.Н., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: БРИКС, медиадискурс, Южная Африка, репрезентация образа России

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049>

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 07.08.2024; дата приема в печать: 12.11.2024.

Для цитирования: Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Образ России в медиадискурсе ЮАР: фреймы и метафоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 9–28. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-9-28>

The Image of Russia in South Africa Media Discourse: Frames and Metaphors

Olga A. Solopova  , Natalia N. Koshkarova 

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

 o-solopova@bk.ru

Abstract. Inter-BRICS cooperation is one of the priorities of Russian foreign policy. This indicates a need to understand perceptions of Russia's image construal and mechanisms of its formation in BRICS' media discourses. The study seeks to identify the peculiarities of Russia's image construal in South African media discourse (2011–2024). The source of the material was the NOW corpus (News on the Web) that allowed for creating a virtual sub-corpus. The latter included 1000 articles in English, published in major South African newspapers. Corpus and computer linguistics techniques were used to get frequency lists, find N-grams, collocations and thematic clusters: the NOW corpus manager and the Conceptoscope software analytical complex. The frame, metaphorical modeling, cognitive and discourse methods were used to qualitatively analyze the data. The findings suggest that the image of Russia is framed indirectly in South African discourse: through other countries' images and interstate relations. The diagnostic frame "partnership" and two prognostic subframes "progress" and "degradation" are dominant in structuring Russia's image construal. The frame "partnership" is actualized by lexemes with the semantics of cooperation, jointness, and metaphors of "relationship". The prognostic subframe "progress" is manifest in the use of lexemes with the semantics of expansion, increase, deepening, and "path" metaphors. The prognostic subframe "degradation" is textualized through metaphors with negative connotations. The findings have important implications for clarifying the criteria of frame identification, relying on corpus-based and computational tools, developing discourse theory by introducing the data of South African media discourse.

Keywords: BRICS, media discourse, South Africa, representation of the image of Russia

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Funding: research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <http://rscf.ru/project/24-18-00049>

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 07.08.2024; accepted: 12.11.2024.

For citation: Solopova, O.A., & Koshkarova, N.N. (2025). The Image of Russia in South Africa Media Discourse: Frames and Metaphors. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 9–28. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-9-28>

Введение

БРИКС относится к числу тех неформальных объединений государств, которые в условиях трансформации геополитической ситуации в мире предоставляют возможность для открытого диалога по вопросам межгосударственного сотрудничества, оптимизации внутри- и внешнеполитической деятельности, повышения международного престижа страны. Межгосударственное объединение БРИКС было основано в 2006 г. и называлось тогда БРИК, а Южная Африка стала его полноправным членом в 2011 г. Для ЮАР членство в таком сетевом формате — это не только и не столько задача усиления экономического роста, сколько возможность реализации амбициозных политических целей, среди которых закрепление статуса «регионального лидера и представителя интересов стран Африки на международной арене в интересах создания более благоприятных условий для развития всех стран региона» [1. С. 92]. Такая задача была впоследствии успешно решена, когда в 2024 г. к БРИКС присоединилось еще два африканских государства — Египет и Эфиопия.

На потенциал БРИКС в деле усиления взаимодействия стран-участниц межгосударственного объединения указал премьер-министр России М.В. Мишустин в своем выступлении на главной стратегической сессии XIV промышленной выставки «Иннопром» (г. Екатеринбург, 8–11 июля 2024 г.), подчеркнув, что одним из направлений деятельности нашей страны является «развитие кооперации с государствами, входящими в БРИКС», и что государства будут «выстраивать общие планы с учетом растущего потенциала» государственных экономик. Сказанное будет верным и о двустороннем сотрудничестве России и Южной Африки. В настоящее время формируется новый африканский вектор российской внешней политики с учетом общей геополитической парадигмы. Следовательно, представляется важным изучение тех механизмов, которые формируют и транслируют образ страны в иноязычном масс-медийном дискурсе.

Лингвистический анализ репрезентации образа России в южноафриканском медиадискурсе способствует решению нескольких задач. Во-первых, изыскания подобного рода проводятся с учетом широкого экстралингвистического контекста, что способствует корректному пониманию истории взаимоотношения двух государств. Во-вторых, решается важная социальная задача демифологизации и избавления от стереотипов и предрассудков в отношении другой культуры. В-третьих, такие исследования важны и в деле повышения эффективности дипломатических отношений

двух стран. Наконец, изучение масс-медийного образа России в южноафриканских СМИ заполняет лауну, существующую в современной науке о языке, когда имагологические описания сосредоточены на западных (США, Великобритания, Франция и др.) и восточных (Китай, Вьетнам, Монголия и др.) дискурсах, а Южная Африка в этом отношении пока остается терра инкогнита для российских исследователей языка и рядовых пользователей.

Восприятие России в мире: три оси имагологических координат

Образ России неоднократно находился в фокусе лингвистических эмпирик. При этом необходимо отметить, что если в современных имагологических исследованиях понятие *образ* трактуется в контексте чужой культуры, то на заре становления имагологии как научной дисциплины образ(ы) изучался(-ись) как представленный(ые) в большом искусстве, зданиях, фресках родной культуры (об этом см., например, [2]). В дальнейшем культурная составляющая имагологических наблюдений стала все более превалировать при изучении образа, что нашло отражение в дефиниции указанного научного направления: «имагология как дисциплина является разновидностью культурно-общественного сознания, особой и коренной формой миропознания, т. е. специфическим и базовым видом культуротворчества» [3. С. 12]. Культурная детерминированность имагологических исследований была и остается имманентной составляющей всех исследований, проводимых в указанной сфере. Но при этом усложняется и совершенствуется теоретико-методологический инструментарий имагологии, которая расширяет источниковую базу для изучения образа «другого», что способствует возникновению новых междисциплинарных направлений: «филологическая имагология, культурологическая имагология, историческая имагология, психологическая имагология, лингводидактическая имагология и т.д.» [4. С. 10]. В настоящее время ученые обращаются к анализу когнитивных механизмов создания языкового и текстового образа [5]. Такое широкое исследовательское поле имагологии актуализирует ценностную составляющую образа, которая варьируется в зависимости от аксиологических приоритетов той культуры, в которой функционирует имагологическая репрезентация страны.

В.С. Буянов указывает на цивилизационно-ментальные отличия России и Запада, Востока, Европы и Азии [6]. Действительно, Россия — это уникальное государство-цивилизация, которая развивается по своему пути, отличному от восточной или западной цивилизации. Такая самобытность России и российской культуры способствует тому, что образ нашей страны в иноязычных дискурсах будет конструироваться и интерпретироваться на фоне широкого историко-культурного и геополитического контекста.

Лингвисты неоднократно обращались к изучению образа России, а проведенные исследования условно можно разделить на три группы согласно трехмерному пространству, в котором происходит самоидентификация нашей страны. Первую группу составляют труды, в которых анализируется репрезентация образа России в славянских странах. Так, например, М.С. Ващенко обращается к изучению публицистики хорватского общественно-политического деятеля Анте Старчевича [7]. Т. Дрознина и И. Мавродиева описывают репрезентацию образа России в средствах массовой информации Болгарии [8]. З. Кунич, Н. Панасенко и В.Л. Музыкант в качестве материала для изучения имиджа России используют медиаплатформы Сербии [9]. Следует отметить, что подобные исследования не столь многочисленны. Возможно, это объясняется общностью исторических корней и культур России и других славянских стран, что делает дискурс славянских стран о России более гармоничным в противовес западному нарративу, отражающему главную черту политической коммуникации, — противостояние и антагонизм.

Во вторую группу имагологических исследований как раз и входят труды отечественных ученых, посвященные анализу репрезентации образа России в дискурсе западного мира: Франции [10], Великобритании [11], Испании [12], Германии [13], США [14]. В указанных работах авторы обращаются к изучению метафорического образа России в контексте политических событий, подвергают тщательному анализу стереотипы о России и других странах в диахронии и синхронии, указывают на дискретный характер образа России в зарубежной прессе, рассматривают отдельные типы метафор в трансформации представлений о нашей стране. Обратим внимание на то, что в данной группе работ указаны лишь труды отечественных лингвистов, так как западные ученые в своих исследованиях образа России не всегда свободны от идеологических и геополитических предрассудков.

Наконец, третья группа работ ученых из России и дружественных государств представлена анализом образа нашей страны в восточном дискурсе: Китая [15–17], Индии [18], Сирии [19], Вьетнама [20], Монголии [21], Республики Корея [22]. При изучении образа России в этих странах исследователи не только обращаются к современному этапу репрезентации образа нашей страны, но и привлекают к анализу широкий исторический контекст, что является важным для понимания трансформации этого образа в контексте исторических перемен и процессов модернизации в указанных государствах. Важно отметить, что исследователи в качестве материала для анализа не только используют средства массовой информации, но и анализируют то, как реконструируется образ России в обыденном языковом сознании, что является еще одним надежным и валидным инструментом имагологических исследований.

Как видно из приведенного анализа и как уже указывалось выше, образ России пока не изучался в южноафриканском медиадискурсе, а исследования

подобного рода являются востребованными и актуальными на современном этапе международного развития. Актуальность обусловлена рядом причин, среди которых крепкие политические и дипломатические отношения РФ и ЮАР (в том числе и в рамках БРИКС); развитый характер южноафриканского медиаландшафта; способность СМИ не только отражать, но и формировать информационную повестку дня.

Материал и методы исследования, предварительные результаты

Источником материала для исследования послужил корпус NOW (News on the Web).¹ Для формирования иллюстративного подкорпуса в поисковом менеджере были заданы следующие параметры: ключевое слово — Russia (Россия), страна — Южная Африка (South Africa), период — 2011–2024. Нижняя граница хронологических рамок совпадает с годом включения Южно-Африканской Республики в объединение БРИКС. Выборка составляет 11750 статей, опубликованных в ведущих изданиях Южной Африки: African Brains, Cape Talk, Daily Maverick, Dispatch Live, Independent online, IOL, South Africa.info, Mail & Guardian, Rand Daily Mail, R News, Times Live и др.

На следующем этапе на платформе корпуса NOW сформирован виртуальный подкорпус, в который включены первые 1000 текстов (553617 слов), отсортированных по релевантности (рис. 1).

RUSSIA (SOUTH AFRICA) (RENAME) DELETE ADD TO MOVE TO --SELECT-- (SEE ALL VIRTUAL CORPORA) SHARE LIST ?					
HELP	☐ 1000	DATE	COUNTRY	WEBSITE	TITLE
1	☐	10-05-04	South Africa	South Africa.info	Russian investment bank expands in SA
2	☐	11-07-24	South Africa	Times LIVE	Russian tennis star Maria Sharapova arrives at the....
3	☐	11-08-25	South Africa	Times LIVE	Metro: Last Light shows Russian underground
4	☐	11-10-09	South Africa	University World News	RUSSIA: Modernising the higher education system
5	☐	11-12-17	South Africa	Independent Online	Playboy playmate becomes Russian MP
6	☐	12-02-27	South Africa	Independent Online	Asteroid heading for Earth? Russia's got it covered....
7	☐	12-02-28	South Africa	Independent Online	Marussia F1 car fails crash test
8	☐	12-03-02	South Africa	Independent Online	'Russian' linked to extortion racket
9	☐	12-03-02	South Africa	Independent Online	Russian a danger to society, court told
10	☐	12-03-09	South Africa	Independent Online	Burger 'has ties to the Russian'

Рис. 1. Фрагмент виртуального подкорпуса (NOW)
Источник: составлено О.А. Солоповой и Н.Н. Кошкаровой.

Fig. 1. Fragment of virtual subcorpus (NOW)
Source: compiled by Olga A. Solopova, Natalia N. Koshkarova.

Опции специализированной поисковой системы, которой оснащен корпус NOW для обработки материала, в настоящее время не доступны российскому пользователю в полном объеме; в настоящий момент доступные для российского пользователя инструменты включают только списки частотности

¹ NOW (News on the Web) [Electronic resource]. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 08.05.2024).

(существительных, глаголов, прилагательных, наречий и др.), которые компилируются для созданного виртуального подкорпуса. Поэтому на следующем этапе для фиксации N-gram, коллокаций, тематических кластеров и анализа собранного массива данных привлечен программно-аналитический комплекс «Концептоскоп» (рис. 2), базирующийся на графовой нейросети «Graph SVO Model» [24].

Russia		development bank	ru	south africa	109
0	1	new development	ru	brazil russia	63
south	1.558	new global	ru	russia india	59
africa	1.381	global players	ru	india china	54
brics	0.824	new ways	ru	china south	45
russia	0.686	south african	ru	brics brazil	42
countries	0.529	russia india	ru	russia china	13
china	0.478	india china	ru	nuclear deal	13
zuma	0.45	brazil russia	ru	brics summit	11
new	0.45	new ways	ru	development bank	11
country	0.442				
india	0.43				

Рис. 2. Фрагменты списка частотности, коллокаций, кластеров (Концептоскоп)
Источник: составлено О.А. Солоповой и Н.Н. Кошкаровой.

Fig. 2. Fragment of the frequency, collocations and cluster lists (Conceptoscope)
Source: compiled by Olga A. Solopova, Natalia N. Koshkarova.

Разработчики программного обеспечения [23; 24] указывают, что конструирование «семантического ядра дискурсивного поля» основано на грамматике зависимостей [25] и теории ядерных синтаксических структур [26]. Результатирующей процедурой данного программно-аналитического комплекса является графовая визуализация тематических кластеров и характера распределения тематик «дискурсивного поля» Russia (рис. 3).

С помощью программы визуализации данных Gephi² данные иллюстративного корпуса представлены в виде ориентированных графов, анализ которых позволяет выявить в дискурсивном поле Russia семантические ядра, определить доминирующие тематики и семантические роли акторов. Градация цветовой гаммы — от темной к более светлой — указывает на центральные (например, Africa, Russia, BRICS и др.) и периферийные (например, Putin, Modi, Jingping, developing и др.) узлы / семантические ядра и связи дискурсивного поля. Инструменты графического приложения Gephi позволяют выявить те структурные закономерности, которые остаются скрытыми от исследователя; визуальное представление дискурсивных полей — это удобный и надежный инструмент получения достоверных сведений, которые затем подвергаются лингвистической интерпретации и анализу (рис. 3).

² The Open Graph Viz Platform [Electronic resource]. Режим доступа: <https://www.gephi.org> (дата обращения: 21.05.2024).

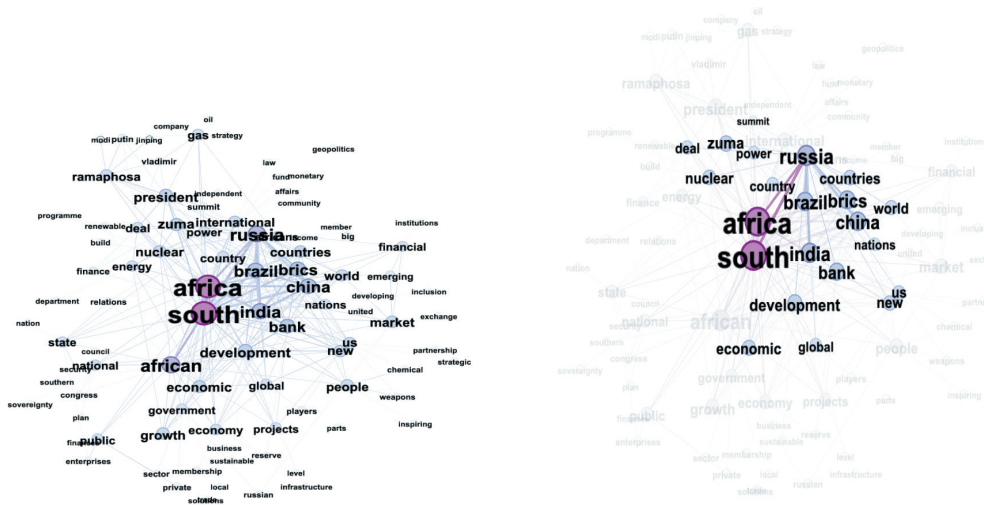


Рис. 3. Аналитическая графовая визуализация дискурсивного поля Russia в медиадискурсе ЮАР
Источник: составлено О.А. Солоповой и Н.Н. Кошкаровой.

Fig. 3. Analytic graphic visualization of discourse field Russia in SA media discourse
Source: compiled by Olga A. Solopova, Natalia N. Koshkarova.

Полученные таким образом данные позволяют определить базовые тематические фреймы, в рамках которых концептуализируется Россия в медиадискурсе Южной Африки. Теория фрейминга предоставляет ученому возможность социально-лингвистической интерпретации анализируемых явлений (об этом см., например, [2–31]), «проследить корреляцию между общественной, политической и медийной повестками» [32]. Положения теории фрейминга созвучны имагологическому вектору настоящего исследования, так как позволяют дифференцировать образ той или иной страны, формируемый иноязычными СМИ, и стереотипы о другой культуре, существующие в индивидуальном и массовом сознании. Однако идентификация фреймов не является однозначной процедурой, поскольку отсутствуют четкие критерии для их определения. К существующим критериям обычно относят следующие: наличие устойчивых концептуальных и лингвистических характеристик, частотное использование в журналистской практике, наличие дифференциальных признаков, отличающих один фрейм от другого, репрезентативность и достоверность [32. С. 5], что не исключает определенной доли субъективности исследователя и влияния личностного контекста на полученный результат. Именно поэтому использование инструментов корпусной и компьютерной лингвистики может повысить объективность полученных данных.

Классификация фреймов возможна на различных идентификационных критериях. В настоящем исследовании мы выделяем диагностические и прогностические фреймы с точки зрения функционально-прагматической цели анализируемых материалов. Диагностические

фреймы устанавливают причинно-следственные связи и позволяют обозначить тот круг социально-политических вопросов, которые нуждаются в тщательном изучении и описании с точки зрения различных научных направлений. При анализе таких фреймов исследователь помещает рассматриваемое явление в широкий экстрадискурсивный контекст для выявления следующих факторов: генезис ситуации, участники описываемых событий, потенциал и ресурсы внутренних и внешних акторов в контексте изучаемых процессов. Такой анализ предоставляет ученому возможность транслировать положения теории фреймов на описание реальных событий текущего момента. Репрезентация событий в этом типе фреймов осуществляется при помощи широкого арсенала языковых средств: лексических, синтаксических, риторических и др.

Прогностические фреймы связаны с перспективами развития ситуации, возможного решения текущих проблем, поднятых в СМИ, и находятся в тесной взаимосвязи с целеполаганием и планированием. По сути, они выступают продолжением тенденций, обусловленных прошлым и существующих в настоящем, поэтому демаркационная линия между диагностическим и прогностическим фреймами весьма условна. К маркерам прогностического фрейма можно отнести собственно языковые (лексические, грамматические, лексико-грамматические), контекстуальные и концептуальные средства передачи значения будущего. Ключевыми компонентами во фрейме данного типа выступают прогнозные оценки последствий тех или иных шагов, намечаемых политическими партиями или правительством, как правило, представленные в редуцированном виде двумя «предельными» альтернативами: мелиоративной и пейоративной. В ходе анализа выявлены диагностические фреймы: «партнерство», «новшество», «российско-украинский конфликт» и прогностические фреймы: «прогресс» и «деградация».

Для изучения метафорических единиц, активизирующих тот или иной фрейм, помимо выявленных частотных лексем, коллокаций и тематических кластеров, используется метод метафорического моделирования [33–35], предполагающий рассмотрение сферы-источника, сферы-мишени метафоризации, смыслов, продуцируемых метафорами, их прагматического потенциала.

Метафоры позволяют соотнести образы, функционирующие в пространстве иноязычных СМИ, с уже известными целевой аудитории реалиями, что усиливает перлокутивный эффект продуцируемого журналистами контента. Когнитивно-дискурсивный анализ привлекается для объяснения связей лингвистических явлений, выявленных на всех уровнях анализа, с экстрадискурсивными факторами: культурным, политическим, историческим контекстом. Опора на историко-культурный макро- и микроконтекст дает исследователю возможность редуцировать стереотипный

компонент при восприятии той или иной страны в иноязычным дискурсе и сосредоточиться на анализе текстовой актуализации создаваемого и транслируемого образа. В следующем разделе представлено обсуждение результатов анализа диагностического фрейма «партнерство», доминантного для медиадискурса ЮАР о России, и двух прогностических субфреймов, которые реализуются в его рамках.

Обсуждение

Самым частотным фреймом, в рамках которого читателю подается информация о России в медиадискурсе ЮАР, выступает фрейм «партнерство», который актуализируют лексические единицы и сочетания со значениями сотрудничества, взаимопомощи, совместной деятельности и равенства сторон, что выявлено на этапах анализа списков частотности, коллокаций и тематических кластеров: *BRICS partners* ‘партнеры по БРИКС’, *BRICS friends* ‘друзья’, *BRICS buddies* ‘друзья по БРИКС’, *fellow countries* ‘братские страны’, *BRICS cooperation* ‘сотрудничество БРИКС’, *intra-BRICS cooperation* ‘сотрудничество внутри БРИКС’, *ally* ‘союзник’, *ideological alliance* ‘идеологический альянс’, *strategic partnership* ‘стратегическое партнерство’, *big boys’ club* ‘клуб больших мальчиков’ и др. На графике, представленном на рис. 3, видно, что основными акторами выступают государства, входящие в альянс БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), президент России Владимир Путин, бывший президент ЮАР Джейкоб Зума и нынешний президент ЮАР Сирил Рамафоса.

Идея партнерства заложена уже в самой сути неформального объединения БРИКС, так как структурно данный сетевой формат отличается от союзов и альянсов, характеризующихся внешней направленностью, часто постулирующих идею гегемонии одного государства-члена подобного объединения, выступающих против многостороннего развития отношений между государствами. Характерной особенностью партнерства, реализуемого в рамках БРИКС, является его трансрегиональный характер, так как страны-участницы объединения расположены на разных континентах. Такое многофакторное равновесие актуализуется в образе России как союзнике Южной Африки, которая кардинальным образом отличается в географическом, климатическом, политическом и экономическом аспектах от других стран-членов БРИКС.

(1) *South Africa is Russia's ally in BRICS, but lives in a different world* (IOL, June 26, 2016).

ЮАР, равно как и Россия, занимает особое место на мировой политической арене: у двух стран есть общее прошлое, давняя дружба с одними государствами и одновременно старые обиды и вновь возникшие противоречия с другими. В южноафриканской прессе образ России актуализируется

через общего союзника и важного политического игрока для Южной Африки и нашей страны — КНР (здесь следует отметить, что именно Китай инициировал присоединение ЮАР к БРИКС в 2011 г.). С другой стороны, ЮАР пытается сохранить хорошие отношения с европейскими странами, США и Великобританией, так называемыми «партнерами» России. Такая амбивалентность конструирует образ России как союзника ЮАР только в рамках БРИКС без упоминания разногласий нашей страны с теми странами Европы и с США, которых Южная Африка рассматривает как своих партнеров:

(2) *We're in the BRICS club with Russia and China on the one hand and, of course, we still consider Europe, America and the UK strong allies on the other* (BizNews, November 1, 2022).

Образ России в анализируемом материале не всегда представлен эксплицитно через описание специфических характеристик России. В имагологических эмпириках образ одной страны часто конструируется опосредованно: через репрезентацию образа другой страны (Южной Африки, государств-партнеров и оппонентов) и (или) межгосударственных взаимоотношений. Находим подтверждение сказанному в проанализированном материале:

(3) *In the first place we have our governing party subscribing to democracy and human rights. Here it evinces a noble ethos. However, we also have the same party avowing **friendship with our BRICS partners Russia and China** <...> Finally, *mirabile dictu*, we have these two powerful nations treating the Western concepts of democracy and human rights as not appropriate for them* (Business Live, 04.03.2023).

В данном примере Россия представлена как союзник ЮАР в защите демократических прав и свобод человека — общечеловеческих ценностей, которые разделяет большинство населения планеты, особенно в странах-членах БРИКС. Одновременно с этим Россия репрезентируется как страна, для которой не приемлемы западные либеральные ценности.

Южная Африка видит крепкого и надежного союзника в лице не только России, но и Китая, с которым ЮАР связывают отношения всеобъемлющего стратегического партнерства. Для Китая ЮАР — это своеобразные «ворота» в Африку, а Китай для Южной Африки — мощный драйвер экономического и технологического развития. Безусловно, российское экономическое присутствие в Африке по своим масштабам не может конкурировать с Китаем, но геополитическое влияние двух стран в регионе в целом и в ЮАР в частности имеет высокий уровень для обеих стран, что отражается на масс-медийном образе России:

(4) *The fifth driver is a misplaced notion that not only has there been a shift of global power eastward and towards other emerging countries, as represented by the Brics (Brazil, Russia, India, China and South Africa), but that China, principally, and Russia **will now cover South Africa's political back*** (Mail & Guardian, 9.02.2011).

Однако партнерство, особенно в межгосударственных взаимоотношениях, — это не просто гипотетический конструкт: отношения двух стран всегда персонализированы, а образ страны в иноязычном медиадискурсе безусловно репрезентирован через ее лидера. Не является исключением и анализируемый материал. Южноафриканские СМИ уделяют достаточное внимание личности российского президента, его роли в установлении добрососедских отношений между Южно-Африканской Республикой и Россией как непосредственно, так и в рамках БРИКС:

(5) *Forget, for a moment, though, that South Africa was already firmly in the Russian camp before the G20 summit, not only through their joint membership of Brics but also because of what seems to be a growing affinity between the Russian and South African governments and between **Zuma and the strongman Putin in particular*** (IOL, 13.09.2013).

Однако в отношениях ЮАР и России по-прежнему наблюдается дисбаланс политических и экономических сил, что стало наиболее очевидно после 2022 г. С одной стороны, Южная Африка занимает нейтральную позицию по украинскому вопросу, с другой стороны, лидеры республики не раз высказывали мнение о том, что только прямые переговоры между Россией и Украиной приведут к разрешению кризиса. Такая двойственная позиция ЮАР находит отражение и в южноафриканском масс-медийном дискурсе:

(6) *From a moral standpoint, South Africa **ought to have already condemned Russia's actions in Ukraine**. However, morality and foreign policy seldom meet as many of the same countries that have condemned Russia's attacks on Ukrainian civilians are silent when their strategic allies commit almost the exact same crimes. Moral hypocrisy in matters of conventional wars is nothing new and has been a perennial aspect of international relations since the advent of diplomacy* (Mail & Guardian, 23.09.2022).

Идеи единства усилий и взаимодействия между РФ и ЮАР поддерживаются метафорами сферы-источника «взаимоотношения»: *fellow BRICS states* ‘товарищи по БРИКС’, *our friends* ‘наши друзья’, *chosen friends in BRICS* ‘избранные друзья в БРИКС’, *our BRICS buddies* ‘приятели по БРИКС’, *South Africa's ties with the BRICS nations* ‘связи Южной Африки со странами БРИКС’, *close ties with Russia and China through BRICS* ‘тесные связи с Россией и Китаем в рамках БРИКС’ и др.:

(7) *What **company is South Africa keeping in the world? We are in the company of some of our chosen friends in BRICS — Brazil, Russia, India and China*** (Tech Financials, 26.07.16).

Показательно и закономерно в рамках фрейма «партнерство» частотное включение в контекст репрезентации отношений государств языковых единиц со значением совместности и общности, включающих существительные, глаголы, наречия, местоимения, предлоги, для акцентирования смыслов

единения и принадлежности к группе³: *cooperation, collaboration, partnership, unity, union; cooperate, collaborate, combine, join, share, unite; close, collectively, in concert, jointly, mutually, together; we, us, our; with*:

(8) *Russia stands for strengthening the BRICS countries' **partnership** in politics, the economy, culture and other areas. **We** are ready to continue **working jointly** with **our** colleagues to promote democracy and to strengthen the healthy elements of international relations based firmly on international law* (Daily Maverick, 14.08.2017).

В рамках фрейма «партнерство» в медиадискурсе ЮАР реализуются два прогностических субфрейма, репрезентированные доминирующими вариантами будущего: «прогресс» и «деградация». Перспективы сотрудничества России и Южно-Африканской Республики прежде всего связаны со взаимодействием двух государств в рамках международной экономической организации БРИКС, которая рассматривается не только как основной импульс в развитии двусторонних отношений, но и как важная платформа для укрепления солидарности стран глобального Юга. Будущее неразрывно связано с БРИКС; сам блок олицетворяет будущее международных отношений и мировой политики:

(9) *BRICS has become a welcome breath of fresh air. **BRICS is the future*** (Sunday Independent, 16.06.2024).

В русле положительного прогностического фрейма БРИКС концептуализируется как конструктивная сила, которая и в дальнейшем будет содействовать укреплению взаимовыгодного прогностического сотрудничества стран-участниц, совершенствованию глобального управления, продвижению демократизации международных отношений и росту мировой экономики. В приведенном контексте (10) направленность в будущее задается модальным глаголом *should* в значении ожидаемого (действия), которое произойдет с определенной долей вероятности, сопричастность, работа, сопряженная с преданностью организации, общему делу и достижением общей цели (благом всего человечества) — притяжательным местоимением первого лица множественного числа и предлогом *so* с значением совместного действия:

(10) *Russia is with SA in the BRICS, this platform should also be our channel for global good* (News 24, 20.09.2013).

Положительные прогнозы взаимовыгодного сотрудничества двух государств акцентируются стертыми ориентационными метафорами, представленными глагольными лексемами и отглагольными существительными с семантикой «расширения, повышения, углубления»: *deepen, enhance, enlarge, expand, extend, forge, heighten, intensify, strengthen* и др. Вполне закономерно, что в рамках данного прогностического субфрейма наиболее востребованы

³ В качестве иллюстративных примеров приводятся единицы, включенные в списки частотности, полученные в ходе обработки корпусным менеджером NOW.

метафоры сферы-источника «путь», поскольку прогресс подразумевает поступательное движение вперед:

(11) *We are already working on **enhancing** our media cooperation and collaboration with the member states in BRICS, especially Russia, so that our media houses can share content and technologies to reflect the achievements of the grouping, which is **marching towards** shared prosperity* (Daily Maverick, 19.05.2016).

В контексте (12) метафоры пути моделируют образ российско-южноафриканских отношений и заинтересованность российской стороны в сотрудничестве: *a two-way street* ‘улица с двусторонним движением’ предполагает уважение к партнеру, учет интересов союзной силы, выполнение взятых на себя обязательств, выгодный для всех участников альянс. Прогностический фрейм реализуется за счет включения в контекст единиц *catch up* ‘догонять’, *springboard* ‘трамплин’, репрезентирующих «скорость» развития отношений между государствами: Южной Африкой и РФ, блока БРИКС в целом, притягивающего все больше экономистов, стремительные достижения Россией новых целей и высот и усилия государства, в том числе по объединению сторонников, которые разделяют принципиальные установки, лежащие в основе деятельности организации (примером могут служить Египет и Эфиопия, вошедшие в БРИКС в 2024 г.):

(13) *There is political will in Russia to forge closer relations with Africa, but Africa should also reciprocate. Many things depend not only on our politics or Kremlin politics, **it's a two-way street**. We see a willingness from the partners **to catch up** and to seek new opportunities for mutually beneficial co-operation for partnership. South Africa is one of those partners by virtue of being part of the BRICS bloc, which also offers Russia a **springboard** to the rest of the African continent* (Mail & Guardian, 21.05.2021).

В рамках негативного прогностического фрейма «деградация» те же идеи получают критическую интерпретацию и оформляются метафорами с отрицательным оценочным потенциалом:

(12) *The perfect time for BRICS to rethink collaboration. Today **BRICS is a pitiful caricature of what was once an emancipatory project*** (Times Live, 26.09.2021);

(14) *Russia sees SA as prey* (Daily Maverick, 08.10.2018).

Наличие негативного прогностического фрейма в медиадискурсе ЮАР вполне логично, поскольку задача любого прогноза состоит в определении оптимального пути к достижению поставленной цели. Это означает обратную экстраполяцию тенденций из условного будущего в настоящее для выявления альтернативных путей достижения наилучшего варианта. Одна из альтернатив всегда представлена негативным вариантом развития событий, учитывающим все или большинство имеющихся рисков.

Заключение

Проведенный в настоящем исследовании анализ фреймовой и метафорической репрезентации образа России в южноафриканском масс-медийном дискурсе подтверждает востребованность в лингвистических исследованиях инструментов и технологий смежных наук: программное обеспечение, сетевой анализ, графовая визуализация. Применение такого комплекса методов и методик, во-первых, дает возможность лингвисту изучить и описать наблюдаемые явления не постфактум, а в момент функционирования в рамках того или иного социально-культурного сообщества; во-вторых, ученый имеет в руках инструмент выявления закономерностей, детерминированных широким историческим и экстралингвистическим контекстом; наконец, визуальное представление облегчает процесс восприятия языковых данных. Преимущества указанных инструментов наиболее ощутимы при моделировании такого сложного конструкта как образ того или иного государства в иноязычном дискурсе.

Образ России был подробно изучен при его формировании и трансляции в дискурсе славянских, западных и восточных стран, но лингвисты не обращались к анализу функционирования образа нашей страны в южноафриканских средствах массовой информации. Однако совместная деятельность двух государств в рамках БРИКС является дополнительным импульсом к проведению такого рода изысканий. Южная Африка — самобытная и уникальная страна, политическое и торгово-экономическое сотрудничество с которой зависит не только от государственных лидеров, но и от представителей четвертой власти, которые в современном мире формируют информационную повестку дня.

Теория фрейминга позволяет изучить и представить влияние СМИ на общество. В настоящем исследовании выделены диагностические и прогностические фреймы, которые отличаются по целям и используемым средствам для представления реальной или прогнозируемой ситуации. Прагматический потенциал масс-медийных текстов при репрезентации образа России в южноафриканских СМИ изучен с привлечением теории метафорического моделирования и когнитивно-дискурсивного анализа. В проанализированном материале описаны самые частотные фреймы: диагностический фрейм «партнерство» и два прогностических субфрейма «прогресс» и «деградация». Диагностический фрейм «партнерство» представлен лексическими единицами с значениями сотрудничества и совместности, а также метафорами со сферой-источником «взаимоотношения». Прогностический субфрейм «прогресс» репрезентирован лексическими единицами с семантикой расширения, повышения, углубления и метафорами со сферой-источником «путь», так как прогресс всегда синонимичен поступательному движению вперед. Прогностический субфрейм «деградация» оформлен в анализируемом материале метафорами с отрицательным прагматическим потенциалом.

Проведенное исследование фреймовой и метафорической репрезентации образа России в южноафриканском масс-медийном дискурсе позволило выявить отличительную особенность конструирования представления о нашей стране: в средствах массовой информации ЮАР образ России преимущественно описан не непосредственно через представление конкретных фактов и событий, происходящих в России, а через межгосударственные отношения и деятельность нашей страны в рамках БРИКС. Такой факт вполне объясним: для Южно-Африканской Республики объединение БРИКС является новой вехой во внутри- и внешнеполитическом развитии страны, и именно этот вектор является доминирующим в восприятии остального мира. Лингвистическое изучение образа России зависит от точной настройки исследовательской оптики и должно проводиться с опорой на исторические события и реалии сегодняшнего дня. К возможным перспективам исследования мы относим анализ других диагностических и прогностических фреймов в масс-медийном дискурсе и официальном дискурсе ЮАР, сопоставительное изучение этих двух типов институциональной коммуникации с целью выявления общих и уникальных черт представления образа России.

Список литературы

1. *Игнатов А.А.* Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше новых механизмов и меньше конкретных решений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 89–99. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99> EDN: UNCERJ
2. *Штильмарк Р.А.* Образы России. М. : Молодая гвардия, 1967.
3. *Земсков В.Б.* Образ России в современном мире и иные сюжеты. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015.
4. Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты: коллективная монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2019. EDN: CJJWNQ
5. *Шестак Л.А.* Образы: когнитивный механизм, поэтика, семиосфера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 51–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63> EDN: EWFLKE
6. *Буянов В.С.* Очерки о России: власть, политика, идентичность. М. : МАКС Пресс, 2020. EDN: DTAJSY
7. *Ващенко М.С.* Образ России в публицистике Анте Старчевича // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М. : Институт славяноведения РАН, 2012. С. 50–61. EDN: QKTQTS
8. *Дрознина Т., Мавродиева И.* Образ России в средствах массовой информации Болгарии // Вестник Евразии. 2008. № 1. С. 52–74. EDN: JZBYBJ
9. *Кунич З., Музыкант В.Л., Панасенко Н.* Особенности формирования имиджа России на медиаплатформах Сербии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 171–188. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-171-188> EDN: UCPAYY
10. *Зарипов Р.И.* Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе. М. : Р. Валент, 2016. EDN: WGZAXX

11. Громыко А.А. Образы России и Великобритании. М. : Ин-т Европы РАН, Русский сувенир, 2008.
12. Черкасова Е.Г. Образ России в Испании и российско-испанские отношения на современном этапе // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 2. С. 177–197. EDN: TUDMUF
13. Колесова Е.В., Голоусова Е.С. Образ России в немецких СМИ // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 4. С. 50–61. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.4.065> EDN: KGVGTM
14. Solopova O.A., Nilsen D., Nilsen A. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2023. № 27(3). P. 521–542. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048> EDN: LDUKRP
15. Тен Н. От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010). М. : Новое литературное обозрение, 2016.
16. Жэнь Ж. «Боевая нация» — национальный образ России в Китае // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 127–132. <https://doi.org/10.31857/S013216250026590-2>
17. Кошкарлова Н.Н., Мукушев И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 3(87). С. 87–100. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_08 EDN: VNLVGT
18. Загородникова Т.Н., Кашин В.П., Шаумян Т.Л. Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. М. : Наука, 2011.
19. Сулейман Р.А. Медиаобраз России в информационных программах сирийского телевидения // Наука и школа. 2024. № 2. С. 51–63. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-2-51-63> EDN: QAWXGG
20. Грабельников А.А., Нгуен Тхи Зу. Образ России во вьетнамских сетевых СМИ // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 114–127. EDN: ZGZKRV
21. Норовсамбуу Хишигт. Образ России и россиян в Монголии: историческая память и современность // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 5(33). С. 11–20. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-11-20> EDN: RQIRLF
22. Цецхладзе Л.Т. Образ России в корейских СМИ (на примере информационного агентства «Йонхап») // Медиасреда. 2017. № 12. С. 296–302. EDN: ZGIFUF
23. Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Малышева О.П., Катермина В.В. Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г.? // Политическая наука. 2021. № 4. С. 135–160. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.06> EDN: NRM MID
24. Рябченко Н.А., Малышева О.П. Кросс-региональный анализ настроений пользователей сетевых сообществ ВКонтакте «Типичный Краснодар» и «Типичный Кемерово» // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 4. С. 215–220. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2022-1-4-215-220> EDN: GBQCLL
25. Tesnière L. Elements of structural syntax. Amsterdam & Philadelphia, PA : John Benjamins, 2015.
26. Chomsky N., Lightfoot D.W. Syntactic Structures. Berlin. New York : Mouton de Gruyter, 2002.
27. Godefroidt A., Berbers A., d’Haenens L. What’s in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles. The International Communication Gazette. 2016. Vol. 78. № 8. P. 777–801. <https://doi.org/10.1177/1748048516640482>
28. Solopova O.A., Kushneruk S.L. War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse. Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. P. 723–745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745> EDN: NWGBAL
29. Teun A. van Dijk. Text and Context Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London : Longman, 1977.

30. Baldwin van Gorp. Where is the frame? Victims and intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. *European Journal of Communication*. 2005. Vol. 20. № 4. P. 484–507. <https://doi.org/10.1080/02703149.2011.591676>
31. Ireri K., Chege N., Kibarabara J., Don Bosco O. Frame analysis: Newspaper coverage of Kenya's oil exploration in the post-2012 discovery era // *African Journalism Studies*. 2019. Vol. 40. № 2. P. 34–50. <https://doi.org/10.1080/23743670.2019.1635035>
32. Филаткина Г.С., Вьюгина Д.М., Бабына Д.А. Установление повестки дня и теория фрейминга: обзор романо-германских исследований // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11. № 3. С. 473–488. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\)EDN: AFODUT](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3)EDN: AFODUT)
33. Солопова О.А., Чудинов А.П. Методология диахронического исследования метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование // *Вестник Московского государственного университета. Филология*. 2021. № 2. С. 49–59. EDN: UIVVEQ
34. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны) // *Научный диалог*. 2021. № 4. С. 148–167. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-148-167> EDN: LPFHZK
35. Zibin A., Solopova O.A. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28. № 1. P. 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837> EDN: LRWDXE

References

1. Ignatov, A.A. (2019). BRICS Summit in Johannesburg: More Instruments and Fewer Decisions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(1), 89–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99> EDN: UNCERJ
2. Shtilmark, R.A. (1967). *Images of Russia*. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russ.).
3. Zemskov, V.B. (2015). *The image of Russia in the modern world and other topics*. Moscow; Saint Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives; Gnosis. (In Russ.).
4. The image of Russia in international educational discourse: linguocognitive and linguodidactic aspects (2019). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ. (In Russ.). EDN: CJJWNQ
5. Shestak, L.A. (2024). Images: Cognitive Mechanism, Poetics, Semiosphere. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 51–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63> (In Russ.). EDN: EWFLKE
6. Buyanov, V.S. (2020). *Essays about Russia: power, politics, identity*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.). EDN: DTAJSY
7. Vashchenko, M.S. (2012). The image of Russia in the journalism of Ante Starchevich. In: Bogolyubov G.V. et al. (eds.), *The Slavic world in the third millennium. The image of Russia in Slavic countries* (pp. 50–61). Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences publ. (In Russ.). EDN: QKTQTS
8. Droznina, T., & Mavrodieva, I. (2008). The image of Russia in Bulgarian media. *Acta Eurasica*, (1), 52–74. (In Russ.). EDN: JZBYBJ
9. Kunich, Z., Muzykant, V.L., & Panasenko, N. (2022). Formational features of the image of Russia on the Serbian Media Platforms. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 171–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-171-188> EDN: UCPAYY
10. Zaripov, R.I. (2016). *Russia's Image Metaphorical Modeling in French Modern Political Discourse*. Moscow: R. Valent. (In Russ.). EDN: WGZAXX
11. Gromyko, A.A. (2008). *Images of Russia and Great Britain*. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russian Souvenir. (In Russ.).
12. Cherkasova, E.G. (2015). The image of Russia in Spain and Russian-Spanish relations at the present time. *Current Problems of Europe*, (2), 177–197. (In Russ.). EDN: TUDMUF

13. Kolesova, E.V., & Golousova, E.S. (2023). The image of Russia in the German media (Following the Example Deutsche Welle, Der Spiegel, Die Zeit). *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 29(4), 50–61. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.4.065> (In Russ.). EDN: KGVGTM
14. Solopova, O.A., Nilsen, D., & Nilsen, A. (2023). The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 27(3), 521–542. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048> EDN: LDUKRP
15. Ten, N. (2016). *From Pushkin to Putin: The image of Russia in modern China (1991–2010)*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.).
16. Ren, R. (2023). “Fighting nation” — national image of Russia in China. *Sociological Studies*, (7), 127–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013216250026590-2>
17. Koshkarova, N.N., & Mukushev, I.O. (2021). Russia’s image in Chinese mass-media. *Political Linguistics*, 3(87), 87–100. (In Russ.). (In Russ.). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_08 EDN: VNLVGT
18. Zagorodnikova, T.N., Kashin, V.P., & Shaumjan, T.L. (2011). *The image of Russia in the public consciousness of India: past and present*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
19. Suleiman, R.A. (2024). Media image of Russia in information programs of Syrian television. *Nauka i shkola*, (2), 51–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-2-51-63> EDN: QAWXGG
20. Grabelnikov, A.A., & Nguen, Thi Ziu. (2017). Image of Russia in Web media of Vietnam. *Social and humanitarian knowledge*, (8), 114–127. (In Russ.). EDN: ZGZKRV
21. Norovsambuu, Hishigt (2017). Images of Russia and Russians in Mongolia: historical memory and modernity. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN*, 10 (5(33)), 11–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-11-20> EDN: RQIRLF
22. Cechladze, L.T. (2017). The image of Russia in the Korean media (on the example of the Yonhap news agency). *Mediasreda*, (12), 296–302. (In Russ.). EDN: ZGIFUF
23. Ryabchenko, N.A., Gnedash, A.A., Malysheva, O.P. & Katermina, V.V. (2021). Managing political content in the online space of modern states: How twitter prevented D. Trump from winning the 2020 presidential election? *Political Science*, (4), 135–160. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06> (In Russ.). EDN: NRMMD
24. Ryabchenko, N.A., & Malysheva, O.P. (2022). Cross-regional sentiment analysis of VKontakte communities: Typical Krasnodar vs. typical Kemerovo. *Virtual Communication and Social Networks*, 1(4), 215–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2022-1-4-215-220> EDN: GBQCLL
25. Tesnière, L. (2015). *Elements of structural syntax*. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins.
26. Chomsky, N. & Lightfoot, D.W. (2002). *Syntactic Structures*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
27. Godefroidt, A., Berbers, A., & d’Haenens, L. (2016). What’s in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles. *The International Communication Gazette*, 78(8), 777–801. <https://doi.org/10.1177/1748048516640482>
28. Solopova, O.A., & Kushneruk, S.L. (2021). War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 723–745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745> EDN: NWGBAL
29. Dijk, T.A. van (1977). *Text and context exploration in the semantics and pragmatics of discourse*. London: Longman.
30. van Gorp, B. (2005). Where is the frame? Victims and intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. *European Journal of Communication*, 20(4), 484–507. <https://doi.org/10.1080/02703149.2011.591676>
31. Ireri, K., Chege, N., Kibarabara, J., & Don Bosco, O. (2019). Frame analysis: Newspaper coverage of Kenya’s oil exploration in the post-2012 discovery era. *African Journalism Studies*, 40(2), 34–50. <https://doi.org/10.1080/23743670.2019.1635035>

32. Filatkina, G.S., V'jugina, D.M., & Babyna, D.A. (2022). Agenda setting and framing theory: the review of Romano-Germanic Studies. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 11(3), 473–488. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\)](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3)) EDN: AFODUT
33. Solopova, O.A., & Chudinov, A.P. (2021). Methodology of diachronic metaphor research in the digital age: practical experience. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, (2), 49–59. (In Russ.). EDN: UIVVEQ
34. Solopova, O.A., & Koshkarova, N.N. (2021). Religion as Source Domain of Metaphors in World War II Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, (4), 148–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-148-167> EDN: LPFHZK
35. Zibin, A., & Solopova, O.A. (2024). Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 28(1), 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837> EDN: LRWDXE

Сведения об авторах:

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76); *сфера научных интересов*: лингвополитическая прогностика, метафорология, дискурсология, диахроническая лингвистика; *e-mail*: o-solopova@bk.ru ORCID: 0000-0003-4170-7267, SPIN-код: 6589-5366, AuthorID: 512712.

Кошкарова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76); *сфера научных интересов*: дискурсивные исследования, теория речевых актов, политический дискурс; *e-mail*: nkoshka@rambler.ru ORCID: 0000-0001-8861-0353, SPIN-код: 3844-0536, AuthorID: 355000.

Information about the authors:

Olga A. Solopova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Translation at the Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University) (76, Lenina Av., Chelyabinsk, Russian Federation, 454080); *Research interests*: metaphor studies, discourse analysis, diachronic linguistics, linguistic political prognostics; *e-mail*: o-solopova@bk.ru ORCID: 0000-0003-4170-7267, SPIN-code: 6589-5366, AuthorID: 512712.

Natalya N. Koshkarova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor at the Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University) (76, Lenina Av., Chelyabinsk, Russian Federation, 454080); *Research interests*: interests include discourse studies, speech acts theory and political discourse; *e-mail*: nkoshka@rambler.ru ORCID: 0000-0001-8861-0353, SPIN-code: 3844-0536, AuthorID: 355000.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-29-38

EDN: GXTXSY

UDC 811.161.1'27(470.64/.65)

Research article / Научная статья

Ideological Field Model in the Ossetian Political Narrative

Tatyana Yu. Tameryan¹  , Viacheslav I. Terkulov² 

¹North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

²Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation

 tamertu@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the research of the Ossetian political narrative in the aspect of analyzing party ideologies, delimiting their structure and conceptual content in terms of interconceptual interactions at the verbal and cognitive levels, and based on the data posted on the official websites of the South Ossetian North Ossetian Parliaments and other Internet sources. When describing the content of ideologies, the methodological procedure of Max Frieden's conceptual (morphological in the author's terminology) analysis is used, as well as modeling of the cluster and adjacent conceptual connections. When analyzing the nominations of South Ossetian parties, the leading research techniques are cognitive, semantic and content analyses. The aim of the article is to build an algorithm for the conceptual interaction of nuclear ideological concepts and party systems at the implicit and verbal levels in the South Ossetian party narrative. It has been established that concepts in the South Ossetian party communication are characterized by institutionality, flexibility and ethnocultural affiliation. The varieties of concepts functioning in the South Ossetian political communication are revealed. The types of interaction between party concepts have been established — these are conceptual blends, adjacency, pairing or additivity. Variable models of political ergonyms and language codes that make them explicit are described. Among party onyms, synonymous elements of their verbal representations have been identified in Russian, in Ossetian or both. On the basis of the Ossetian value system, we have identified the conceptual structures that build the ideology family and the conceptual composite in the South Ossetian communication.

Keywords: political ergonym, ideological field structure, concept representation, concept interaction, concept cluster, cognitive composite, ideology family

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Financing: research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.11.2024; accepted: 01.12.2024

For citation: Tameryan, T.Yu., & Terkulov, V.I. (2025). Ideological Field Model in the Ossetian Political Narrative (2025). Comparative Analysis of the Use of Metaphors in Media Texts of Informational and Influencing Nature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 29–38. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-29-38>

© Tameryan T.Yu., Terkulov V.I., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Модель идеологического поля в осетинском политическом нарративе

Т.Ю. Тамерьян¹  , В.И. Теркулов² 

¹Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ,
Российская Федерация

²Донецкий государственный национальный университет, Донецк, Российская Федерация
 tamertu@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению югоосетинского политического нарратива в аспекте анализа партийных идеологий, моделировании их структуры и концептуального содержания в плане интерконцептуальных взаимодействий на вербальном и когнитивном уровнях и опирается на данные, размещенные на официальных сайте Парламентов Республик Южная Осетия и Северная Осетия и другие интернет-источники. При описании содержания идеологий применяется методологическая процедура концептуального (морфологического в терминологии автора) анализа Макса Фридена, а также используется моделирование кластерного взаимодействия и смежных концептуальных интеракций. При анализе номинаций югоосетинских партий ведущим приемом становится когнитивно-семантический и контент-анализ. Целью статьи является построение алгоритма концептуального взаимодействия ядерных идеологических концепций и партийных систем на имплицитном и вербальном уровнях в югоосетинском партийном нарративе. Установлено, что характеристиками концептов в югоосетинской партийной коммуникации являются институциональность, универсальность и этнокультурная принадлежность. Выявлены разновидности функционирующих в югоосетинской политической коммуникации концептов. Установленные типы взаимодействия между партийными концептами — это концептуальные бленды, смежность, парность или аддитивность. Описаны вариативные модели политэргонимов и языковые коды их эксплицирующие. Среди партийных онимов установлены синонимичные элементы их вербальных репрезентаций — русский, осетинский или билингвальный. С учетом анализа осетинской системы ценностей нами были определены концептуальные структуры, формирующие семью идеологий и концептуальный композит в югоосетинской коммуникации.

Ключевые слова: политический эргоним, структура идеологического поля, концептуальная репрезентация, концептуальное взаимодействие, концептуальный кластер, когнитивный композит, семья идеологий

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.11.2024; дата приёма в печать: 01.12.2024.

Для цитирования: *Tameryan T.Yu., Terkulov V.I. Ideological Field Model in the Ossetian Political Narrative // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 29–38. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-29-38>*

Introduction

The political narrative in South Ossetia, as a new country, reflects the position of social power, supports moral and ethical norms, supports ethnic culture and the Ossetian language in the country, and demonstrates the idea of supporting Ossetian identity.

Russian narratives are built around the values enshrined in society, carry the idea of just peace and order, and form the worldview necessary to maintain identity [1. P. 11–12]. Russian mentality, manifested in ethnic meta-narratives, is based on the Orthodox tradition, where the concepts of sin and holiness, good and evil, etc. are of paramount importance [2. P. 184–185]. Therefore, Russian values were formed on the basis of dualistic ideas about the world, moral canon, denial of the middle way [3].

Ossetian values include a complex set of ideas, since among the Ossetians there are both Orthodox Christians and Muslims, however, adherents of all religious traditions preserve and support beliefs in the One God *Хуыцау*, the creator of the world, and perform the corresponding rites and rituals. Besides, Ossetians, like most peoples of the North Caucasus, adhere to traditional rules in everyday life and observe customs.

The relevance of the present study is due to the prospect of studying the family of ideologies and conceptual cluster of ideological paradigms parties interaction in South Ossetian political communication. The aim of this article is to demonstrate the interaction algorithm of nuclear ideological concepts of the South Ossetian political parties on examples of verbal and cognitive representations.

Methods and Material

The research uses materials from the official websites of South Ossetian presidential administration, Republic of North Ossetia-Alania and data from the official website of the South Ossetian Parliament. The etymology of Ossetian ethnic lexemes is taken from “Historical and etymological dictionary of the Ossetian language” by V.I. Abaev¹. Cognitive, semantic and conceptual analyses are implemented as leading research methods. Cognitive modeling is applied as a method of conceptual interactions in structuring the ideological field of the South Ossetian political narrative.

Ideology refers to fundamental cognitive structures, which are systems of basic knowledge that underlie all types of social cognition of groups. The ideology of a certain political group or society as a whole is constituted by the system of views, ideas and values, shaping their worldview paradigm [4]. The method of conceptual analysis of ideology allows us to interpret the interaction of concepts in political narratives. The methodological procedure is based on the fact that a political concept links central processes in political practices and creates variations of clusters of political phenomena [5].

Results

Ossetians living in South Ossetia speak Ossetian and Russian, as do Ossetians in North Ossetia [5]. The North Ossetian political narrative is fully incorporated into the Russian one, while the South Ossetian political discourse is in the course of formation. Official communication in both republics is in Russian, while semi-official and everyday communication is in Ossetian.

¹ Abaev, V.I. (1996). *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language* in 4 vols. Leningrad: USSR Academy of Sciences. URL: <https://www.klex.ru/17ex> (accessed: 02.09.2024).

The related concepts *уудзинад* ‘unity’ and *адæм* ‘people’ reflect the main value of the ethnos, the idea of preserving the national identity of Ossetians, and the development of historically fraternal relations with the people of the Russian Federation [6]. The constitutions of both republics declare ethnic, national, historical, and territorial unity, socio-economic and cultural integration of the Ossetian people.^{2,3}

Let us consider the structure of South Ossetian ideologies on the example of political parties in the current parliament of the republic (2019 elections) and parties aspiring to participate in the new parliamentary elections in 2024.⁴

Since the residents of the two republics are bilingual, some parties preferred to name their organizations in Ossetian, some chose bilingual names, but the majority of parties are registered in Russian.

At the upcoming elections in 2024, as well as during the 2019 elections to the parliament of the Republic of South Ossetia, three political parties were registered, the names of which reflected the policy of maintaining the value of Ossetian society and the collective idea of preserving national identity [7]. These are the parties named *Иузинад* ‘Unity’, *Иугонд Ирыстон* ‘Unified Ossetia’, *Адæмы уудзинад* ‘Unity of the People’, whose nuclear ideologeme is unity.⁵

In South Ossetia, such parties as *Фыдыбæстæ* ‘Fatherland’, *Рæстæг Ир* ‘Fair Ossetia’, *Фидæн* ‘Future’ and *Ныхас* ‘gathering of men’ claimed to participate in the 2019 elections. In 2024, new parties appeared on the political arena that are *Ирон* ‘Ossetian’, *Ирыстыны ног фæлтæр* ‘New generation of Ossetia, People’s Party of the Republic of South Ossetia, Development Party’.⁶

The names of South Ossetian parties represent the cognitive palette of the political space of the newly formed country. Concepts that manifest ideological theories, such as *communism*, *socialism*, and *democracy*, function in the party communication of the Republic of South Ossetia. The ideological component ‘socialist’ is included in the full name of the parties as *Адæмы уудзинад*, *Фыдыбæстæ* and *Ирон*. The component ‘communist’ is represented in the political ergonim *Хуссар Ирыстыны Коммунистон парти* ‘Communist Party of the Republic of South Ossetia’. The nomination *People’s Party of the Republic of South Ossetia* personifies the idea of *democracy*, the power of the people.

² Constitution of the Republic of North Ossetia-Alania. from 08.06.2022 № 5-RCL. URL: <https://alania.gov.ru/documents/4318> (accessed: 02.09.2024).

³ Constitution of the Republic of South Ossetia with amendments of April 11, 2019. Official website of the Administration of the President of the Republic of South Ossetia. URL: <https://parliamentroso.org/node/3567> (accessed: 02.09.2024).

⁴ Parliament of the Republic of South Ossetia. Official site of the Administration of the President of the Republic of South Ossetia. URL: <https://www.parliament/rso.org> (accessed: 04.09.2024).

⁵ Party “Unity” supports the initiative of the President. Official site of South Ossetian presidential administration. URL: <https://south-ossetia.info/partiya-edinstvo-podderzhivaet-iniciativu-prezidenta/> (accessed: 05.09.2024).

⁶ Parties. South Ossetian presidential administration. URL: <https://south-ossetia.info/obshhestvo/politicheskie-partii/> (accessed: 07.09.2024).

On the material of South Ossetian parliamentary and electoral discourse we have identified the following varieties of ideological concepts. That are an ideological concept, whose name identifies a particular worldview platform of a party; a concept-slogan, which express ideological principles; and an ethnic concept.

The idea of *patriotism* in the consciousness of the South Ossetians has taken on a new meaning after the establishment of statehood. The concept *Ног Ирыстон* ‘New Ossetia’, realized in the name of the political party, is a layer of concepts *fatherland / homeland*, taking into consideration the marker of the recent history of the development of the Republic of South Ossetia as a state ‘new’.

Such concept-slogans as *Рæстдзинад Архайд Размæцъд* ‘Justice Labor Development’ (elections 2019) and *Хорздзинад æмæ Рæстдзинад* ‘Dignity and Justice’ and *For Justice* (elections 2024) transmit goals and objectives by their names.

The political ergonim *Алантæ* ‘Alans’ (2019 elections) is associated with the Ossetian culture concept. It marks the belonging of this party members to the Ossetian ethnos. The ethnonym *Alans* is associated with Greek and Byzantine sources, the nomination *osy* is given in Georgian texts, and the lexeme *iron* is considered a self-name of Ossetians. Modern Iranian-speaking Ossetians are considered to be direct descendants of Alans, nomadic Iranian-speaking tribes of Sarmatian origin. Thus, the political ergonim *Алантæ* ‘Alans’ is a synonym of the polytonym *Iron*.

Such synonymous concepts as *фыдыбæстæ* ‘fatherland’ *райгуырæн бæстæ* ‘homeland’ (literally: ‘place of birth’) and *Ирыстон* ‘Ossetia’, as well as *Ирон* and *Алантæ* manifest the features of cultural, ethnic and ideological concepts in the South Ossetian political communication.

The political ergonim *Иры Фарн* ‘well-being of Ossetians’ (elections 2024) represents the ethnic concept of *фарн* ‘peace, happiness, abundance, well-being, prosperity’. The lexeme *фарн* goes back to the theonym *Farn* in ancient Iranian mythology. This was deity of fire, light and warmth, glory and happiness, hence the well-wishing of *фарн* in the Ossetian tradition means happiness, abundance and prosperity. The main message of the organization *Иры Фарн* is to ensure the prosperity of the republic. The primary objective facing the *Development Party* in the upcoming elections is also to ensure *фарн* for the country citizens, achieving a high life quality through the development of all spheres of public life and the economy.

The party onim *Ныхас* is connected with the ethnic concept *Стыр Ныхас* ‘the supreme council of Ossetians’. This political ergonim suggests a commitment the rituality of political communication in accordance with tradition.

The ethnic concept *dignity* manifests mental and behavioral dominants of the South Ossetian political communication. The concept-slogan *Хорздзинад æмæ Рæстдзинад* represents values and norms that are enshrined in the country’s constitution.

The political ergonim *Фидæн* ‘Future’ indicates the vector of the party activity, its priorities in lawmaking, oriented to the future. The choice of this nomination emphasizes the crucial importance of development for the future of South Ossetia.

Ирыстоны Ног Фæлтæр ‘New Generation of Ossetia’ and *Development Party* are new political parties for the 2024 parliamentary elections. They connect the development of the young country, its future, with the youth who grew up after South Ossetia gained independence in 1991.

The political platform content of the parties *Фидæн* and *Ирыстоны Ног Фæлтæр* forms an area of coherence with the ideological fields of such political parties as *Иудзинад*, *Иугонд Ирыстон*, *Адæмы иудзинад* and *the People’s Party of the Republic of South Ossetia (Адæмон парту)*.

Ideological theories are usually distributed according to the “left — center — right” gradation based on the election program, slogans and statements. This approach is based on the key characteristics of each ideological paradigm and their conceptual connections with similar parameters of the ideological spectrum poles in their classical interpretation, when the left is considered to represent the interests of the people, the right — entrepreneurs, and the center — represents an intermediate position. This approach takes into account the key features of each of the ideological paradigms, inter-paradigm links and their classical interpretation, when the “left” is considered to express the interests of the people, the “right” — of entrepreneurs, the “center” represents an intermediate position.

Party ideologies in the South Ossetian discourse correlate in dominant directions. Program documents of all political parties are oriented towards implementation of public and state administration, openness of power and involvement of citizens in governance. Political concepts in the proposed model are not graded along an ideological spectrum, but make up a family of ideological theories, which represents non-conflicting ideas in the dynamics of historical interaction in the political space of South Ossetia.

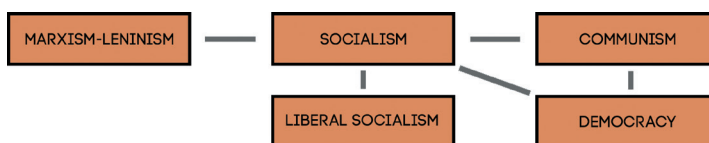


Fig. 1. Family of ideological paradigms in the South Ossetian political narrative
Source: compiled by Tatyana Yu. Tameryan, Viacheslav I. Terkulov.

The program platforms of the South Ossetian parties present such ideological theories as: *Marxism-Leninism* as the communist ideology prevailing in the USSR, *socialism* as a stage in the communism building on the basis of Marxism, aimed at the achieving social equality and justice, and *communism*, which proclaims the distribution of property according to the needs of the people. The appearance of *social liberalism* (*socialism* + *liberalism*) as a new theory combining liberal principles with socialist ideas is the sign to denote the assumption of state interference in economics. And finally, the idea of democracy, which proclaims equality of rights and duties, striving for compromise, was a natural result of the development of three basic theories (See Fig. 1).

The ideological field of South Ossetian communication is shaped up by nuclear clusters of leading political parties concepts represented in the current parliament,

concepts political parties and of those officially registered to participate in the upcoming elections in 2024.

The configurations of each party's ideological positions differ largely not so much in the concepts themselves as in the patterns by which they are build up. The cluster of political concepts on the macro-level axis is formed by the ideologically related concepts of *nationalism*, *patriotism*, *unity*, and *future*.

The micro-level axis reflects the semantic adjacency of the concepts called *conservatism*, *Soviet patriotism*, *militarism*, *development*, *welfare* (фарн), *Russophilia*, *statehood* and *integration* with macro-concepts (See Fig. 2).

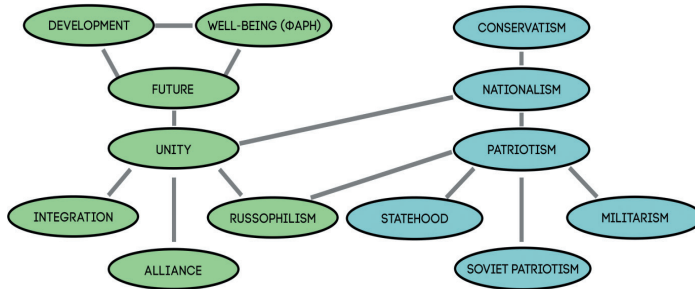


Fig. 2. Ideological concepts cluster in the South Ossetian political field
Source: compiled by Tatyana Yu. Tameryan, Viacheslav I. Terkulov.

The macro-concepts *nationalism*, *patriotism*, *unity*, *future* create composite ideology, which has interrelated cognitive features. *Nationalism* is the core idea for such political parties as *Иугонд Ирыстон*, *Ирыстони ног фæлтæр*, *Ныхас*, which proclaim the Ossetian nation as the highest value. The adjacent concept *conservatism* conveys the idea of Ossets' traditions and customs promotion. This strategy is presented in the program of *Иугонд Ирыстон* party.

The macro-concept *patriotism* explicating conscious attachment to homeland, love for your people, their traditions, leads in the ideological paradigms of the *People's Party*, the parties *Ныхас* and *Ирыстони ног фæлтæр*. The adjacent concept is *Soviet patriotism*. It expresses love for one's people and homeland, originated in Marxist theory. This concept is preserved as a moral category in the ideology of the *Communist Party of the Republic of South Ossetia*.

Militarism in the program *People's Party of the Republic of South Ossetia* is interpreted as one of *patriotism* essentials, and an adjacent concept that explicates the possibility and ability to defend one's fatherland. The declaration of militarism as an ideological position of the political party is conditioned by the desire to strengthen the military power of the republic in order to defend and protect its independence. The policy of militarism serves as a protective measure, the relevance of which became apparent in connection with the armed confrontation during the Georgian-South Ossetian conflict of 1991–1992 and its escalation in August 2008. Thus, it is logical to state *statehood* as a special sign of *patriotism* manifestation (the political party *Ныхас*).

The micro-concept *Russophilia* (the party *Иугонд Ирыстон*) is associated with the macro-concept *patriotism* in the aspect of considering Russia as the successor of the USSR, the “former homeland”. At the same time, it is included in the macro-concept *unity*, thereby expressing the desire of the citizens of South Ossetia, confirmed by the results of the referendum-2017, to become part of the Russian Federation, to return de jure to historical roots. The micro-concept *Russophilia* marks, as well as dual ethnic identity of the South Ossetians [8].

The macro-concept *цудзинад*, described above, is the ideological dominant of the parties *Иудзинад*, *Иугонд Ирыстон*, *Адæмы цудзинад* and *Ирыстонæ ног фæлтæр*. These parties aim at unifying the Ossetian people within South Ossetia and North Ossetians. The agreement between Russia and South Ossetia is the most important legal instrument for the country strengthening, which is possible within the framework of further integration and alliance. This alliance also presupposes international cooperation within the framework of the legal status of partial recognition of the republic.

The conceptual blend “*future + well-being + development*” is recorded in the strategic plans of such political actors as *Иры Фарн*, *Ног Ирыстон*, *Ирыстонæ ног фæлтæр* and the *Development Party*. All the mentioned party groups strive for a common goal — the prosperity of the fatherland, improving living conditions, cultural values transfer and extension in future generations, the Ossetian language preservation, and achieving well-being.

Conclusions

Summing up the results of the conducted research, we formulate its main results. First of all, we note that political communication, and party communication in particular, in South Ossetia is bilingual. Moreover, the Kudar vernacular of the Iron dialect of the Ossetian language is in use in the republic. All the values of the South Ossetian people are fixed in basic concepts, which reflect in their content not only ideological views, but also are permeated with cultural meanings.

The study showed that most politonyms do not represent separate concepts: they are linked by the common cognitive cluster representing ideas and values significant for building a new state. This allowed us to find out the linguistic and cognitive basis of interconceptual net. The dominant bilingual or monolingual models of political party names in the Republic of South Ossetia were established.

The following types of concepts were identified in party communication of South Ossetia: ideological concept, cultural concept, concept-slogan, synonymous concept, adjacent concept and conceptual blend.

Taking into account the ontological significance of the ideologies content from the point of view of the interaction of ideological trends in the republican political space and variable concept sets in each party program, we tried to identify nuclear cognitive unities manifesting the essence of the value system in the Republic of South Ossetian.

Based on the diversity of historical and national forms of ideologies, we have identified the conceptual structures that form the ideological basis and family

of ideologies in the South Ossetian communication. Thus, we have modeled an ideological family consisting of the paradigms of the political systems promoted by South Ossetian parties, represented by concepts *Marxism-Leninism*, *socialism*, *communism* and *social liberalism*. It has been established that the blend ideologies reflects the dynamics of development of political concepts both in historical perspective and in terms of their representation in the party space of South Ossetia.

Having analyzed the cognitive links between ideological concepts, we have modeled the cluster of the multi-party conceptsphere in the Republic of South Ossetia. The configuration of ideologies' interactions in the conceptual field is built along a horizontal axis by macro-concepts (*nationalism*, *patriotism*, *unity*, *future*), and along a vertical axis, by micro-concepts (*conservatism*, *Soviet patriotism*, *militarism*, *development*, *welfare* (*фарт*), *Russophilia*, *statehood*, *integration*).

References

1. Epshtein, M.N. (2006). *Word and silence. Metaphysics of Russian Literature*. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
2. Berdyaev, N.A. (1990). *Russian Idea*. Kharkov-Moscow: Folio–AST. (In Russ.).
3. Lotman, Y.M. (1992). *Culture and Explosion*. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Dake, T. van (2000). Language and Ideology. Methodology of Political Discourse Research. *Current Issues of Content Analysis of Socio-Political Texts*, (2), 50–63. (In Russ.).
5. Freedden, M. (2013). The morphological analysis of ideology. In: *Oxford handbook of political ideologies* (pp. 115–137). Oxford: Oxford Univ. press.
6. Tameryan, T.Yu., Zyubina, I.A., & Zheltukhina, M.R. (2022). Policode as a strategic resource of intercultural communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13. № 3, 750–768. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-365-382> EDN: REUZYL
7. Tamerian, T.Yu., & Rakhmatulaeva, T.G. (2019). Concept *UNITY/ИВЗИИНАД* in the North and South Ossetian Political Discourse: the Comparative Aspect. *Current issues of philology and pedagogical linguistics*, (4), 89–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-4-89-96> EDN: GMSCCS
8. Tamerian, T.Yu., & Kachmazova, A.U. (2019). Party names as markers of ideological concepts of political discourse. *Political Linguistics*, 6(78), 110–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl19-06-13> EDN: XVFMCL
9. Terkulov, V.I. (2024). Linguistic Foundations of Subethnic, Ethnic and Ethnopolitical Identity. *Current Issues of Philology and Pedagogical Linguistics*, (1), 36–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-36-46> EDN: FHRAXS

Список литературы

1. Эпштейн М.Н. Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М. : Высшая школа, 2006.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков-М. : Фолио, АСТ, 1999.
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Прогресс, 1992.
4. Дейк Т. ван. Язык и идеология. Методология исследований политического дискурса // Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. 2000. № 2. С. 50–63.
5. Freedden M. The morphological analysis of ideology. Oxford handbook of political ideologies. Oxford : Oxford Univ. press, 2013. P. 115–137.
6. Tameryan T.Yu., Zyubina I.A., Zheltukhina M.R. Policode as a strategic resource of intercultural communication // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка, Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 750–768. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-365-382> EDN: REUZYL

7. Тамерьян Т.Ю., Рахматулаева Т.Г. Концепт *ЕДИНСТВО* / *ИУЗИНАД* в северо- и юго-осетинском политическом дискурсах: сопоставительный аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 89–96. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-4-89-96> EDN: GMSCCS
8. Тамерьян Т.Ю., Качмазова А.У. Названия партий как маркер идеологических концептов политического дискурса // Политическая лингвистика. 2019. № 6(78). С. 110–115. <https://doi.org/10.26170/pl19-06-13> EDN: XVFMCL
9. Теркулов В.И. Языковые основы субэтнической, этнической и этнополитической идентичности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 36–46. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-36-46> EDN: FHRAXS

Information about the authors:

Tatyana Yu. Tameryan, Dr.Ds. (Philology), Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Language Specialties, Faculty of International Relations, North Ossetian State University (44–46, Vatutina str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation, 362025); *Research interests*: cognitive linguistics, psycholinguistics, linguistic culturology, discourse theory and intercultural communication, narratology, conceptology, metaphorology; *e-mail*: tamertu@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0532-2538; Researcher ID: L-1756-2018; Scopus ID: 57110384400; SPIN-code: 3901-9652. Author ID: 447876.

Viacheslav I. Terkulov, Dr.Ds. (Philology), Professor and Chair, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Donetsk State University (24, Universitetskaya str., Donetsk, Russian Federation, 283001); *Research interests*: cognitive linguistics, linguistic regionalism, theory of linguistic personality, manipulation and counter-manipulation, practical lexicography; *e-mail*: terkulov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-0418-4260; Researcher ID: K-3087-2018; Author ID: 549424; SPIN-code: 1981-6928.

Сведения об авторах:

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет (362025, Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания, город Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44–46); *научные интересы*: когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, теория дискурса и межкультурная коммуникация, нарратологии, концептология, метафорология; *e-mail*: tamertu@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0532-2538; Researcher ID: L-1756-2018; Scopus ID: 57110384400; SPIN-код: 3901-9652. AuthorID: 447876.

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета, Донецкий государственный национальный университет (283001, Российская Федерация, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24); *научные интересы*: когнитивная лингвистика лингвистическая регионалистика, теория языковой личности, проблемы манипуляции и контрманипуляции, практическая лексикография; *e-mail*: terkulov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-0418-4260; Researcher ID: K-3087-2018; Author ID: 549424; SPIN-код: 1981-6928.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-39-60

EDN: FZAZYI

УДК 811.161.1; 81'22

Научная статья / Research article

Представления о войне в китайской лингвокультуре

О.И. Калинин^{1,2,3} , А.В. Игнатенко⁴  

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

²Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Москва, Российская Федерация

³Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

⁴Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 ignatenko-av@rudn.ru

Аннотация. Через отношение к войне могут отражаться общие ценности и убеждения общества. Данная работа посвящена выявлению и анализу лингвокультурных представлений о войне и их природе в китайском языковом сознании. На фоне внешнеполитического сближения России и Китая, которое стимулирует взаимный культурно-образовательный обмен и контакты в различных областях, представляется важным рассмотреть понятийное и аксиологическое содержание концепт-фрейма ВОЙНА (战争) и его интерпретацию в китайской лингвокультуре. В связи с этим целью данного исследования является рассмотрение концептуальных представлений к социально-политическому феномену войны носителей китайской культуры в их языковом сознании. Для достижения этой цели были последовательно решены исследовательские задачи: определен культурно-исторический опыт осмысления феномена войны в китайской культурной традиции, в частности в китайской философии и литературе; приведены результаты дефиниционно-этимологического анализа лексем-репрезентантов концепта ВОЙНА; обобщены результаты проведенных ранее исследований фразеологизмов с культурно-семантическими компонентами концепта ВОЙНА; рассмотрены особенности репрезентации разных военных конфликтов в современном медиадискурсе КНР; интерпретированы результаты проведенных ранее ассоциативных экспериментов со словом-стимулом «война» для представителей русской и китайской лингвокультур; полученные данные сопоставлены с результатами исследования межкультурной вариативности в восприятии метафорических моделей со сферой-целью ВОЙНА. Анализ отношения к войне в контексте культурных параметров, репрезентированных в языковых структурах и речевых практиках народа, позволяет лучше понять основные принципы и ценности, на которых основывается менталитет различных национальных культур. В связи с этим представляется актуальным не только выявление компонентов концепт-фрейма ВОЙНА, но и в особенности исследование различных его языковых репрезентаций на различных лингвистических уровнях.

© Калинин О.И., Игнатенко А.В., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: концептуальный анализ, дефиниционный анализ, ассоциативный эксперимент, метафора войны, языковая картина мира

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 21.10.2024; дата приема в печать: 25.11.2024.

Для цитирования: Калинин О.И., Игнатенко А.В. Представления о войне в китайской лингвокультуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 39–60. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-39-60>

The War Concept in Chinese Linguistic Culture

Oleg I. Kalinin¹ , Alexander V. Ignatenko⁴  

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

²Military University, Moscow, Russian Federation

³South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

⁴RUDN University, Moscow, Russian Federation

 ignatenko-av@rudn.ru

Abstract. The general values and beliefs of society can be reflected through the attitude towards war. This work is devoted to the identification and analysis of linguistic and cultural concepts of war and their nature in the Chinese linguistic consciousness. Against the background of the foreign policy rapprochement between Russia and China, which stimulates mutual cultural and educational exchange and contacts in various fields, it seems important to consider the conceptual and axiological content of the concept frame WAR (战争) and its interpretation in Chinese linguoculture. In this regard, the purpose of this study is to consider the conceptual concepts of the socio-political phenomenon of war of Chinese cultural speakers in their linguistic consciousness. To achieve this goal, research tasks were consistently solved: the cultural and historical experience of understanding the phenomenon of war in the Chinese cultural tradition, in particular in Chinese philosophy and literature, was determined; the results of a definitional etymological analysis of lexemes representing the concept of WAR were presented; the results of previous studies of phraseological units with cultural and semantic components of the concept of WAR are summarized; the features of the representation of various military conflicts in the modern media discourse of the China are considered; the results of previously conducted associative experiments with the stimulus word “war” for representatives of Russian and Chinese linguistic cultures are interpreted; the data obtained are compared with the results of a study of intercultural variability in the perception of metaphorical models with the sphere of the goal is WAR. The analysis of attitudes towards war in the context of cultural parameters represented in the linguistic structures and speech practices of the people allows for a better understanding of the basic principles and values on which the mentality of various national cultures is based. In this regard, it seems relevant not only to identify the components of the WAR concept frame, but also, in particular, to study its various linguistic representations at various linguistic levels.

Keywords: conceptual analysis, definitional analysis, associative experiment, metaphor of war, linguistic world picture

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Funding: the research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 21.10.2024; accepted: 25.11.2024.

For citation: Kalinin, O.I., & Ignatenko, A.V. (2025). The War Concept in Chinese Linguistic Culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 39–60. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-39-60>

Введение

Вооруженные конфликты являются неотъемлемой частью истории человечества, периоды мирного сосуществования чередуются периодами кровопролитных войн, которые некоторыми философами воспринимаются как неизбежное и иногда необходимое условие продолжения развития человека и его духа. Ф. Ницше в трактате «Сумерки идолов» (1888) воспел войну как наивысшее проявление человеческого духа. Война как социально-политическое явление, вызывающее смертоносные и разрушительные последствия, затрагивает самые глубинные представления человека и общества о жизни и смерти. Именно поэтому мы полагаем, что представления о войне, или этнонациональный концепт-фрейм ВОЙНА, является одним из базовых для раскрытия менталитета конкретного народа, понимания основных особенностей его картины мира.

Отношение к войне отражает общие ценности и убеждения общества. Например, индивидуалистические культуры могут быть ориентированы на мирное разрешение конфликтов в силу доминанты ценности жизни отдельного человека. С другой стороны, в обществах, в которых доминирует и акцентируется коллективизм, повышается важность обороны общей территории, и в таких обществах война может рассматриваться как необходимая неизбежность. Понимание войны также связано с религиозными, этическими и моральными убеждениями. Высокий уровень патриотизма, например, коррелирует с потенциальнымприятием войны как способа защиты общественных идеалов. Таким образом, анализ отношения к войне в контексте культурных параметров, репрезентированных в языковых структурах и речевых практиках, позволяет лучше понять основные принципы и ценности, на которых основывается менталитет различных национальных культур. В связи с этим нам представляется актуальным не только выявление компонентов концепта ВОЙНА, но и в особенности исследование различных его языковых репрезентаций. На фоне

внешнеполитического сближения России и Китая, которое стимулирует взаимный культурно-образовательный обмен, представляется интересным рассмотреть понятийное и аксиологическое содержание концепта ВОЙНА и его интерпретацию в китайской лингвокультуре.

В этой связи целью работы выступает анализ концептуальных представлений о войне в китайской картине мира. Данная работа во многом носит обобщающий характер, где аккумулируются и осмысляются результаты проведенных ранее эмпирических исследований, связанных с изучением представлений о войне в сознании носителей китайского языка. Мы полагаем, что обобщение и совокупный анализ данных, полученных в результате разных эмпирических источников, позволяет более комплексно представить рассматриваемую проблематику и тем самым более полно представить концептуальные характеристики представлений о войне в китайской лингвокультуре.

Кроме того, как видно из поставленных задач, работа основана на логичной траектории исследования элемента картины мира человека и отражает комбинированную и иерархически выстроенную методологию. Так, в описании феномена войны как элемента картины мира мы движемся от культуры через язык и дискурс к человеку, то есть опираясь на представления о войне в китайской литературе и философии, зафиксированные в произведениях различных авторов, рассмотрено содержание фиксации концептуального знания в словарях и фразеологизмах, после чего полученные данные проверяются на материале медиадискурса, тематически посвященного военным конфликтам, и в финале посредством анализа метафорических моделей и ассоциаций делаются выводы о фиксации представлений о войне уже в сознании носителей лингвокультуры.

Среди методов исследования помимо обобщения и синтеза научной информации были использованы метод концептуального анализа, метод дефиниционно-этимологического анализа, ассоциативный эксперимент, корпусный контент-анализ и метод метафорического моделирования, суть и механика которых описана далее. Теоретической основой проведенного исследования служат исследования в области когнитивной лингвистики [1; 2] и лингвокультурологии [3; 4], а также ранее проведенные исследования особенностей вербализации военной сферы жизни общества [5–8] и метафорологии [9–12].

Лингвокультурологические истоки понимания феномена войны в китайской культуре

В истории Китая известны длительные периоды смуты и раздробленности, внутриполитической борьбы, которые длились от нескольких десятилетий до нескольких столетий, а также противостояния внешним противникам и угрозам. К таким можно отнести период Сражающихся царств

(战国, V—III вв. до н.э.), период Троецарствия (三国时代, 220–280 гг.), Опиумные войны (鸦片战争, XIX в.), Японо-китайскую войну (中国抗日战争, 1937–1945) и мн. др. Исторически феномен войны (战争) в Китае известен и осмыслен практически с периода зарождения китайской цивилизации. Одно из первых легендарных сражений — совместная борьба мифического Желтого императора Хуанди (黄帝) вместе с главой соседнего племени Яньди (炎帝) против злого великана-колдуна Чи Ю (蚩尤) — относится к периоду начала III тыс. до н.э. Сегодня в публицистике встречается эндоэтноним — 炎黄子孙, т.е. так называемые «потомки первых мифических правителей Яня и Хуана» [13. С. 21]. Среди китайцев сегодня широко известна народная поговорка — «хорошее железо не идет на гвозди, хорошие парни не идут в солдаты» (好铁不打钉, 好男不当兵). Эта концепция отражает культурные и психологические особенности древнего китайского народа, который ценил культуру и уделял большое внимание гражданским, а не военным делам. Это народное изречение демонстрирует, что в китайском феодальном обществе профессия военного считалась низменной и вторичной.

В.Л. Ибрагимова и Ван Хайтао отмечают, что «китайская военная школа придает равно важное значение политическим факторам и этическим нормам войны» [14. С. 525]. В китайском сознании война часто сопряжена с «хитростью, стратегией» и даже определенным «обманом», что отражается в классических произведениях о войне «Искусство войны У-цзы» (《吴子兵法》), «Искусство войны Сунь-цзы» (《孙子兵法》), «Тридцать шесть стратагем» (《三十六计》). Например, до сих пор известны идиомы 调虎离山 ‘выманить тигра с гор’ (обр. в знач.: выманить врага из его укрепленной базы); 围魏救赵 ‘окружить Вэй, помочь Чжао’ (обр. в знач.: отвлечь силы врага ударом по его тылам).

В Китае уже в VI в. до н. э. Сунь-цзы в трактате «Искусство войны» (孙子 《孙子兵法》) предложил ряд стратегий по успешному ведению войны, основная суть которых состояла в достижении победы строго невоенным путем, например, за счет разложения войск и населения противника. В трактате освещаются вопросы ведения войны через создание хаоса в рядах противника, обмана и шпионажа. Идеи Сунь-цзы фактически стали одними из первых стратегических и тактических нарративов информационных войн. Он отмечал, что «Война — это важное государственное дело, которое определяет, будет страна жить или умрет, это путь к выживанию или гибели, поэтому в ней нельзя не разобраться» (‘兵者, 国之大事, 死生之地, 存亡之道, 不可不察也’).

Особый интерес к войне также представляет школа легизма в Китае (法家), основателем которой был Шан Ян (商鞅, 390–338 гг. до н.э.). Эта школа в противовес конфуцианству отстаивала деспотическую форму правления. В «Книге правителя области Шан» войне посвящены несколько

глав — «Законы войны», «О военной обороне» и пр. Ученик Шан Яна — Вэй Ляо-цзы (尉繚子), выдающийся стратег и тонкий мыслитель, также составил «Трактат о военном искусстве», в котором обозначил, что только единение военного и гражданского может обеспечить выживание государства в смутную эпоху Сражающихся царств. Учения легистов продолжил Хань Фэй-цзы (韩非子), где в труде «Книга законов и порядка» продолжит и разовьет идеи легизма.

В рамках философии легизма высказывалась идея, что в идеальном обществе подданные должны быть лишены индивидуальной воли и воля должна быть заменена абсолютным подчинением государственной власти. Это предполагало подавление личных интересов и желаний. Легизм видел в постоянной войне средство для закалки государства и укрепления его мощи. Он придавал важность жестоким условиям, таким как голод, холод и страх, как средствам поддержания дисциплины и порядка. Шан Ян разделял мнение некоторых других древнекитайских философов, что человек по природе склонен к эгоизму и стремится к удовлетворению своих потребностей и желаний. Он утверждал, что человек основывается только на своих собственных интересах, утверждал, что власть и ресурсы стремятся к тем, кто имеет силу и возможности. Легисты высмеивали конфуцианские принципы и мораль. Необходимо было управлять страной посредством закона. Основным вопросом школы легистов был вопрос правильного управления государством. Философ считал, что политика и мораль — вещи несовместимые, в идеальном государстве должно быть два направления деятельности — поощрение и наказание своих граждан. Человек от природы зол, он стремится только к личному благу. Только страх наказания может обеспечить управление. Чтобы избежать хаоса, необходимо вмешательство власти. Все люди — потенциальные преступники.

Многие противоречивые периоды истории страны были запечатлены в сознании народа в последующей художественной обработке. Так, например, эпоха Троецарствия спустя почти тысячелетие получила переоценку в одноименном романе Ло Гуаньчжуна (罗贯中 《三国演义》, XIV в.), который стал одним из четырех классических романов минской эпохи. В романе Ло Гуаньчжун изложил события истории Китая, начиная с распада государства Восточная Хань и заканчивая становлением царства Цзинь. Книга начинается и заканчивается одной фразой, создавая представление о повторяемости, определенной цикличности исторического процесса. В этом разобщении, которое часто происходило военным путем, и постоянном соединении автор и видел силу единства жителей Поднебесной. В XX столетии в китайском культурно-языковом сознании запустятся процессы оценки и рефлексии на японскую интервенцию 1937–1945 гг. Об этом станут писать многие современные художники слова — Мо Янь,

Ван Мэн, Юй Хуа [15–16] и мн. др., в чьих произведениях мы находим мотивы страданий и бедствий, связанных с войной против японского милитаризма.

Смысловое содержание концепт-фрейма ВОЙНА в китайском языке

ВВ осмыслении содержания понятия ВОЙНА в китайской лингвокультуре необходимо выявить концептуальные признаки, отраженных в словарных дефинициях и этимологии лексемы 战争, для чего был проведен дефиниционный и этимологический анализ. Ниже приведены основные определения слова-представителя понятия войны в китайском языке:

1. 为政治目的而进行的武装斗争 ‘Вооруженная борьба, ведущаяся в политических целях’¹.
2. 民族与民族之间、国家与国家之间、阶级与阶级之间或政治集团与政治集团之间的武装斗争。战争是政治的继续，是流血的政治，是解决政治矛盾的最高的斗争形式 ‘Вооруженная борьба между нациями, странами, классами и группами. Это продолжение политики кровопролития и форма борьбы за разрешение политических конфликтов’².
3. 为实现一定的政治和经济目的而进行的武装斗争，是阶级间、民族间、国家间、政治集团间矛盾斗争的最高形式，以暴力手段反映政治实质 ‘Вооруженная борьба за достижение определенных политических и экономических целей, высшая форма противоречий между классами, нациями, странами и политическими группами, которая отражает сущность ведения политики насильственными средствами’³.
4. 两个以上的敌对双方，为了屈服对方的意志，实现自己的主张，运用有形或无形的威力以决胜负的斗争 ‘Борьба, в которой две или более враждебные стороны используют материальную или нематериальную власть для подчинения своей воле другой стороны и реализации свои собственных притязаний’⁴.

Ввиду типологических особенностей китайской письменности понятийно-дефиниционный анализ должен включать также рассмотрение семантики и структурных особенностей каждого иероглифа, входящего в состав слова-репрезентанта. Первая морфемная сема ВОЙНЫ — морфема 战, которая имеет значения: 1) война; битва, борьба; 2) соревнование,

¹ Словарь «Cidianwang» Режим доступа: <https://www.cidianwang.com/cd/z/zhanzheng6949.htm> (дата обращения: 14.05.2024).

² Большой словарь китайского языка Режим доступа: http://www.hydc.com/cd/htm_a/41204.htm (дата обращения: 14.05.2024).

³ Словарь «Cidianwang» Режим доступа: <https://www.cidianwang.com/cd/z/zhanzheng6949.htm> (дата обращения: 14.05.2024).

⁴ Online Chinese Dictionary Режим доступа: <http://chw818.com/ciyu/342664.html> (дата обращения: 14.05.2024).

борьба (например, 挑战 ‘призыв к соревнованию’, 冷战 ‘холодная война’ и пр.). С точки зрения структуры и происхождения иероглифический знак 战 состоит из двух частей, а именно графем: 占 ‘занимать [место]’ и 戈 ‘алебарда’, т.е. это «вооруженный захват». В полном написании 戰, которое отражает историческое развитие знака, мы наблюдаем сочетание графем 單 ‘исчерпаться, дойти до конца’ и 戈 ‘алебарда’. Этимологический словарь «Hanziyuan» отмечает, что знак 戰 относится к письменности цзиньвэнь (金文 ‘надписи на бронзовых сосудах, XIII—IV вв. до н. э.’)⁵.



Рис. 1. Иероглифический знак 战 в стиле письменности цзиньвэнь

Источник: составлено О.И. Калининым, А.В. Игнатенко / Source: compiled by Oleg I. Kalinin, Alexander V. Ignatenko.

Декомпозиция знака состоит в том, что графический элемент 戈 имеет идеографическое значение, т.к. в древности знак означал ‘оружие, вооруженную борьбу’, а графема 單 изначально была фонетиком, т.е. указывала на произношение. Интересно, что упрощение иероглифа в ходе реформы китайской письменности 1956 г. зафиксировало обновленное произношение знака 战 [zhàn] посредством добавления фонетика 占 [zhàn] вместо несколько устаревшего 單 [shàn], при этом подобранный фонетик 占 [zhàn], по сути, отражает и обновляет семантику всего иероглифа.

Вторая морфема 爭 [zhēng] ‘1) бороться, бороться за что-то, побеждать; 2) соревноваться; 3) спорить, обсуждать (например, 爭权 ‘бороться за власть’, 爭功 ‘оспаривать достоинства друг друга)’⁶. По структуре и происхождению иероглиф 爭 состоит из двух графем: 刀 ‘лезвие, нож’, 豕 ‘свиная голова’ и 丨 ‘веревка’, т.е. 爭 можно интерпретировать как ‘вооруженное столкновение за свинью’, или вооруженное «столкновение за еду». Этимологический анализ показывает, что данный иероглифический знак относится к письменности цзягувэнь (甲骨文, XIV—XI вв. до н. э.), и исторически этот знак содержал в себе наверху знак 𠂇 ‘когти’. В словаре «Hanziyuan» утверждается, что этимологическое значение связано с «удержанием чего-то веревкой и руками»⁷.

⁵ Этимологический словарь «Hanziyuan» Режим доступа: <https://hanziyuan.net/#> (дата обращения: 14.05.2024).

⁶ Большой китайско-русский словарь Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=争> (дата обращения: 14.05.2024).

⁷ Этимологический он-лайн словарь китайского языка Режим доступа: <https://hanziyuan.net/#争> (дата обращения: 14.05.2024).



Рис. 2. Иероглифический знак 争 в стиле письменности цзягувэнь

Источник: составлено О.И. Калининым, А.В. Игнатенко / Source: compiled by Oleg I. Kalinin, Alexander V. Ignatenko.

Для полноты картины были также рассмотрены синонимические ряды для исследуемой лексемы 战争 ‘война’, подобранные при помощи нейросети 文心一言⁸: 打仗 ‘сражаться’, 搏斗 ‘схватка’, ‘борьба’, 奋斗 ‘борьба’, 交兵 ‘скрещивать оружие’, ‘вести бой’, 战役 ‘военная операция’, 交锋 ‘скрестить оружие’, ‘пустить в ход оружие’, 接触 ‘столкновение’, ‘соприкосновение’, 军事冲突 ‘военный конфликт’, 武装斗争 ‘вооруженная борьба’ и др.

В результате дефиниционного и этимологического анализа лексемы 战争, которая в самом широком плане отражает концептуальные представления о войне в китайской лингвокультуре, мы видим, что базовое значение вполне ожидаемо полагается, как «вооруженная борьба, связанная с политикой». Однако также очень значимо значение «борьба за достижение чего-то, получение каких-то благ», не только проявляется в базовом лексическом значении, но и прослеживается через историческое развитие иероглифических знаков, а также отчетливо видно в подобранном ИИ синонимическом ряду.

Представления о войне в паремическом фонде китайского языка

Изучение паремий китайского языка о войне важно для более глубокого понимания особенностей репрезентации представлений китайской лингвокультуры о войне в средствах китайского языка. Паремии представляют собой короткие высказывания, которые содержат мудрость и опыт предшествующих поколений, кроме того, широко известно, что китайский язык особенно богат идиоматическими оборотами, постоянное использование которых является особенностью речевого портрета носителя китайского языка [17. С. 159]. В контексте репрезентации войны паремии могут отражать идеализацию воинских доблестей и предостерегать от опасностей и ужасных последствий войны. Анализ фразеологизмов может продемонстрировать дополнительные концептуальные значения представлений о войне.

Согласно распространенной и обоснованной точке зрения, фразеологизмы в большей степени, чем другие языковые единицы, передают национальную специфику. Фразеологизмы с военными компонентами достаточно хорошо изучены на материале китайского языка [18–21].

⁸ Режим доступа: <https://yiyan.baidu.com> (дата обращения: 14.05.2024).

Отдельно выделим выпущенный тематический словарь китайских пословиц и поговорок военной тематики, собравший более 2500 паремий из военной сферы [21]. В этой связи в данной статье мы ограничимся анализом уже проведенных исследований и предложим обобщенные выводы по выявленным семантическим полям, характерным для военной фразеологии.

Итак, с опорой на анализ Н.Н. Репняковой [18] и исследования Р.А. Полончука [19], мы можем в общих чертах определить, что наиболее характерными понятийными признаками концепта ВОЙНА в китайских фразеологизмах будут:

- 1) вооружение/обмундирование (枕戈待旦 ‘класть оружие [боевой топор] под голову и ждать утра’ [обр. в знач.: быть в постоянной боевой готовности, быть настороже]; 干戈归库, 马放南山. ‘Щит и топор вернулись на склад, лошади отправились в Южные горы’ [обр. в знач.: не использовать войска во время мира; потерять бдительность]; 束戈卷甲 ‘увязывать алебарды, сворачивать латы’ [обр. в знач.: сдаваться]);
- 2) воины/солдаты/генералы (草木皆兵 ‘трава и деревья кажутся [вражескими] солдатами’ [обр. в знач.: пуганная ворона куста боится]; 老将出马, 一个顶俩 ‘старый генерал на боевом коне’ (обр. в знач.: один стоит двух мастер работает один за двоих); 爱兵如子, 用兵如山 ‘любите солдат как сыновей своих, используйте их как горы’ [обр. в знач.: народ, который не кормит свою армию, обязательно будет кормить чужую]);
- 3) «дух войны»/средства ведения войны (调虎离山 ‘выманить тигра с гор’ [обр. в знач.: отвлекающий маневр]; 兵荒马乱 ‘время войн и смут’; 兵不厌诈 ‘на войне не возбраняются хитрости’; ‘на войне все дозволено’; 围魏救赵 ‘окружить Вэй, помочь Чжао’ [обр. в знач.: отвлечь силы врага ударом по его тылам]);
- 4) внешние атрибуты армии (马革裹尸 ‘тело было погребено в шкуре коня’ [обр.: с честью пасть на поле брани]; 势如破竹 ‘подобно тому, как раскалывают бамбук’ [обр. в знач.: сметать все на своем пути; непобедимый]; 旌旗猎猎 ‘развеваются на ветру бунчуки и знамена’; 重整旗鼓 ‘приводить в порядок знамена и барабаны’ [обр. в знач.: перестраиваться: учесть ошибки и поражения и перегруппировать силы]).

Если обобщить данные, полученные в результате анализа уже проведенных исследований паремий военного характера, то можно сделать вывод, что использование внешних атрибутов военной сферы, а именно оружия, обмундирования и прочего, для метонимических замен описания сущности военных действий является довольно характерным для китайского паремического фонда. Вероятно, наблюдаются остатки архаического восприятия военных действий, сопряженных с подготовкой армии и обустройством ее внешних атрибутов, которые, впрочем, сохранились

и в наше время в виде парадов и показательных мероприятий Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Отличным является при этом содержание признака «суть войны», где для китайской фразеологии также характерна поверхностная описательная характеристика войны, акцент не на трагических последствиях войны для каждого человека, а больше на «способе ее ведения». Также отметим, что в китайской фразеологии в значительной степени отражены результаты концептуализации военных своей армии, которые предстают храбрыми, бравыми, смелыми, отважными героями-защитниками Родины. Отдельного упоминания заслуживает понимание войны как пути обмана в китайской лингвокультуре, что зафиксировано в древних военных трактатах и что, на наш взгляд, во многом определяет отношение к непосредственной, физической форме ведения войны в современном Китае, что отражается и в военных доктринах КНР.

Результаты корпусного контент-анализа репрезентации военных конфликтов в китайских СМИ

В рамках данного исследования также был проанализирован корпус новостных сообщений ведущих информационных агентств Китая, освещающих события на Украине, в регионах Нагорного Карабаха и Ближнего Востока. Общий объем текстов составил 326 813 иероглифических знаков. Для анализа использовался корпусный контент-анализ, включающий количественный и качественный подходы. Количественный анализ осуществлялся с помощью программы-конкордансера AntConc AntConc (Build 3.5.8), которая позволила составить список наиболее частотных лексем и коллокаций по ключевым словам.

В результате количественного анализа новостных текстов, связанных с описанием СВО ВС РФ на Украине, армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе и палестино-израильского конфликта на Ближнем Востоке мы выделили тематически значимые лексемы, исключив из анализа общеупотребительную и служебную лексику. Полученные лексемы мы разделили на 5 тематических групп: стороны конфликта (наименования стран, международных организаций, имена политиков); военная сфера (военная лексика, отражающая непосредственно боевые действия, вооружение и военную технику); политика и дипломатия (лексемы, характеризующие внешнюю политику, мирное урегулирование, дипломатические отношения); гуманитарные последствия (лексемы, связанные с беженцами, гуманитарной помощью); экономические последствия (лексика, связанная с экономическим развитием, торговлей, экономическими благами).

Приведем для примера некоторые наиболее частотные лексемы в каждой тематической группе и количественное соотношение лексем каждой тематической группы.

Таблица 1 / Table 1

Частотные лексемы по тематическим группам /
Frequency tokens by thematic groups

Стороны конфликта / Parties to the conflict		Военная сфера / Military sphere		Политика и дипломатия / Politics and diplomacy		Гуманитарные последствия / Humanitarian consequences		Экономика / Economy	
1534	Украина	388	конфликт	300	президент	72	сотрудник	201	экономика
1034	Россия	358	СВО	213	переговоры	69	гуманитарный	157	продукция
559	РФ	313	снабжение	172	санкции	69	создать	132	ресурсы
360	Украина	238	безопасность	168	международный	62	гражданский	105	газ
288	украинский	216	кризис	147	поддерживать	60	общество	91	экспорт
267	сторона	211	оружие	142	ООН	59	влечёт за собой	73	предприятие
181	Путин	194	военный	113	соглашение	49	массовый	64	продукция
177	сторона	125	цель	105	политика	39	народный	59	доллар
163	Зеленский	90	действия	103	общественный	35	гражданский	56	АЭС
107	двусторонний	84	удары	88	мир	31	потеря	57	транспортировка
100	Киев	84	поддержка	87	обнародовать	27	представитель	49	рынок
71	Лавров	77	транспорт	76	подписать	22	потери	45	восстанавливать
68	МО РФ	76	снаряд	73	решить	22	погибшие	44	удобрения
69	Шойгу	75	войска	69	министр	19	гражданский	41	расти
61	МО РФ	73	война	68	развитие	19	подвергаться	40	стоимость
Всего / Total		6414		4979		745		2060	
%		45 %		35 %		5 %		15 %	

Источник: составлено О.И. Калининым, А.В. Игнатенко / Source: compiled by Oleg I. Kalinin, Alexander V. Ignatenko.

Если не принимать во внимание тематическую группу «Стороны конфликта», так как очевидно, что они упоминались в каждой новости многократно, то в процентном соотношении наиболее значительными стали тематические блоки «Военная сфера» (45 %) и «Политика и дипломатия» (35 %), что представляется естественным, т.к., очевидно, новость сообщает ранее не известную информацию, а новостные сообщения о боевых действиях не могут не содержать информации о военной стороне конфликта сторон и политике. Более интересным является значительный пласт лексики политико-экономического характера «Экономика» (15 %), что свидетельствует о достаточно большом внимании к экономическому и политическому контексту происходящих событий в китайских СМИ. На фоне остальных тематических групп «Гуманитарные последствия» не впечатляют большим количеством и разнообразием лексики. Однако отметим, что есть основные лексемы, которые связаны с пострадавшими или жертвами боевых действий 平民 ‘мирный житель’, 损失 ‘потери’, 伤亡 ‘раненые’, 死亡 ‘убитые’, 失去 ‘пропавшие без вести’, 疏散 ‘эвакуация’. Анализ коллокаций с лексемами 战争 ‘война’ и 冲突 ‘конфликт’ не выявил значимых оценочных сочетаний. Выделим только наличие в поле сочетаемости таких единиц, как 因为 ‘так как’, 结果 ‘результат’, 来龙去脉 ‘причинно-следственные связи’, что свидетельствует о нарративе, связанном с поиском причин и последствий конфликта.

Полученные данные во многом коррелируют с полученным ранее выводом о репрезентации в китайских СМИ образа специальной военной операции ВС РФ, где отмечалось: «В Китае создается образ внешнего далекого конфликта, который имеет глубокие исторические корни, весьма серьезные экономико-политические последствия» [22. С. 46]. Так, мы получаем больший акцент не на гуманитарный аспект боевых действий (раненые, беженцы, убитые, разрушения), а на политико-экономические последствия, военные особенности, а также исторические причины войны, что характеризует довольно специфическое, прагматическое восприятие войны вообще.

Восприятие войны носителями лингвокультуры

Изучение репрезентации концепта ВОЙНА в китайском языке путем дефиниционно-этимологического анализа, исследования фразеологии, контент-анализа корпуса медиатекстов является важным шагом к пониманию того, как представления о войне закреплены в народном сознании. Дефиниционный анализ позволяет выявить ключевые характеристики и признаки содержательного компонента концепт-фрейма ВОЙНА. Анализ этимологии лексемы-репрезентанта и ее компонентного состава раскрывает происхождение и эволюцию восприятия войны. Далее результаты ассоциативных экспериментов и эксперимента по анализу восприятия метафор войны позволяют оценить, как эти концептуальные признаки воспринимаются обществом, т.е. насколько они коррелируют со значениями и признаками,

зафиксированными в словарях и поговорках. Такие практические исследования позволяют получить более глубокое понимание того, как война воспринимается носителями лингвокультуры и как интерпретируется в народном сознании.

Результаты прямого ассоциативного эксперимента, построенного по принципу «стимул-реакция» представлены в двух работах. О.И. Калинин и Р.Р. Мавлеев опубликовали результаты опроса 80 респондентов для каждого языка, в числе которых были и военнослужащие, примерно по 20 профессиональных военных в качестве респондентов [23. Р. 80–92]. И.Б. Фоменко также провел ассоциативный эксперимент на русскоязычных и китайскоязычных студентах ДВФУ [8]. Два эксперимента несколько отличались по методике, поэтому результаты можно признать взаимодополняющими. Так, первый эксперимент был построен по модели «1 стимул — одна реакция», и задание было такое: продолжите одним словом «Война — это...». Вторым экспериментом был свободным ассоциативным экспериментом, не ограничивающим испытуемых частеречной принадлежностью слова-стимула и количеством реакций.

Согласно результатам, полученным в исследовании О.И. Калинина и Р.Р. Мавлеева, ассоциативное поле концепта ВОЙНА представлено следующими значениями:

1. Смерть (лексемы: *смерть* — 25, *насилие* — 2, *жестокость* — 5, *кровь* — 3), всего 35 упоминаний на группу;
2. Страдания (лексемы: *страдание* — 8, *боль* — 2, *страх* — 3, *ужас* — 3), всего 16 упоминаний на группу;
3. Последствия (лексемы: *беспорядок* — 8, *катастрофа* — 4, *разрушение* — 7), всего 19 упоминаний на группу;
4. Враг (лексемы: *враг* — 5, *Япония* — 4), всего 9 упоминаний на группу» [23. Р. 87].

В свободном ассоциативном эксперименте А.П. Фоменко «на слово-стимул «война» было получено 189 ассоциатов 战争 ('ВОЙНА'): 战争与和平 'война и мир' — 25; 第二次世界大战 'Вторая мировая война' — 15; 死亡 'смерть' — 13; 卫国战争 'отечественная война' — 12; 和平 'мир' — 10; 世界大战 'мировая война' — 9; 流血 'проливать кровь' — 8; 第一次世界大战 'Первая мировая война' — 6; 抗日战争 'война сопротивления японским захватчикам', 牺牲 'жертва', 武器 'вооружение', 灾难 'бедствие' — 5; 伤亡 'раненые и убитые', 军人 'военные' — 4; 人民 'народ', 军队 'армия', 托尔斯泰 'Л.Н. Толстой', 悲惨 'ужас', 苦难 'страдания', 痛苦 'горе', 冷战 'холодная война' — 3; 硝烟 'пороховой дым', 士兵 'солдат', 孤儿 'сирота', 南京大屠杀 'Нанкинская резня', 世界 'мир', 动荡 'потрясение', 无畏的战士 'бесстрашный воин', 流离失所 'мыкаться по свету и не знать, где голову преклонить', 贸易战 'торговая война', 政治 'политика', 使命 'миссия', 战乱 'военный мятеж', 争斗 'борьба', 惊恐 'испуганный' [8. С. 912].

В этих ассоциатах мы видим значительный акцент на прецедентные имена и события, которые становятся едва не самыми частотными реакциями. Возможно, это связано с особенностями самих респондентов, которые в отличие от первого эксперимента, являлись студентами, которые обучались на момент опроса в России. При этом результаты этого эксперимента также подтверждают значимость ассоциаций, связанных с последствиями войны: 死亡 ‘смерть’; 流血 ‘проливать кровь’; 牺牲 ‘жертва’; 灾难 ‘бедствие’; 伤亡 ‘раненные и убитые’; 悲惨 ‘ужас’; 苦难 ‘страдания’; 痛苦 ‘горе’; 孤儿 ‘сирота’.

Таким образом, на основании результатов двух ассоциативных эксперимента можно сделать выводы:

1. Компонент «смерть» является определяющим, что неудивительно, учитывая историческое развитие Китая, прошедшего через многочисленные военные конфликты, в которых Поднебесная чаще всего находилась в роли пострадавшей стороны. С китайской точки зрения смерть одного конкретного человека не всегда является трагедией, что характерно для коллективистских культур Азии. Мы видим, что количественно проявления негативных последствий войны более значимы, чем некоторые страдания, такие как боль, страх и прочее. Китайская культура направлена на поддержание порядка и гармонии в обществе в целом, что отражает ее коллективистский характер китайской лингвокультуры. Так, подтверждается тезис, что «китайская культура больше внимания уделяет разрушительному воздействию войны на государство и общество» [23. Р. 89].
2. В ответах китайских респондентов выделяется компонентная группа «Враг», что может свидетельствовать о склонности к отождествлению войны с конкретным противником, наличие лексемы «Япония» свидетельствует о конкретизации противника. Также в ответах, полученных в результате свободного ассоциативного эксперимента, мы находим достаточное количество лексем, которые так или иначе связаны с прецедентными именами или событиями, что свидетельствует о соотношении войны как абстрактного понятия с чем-то более конкретным.

Восприятие феномена войны также можно рассмотреть по результатам, полученным в ходе эксперимента по восприятию военных метафор [5. С. 83–93]. В современной когнитивной лингвистике считается доказанным тот факт, что языковые формы концептуальных метафор зависят от культурно-исторических характеристик мышления носителей разных языковых систем. Как указывает З. Кевечеш, «метафоры могут быть вариативными, и они различаются по двум основным измерениям: межкультурному и внутрикультурному» [24. Р. 13]. Межкультурная вариативность — это разница в метафорической концептуализации окружающей действительности с точки зрения представителей разных этнических и национальных культур. Иными словами, концептуальные метафоры,

которые по меткому выражению Дж. Лакоффа, отражают «то, как мы думаем, что переживаем и что делаем каждый день» [25. С. 23], могут менять свою языковую форму в национальных дискурсах в зависимости от специфики национальной культуры.

По мнению З. Кевечеша, «межкультурные вариации метафорических моделей могут проявляться в трех разных типах: 1) разные культуры имеют разные сферы-источники для одной и той же сферы-цели; 2) в разных культурах сферы-источники для одной и той же сферы-цели почти одинаковы, но один язык/культура демонстрирует явное предпочтение некоторым используемым концептуальным метафорам, и это предпочтение различается от культуры к культуре; 3) определенная концептуальная метафора может быть уникальной и специфичной только для одной культуры» [24. Р. 67–68]. В проведенном исследовании мы опирались на второй тип межкультурной вариативности и исследовали предпочтительное восприятие определенных метафорических моделей со сферой-целью война в сознании носителей русского и китайского языков.

Прежде всего для проведения эксперимента были выбраны сферы-источники, отражающие разное осмысление войны, а именно ВОЙНА — это ИГРА, ВОЙНА — это ТЕАТР, ВОЙНА — это СОРЕВНОВАНИЕ, ВОЙНА — это АЗАРТНАЯ ИГРА, ВОЙНА — это УРОК и ВОЙНА — это СМЕРТЬ. После этого для каждой концептуальной метафоры было разработано по 4 языковых метафоры (2 ярких авторских метафоры и 2 конвенциональных стертых метафоры), всего 24 предложения-стимула. Например, «Мы проиграли это сражение, но выиграли войну (стертая метафора со сферой-источником ИГРА); Генералы переставляли полки и батальоны как шахматные фигурки (новая метафора со сферой-источником ИГРА)». Все предложения-стимулы можно посмотреть в более детальном описании методики исследования [5. С. 109–110].

Само исследование состояло в опросе респондентов-носителей русского и китайского языков, которые были кадровыми военнослужащими. Анкета содержала два задания: 1) оценить адекватность указанных предложений по шкале от 1 до 10. Формулировка задания гласила: «Оцените, пожалуйста, вероятность употребления вами такого предложения, где 1 — «я никогда бы так не сказал», а 10 — «я использовал такую или похожую фразу»; 2) участники должны были выразить согласие или несогласие с высказыванием, соответствующим базовой формуле концептуальной метафоры (ВОЙНА — это ИГРА/ТЕАТР и т.д.) по шкале от 1 до 5, где крайние значения означают полное несогласие и согласие соответственно. Количественный подсчет двух показателей позволяет вычислять так называемую «дисперсию между имплицитным и эксплицитным планами метафоры, значение которой показывает устойчивость метафорической модели в сознании людей» [5. С. 113].

Таблица 2 / Table 2

**Концептуальный и языковой уровни метафорического восприятия /
Conceptual and linguistic levels of metaphorical perception**

	ИГРА / GAME	ТЕАТР / THEATRE	СОРЕВНОВАНИЕ / COMPETITION	АЗАРТ / GAMBLE	УРОК / LESSON	СМЕРТЬ / DEATH
Кит (язык.) / Chinese (linguistic)	4,5	4,6	5,2	4	5,1	5,6
Кит (конц.) / Chinese (conceptual)	2,1	2,2	2,9	1,5	2,4	3,1
Кит — дисперсия, % / Chinese dispersion, %	3	2	–6	10	3	–6

Источник: составлено О.И. Калининым, А.В. Игнатенко / Source: compiled by Oleg I. Kalinin, Alexander V. Ignatenko.

Из полученных данных мы можем сделать вывод, что для китайских респондентов существует нормальное значение дисперсии для всех исходных доменов, т.е. китайская культура характеризуется более адекватным пониманием феномена войны. При этом мы видим, что доминирующими являются метафоры, связанные со смертью и уроком, в то время как наименьшее приятие получили метафоры азарта и театра, что говорит о понимании пагубных последствий и осмыслении войны через бедствия, которые она приносит, низкий уровень романтизации боевых действия, героизации военнослужащих и оправдания насилия.

Результаты исследования

В данной работе представлены результаты исследований представлений о феномене войны в китайской лингвокультуре. Мы последовательно представили данные, полученные в результате дефиниционно-этимологического анализа лексем-репрезентантов концепта ВОЙНА (смысловой компонент), а также исследования паремий на военную тематику и контент-анализ дискурсивной репрезентации военных конфликтов современности (оценочный компонент). Также приведены результаты двух ассоциативных экспериментов и метафорического моделирования со сферой-целью ВОЙНА, что отражает эмоциональный компонент. Кроме того, нам удалось соотнести полученные в результате анализа языкового и дискурсивного материала, а также данных психолингвистических экспериментов с базовыми представлениями о войне, зафиксированными в произведениях китайской литературы. Представим полученные данные в форме сводной таблицы.

**Содержание представлений о войне в китайской лингвокультуре /
The content of ideas about war in Chinese linguoculture**

Базовое значение / Base value	Форма вооруженной борьбы / Form of armed struggle
Вторичное значение / Secondary meaning	соперничество за получение благ
Этимологическое значение / Etymological meaning	вооруженная борьба за обладание материальными благами
Оценочный компонент (паремии) / Evaluative component (paremias)	война — политика, обман
Оценочный компонент (дискурс) / Evaluative component (discourse)	война — это последствия в экономике, причины — в истории
Доминантный эмоциональный компонент / Dominant emotional component	смерть, последствия
Вторичный эмоциональный компонент / Secondary emotional component	страдания, враги/персонализация
Базовые эмоциональные модели / Basic emotional models	смерть, урок, соревнование

Источник: составлено О.И. Калининым, А.В. Игнatenко / Source: compiled by Oleg I. Kalinin, Alexander V. Ignatenko.

Таким образом, мы можем постулировать, что война в рамках китайской культуры предстает как форма вооруженной борьбы, направленная на получение выгоды с доминирующими атрибутами «смерть», «последствия», «враг». При этом важными дополнительными направлениями осмысления феномена войны для китайской культуры является ее понимание как «продолжения политики», «пути обмана».

Изложенные выше результаты коррелируют с историческим опытом Поднебесной. Так как Китай никогда не вел наступательных войн, предпочитая добиваться побед без оружия, за счет культурной и экономической экспансии, исторически военные в государственной иерархии никогда не занимали лидирующие позиции, находились на ступень ниже гражданской администрации. Следовательно, война больше ассоциируется с видом политической деятельности, где имеет место хитрость и обман, и которая может принести негативные материальные последствия.

Заключение

Обобщенный анализ результатов разных исследований представлений о войне наглядно демонстрирует культурно-исторический опыт китайского народа. Проведенное исследование не только демонстрирует конкретные различия в понимании войны на разных уровнях лингвокультуры, но и подчеркивает важность понятийного компонента феномена «война». Мы полагаем, что предложенное рассмотрение понятийного компонента феномена «война» посредством изучения словарных дефиниций и этимологизации

иконических лексем-репрезентантов, описание оценочного компонента через анализ паремического фонда языка и выявление характеристик эмоционального компонента через результаты ассоциативного эксперимента и анализ метафорических моделей отражает современные представления когнитивной лингвистики о репрезентации сложного знания в языке. Сопоставительные исследования, построенные по сходной архитектуре, позволяют проникать в глубинные основания культурно-исторического опыта разных народов, отраженные в языке. Исследование национально-маркированного и культурно-обусловленного знания может стать эффективным способом изучения национальной психологии других народов и стать основанием для выстраивания долгосрочных взаимовыгодных отношений.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. EDN: TZCWPV
2. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание. 2002. № 2. С. 5–15.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. 2005. Т. 1. С. 13–15. EDN: WDXMBX
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Калинин О.И. Внутрикультурная вариативность концептуальной метафоры со сферой-целью ВОЙНА: зависимость от профессионального и личного опыта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 103–117. EDN: SBJNJK
6. Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. War metaphors in public discourse // Metaphor and Symbol. 2018. № 33(1). P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/10926488.2018.1407992>
7. Kalinin O.I., Gruzdev D.Yu. WAR Lessons or how Social and Personal back-ground Shapes Our Perception // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2020. № 8(2). P. 83–93. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE2002001G083K>
8. Фоменко И.Б. Концепт ВОЙНА в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 3. С. 910–917. EDN: GWDDPS
9. Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 250–277. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277> EDN: RWBBPY
10. Leontovich O.A., Kalinin O.I., Ignatenko A.V. Metaphor power and language typology: Analysis of correlation on the material of the United Nations Declarations // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7. № 2. P. 21–29. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-21-29> EDN: SGFLDE
11. Kalinin, O.I. Metaphor power in the context of the author's opinion expression and perception / O.I. Kalinin, A.V. Ignatenko // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28. № 1. P. 166–189. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34791> EDN: OJIFTH
12. Игнатенко А.В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньянь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. № 3. С. 507–523. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.308> EDN: ATGTTG

13. *Игнатенко А.В. Кондратова Т.И.* Введение в китайскую литературу: от древности до наших дней. М. : Издательский дом ВКН, 2022. EDN: GPZTHS
14. *Ибрагимова В.Л., Ван Х.* Война как явление социально-исторической природы в зеркале русской и китайской лингвокультур // *Вестник Башкирского университета*. 2018. Т. 23. № 2. С. 522–531. EDN: ZRFRFY
15. *Игнатенко А.В.* Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (2005) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22. № 4. С. 115–126. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126> EDN: CRYHRC
16. *Игнатенко А.В.* Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 1004–1014. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014> EDN: YNKHVG
17. *Гурулева Т.Л.* Речевой портрет китайской языковой личности. М. : Информационно-технологический центр, 2017. EDN: YTLAOD
18. *Репнякова Н.Н., Решетникова У.Н.* Лексические средства создания образа войны в китайской фразеологии // *Народная культура Сибири: материалы XXIX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск : ОмГПУ, 2021. С. 24–30. EDN: XCRGGS*
19. *Полончук Р.А.* Военная тематика во фразеологии китайского языка // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. Т. 80. № 2–2. С. 361–363. EDN: YODOIP
20. *Ван С.* Русские и китайские фразеологизмы, характеризующие поведение человека во время военных действий // *Вестник Башкирского университета*. 2018. Т. 23. № 2. С. 468–472. EDN: WODUYD
21. *Абдрахимов Л.Г., Радус Л.А., Ткачук В.В.* Военная тематика в китайских пословицах и поговорках. Китайско-китайский тематический словарь. М. : Издательский дом ВКН, 2018. EDN: LSEONQ
22. *Калинин О.И.* Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2022. Т. 865. № 10. С. 41–47. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_10_865_41 EDN: GVIHES
23. *Kalinin O.I., Mavleev R.* The “War” Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment // *DICTUM — FACTUM: от исследований к стратегическим решениям : сб. науч. трудов по материалам Всерос. междисциплин. конференции молодых ученых. Севастополь : Севастопольский государственный университет, 2019. С. 80–92. EDN: NBGJJJ*
24. *Kövecses Z.* *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
25. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которым мы живём. М. : Едиториал УРСС, 2004.

References

1. Boldyrev, N.N. (2014). *Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures*. Tambov: TSU named after G.R. Derzhavin publ. (In Russ.). EDN: TZCWPV
2. Kubryakova, E.S. (2002). On the Modern Understanding of the Term “Concept” in Linguistics and Cultural Studies. *Reality, Language and Consciousness*, (2), 5–15. (In Russ.).
3. Karasik, V.I., & Slyshkin, G.G. (2005). Basic Characteristics of Linguistic and Cultural Concepts. *Anthology of Concepts*, (1), 13–15. (In Russ.). EDN: WDXMBX
4. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience*. Moscow: School of Languages of Russian Culture. (In Russ.).
5. Kalinin, O.I. (2020). The Intra-Cultural Variability of the Conceptual Metaphor with the Sphere-goal of WAR: Dependence on Professional and Personal Experience. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 18(3), 103–117. (In Russ.). EDN: SBJNJK

6. Flusberg, S.J., Matlock, T., & Thibodeau, P.H. (2018). War Metaphors in Public Discourse. *Metaphor and Symbol*, 33(1), 1–18. <https://doi.org/10.1080/10926488.2018.1407992>
7. Kalinin, O.I., & Gruzdev, D.Yu. (2020). WAR Lessons or how Social and Personal back-ground Shapes Our Perception. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 8(2), 83–93. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE2002001G083K>
8. Fomenko, I.B. (2021). The concept of WAR in the Russian and Chinese language pictures of the world. *Philological Sciences. Questions of theory and practice of Philology. Theory & Practice*, 14(3), 910–917. (In Russ.). EDN: GWDDPS
9. Sun, Y., Kalinin, O.I., & Ignatenko, A.V. (2021). The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches. *Russian Journal of Linguistics*, 25(1), 250–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277> EDN: RWBBPY
10. Leontovich, O.A., Kalinin, O.I., & Ignatenko, A.V. (2023). Metaphor power and language typology: Analysis of correlation on the material of the United Nations Declarations. *Training, Language and Culture*, 7(2), 21–29. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-21-29> EDN: SGFLDE
11. Kalinin, O.I. & Ignatenko, A.V. (2024). Metaphor power in the context of the author's opinion expression and perception. *Russian Journal of Linguistics*, 28(1), 166–189. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34791> EDN: OJIFTH
12. Ignatenko, A.V. (2022). Features of the Language Game in Liu Zhenyun's Prose on the Example of the Novel "I am not Pan Jinlian". *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 14(3), 507–523. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.308> EDN: ATGTTG
13. Ignatenko, A.V., & Kondratova, T.I. (2022). *Introduction to Chinese literature: from antiquity to the present day*. Moscow: Publishing House VKN. (In Russ.). EDN: GPZTHS
14. Ibragimova, V.L., & Wang, H. (2018). War as a phenomenon of socio-historical nature in the mirror of Russian and Chinese linguistic cultures. *Bulletin of Bashkir University*, 23(2), 522–531. (In Russ.). EDN: ZRFRFY
15. Ignatenko, A.V. (2023). Features of Parenthetical Constructions in Mo Yan's Novel "Tired of Being Born and Dying" (2005). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 22(4), 115–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126> EDN: CPYHRC
16. Ignatenko, A.V. (2023). Emotive Suggestiveness in Contemporary Chinese Fictional Discourse: A Case Study of Yu Hua's To Live (1992). *Oriental Studies*, 16(4), 1004–1014. (In Russ.). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014> EDN: YHKHVG
17. Guruleva, T.L. (2017). *Speech portrait of a Chinese language personality*. Moscow: Information Technology Center. (In Russ.). EDN: YTLAOD
18. Repnyakova, N.N., & Reshetneva, U.N. (2021). Lexical means of creating an image of war in Chinese phraseology. In: *Folk culture of Siberia: Proceedings of the XXIX scientific and practical seminar of the Siberian Regional University Center for Folklor*; T.G. Leonova (Ed.) (pp. 24–30). Omsk: Omsk State Pedagogical University publ. (In Russ.). EDN: XCRGGS
19. Polonchuk, R.A. (2018). Military topics in the phraseology of the Chinese language. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 80(2–2), 361–363. (In Russ.). EDN: YODOIP
20. Wang, X. (2018). Russian and Chinese phraseological units characterizing human behavior during military operations. *Bulletin of the Bashkir University*, 23(2), 468–472. (In Russ.). EDN: WODUYD
21. Abdrakhimov, L.G., Radus, L.A., & Tkachuk, V.V. (2018). *Military themes in Chinese proverbs and sayings. Chinese-Chinese thematic dictionary*. Moscow: Publishing House VKN. (In Russ.). EDN: LSEONQ
22. Kalinin, O.I. (2022). Corpus analysis of the linguistic representation of the special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine in the Chinese media. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 865(10), 41–47. (In Russ.). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_10_865_41 EDN: GVIHES

23. Kalinin, O.I., & Mavleev, R. (2019). The “War” Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment. In: *“DICTUM — FACTUM: from Research to Policy Making: Proceedings of All-Russian Conference of Young Scientists* (pp. 80–92). Sevastopol: Sevastopol State University publ. <https://doi.org/10.32743/dictum-factum.2020.80-92> EDN: NBGJJJ
24. Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press.
25. Lakoff, J., & Johnson, M. (2004). *Metaphors That We Live By*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Калинин Олег Игоревич, доктор филологических наук; доцент, профессор кафедры китайского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38); доцент 36 кафедры института иностранных языков факультета иностранных языков, Военный университет им. князя Александра Невского (111033, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3); старший научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, Российская Федерация, г. Челябинск, просп. В.И. Ленина, д. 76); *сфера научных интересов*: теория дискурса, когнитивная лингвистика, метафорология, теория речевого воздействия; *e-mail*: okalinin.lingua@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1807-8370; Scopus AuthorID: 57223031724; SPIN-код: 7494-7512, AuthorID: 664955.

Игнатенко Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6). *Сфера научных интересов*: межкультурная коммуникация, переводоведение, история китайской и русской литературы, сопоставительное языкознание; *e-mail*: ignatenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9261-4306; Scopus AuthorID: 57223025263; ResearcherID: ABC-7865-2020; SPIN-код: 7534-3139; AuthorID: 1045741.

Information about the authors:

Oleg I. Kalinin, Dr.Sc. in Philology; Professor at the Chinese Language Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); Associate Professor at the 36th Department, Institute of Foreign Languages, Military University (3, Volochayevskaya str., Moscow, Russian Federation, 111033); Senior Researcher of the Department of Scientific and Innovative Activity, South Ural State University (National Research University) (76, Lenina av., Chelyabinsk, Russian Federation, 454080); *Research interests*: theory of discourse, cognitive linguistics, metaphorology, theory of speech influence; *e-mail*: okalinin.lingua@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1807-8370; Scopus AuthorID: 57223031724; SPIN-code: 7494-7512, AuthorID: 664955.

Alexander V. Ignatenko, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: intercultural communication, translation studies, cultural linguistics, history of Chinese and Russian, comparative studies; *e-mail*: ignatenko-av@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9261-4306; Scopus AuthorID: 57223025263; ResearcherID: ABC-7865-2020; SPIN-code: 7534-3139; AuthorID: 1045741.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76

EDN: FQXYLU

УДК 811.161.1'27(510)

Научная статья / Research article

Англоязычная политическая карикатура в социокультурном контексте

С.Ю. Павлина 

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», *Нижний Новгород*,
Российская Федерация

✉ spavlina@hse.ru

Аннотация. Работа выполнена в русле социолингвистики с применением системно-функционального подхода к анализу мультимодального дискурса. Исследование посвящено сопоставительному анализу британских и американских политических карикатур, которые рассматриваются как креолизованные тексты, инкорпорированные в социально-культурный ландшафт. Создание идеологического посыла карикатуры основано на использовании вербального, иконического, графического и цветового кодов, которые взаимодействуют между собой и с широким контекстом, образуя интерсемиотические и интертекстуальные связи. Актуальность работы заключается в том, что подобное взаимодействие до сих пор не изучалось в сопоставительном плане на примере вариантов одного и того же языка. Материалом послужили 150 британских и 150 американских политических карикатур, размещенных в электронных версиях газет *The Guardian* и *US Today* в 2020–2021 гг. Сопоставление британских и американских карикатур позволяет установить, что их авторы в целом используют схожие средства достижения экспрессивности, а именно гротеск, визуальную метафору, рассогласование вербального и визуального смыслов, перифраз. Различие заключается в использовании графического кода: в британских карикатурах с его помощью передаются разнообразные просодические характеристики, создаются ассоциации с музыкальным контекстом, что делает британские карикатуры более полифоническими в сравнении с американскими. Не совпадают и источники визуальных образов исследуемых групп текстов, такие как национальные символы, исторические явления, символы власти. Некоторое сходство обнаруживается в использовании прецедентных текстов, относящихся к мировому художественному наследию, в частности библейских сюжетов.

Ключевые слова: семиотические коды, креолизованный текст, интертекстуальность

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.10.2024; дата приема в печать: 15.11.2024.

© Павлина С.Ю., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Павлина С.Ю. Англоязычная политическая карикатура в социокультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 61–76. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76>

British and American Political Cartoons in Sociocultural Context

Svetlana Yu. Pavlina 

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ pspavlina@hse.ru

Abstract. This research is set in the framework of sociolinguistics and employs the Multimodal Critical Discourse Analysis. The article contains the contrastive analysis of British and American political cartoons that are viewed as multimodal texts embedded in social and cultural landscapes. To shape their messages the authors employ verbal, iconic, graphical and colour codes which interact with each other and broad contexts building intersemiotic and intertextual ties. So far these aspects haven't been studied in regard to different variants of one and the same language. The present research aims to fill this gap in modern scholarship. The sample includes 150 British and 150 American political cartoons published by The Guardian and US Today in 2020–2021. The analysis of British and American cartoons reveals that their authors tend to use similar resources to make the cartoons appealing, such as grotesque, visual metaphor, bisociation and periphrasis. The difference lies in their employment of the graphical mode. British cartoonists use it to express different prosodic features, to allude to some musical context, which makes British cartoons more polyphonic than American ones. The research also revealed marked differences in sources of intertextuality that encompass national symbols, historical background, symbols of power. However, both British and American cartoons tend to draw on similar elements of world cultural heritage, using Bible as a prior text.

Keywords: semiotic codes, multimodal text, intertextuality

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 01.10.2024; accepted: 15.11.2024.

For citation: Pavlina, S.Yu. (2025). British and American Political Cartoons in Sociocultural Context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 61–76. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76>

Введение

Политическая карикатура является формой визуальной коммуникации, осуществляемой посредством печатных средств массовой информации. Она инкорпорирована в пространство газетного текста и служит своего рода иллюстрацией к новостным или аналитическим статьям. Это позволяет заключить, что карикатура функционирует в рамках политического медиадискурса, который, по наблюдению А.П. Чудинова, совмещает характеристики публицистического, личностного и политического дискурсов [1. С. 11]. Профессионально выполненная карикатура притягивает к себе взгляд

благодаря оригинальному визуальному плану, заостряет внимание на актуальных социальных проблемах и обновляется ежедневно, что позволяет читателям быть в курсе событий и сформировать определенное мнение о них. В качестве жанровой особенности политической карикатуры как типа сообщения Г.Л. Денисова выделяет «мгновенное преломление действительности через призму видения карикатуриста» [2. С. 51].

Целью политической карикатуры является репрезентация того или иного аспекта социальной, культурной или политической жизни в лаконичном виде, когда реальность предстает в неожиданном, оригинальном и/или юмористическом ракурсе [3. С. 175]. Таким образом, карикатура является своего рода зеркалом своего времени, в котором отражаются базовые компоненты социально-культурной жизни языкового сообщества. Для того чтобы понять смысл, заключенный в карикатуре, получателю информации необходимы определенные фоновые знания, понимание контекста.

В отличие от новостей карикатуры отражают реальность в трансформированном виде, используя различного рода образы, которые могут передаваться в виде вербальных или изобразительных метафор [4]. Визуальный компонент играет особую роль в создании образного пласта карикатур. Считывание данной информации зависит от культурной осведомленности адресата, которая охватывает исторические события, политику, литературу, то есть то, что включено в культурный багаж каждого «адекватного получателя информации» [5. С. 375]. Автор карикатуры кодирует свое видение текущей ситуации, прежде всего опираясь на общие знания актуальных социальных и политических фактов. Кроме того, он транслирует свою интерпретацию не напрямую, как это делается в публицистических статьях, а образно, с использованием интертекстуальных отсылок к базовым элементам культуры, истории, экономики, свойственных тому или иному социуму. Использование интертекстуальности в карикатурах как средства создания авторского посыла исследовалось в отношении разных лингвокультур [6–8]. Однако до сих пор интерес исследователей не распространялся на сопоставление текстов визуальной коммуникации, соотносимых с вариантами одного и того же языка. Сопоставительный анализ американских и британских карикатур основывается на рассмотрении карикатур как семиотически осложненных текстов, включающих в себя вербальный и невербальный компоненты. В лингвистической литературе тексты подобного рода именуются мультимодальными, поликодовыми или креолизированными. Формирование значения текста зависит от слаженного взаимодействия всех семиотических кодов.

В задачи настоящего исследования входит определение того, каким образом британские и американские авторы используют лингвистические и экстралингвистические ресурсы для создания политических карикатур с тем, чтобы вызвать эмоциональный отклик у реципиентов. Выявлению этого способствует проведение сопоставительного анализа вербальных и визуальных

экспрессивных средств в отношении двух групп выборки. Предполагается также сопоставить репертуар элементов социального и культурного ландшафта, к которым обращаются карикатуристы при создании зрительных образов, то есть в задачи входит установление сходства и различия источников интертекстуальности в британских и американских креолизированных текстах.

Подходы к исследованию политической карикатуры

Политическая карикатура как жанр визуальной политической коммуникации исследуется в современной научной литературе с точки зрения функциональной прагматики, социолингвистики, в семиотическом ракурсе, а также с позиции стилистических средств, используемых авторами для оформления и трансляции собственных идей. Основным предназначением карикатуры, по мнению большинства исследователей, является обращение к актуальным проблемам, персоналиям, событиям и тенденциям с целью выражения определенного мнения по тем или иным общественно значимым вопросам [9]. Как отмечает Г. Клееман, удачная карикатура может представить сложные проблемы в сжатой, концентрированной форме, доступной для самой широкой аудитории. Таким образом, карикатура передает авторское видение коллективному адресату, который может получать эстетическое удовольствие от карикатуры как от формы художественного самовыражения или же посчитать ее забавной [9]. Исходя из данных наблюдений, представляется возможным заключить, что карикатурам свойственны как эстетическая, так и людическая, то есть развлекательная, функции. Однако, как справедливо отмечает Г. Клееман, наиболее удачными следует признать те карикатуры, которые используют экспрессивно оформленную визуальную сатиру с тем, чтобы вызвать отклик у получателя информации, донести свои идеи адресату [9]. Многие относят карикатуру к легкому игровому жанру, однако в них заключен многоплановый смысл. Получателю информации необходимо понять широкий контекст, расшифровать точку зрения автора и сделать собственный выбор. Таким образом, можно заключить, что функция воздействия является основной в репертуаре функций, выполняемых политическими карикатурами. Рассматривая карикатуры с позиции коммуникативной прагматики, Х. Падилья выделяет пресупозицию как необходимый компонент коммуникации между карикатуристом и аудиторией. Под пресупозицией понимаются базовые знания, которые служат отправной точкой при создании карикатуры [10]. Развивая мысль автора, можно утверждать, что эти знания должны разделяться и получателями информации, в противном случае заключенное в карикатуре послание не будет расшифровано и визуальная коммуникация не будет эффективной.

Социолингвистический ракурс позволяет рассматривать карикатуры как способ критики общественных институтов, явлений, социальных отношений. Исследование, авторами которого являются В. Цакона и Д. Попа,

выявляет позитивный эффект карикатур, который проявляется в противопоставлении «свой»/«чужой». Карикатура служит объединяющим началом для группы «своих», в которую входят реципиенты, чье мнение совпадает с позицией автора карикатуры. Те, против кого направлена сатира, образуют группу «чужих» [11]. Позитивный эффект выявляется только для группы, поддерживающей идеи карикатуриста. Негативно окрашенным будет восприятие карикатур теми, против кого они направлены, поскольку резкая критика и насмешка могут быть оскорбительными [12]. Рассматривая карикатуры с позиций социопрагматики, В. Цакона вводит понятие *критической грамотности*. Автор утверждает, что как создатели карикатур, так и их адресат не являются объективными в оценке событий. Критическая грамотность позволяет выявлять элементы текста, которые транслируют идеи неравенства и социальной несправедливости, пропагандируют дискриминацию по отношению к определенным социальным группам. Исследователь делает вывод о том, что получатель информации должен критически оценивать идеологическое содержание карикатур, которое часто является имплицитно выраженным и требует от адресата определенных усилий при декодировании [8].

Исследуя карикатуры с точки зрения семиотической теории, как отечественные, так и зарубежные лингвисты относят их к семиотически осложненным, гетерогенным текстам, поскольку в них совмещаются вербальный и визуальный семиотические коды [6; 13; 14]. Согласно точке зрения Ю. Чаплыгиной, карикатуры являются вербо-иконическим сообщением, в котором выделяются лингвистический и экстралингвистический компоненты. Вербальный код реализуется на основе естественного языка в виде надписей внутри карикатуры, которые имеют форму заголовка или реплики персонажа [13]. Как утверждает В. Цакона, идеологический посыл политической карикатуры оформляется в результате использования лингвистического и визуального кодов, либо только с помощью визуального кода [14]. Авторы карикатур тщательно отбирают и организуют элементы креолизованного текста, достигая максимального эффекта за счет тесного взаимодействия и взаимовлияния разнородных семиотических кодов. Авторское видение ситуации передается получателю информации при условии, что текст основан на целостности и согласованности визуального и вербального компонентов.

Все гетерогенные семиотические коды, включенные в креолизованный текст, выполняют специфическую функцию, направленную на реализацию конкретной коммуникативной задачи [15]. В частности, восприятие письменного текста зависит не только от значения, заключенного в языковых единицах, но и от их пространственной организации в канве текста, от выбора того или иного шрифта и величины букв. Пространственная организация важна и для рисунка как иконического кода карикатуры. Данные параметры относятся к графическому коду, который свойственен каждому креолизованному тексту, включая карикатуру. Создание

смысла карикатуры зависит и от выбора цветового решения. Цвет важен как для фона креолизованного текста, так и для оформления вербального и иконического компонентов. В визуальной политической коммуникации цветовой код становится важным семиотическим ресурсом, поскольку он достаточно часто обладает культурной коннотацией [16]. Таким образом, семиотически разноплановые компоненты политической карикатуры включают вербальный, иконический, графический и цветовой коды, которые тесно взаимодействуют друг с другом для создания единого смысла, заложенного автором.

Для достижения экспрессивности карикатуристы используют целый арсенал стилистических средств, к которым исследователи относят гиперболу, пан, аллюзию и иронию [17]. Отдельное направление в исследовании экспрессивности текста политической карикатуры связано с применением теории концептуальной метафоры по отношению к вербальному и иконическому компонентам карикатуры [18]. Особого внимания в этом отношении заслуживает работа Элизабет Эль Рефайе *Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoon*. Проведя анализ австрийских карикатур на тему иммиграции, автор приходит к выводу о том, что как вербальные, так и визуальные метафоры, как правило, выражают сложные понятия в доступной для реципиента форме. Специфика визуальной метафоры заключается в том, что она обнаруживает высокую степень зависимости от широкого контекста и часто бывает имплицитной, а ее интерпретация зависит от уровня осведомленности и идеологической позиции получателя информации. В работе подчеркивается важность социокультурного контекста и плана выражения при исследовании как визуальной, так и вербальной метафоры, используемой авторами политической карикатуры [19].

Значимость культурного контекста, акцентируемая исследователями политической карикатуры, созвучна идеям диалогичности, которые развивались в трудах М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ю. Лотмана. Широкое понимание текста позволило Ролану Барту прийти к выводу о том, что каждый текст является интертекстом, поскольку в нем совмещаются фрагменты культурного кода, фразеологического фонда языка, обнаруживается узнаваемая ритмическая структура, иными словами текст впитывает в себя элементы широкого социально-культурного контекста [20]. В отечественной лингвистике обращение к прошлому коммуникативному опыту определяется в терминах прецедентности, реализацией которой служат прецедентные феномены. В настоящем исследовании под прецедентными феноменами понимаются источники интертекстуальности, инкорпорированные в социально-культурный контекст. Исследование прецедентных феноменов, используемых в карикатурах Великой Отечественной войны, позволяет Г.Л. Денисовой продемонстрировать их роль в формировании

референтной, темпоральной, локальной и модальной структур текста [6]. М. Пинар-Санс устанавливает корреляцию между интертекстуальными свойствами политической карикатуры и юмором. Автор утверждает, что восприятие авторского замысла, в том числе юмористического потенциала карикатуры, зависит от того, насколько реципиент знаком со знаками культуры, лингвистическими кодами и широким социальным контекстом, в который погружена карикатура [21].

Выявление сходства и различия интертекстуальных связей, характерных для современных британских и американских политических карикатур, входит в задачи настоящего исследования.

Методология и материал исследования

На основе изложенных выше теоретических положений в исследовании анализировались британские и американские политические карикатуры, размещенные в электронных версиях газет *The Guardian* и *US Today* в 2020–2021 гг.¹ Данные периодические издания относятся к разряду качественной прессы, имеют впечатляющий тираж и могут считаться авторитетными печатными средствами массовой коммуникации. Помимо новостей в них регулярно публикуются карикатуры, являющиеся иллюстрацией редакционных статей. Британская газета *The Guardian* размещает карикатуры под рубрикой *Guardian Opinion Cartoon*, что подразумевает совпадение позиции карикатуристов с мнением редакции. В газете *US Today* политические карикатуры публикуются под рубрикой *Editorial Cartoons*. Выборку составили 150 британских и 150 американских политических карикатур, опубликованных в один и тот же временной отрезок.

Исследование выполнено в рамках социолингвистической теории с применением системно-функционального подхода к анализу мультимодального дискурса, разработанного К. О'Холлоран [22]. Этапы работы заключались в установлении репертуара семиотических кодов, участвующих в создании общего значения креолизованного текста, определении интертекстуальных связей, которые они образуют с актуальным социокультурным контекстом, выявлении того, как форма вербального и визуального компонентов влияет на содержание карикатуры, а также того, как осуществляется взаимодействие разнородных кодов, создание единого коммуникативного посыла. Данные аспекты анализировались отдельно применительно к британским и американским карикатурам, на заключительном этапе было проведено их сопоставление, что позволило выявить общие и национально-специфические черты.

¹ *The Guardian Opinion Cartoon*. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/series> *US Today Editorial cartoons*. Режим доступа: <https://www.usatoday.com/picture-gallery/opinion/cartoons> (дата обращения: 05.07.2023).

Анализ способов построения смысла в британских политических карикатурах

На первом этапе было проведено выделение семиотических кодов в британских креолизованных текстах выборки. Исследование подтвердило мысль о том, что рисунок или в иных терминах иконический код является ключевым средством передачи авторского замысла. Визуальные образы, используемые в карикатурах, основаны на *гротеске*, подтверждением тому служат графические изображения политиков, выполненные в жанре шаржа. Другим экспрессивным стилистическим средством, применяемым в иконическом компоненте, выступает *визуальная метафора*. Изобразительные компоненты карикатур выборки являются иллюстрациями таких идиом как *storm in a tea cup* ‘буря в стакане’, *elephant in the room* ‘букв. слон в комнате/ очевидная проблема, которую игнорируют’, *to roll up one’s sleeves* ‘засучить рукава/взяться за дело’, *to take a stand* ‘занять твердую позицию’, *Augean stables* ‘авгиевы конюшни’, *shoulder devil* ‘букв. дьявол на плече/дурное влияние’, *to be in the dog’s house* ‘букв. оказаться в собачьей будке/впасть в немилость’. Подобная конвертация вербального образа в визуальный принимает форму интерсемиотической игры. В качестве примера рассмотрим карикатуру *Boris Johnson wants to get kids back to school* ‘Борис Джонсон хочет вернуть детей в школу’ (The Guardian 24.02.2021). Центральным персонажем является Б. Джонсон, лежащий на надувном матрасе. Лидер оппозиции К. Стармер держит в руках насос и старается с его помощью надуть матрас премьер-министра. В данном случае надувание матраса служит виртуальной метафорой лести, заискивания, это действие позволяет раздувать самомнение Джонсона. Метафора основана на переносе с физического действия *to inflate the airbed* на сферу межличностных отношений, т.е. в область абстрактного *to inflate one’s ego*.

Игровое начало, заложенное в карикатуре, делает данный креолизованный текст экспрессивным, воздействует на получателя информации как своего рода ребус, заставляющий считывать подтекст и вникать в смысл авторского послания. Одним из мощных средств экспрессии является *рассогласование между вербальным и иконическим содержанием карикатуры*. Данный прием обнаруживается в карикатуре *Trump fans are happy with their Covid cover* ‘Сторонники Трампа рады ковидным компенсационным выплатам’ (The Guardian 22.10.2021). Лексема *cover* является многозначной и совмещает в своей семантической структуре прямое значение *покров/покрытие* и переносное значение *страховое покрытие/покрытие расходов*. Персонажей карикатуры, пожилую семейную пару, бригада скорой помощи увозит в больницу для пациентов с Covid-19. Лежа на носилках, больные отмечают: *And it’s a great thing that we are covered* ‘Замечательно, что у нас есть покрытие’. Рисунок имеет отсылку к прямому значению слова *cover*, поскольку лежащие на носилках пациенты покрыты звездно-полосатыми простынями, символизирующими американский флаг.

Вербальный код характеризуется использованием *стилистически сниженных языковых единиц*. Так, карикатура *The Queen and Prince Philip are feeling locked in* (The Guardian 3.02.2021) содержит ироничную реплику, обращенную к королеве: **Crikey, Liz** — *you were a handsome filly in those days*. Междометие *crikey*, сокращенная форма личного имени королевы Елизаветы, а также лексема *filly* ‘шустрая девица’ относятся к разговорному стилю и создают эффект комичного, обыгрывая определенное несоответствие традиционным формам обращения к королевской особе. Еще более выраженной степенью стилистической сниженности обладают выявленные в карикатурах выборки неологизмы *chumocracy*, *bumocracy*, *effocracy*, образованные при помощи добавления суффикса *-cracy*, имеющего формальную окраску, к лексемам сниженного регистра *chum*, *bum* и *effoff*.

Другим важным способом создания экспрессивности выступает *перифраз прецедентных текстов*. Известное высказывание *It's the economy, stupid*, появившееся в американском политическом дискурсе в конце прошлого столетия, было трансформировано в заголовке карикатуры *It's the media, stupid* (The Guardian 13.03.2020). Данный креолизированный текст содержит изображение волны грязи, готовой накрыть политика-лейбориста Дж. Корбина, а также балансирующего на гребне волны серфингиста, наделенного чертами премьер-министра Б. Джонсона.

Перифраз охватывает также тексты песен. Трансформированная версия британской патриотической песни 1939 г. *There'll always be an England* ‘Пусть всегда будет Англия’ используется в карикатуре *Boris Johnson tells Keir Starmer he's an oik* ‘Борис Джонсон называет Кира Стармера мужланом’: *There'll always be an oikland / And oikland shall be free/As long as oikland knows its place/ And oikland can serve me* (The Guardian 11.02.2021). Указанием на то, что данный текст является пародией на песню, являются нотные знаки, включенные в канву карикатуры. В данном случае прецедентным будет не только текст песни, но и ее музыкальное оформление. Нотные знаки приводят получателя информации к мысли о том, что визуальные образы неразрывно связаны с мелодическими. В тексте карикатуры диалогичность и полифония приобретают аудиальное измерение, выраженное имплицитно. Пародия на песни выявлена и в других британских карикатурах, что позволяет считать компоненты музыкального дискурса одним из источников прецедентности, применяемых в британских креолизированных текстах данного жанра.

Мелодический рисунок реплик персонажей, особенности их акцента передаются с помощью графического кода. Отдельные компоненты вербального текста выделяются полужирным шрифтом, кроме того, авторы применяют многократное написание какой-либо буквы в слове, как, например, в реплике Меган Маркл *That is soooo racist* (The Guardian 10.03.2021). Анализ показывает, что фонетические особенности речи передаются при помощи графона: *regardin'*, *bullin'*. Графон используется и в качестве знака, сигнализирующего

использование игры слов. Примером тому может служить гротескное изображение шотландского политика Алекса Салмонда, одетого в килт, сопровождаемое репликой *Whut's yer problem wi' men in skurts?!?* (The Guardian 3.03.2021). В данной фразе обыгрывается фонетическое созвучие *women in skirts* и *we men in skirts*. Анализ показывает важность графического кода в оформлении общего смысла текста британской карикатуры, что, в частности, проявляется в разнообразии графических знаков. Акценты, передаваемые графически, делают карикатуру полифонической и яркой, добавляя в визуальную коммуникацию игровой компонент. Пример карикатуры, пародирующей Алекса Салмонда, также демонстрирует взаимодействие и взаимное дополнение разных семиотических кодов. Изображение политика в шотландском килте служит ключом к пониманию игры слов, выраженной вербально и творчески оформленной графически. Комический эффект создается за счет синергии всех семиотических кодов креолизованного текста.

Взаимодействие лингвистического и экстралингвистического в создании значения в американских политических карикатурах

Визуальный компонент американских политических карикатур характеризуется гротескным изображением политиков и использованием визуальной метафоры. Одним из средств достижения экспрессивности иконического элемента является использование приема рассогласования прямых и переносных значений идиом. Приведем лишь некоторые из них: *to put your eggs in one basket* ‘класть яйца в одну корзину’, *to exercise your right* ‘реализовывать свое право’, *right through the roof* ‘выше крыши’, *house of cards* ‘карточный домик’, *to bite the hand that feeds you* ‘кусать руку, которая тебя кормит’. В качестве примера рассмотрим карикатуру Майка Томпсона, которая содержит сатирическую репрезентацию политики республиканцев в отношении материальной помощи гражданам с низким уровнем дохода. В ее основе лежит визуализация двух идиом: *fat cat* ‘букв. жирный кот / толстосум’ и *to be in one's pocket* ‘букв. находиться в чьем-то кармане / быть игрушкой в чьих-то руках’. Иконический компонент содержит изображение жирного кота, одетого в костюм, из кармана которого выглядывает лидер республиканцев в Сенате Митч Макконелл, реплика данного персонажа гласит: *I strongly oppose exploding the deficit in order to provide relief ... to average people* ‘Я категорически против увеличения дефицита бюджета ради оказания материальной помощи... простым людям’. Ирония заключается в том, что жирный кот держит в руках денежный мешок с надписью *Tax cuts* ‘Налоговые льготы’. Использование двух идиом в качестве основы визуальной метафоры позволяет автору в образной форме выразить мысль о том, что обладающие сверхдоходами американцы держат под контролем политиков и получают налоговые льготы, в то время как нуждающиеся в финансовой помощи рядовые граждане получают отказ. Позиция автора эксплицируется в иконическом коде, поддерживаемом

вербальным компонентом, обеспечивающим ключ к пониманию зрительного образа (US Today April editorial cartoon gallery).

Кроме того, в исследуемых текстах иконический код выступает в качестве иллюстрации вербального кода, в котором содержится игра слов. Примером может служить карикатура, изображающая губернатора штата Флорида, республиканца Р. Десантиса, убегающего от соратника по партии М. Гетца, который оказался замешанным в громком скандале. Название карикатуры содержит метафорическое выражение *to run for reelection* ‘участвовать в выборах/ предвыборной гонке’, которое обыгрывается в визуальном компоненте: *Is he running for reelection or just running from Gaetz?* ‘Он участвует в предвыборной гонке или просто убегает от Гетца?’ (US Today April editorial cartoon gallery).

Экспрессивный потенциал вербальной составляющей американских политических карикатур реализуется за счет перифраза прецедентных текстов. Пародия на республиканца М. Гетца, который обвиняется в неподобающих сексуальных связях, сопровождается репликой персонажа *I am not a creep*, которая созвучна известному заявлению Р. Никсона *I am not a crook*, сделанному в ответ на обвинения в злоупотреблении властью в разгар так называемого Уотергейтского скандала (Watergate scandal). Указание на это содержится и в другом вербальном компоненте карикатуры — табличке *Daughtergate*, содержащей телескопическую номинацию, образованную от слияния *daughter* + *Watergate* (US Today April editorial cartoon gallery). Президент Никсон и Уотергейтский скандал являются знаковыми элементами американского политического ландшафта, что объясняет обращение авторов карикатур к данным источникам интертекстуальности. С целью высветить актуальные социальные аспекты карикатуристы используют известные образы, одним из объектов сатиры является проблема контроля над ношением оружия. В последнее время ремой многих карикатур выступает борьба с пандемией, в качестве темы берется незаконное применение оружия. В основу подобных карикатур положена многозначность лексемы *shot*, прямым значением которой является ‘выстрел’; производное значение ‘прививка’ является разговорным и используется в американском варианте английского языка, имеет национально-специфичную коннотацию, культурно маркированной будет и ситуация с незаконным применением оружия.

С точки зрения стилистической отнесенности лингвистических знаков американские карикатуры главным образом содержат нейтральные языковые единицы. В то же самое время было выявлено несколько разговорных лексем: *to pipe down*, *dems* (сокращенное от *democrats*), *hey there bro*, *gee*. Обращает на себя внимание и то, что реплики персонажей не содержат имитации акцента и выполнены в достаточно сдержанной манере. Свойственный карикатурам шрифт Comic Sans не поддерживается выделением, удвоением букв, графонами, как в британских карикатурах. Это

позволяет сделать вывод о том, что графический код в меньшей степени участвует в реализации авторского замысла в американских карикатурах, в сравнении с британскими.

Анализ тематики американских карикатур показывает, что их авторы освещают внутренние проблемы и достаточно редко уделяют внимание международным вопросам. Источниками интертекстуальных связей, как правило, являются компоненты национальной культуры, то есть прецедентные феномены, понятные широкому кругу американцев. В этой связи представляется релевантным классифицировать данные культурно значимые элементы и сопоставить их с аналогичными компонентами британского социально-политического ландшафта.

Сопоставление источников визуальных образов британских и американских карикатур

Исходя из того, что визуальный компонент является ведущим в карикатуре как креолизованном тексте, представляется логичным провести сопоставительный анализ источников визуальных образов в американских и британских карикатурах выборки. Обращает на себя внимание то, что в двух сопоставляемых группах особое место отводится национальным символам. В США образ страны репрезентируется с помощью изображения Статуи свободы, государственного флага, Дядюшки Сэма. В британских карикатурах подобными прецедентными феноменами являются Британский лев, государственный флаг и аллегория Британия (см. табл. 1).

Как американские, так и британские карикатуры содержат гротескные изображения современных политиков и деятелей прошлого. Американские тексты строятся на использовании образов слона (талисмана республиканской партии) и осла (талисмана демократов). Британские карикатуры характеризуются изображением символов монархии и членов королевской семьи.

Карикатуры выступают своего рода зеркалом исторического прошлого страны. Для американского социума знаковыми являются прецедентные феномены, связанные с расовой сегрегацией, такие как Ку-клукс-клан и законы Джима Кроу. Наиболее часто используемым символом исторического прошлого Британии в исследуемых текстах следует признать римских легионеров.

Мировое и национальное художественное наследие служат источниками интертекстуальности в двух сопоставляемых группах карикатур. Общим является обращение к библейским сюжетам, таким как Ноев ковчег, поклонение Золотому тельцу. В обеих культурах узнаваемым символом лжи выступает длинный нос Пиноккио. Отличительной особенностью британских карикатур следует признать использование в качестве прецедентных феноменов известных живописных полотен, одним из которых является *Завтрак на траве* Эдуарда Мане.

Таблица 1 / Table 1

**Источники визуальных образов американских и британских карикатур /
Sources of visual images of American and British cartoons**

Национальные символы / National symbols	
США / USA Статуя свободы / Statue of Liberty Государственный флаг / National Flag Дядюшка Сэм / Uncle Sam	Великобритания / Great Britain Британский лев / British Lion Британский флаг / British Flag Аллегорическая фигура Британия / Allegorical Figure Britannia
Символы власти/ истэблишмент / Symbols of power/ establishment	
США / USA Политики прошлого / Politicians of the Past Современные политики / Modern Politicians Талисманы политических партий / Mascots of Political Parties Капитолий / Capitol	Великобритания / Great Britain Королевская семья / Royal Family Современные политики / Modern Politicians Политики прошлого / Politicians of the Past
Исторические символы / Historical symbols	
США / USA Символы расовой сегрегации (Джим Кроу, Ку-клукс-клан) / Symbols of racial segregation (Jim Crow, Ku Klux Klan) Символы освоения Дикого Запада / Symbols of the development of the Wild West	Великобритания / Great Britain Римские легионеры / Roman Legionaries Стоунхендж / Stonehenge Суэцкий кризис 1957 г. / Suez Crisis 1957
Искусство и литература / Art and Literature	
США / USA Библейские сюжеты / Biblical stories Сказки / Fairy tales Детские стихи / Children's poems	Великобритания / Great Britain Библейские сюжеты / Biblical stories Сказки / Fairy tales Живописные полотна / Paintings

Источник: составлено С.Ю. Павлиной / Source: compiled by Svetlana Yu. Pavlina

Как показывает анализ, источники визуальных образов, к которым обращаются карикатуристы, как правило, носят национально-специфический характер. Сферой совпадения выступают произведения мировой культуры, прежде всего Библия. Живописные полотна служат источником интертекстуальности лишь в британских карикатурах выборки. Поскольку карикатуры как средство визуальной коммуникации нацелены на узнаваемость образов и стимулирование эмоциональной реакции адресата, арсенал визуальных и лингвистических средств базируется, прежде всего, на известных, национально-специфичных прецедентных феноменах. Что касается аранжировки гетерогенных семиотических кодов и их роли в реализации авторского посыла, в американских и британских карикатурах предпочтение отдается иконическому коду. Однако полного совпадения все же не выявлено. Различия заключаются в особой роли графического кода, который в британских текстах выборки является эффективным средством, передающим просодические характеристики речи, а также вызывающим ассоциации с песнями, интертекстуальные связи с которыми выражены графически.

Заключение

Политическая карикатура призвана заострять внимание адресата на актуальных социально значимых проблемах, передавая идеологическое содержание в лаконичной форме с привлечением вербальных и визуальных средств. Карикатуры рассматриваются как креолизованные тексты, содержащие вербальный, иконический, графический и цветовой коды. Основная роль в оформлении идеологического посыла отводится изобразительному или в иных терминах иконическому компоненту. Сопоставительный анализ британских и американских карикатур позволяет установить, что их авторы в целом используют схожие средства достижения экспрессивности, а именно гротеск, визуальную метафору, рассогласование между лингвистическим и иконическим содержанием, перифраз прецедентных текстов. Различие заключается в том, что британские карикатуристы более творчески используют графическое оформление текста, что позволяет передать акцент персонажей и другие просодические характеристики текста. В британских карикатурах устанавливаются связи с песенным фондом, при помощи графических средств имитируется мелодика, создаются богатые ассоциации с музыкальным контекстом, что делает британские карикатуры более многослойными и полифоническими в сравнении с американскими. Различия выявлены и в репертуаре элементов культуры, послуживших источниками визуальных образов исследуемых групп текстов. Культурно специфичными являются такие прецедентные феномены, как национальные символы, исторические явления, символы власти. Некоторое сходство обнаруживается в использовании мирового художественного наследия в качестве источника интертекстуальности, свидетельством чему служит обращение к библейским сюжетам.

Список литературы

1. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М. : Флинта, 2006. EDN: SDQKXT
2. Денисова Г.Л. Категория времени в политической карикатуре // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 3. С. 51–69. EDN: YLAHLN
3. El Rafaie E. Metaphor in political cartoons: exploring audience responses // Multimodal metaphor. Berlin : Mouton de Gruyter, 2013. P. 173–196.
4. Raskin V. The Primer of Humor Research. De Gruyter Mouton, 2008. <https://doi.org/10.1515/9783110198492>
5. Cadiero-Kaplan K. Literacy ideologies: Critically engaging the language arts Curriculum // Language Arts. 2002. № 79(5). P. 372–381. <https://doi.org/10.58680/la2002254>
6. Денисова Г.Л. Прецедентные феномены в карикатуре Великой Отечественной войны как креолизованном тексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 7–91. <https://doi.org/10.17223/19986645/65/5> EDN: QVJCIQ
7. Dugalich N.M. Universal and culturally specific features and linguistic peculiarities of the political cartoons in the Arabic and French languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11. № 3. P. 479–495. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495> EDN: MJCZZE
8. Tsakona V. Recontextualizing Humor. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2020. <https://doi.org/10.1515/9781501511929>

9. Kleeman G. Not just for fun: Using cartoons to investigate geographical issues // *New Zealand Geographer*. 2006. № 62. P. 144–151. <https://doi.org/10.1111/j.1745-7939.2006.00057.x>
10. Padilla X. Political cartoons on Greek debt crisis: a cognitive and pragmatic approach // *LinRed*. 2019. № XVI. P. 1–19.
11. Tsakona V., Popa D. (eds.). *Studies in political humour: In between political critique and public entertainment*. Amsterdam : John Benjamins, 2011. <https://doi.org/10.1075/dapsac.46>
12. Davies Ch., Kuipers G., Lewis P. et al. The Muhammad cartoons and humor research: A collection of essays // *HUMOR*. 2008. Vol. 21. № 1. P. 1–46. <https://doi.org/10.1515/HUMOR.2008.001>
13. Чаплыгина Ю.С. Комические креолизованные тексты: взаимодействие знаковых систем. Самара : Самар. гос. экон. ун-т, 2006.
14. Tsakona V. Language and image interaction in cartoons: Towards a multimodal theory of humor // *Journal of Pragmatics*. 2009. № 41(6). P. 1171–1188. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.12.003>
15. Kress G. *Multimodal Discourse Analysis* // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. Routledge, 2020. P. 1–102.
16. Павлина С.Ю. Политический плакат как поликодовый текст // *Политическая лингвистика*. 2019. № 2(74). С. 100–106. <https://doi.org/10.26170/pl19-02-11> EDN: YETEXO
17. Seymour-Ure C. What Future for the British Political Cartoon? // *Journalism Studies*. 2001. № 2(3). P. 333–355. <https://doi.org/10.1080/14616700120062202>
18. Negro Alousque I. Visual metaphor and metonymy in French political cartoons // *Resla*. 2013. № 26. P. 365–384.
19. El Rafaie E. Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoon // *Visual Communication*. 2003. № 2/1. P. 75–95. <https://doi.org/10.1177/1470357203002001755>
20. Barth R. *Image–Music–Text, essays selected and translated by Stephen Heath*. New York: Hill and Wang, 1977.
21. Pinar-Sanz M. Humour and intertextuality in Steve Bell’s political cartoons// *The European Journal of Humour Research*. 2020. № 8(3). P. 16–39. <https://doi.org/10.7592/EJHR2020.8.3.Pinar-Sanz> EDN: BWJWJU
22. O’Halloran K. Multimodal discourse analysis // *The Continuum Companion to Discourse Analysis*, K. Hyland and B. Paltridge (eds.). Continuum, London and New York, 2011. P. 120–137.

References

1. Chudinov, A.P. (2006). *Political Linguistics*. Moscow: Flinta. (In Russ.). EDN: SDQKXT
2. Denisova, G.L. (2018). The category of time in political cartoons. *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, (3), 51–69. (In Russ.). EDN: YLAHLN
3. El Rafaie, E. (2013). Metaphor in political cartoons: exploring audience responses. In: *Multimodal metaphor* (pp. 173–196). Berlin: Mouton de Gruyter.
4. Raskin, V. (2008). *The Primer of Humor Research*. De Gruyter Mouton.
5. Cadiero-Kaplan, K. (2002). Literacy ideologies: Critically engaging the language arts Curriculum. *Language Arts*, 79(5), 372–381.
6. Denisova, G.L. (2020). Precedent Phenomena in the Great Patriotic War Political Cartoon as a Creolized Text. *Tomsk State University Journal of Philology*, (65), 77–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/65/5>
7. Dugalich, N.M. (2020). Universal and culturally specific features and linguistic peculiarities of the political cartoons in the Arabic and French languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 479–495. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495> EDN: MJCZZE
8. Tsakona, V. (2020). *Recontextualizing Humor*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9781501511929>
9. Kleeman, G. (2006). Not just for fun: Using cartoons to investigate geographical issues. *New Zealand Geographer*, (62), 144–151. <https://doi.org/10.1111/j.1745-7939.2006.00057.x>

10. Padilla, X. (2019). Political cartoons on Greek debt crisis: a cognitive and pragmatic approach. *LinRed*, XVI, 1–19.
11. Tsakona, V., & Popa, D. (eds.) (2011). *Studies in political humour: In between political critique and public entertainment*. Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/dapsac.46>
12. Davies, Ch., Kuipers, G., Lewis, P., et al. (2008). The Muhammad cartoons and humor research: A collection of essays. *HUMOR*, 21(1), 1–46. <https://doi.org/10.1515/HUMOR.2008.001>
13. Chaplygina, Yu. (2006). *Comic creolized texts: interaction of semiotic systems*. Samara: Samara State Economic University.
14. Tsakona, V. (2009). Language and image interaction in cartoons: Towards a multimodal theory of humor. *Journal of Pragmatics*, 41(6), 1171–1188.
15. Kress, G. (2010). Multimodal Discourse Analysis. In: *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. (pp. 1–102). Routledge.
16. Pavlina, S.Ju. (2019). Political Posters as Multimodal Texts. *Political Linguistics*, 2(74), 100–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl19-02-11> EDN: YETEXO
17. Seymour-Ure, C. (2001). What Future for the British Political Cartoon? *Journalism Studies*, 2(3), 333–355. <https://doi.org/10.1080/14616700120062202>
18. Negro Alousque, I. (2013). Visual metaphor and metonymy in French political cartoons. *Resla*, 26, 365–384.
19. El Rafaie, E. (2003). Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoon. *Visual Communication*, 2(1), 75–95. <https://doi.org/10.1177/1470357203002001755>
20. Barth, R. (1977). *Image–Music–Text*, Stephen Heath (Ed.). New York: Hill and Wang.
21. Pinar-Sanz, M. (2020). Humour and intertextuality in Steve Bell’s political cartoons. *The European Journal of Humour Research*, 8(3), 16–39. <https://doi.org/10.7592/EJHR2020.8.3.Pinar-Sanz> EDN: BWJWJU
22. O’Halloran, K. (2011). Multimodal discourse analysis. In: *The Continuum Companion to Discourse Analysis*, K. Hyland and B. Paltridge (eds.) (pp. 120–137). London and New York: Continuum.

Сведения об авторе:

Павлина Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, руководитель департамента иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12); *сфера научных интересов*: социолингвистика, семиотика, дискурсивный анализ; *e-mail*: spavlina@hse.ru
ORCID: 0000-0002-8304-795X. SPIN-код: 1087-2959; AuthorID: 867898.

Information about the author:

Svetlana Yu. Pavlina, PhD in Philology, Associate Professor of Departments of Theory and head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Faculty of Humanities, HSE University (25/12 Bolshaya Pecherskaya street, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155); *Research interests*: sociolinguistics, semiotics, discourse analysis; *e-mail*: spavlina@hse.ru
ORCID: 0000-0002-8304-795X. SPIN-code: 1087-2959; AuthorID: 867898.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-77-89

EDN: DZWERX

UDC [811.161.1:811.111]’27:32:070

Research article / Научная статья

Modelling the Image of the Country and the Image of a Political Leader in the American Media Discourse

Alsu A. Khafizova¹

¹Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

✉ alsou-f@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the linguistic features of the representation of a number of states and their heads in the American media discourse and to identify the influence of the language of the media and the political orientation of the publication on the construction of the image of the state and its leader. The analysis of publications in the journal “Foreign Affairs” devoted to such countries as Brazil, the Philippines, Hungary and their heads of state is carried out. American journalists attribute the political regime of these countries to autocracies, and the leaders to populists. In this regard, the relevance of the study is due not only to the wide interest in the problem of constructing the image of the state and the image of a political leader from a wide range of specialists, including political scientists, sociologists, linguists, psychologists, etc., but also to the influence of media texts on the formation and transformation of the image in the mind of the addressee. The subject of the study is the lexical and stylistic means of representing the images of the above-mentioned countries and their heads of state in the media text. The object of the study is the analytical articles of the journal “Foreign Affairs”, which reflect the socio-political realities. In this study, the methods of stylistic analysis, semantic analysis, contextual analysis of political media texts, as well as a descriptive method, including the generalization and interpretation of the information received, were used. The conclusion is made about the formation of the image of the country and its leader based on the reception of contrast, the wide inclusion of pejorative semantics, intertextuality techniques, lexical means of various stylistic tonality in the text, and the implementation by the authors of media texts of various strategies in imposing a certain image of the country and its leader on the addressee.

Keywords: media discourse, the image of the country, the image of a politician, media stylistics, political linguistics, international relations

Article history: received: 28.09.2024; accepted: 09.12.2024.

Funding: the work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

For citation: Khafizova, A.A. (2025). Modelling the Image of the Country and the Image of a Political Leader in the American Media Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 77–89. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-77-89>

© Khafizova A.A., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Моделирование имиджа страны и образа политического деятеля в американском медиадискурсе

А.А. Хафизова¹ 

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
✉ alsou-f@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в рассмотрении лингвистических особенностей репрезентации ряда стран и их глав в американском медиадискурсе и выявлении влияния языка СМИ и политической направленности издания на конструирование имиджа государства и его лидера. Проводится анализ публикаций в журнале *Foreign Affairs*, посвященных таким странам, как Бразилия, Филиппины, Венгрия и их главам государств. Американские журналисты относят политический режим данных стран к автократиям, а лидеров — к популистам. В связи с этим актуальность исследования обусловлена не только широким интересом к проблеме конструирования имиджа государства и образа политического лидера со стороны широкого круга специалистов, включая политологов, социологов, лингвистов, психологов и др., но и влиянием медиатекстов на формирование и трансформацию образа в сознании адресата. Предметом исследования послужили лексико-стилистические средства репрезентации образов вышеназванных стран и их глав в медиатексте. Объектом исследования являются аналитические статьи издания “*Foreign Affairs*”, в которых нашли отражение общественно-политические реалии. В настоящем исследовании были использованы методы контент-анализа, стилистического, семантического анализа, контекстуального анализа политических медиатекстов, а также описательный метод, включающий в себя обобщение и интерпретацию полученной информации. Сделан вывод о построении образа страны и ее лидера на основе приема контраста, широком включении в текст лексики пейоративной семантики, приемов интертекстуальности, лексических средств различной стилистической тональности и реализации авторами медиатекстов различных стратегий в навязывании адресату определенного образа страны и ее руководителя.

Ключевые слова: номинация, оценка, метафора, ассоциация, политическая модализация

Финансирование: Работа выполнена в рамках программы Правительства Российской Федерации по повышению конкурентоспособности Казанского федерального университета.

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.09.2024; дата приема в печать: 09.12.2024.

Для цитирования: *Khafizova A.A. Modelling the Image of the Country and the Image of a Political Leader in the American Media Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 77–89. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-77-89>*

Introduction

The media has always been an important way of organizing and imparting information in society and in our time has become a core component of social reality. Mass media wield pervasive power and are able to involve citizens in the political process. The content of the media to some extent determines and shapes the life of the consumer of information. This factor plays an essential role in the process of forming public opinion and managing social mechanisms, which is essential for politics.

As a result of the intense activity of mass media, language becomes an instrument of struggle for political influence, and media text becomes a form of its implementation. In our understanding, a media text we will follow the explanation introduced by L.V. Minaeva who determines the media text as a creolized polycode text that belongs to a certain stable media source and is transmitted through mass communication channels [1].

A media political sub-discourse is a set of political texts processed by a journalist in one way or another. It includes primary texts, such as parliamentary sessions and debates, the President's inaugural speech, the President's Address to the Federal Assembly, as well as secondary texts, in which "primary" information is used, systematized and reduced, processed and formalized in a special way. Thus, the media text is a journalistic interpretation of the source text. The repetition of topics and the range of problems in media publications from issue to issue contributes to increasing the importance of the stated topics in the minds of readers, which allows a media outlet to manage public opinion and direct it in the required direction. The impact of the media lies in the scope of evaluation criteria formation and decision-making.

While creating a media text, a journalist presents the material through the prism of his or her experience, knowledge and value system, and reproduces reality through his or her picture of the world. In addition, the author is influenced by the corporate ethics of the media outlet, its socio-political orientation and the political preferences of the owner. It is also important for a journalist to constantly maintain the interest of the reader or viewer, so the information can be transformed and presented in a form that is convenient for the mass audience to perceive [1].

Thus, a media outlet forms one or another portrait of a representative of the political world or a view on a topical problem, creating a certain media image. In the scientific literature, the term "media image" refers to a set of emotional and rational representations based on information received from the media, or a special image of reality presented to a mass audience by the media industry [1].

In any case, a media image is a reflection of the real world in the mind of a journalist, transmitted by means of media communication in the form of a media text in all its complexity, which is perceived and evaluated by the addressee depending on his or her values. A media image can have an expressive effect on the feelings and mind of the addressee, forming in the mind a picture of the world, which often has little in common with reality. In other words, the media image is formed as a result of the interaction of the value systems of the addresser (journalist) and the addressee (reader) of the message. With the help of a diverse palette of linguistic means, visual and expressive devices of language, memorable media images of politicians are created.

It is worth noting the interest in studying the formation of the image of the country in the scientific literature among a wide range of specialists in the field of international relations, political science, sociology, as well as linguistics and psychology. There are various studies devoted to modelling the image of the country. This process is viewed

through the prism of world-scale sporting events and their impact on the recognition of the region [2–3], the importance of diplomatic institutions in the formation and improvement of a favorable image of the country [4–5], the creation of a positive tourist image and a sustainable national brand [6], the influence of political conflicts on the image of the country and attractiveness to visit [7]. The issue of the formation and replication of countries images by the mass media is considered in the studies of G.V. Bestolkova [8], O.V. Ustinova [9], I.V. Sidorskaya [10], M.R. Zheltukhina [11], I.S. Palitai [12], L.E. Ostapova [13], and others.

The purpose of our research is to analyse the media text to determine the intention of a journalist who creates a particular media image of a country and its head, as well as to identify the mechanism for creating a media image of a given content applying linguistic means in order to influence the addressee's subconscious.

Methodological Framework

In our work we will study lexical and stylistic features of media texts, in particular, linguistic means of creating the image of countries and political leaders, based on the material of the USA journal on foreign policy and international relations “Foreign Affairs”. We will observe the dependence of the media image on the political situation and the balance of power on the international arena. We will analyze linguistic tools for the formation of the evaluative media image of politicians, determine the role of the media in the process of forming and transforming the image of countries and political leaders.

The choice of the source is determined by the high authority of this media outlet in the coverage of global challenges of our time and the established publishing tradition of the journal that was founded in 1922. The research material is represented by political articles published in the journal in 2019–2020, dedicated to the first persons of countries such as Brazil, the Philippines, and Hungary. According to the journal, these states belong to autocracies, and the heads belong to populist leaders.

The journal “Foreign Affairs” highlights that on the world stage the heads of these countries practice today a tough, forceful policy and a strong centralized power of one person, i.e. autocracy. Power leaders of the old school, they do everything to seize and hold power in their hands. Everyone had to make their way from obscurity to power or metaphorically to the throne (*fight the way from obscurity to the throne*), after which their political programme took an authoritarian course [14]. The resurgent nationalism in these countries and the growing discontent of citizens about economic inequality are cited as global factors that contributed to the rise of these leaders [15].

We should note that the assessment of objectivity / non-objectivity and lawfulness / unlawfulness of the published materials was out of scope of our research.

Speaking about the structure and composition of the analytical materials studied by us, it is worth noting that the authors of the articles represent the described state using a contrast technique, emphasizing the contradictory nature

of the standard of living. Often, the authors, describing the path of the future leader's ascent to power, tell about his difficult youth years, certain hardships that fell to his lot, in that way presenting a kind of overcoming path. Further, the authors describe the problematic phenomena in society that the policy of a particular leader has led to. And in conclusion, the role of the United States as a superpower capable of influencing the state of affairs in the country is always indicated and specific proposals or steps are indicated to "improve" the situation or prevent its aggravation.

The methods of stylistic analysis, semantic analysis, contextual analysis of political media texts, and descriptive method were chosen as research methods.

Results and Discussion

Lexico-stylistic image of Brazil and its President

The first country whose image we would like to present is Brazil and its 38th President Jair Bolsonaro. In the following passage, the author of the media text uses the antithesis and hyperbole, presenting contrasting features of one of the leading states of the South American continent.

Brazil has a face that it tends to present to the world: a country of glittering beaches and hillside favelas, of Oscar Niemeyer's delightful churches and museums, of João Gilberto crooning "The Girl from Ipanema." This is the Brazil of Rio de Janeiro, which is also, not coincidentally, the city that hosts global events, such as the Olympics, and that serves as a base for most foreign correspondents. This Brazil is troubled but romantic, a racial mosaic, violent but impossible to resist. It is a postcard, a nightmare, a dream [15].

Inevitably, a country of 210 million people has many other faces, from the riverside villages of the Amazon to the Blade Runner-style skyscrapers of São Paulo and the old gaucho country of the far south. But the Brazil perhaps least known to outsiders is what some Brazilians call — sometimes fondly, sometimes with an eye roll — the interiorzão, which translates literally as "the big interior" [15].

On the one hand, Brazil is presented as a country of magnificent beaches, amazing beauty of churches and museums, the venue of the Olympic Games and major international events, and on the other hand, it is a long-suffering country with a high level of cruelty and crime, spontaneously arisen favelas on the hillsides, a diverse racial mosaic, it's a postcard, a nightmare, a dream, like the author calls it hyperbolically. The effect of the impact on the reader is achieved through the use of vivid epithets, like *glittering, delightful, troubled, romantic, a racial mosaic, violent but impossible to resist*, that makes the image memorable and multifaceted and represents the country from different sides. The description also uses an allusion to the 1981 film "Blade Runner" — *the Blade Runner-style skyscrapers of São Paulo* — i.e. futuristic skyscrapers of the technological future.

Demonstrating the image of the country, the author actively resorts to foreign language inclusions and realias: *favelas* — *shums located on the slopes of the mountains in the cities of Brazil*, *the old gaucho* — *South American cowboys*, *the interiorzão* —

as the author explains, the “big interior”, which is not defined on the map, but usually refers to the belt of the earth located around the geographical center of the country, bossa nova — a genre of Brazilian popular music that is a synthesis of local folklore and jazz, sertanejo — a musical style that originated in rural Brazil in the 1920s. All these foreign expressions emphasize national and cultural identity of the country, help to create a special unique image of the “other”, and add expressiveness.

The creation of the media image of the President of Brazil is also based on the reception of contrast: on the one hand, he failed to achieve tangible positive results in the development of the country, and on the other, he enjoys the support of voters: *But a deeper look suggests that support for Bolsonaro remains surprisingly resilient, even if he is in many ways utterly failing to deliver positive results for either his base or the country as a whole* [15].

The journal characterizes the political leader of Brazil with the help of nominal and verbal phrases: *Trump of the tropics* and *Culture warrior untamed*. The use of the precedent name of the 45th US President Donald Trump is mentioned in the text not to designate the leader of the country, but, according to D.B. Gudkov, as a kind of cultural sign, a symbol of certain qualities and properties [16]. This technique expresses the axiological attitude of the author of the article, creates the effect of expressiveness and projects the qualities of the American president on the political leader of Brazil. Jair Bolsonaro, by analogy with Donald Trump, is characterized as an ultra-right nationalist, a fighter against fake news and political rivals, a man exerting influence on the Supreme Court and married for the third time to a woman much younger than him [15].

International media coverage tends to portray Bolsonaro as “the Trump of the Tropics”, a “far-right” nationalist who is even more unrefined, more vulgar, and more of a threat to the established world order than the man in the White House [15].

The repetition of the comparative adverb *more* strengthens the complex of evaluative characteristics, makes the image of the president weightier, albeit at the expense of pejorative lexemes.

The author of the article contrasts the achievements of D. Trump and J. Bolsonaro: *It’s like Trump, but without the good economy* [15], at the same time emphasizing the fact that the president of Brazil largely took an example from his American counterpart, both in the style of governing the country and in behavior.

The use of epithets in the following examples expresses both the subjective attitude of the author of the article, and through the use of intertextuality appeals to an authoritative opinion:

Bolsonaro’s subversive style.

One of his commanding officers described him as “lacking logic, rationality, and balance.”

Ernesto Geisel, a general and former president under the military dictatorship, singled out Bolsonaro in a 1993 interview as “a bad soldier” and “an abnormal case.” [15].

These evaluative judgments characterize the behavioral reactions of the politician and the style of decision-making.

Harsh statements against the LGBT-community and the conservative views of Jair Bolsonaro cause the use of a metaphorical expression *Culture warrior untamed*. *Bolsonaro's presidency would always be more about the culture wars — about the need for “boys to wear blue and girls to wear pink,” in the words of his women's affairs minister, Damares Alves — than about pro-market reforms or even the fight against corruption* [15]. The author of the article refers to the technique of intertextuality, including in the text the opinion of a person from Bolsonaro's team, which makes his conclusion more evidential and authentic.

The actions of Jair Bolsonaro in the field of domestic policy are evaluated in the “Foreign Affairs” journal positively in a number of areas, but not to a significant extent: *Brazil has seen some progress under Bolsonaro: violent crime is down (although the causes are disputed), and the government has passed some pro-market reforms and cut red tape for small-business owners. But overall, the country seems terribly stuck. It is confronting the real possibility of a second consecutive “lost decade” of economic stagnation, political dysfunction, and diminished ambition* [15].

Despite the indication of a certain positive effect of domestic political reforms, the abundance of lexemes with pejorative semantics, like *terribly stuck*, *lost decade*, *stagnation*, *dysfunction*, *diminished* strengthens the image of a country with a large number of problems in the spheres of economy and politics and to some extent creates the impression of hopelessness from the existing situation. Although the author softens the categorical judgment at the expense of the lexeme *seem*, he manages to impose an image of a dead end situation.

The media image of the Brazilian president is also presented through a description of his reaction to the COVID-19 pandemic. As the author of the article notes, the new virus has revealed the shortcomings of the current generation of populist leaders from both the ideological left and the ideological right. Although Brazil has its own positive experience in the fight against a number of diseases caused by HIV and Zika virus, in the fight against coronavirus, the country took an example from the United States: *Brazil has a history of bold, creative public health responses to diseases such as AIDS and Zika. But Bolsonaro, again taking cues from Washington, dismissed COVID-19 as “a little flu,” frequently refused to wear a mask in public, and championed chloroquine as a miracle cure* [15]. The refusal to take seriously the new virus and its consequences led to an outbreak of morbidity in the country and a large number of deaths. Shirking responsibility, inaction and a certain amount of hopelessness are presented in the following remark; however, the emphasis of J. Bolsonaro on his name Messiah, — the personification with the divine messenger, speaks of his high status and desire for omnipotence: *“What do you want me to do? My name is Messiah, but I can't make miracles.” Even when he tested positive for the virus himself in July, his initial reaction amounted to a shrug* [15].

Our material showed that Brazil is represented in the journal “Foreign Affairs” as a country of contrasts, with its own specific national flavor, and its leader is an energetic and active supporter of reforms with an emphasis on preserving the national and cultural identity of his country, albeit using methods that cannot be called diplomatic and liberal.

Lexico-stylistic image of the Philippines and the President of the country

Another populist leader, according to the “Foreign Affairs” journal, was the president of the Philippines, Rodrigo Duterte, who served as the head of state from 2016 to 2022. The use of lexical combinations, such as *the vigilante president* and *Duterte’s brutal populism* creates the image of a bold and determined politician.

The author of the article cites an episode from the school years of the future politician when Duterte shot his classmate because of the name-calling in his address about a provincial accent. As a method of intertextuality, the words of Duterte from his campaign speech are given: “*I waited for him. I told myself, I’ll teach him a lesson. The truth is, I am used to shooting people*” [14].

The emphasis on this episode is used to intimidate opponents and demonstrate intransigence to injustice. At the same time, the image is created not of an aggressor, but of a defender of his honor:

It was a typical Duterte story, with Duterte cast not as the aggressor but as the aggrieved, resorting to a gun to defend his honor [14].

By means of contrast the author highlights such different qualities of the president as boasting and self-criticism and a tendency to self-deprecating. Expressive epithets, such as *crass*, *hyperbolic*, *transgressive* give assessment to the president’s actions and emphasize his sharp and impulsive character. In addition to the seme of behavior, the adjective *crass* contains the seme of mental abilities — *very stupid and showing no sympathy or understanding* [17], i.e. very stupid and showing neither sympathy nor understanding. Thus, the nature of the character is assessed by the author of the article quite negatively.

As for political activity, the author ironically characterizes the president as *a consummate power broker* and *a masterful political tactician* and further exposing his actions with the following verbal units: *His rambling rants against elites, drug users, and criminals feed on popular frustrations with the country’s broken justice system and feckless ruling class* [14]. *He had lashed out against “imperial Manila” and the “imperial” United States, articulating festering resentments against national and global elites* [14]. The lexeme *festering*, — purulent, bears a strong expressive tone, emphasizing the explosive nature of the president and the accumulation of problems in the country of various kinds.

The author of the media text compares the twenty-two-year term of R. Duterte’s tenure as mayor of Davao with the *controlling patriarch*: *He imposed a curfew on minors, banned smoking in most public places, restricted liquor sales, and*

cracked down on traffic violators and petty offenders [14]. The presented verbal units have the seme of limitation and characterize the politician as a supporter of harsh measures and pressure. At the same time, the author notes a number of social reforms: *He also beefed up social welfare programs, set up one of the most successful 911 emergency call lines in the country, provided services for abused women, and built clinics for the needy* [14]. The verbal units *beefed up, set up, provided, built* are contextual synonyms, they have the seme of creation and characterize the politician as a supporter of transformations.

The author applies to the phrases with strongly-marked pejorative sense, such as *to control, to bombard, to decimate, to defeat, to intimidate into docility* in the description of Congress, the Supreme Court, the liberal opposition, the press, the Catholic clergy and human rights defenders. These verbal phrases have the seme of “impact with the use of force” in their meaning and express the idea of an illiberal policy. The author of the media text implements evaluative, accusatory and discrediting functions when creating an image of a politician [11].

R. Duterte is known for his fight against drug trafficking, thanks to which he is called *Punisher of Criminals* and *Avenger of Filipinos' Wounded Pride* for his relations with the imperialist elites in Manila, the leadership of the United States, China and Russia.

The analysis of the media text showed that the author focuses more on the negative characteristics of the policy of the former President of the Philippines, creates an image of the head of state based on contrasting features, imposes on the addressees the idea of a democracy that has reached a dead end — *gridlocked democracy*.

Lexico-stylistic image of Hungary and its Prime Minister

In continuation of the series of articles on modern autocracy, the journal “Foreign Affairs” refers to the personality of Hungarian Prime Minister Viktor Orban. The headline of the article “*The Transformer. Orban's Evolution and Hungary's Demise*” is created on the basis of antithesis. The author ironizes, metaphorically calling the politician a transformer, which implies significant changes in something, usually with a positive sign; however, the author of the article sees the collapse of the country as a result of these transformations — its *demise*.

As a testimony, the author cites the political decisions of the Prime Minister over the past decade: *Orban has systematically dismantled the country's democratic institutions, undermined the rule of law, eliminated constitutional checks and balances, hobbled independent media, and built a kleptocratic system that rewards cronies while sidelining critics* [18]. The lexical units *dismantle, undermine, eliminate, hobble, sideline* have got a number of common semantic components that can be designated as bringing to an end, lowering the status and weakening the effectiveness, creating obstacles and difficulties. The general pejorative meaning of verbal units allows the author to create an image of a supporter of undemocratic actions.

In the characterization of political and social institutions we can notice the approach of “containment”. The following lexemes prove that: *He chipped away at its authority (about the court); stripped the Constitutional Court of the ability to review laws concerning state finances; had long dreamed of hobbling the publicly funded media networks; the public networks are more tightly supervised today; a further erosion of press freedom, etc.* [18]. The author forms an idea of the limitation of the powers of the leading democratic entities, the shift of politics towards *crude autocracy and an autocratic right-wing populism*.

Describing the path of V. Orban’s ascent to power, — a young liberal, the author of the media text emphasizes his humble origin and rather modest living conditions: *cramped house, a dilapidated house at the end of the street, the house had no running water* [18]. At the same time, the future politician was *a bright student*, which allowed him to get a good education. By means of intertextuality the article cites the words of V. Orban from his interview that he is *“Unbelievably bad child. Badly misbehaved, cheeky, violent. Not at all likeable”* [18]. References to the past and recollection of the childhood and not wealthy life is a quite common device in politics. As a rule, the qualities peculiar to most people are emphasized. The purpose of such device is to show similarities of a politician with ordinary people and to reduce the distance between the power and the people. Such method becomes especially relevant and effective before the elections.

Direct quoting of one of the Hungarian politicians Balint Magyar, who called the country under the leadership of V. Orban *“a post-communist mafia state”*, expresses the negative attitude of the addresser to the described person and contributes to the consolidation of a negative idea among the target audience. The author’s words about the corruption of the system of concluding state contracts perform an accusatory function: *Under his watch, the process of awarding government contracts has been corrupted to an astonishing degree; and a hyperbolic claim the endemic corruption of the Orban regime* [18]. As an evidence base for his words, the author cites the data of the non-governmental international anti-corruption organization Transparency International.

Despite the general negative attitude of the author of the article, certain positive changes in the life of the country are noted in the media text, in particular, a decrease in unemployment: *a good steward of the Hungarian economy; it is true that under his government, some Hungarians have done very well; reducing unemployment* [18]. Thus, the author of the article creates a dual character of the image of a politician (*ambivalence in Orban’s character*) with a great emphasis on critical remarks.

Our material has shown that despite the abundance of pejorative characteristics of the Prime Minister of Hungary, the author manages to create an image of an active political figure who is able to defend his ideas and implement his plans.

Conclusions

As a result of the analysis of a number of media texts published in the journal “Foreign Affairs” dedicated to countries such as Brazil, the Philippines, and Hungary, and their leaders, we have made the following implications:

1. The authors of the articles classify the heads of these states as populists, and political regimes as autocracies, which allows us to talk about creating and the broadcasting a predominantly negative image.
2. Media images of the states are based on the device of contrast, indicating the national characteristics of the country, certain positive transformations, with great emphasis, however, on the abundance of existing problems.
3. To create a media image of the head of the state, the authors of the articles use a wide variety of lexical and grammatical means of various stylistic tonality: expressive epithets, hyperbole, irony, and metaphors.
4. The device of intertextuality in the form of direct citation is widely used for greater evidence of the judgments cited.
5. The use of vocabulary with pejorative semantics is determined by the intention of the author of the media text to assess a person or a problem, as well as to implement accusatory and discrediting strategies.
6. Being focused on the American reader, the journal implements a strategy of demonstrating these countries as conductors of illiberal democracy and emphasises the role of the United States as an intermediary in promoting liberal and democratic values.

References

1. Minaeva, L.V. (2019). *Speech in the World of Politics*: Monograph. Moscow: Aspect Press Publ. (In Russ.). EDN: SFKLDR
2. Hahm, J., Taski, A.D.A., & Terry, D.B. (2019). The Olympic Games’ Impact on South Korea’s Image. *Journal of Destination Marketing & Management*, 14(100373). [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212571X19301532> (accessed: 09.12.2022). <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2019.100373> EDN: PLKBIZ
3. Chen, H. (2012). Medals, Media and Myth of National Images: How Chinese Audiences Thought of Foreign Countries during the Beijing Olympics. *Public Relations Review*, 38(5), 755–764. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2012.08.002>
4. Kenzhalina, G. (2014). The Role of Diplomacy in Promoting Kazakhstan’s Country Image in the International Arena. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, (140), 650–653. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.486>
5. Buhmann A. (2016). The Constitution and Effects of Country Images: Theory and Measurement of a Central Target Construct in International Public Relations and Public Diplomacy. *Studies in Communication Sciences*, 16(2), 182–198. <https://doi.org/10.1016/j.scoms.2016.10.002>
6. Kiryluk, H., & Glińska, E. (2015). Creation and Evaluation of the Tourist Image of a Country — the Example of Poland. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, (213), 671–676. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.473>
7. Alvarez, M.D., & Campo, S. (2014). The Influence of Political Conflicts on Country Image and Intention to Visit: A Study of Israel’s image. *Tourism Management*, (40), 70–78. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2013.05.009>

8. Bestolkova, G.V. (2018). US Media as a Way of Forming and Replicating Hispanic Images and Stereotypes. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 17(6), 54–67. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-6-54-67> (In Russ.). EDN: XREKKL
9. Ustinova, O.V. (2018). The Representation of Canada in Political Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 136–157. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-136-157> (In Russ.). EDN: YVXKRF
10. Sidorskaya, I.V. (2015). “Image” or “Brand” of the Country: What the Media Represent. *In the collection: Actual Problems of Research of Communication Aspects of PR-activity and Journalism. Collection of materials of the scientific seminar*. L.A. Kapitanova, V.V. Frolov (eds.). Pskov: Pskov state university publ., 64–84. (In Russ.). EDN: VIZMNZ
11. Zheltukhina, M.R., & Zelenskaya, L.L. (2018). Creating a Media Image of a Political Enemy in Modern Russian and American Media: Lexical and Grammatical Aspect. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 4(127), 121–130. (In Russ.). EDN: XNGFMD
12. Palitai, I.S. (2018). Mass Communication Media as a Factor in the Formation of the Image of the Country. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, (41), 150–158. <https://doi.org/10.17223/1998863X/41/17> (In Russ.). EDN: XOIW TJ
13. Ostapova, L.E. (2019). “The Image of the Country” in the Modern Media Space. *Alley of Science*, 3 (1(28)), 160–163. (In Russ.). EDN: YYMCQX
14. Coronel, S.S. (2019). The Vigilante President. How Duterte’s Brutal Populism Conquered the Philippines. *Foreign Affairs*, 98(5), 36–43.
15. Winter, B. (2020). Messiah Complex. How Brazil Made Bolsonaro. *Foreign Affairs*, 99(5), 119–131.
16. Gudkov, D.B. (2003). *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
17. Hornby, A.S. (2010). *Oxford Advanced Learner’s Dictionary*. Oxford: Oxford University Press.
18. Lendvai, P. (2019). The Transformer. Orban’s Evolution and Hungary’s Demise. *Foreign Affairs*, 98(5), 44–54.

Список литературы

1. Минаева Л.В. Речь в мире политики: Монография. М. : Аспект Пресс, 2019. EDN: SFKLDR
2. Nahm J., Taski A.D.A., Terry D.B. The Olympic Games’ Impact on South Korea’s Image // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2019. Vol. 14. Article 100373. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212571X19301532> (дата обращения: 23.09.2021). <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2019.100373> EDN: PLKBIZ
3. Chen H. Medals, Media and Myth of National Images: How Chinese Audiences Thought of Foreign Countries during the Beijing Olympics // *Public Relations Review*. 2012. Vol. 38. Iss. 5. P. 755–764. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2012.08.002>
4. Kenzhalina G. The Role of Diplomacy in Promoting Kazakhstan’s Country Image in the International Arena // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 140. P. 650–653. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.486>
5. Buhmann A. The Constitution and Effects of Country Images: Theory and Measurement of a Central Target Construct in International Public Relations and Public Diplomacy // *Studies in Communication Sciences*. 2016. Vol. 16. Iss. 2. P. 182–198. <https://doi.org/10.1016/j.scoms.2016.10.002>
6. Kirylyuk H., Glińska E. Creation and Evaluation of the Tourist Image of a Country — the Example of Poland // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 213. P. 671–676. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.473>
7. Alvarez M.D., Campo S. The Influence of Political Conflicts on Country Image and Intention to Visit: A Study of Israel’s image // *Tourism Management*. 2014. Vol. 40. P. 70–78. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2013.05.009>

8. Бестолкова Г.В. Средства массовой информации США как способ формирования и тиражирования образов и стереотипов латиноамериканцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. №6: Журналистика. С. 54–67. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-6-54-67> EDN: XREKKL
9. Устинова О.В. Особенности репрезентации образа Канады в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. №1. С. 136–157. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-136-157> EDN: YVXKRF
10. Сидорская И.В. «Образ» или «имидж» страны: что репрезентируют СМИ // В сборнике: Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики : сб. материалов науч. семинара сост. Л.А. Капитанова, В.В. Фролов. Псков : Псковский государственный университет. 2015. С. 64–84. EDN: VIZMNZ
11. Желтухина М.Р., Зеленская Л.Л. Создание медиаобраза политического врага в современных российских и американских СМИ: лексико-грамматический аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. №4(127). С. 121–130. EDN: XNGFMD
12. Палитай И.С. Средства массовой коммуникации как фактор формирования образа страны // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. №41. С. 150–158. <https://doi.org/10.17223/1998863X/41/17> EDN: XO IWTJ
13. Остапова Л.Е. «Образ страны» в современном медиапространстве // Аллея науки. 2019. Т. 3. №1(28). С. 160–163. EDN: YYMCQX
14. Coronel S.S. The Vigilante President. How Duterte's Brutal Populism Conquered the Philippines // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98. Iss. 5. P. 36–43.
15. Winter B. Messiah Complex. How Brazil Made Bolsonaro // Foreign Affairs. 2020. Vol. 99. Iss. 5. P. 119–131.
16. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003.
17. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2010.
18. Lendvai P. The Transformer. Orban's Evolution and Hungary's Demise // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98. Iss. 5. P. 44–54.

Information about the author:

Alsu A. Khafizova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Foreign Languages in the field of International Relations of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (18, Kremliovskaya street, Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: media discourse, media journalism, political linguistics, media rhetoric.; *e-mail*: alsou-f@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9427-3584, SPIN-code: 4855-8800, AuthorID: 1124297, ResearcherID: M-2764-2018; Scopus ID: 57502328300.

Сведения об авторе:

Хафизова Алсу Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *сфера научных интересов*: медиадискурс, медиастилистика, политическая лингвистика, медиариторика.; *e-mail*: alsou-f@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9427-3584, SPIN-код: 4855-8800, AuthorID: 1124297, ResearcherID: M-2764-2018; Scopus ID: 57502328300.



ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА FUNCTIONAL SEMANTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-90-100

EDN: DYJKKJ

UDC 81'37'42

Research article / Научная статья

Substandard Language Phenomena in Artistic Discourse

Anzhelika V. Korolkova^{1, 2, 3}  , Tatyana S. Novikova³ 

¹Moscow State Pedagogical University, *Moscow, Russian Federation*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

³Smolensk State Agricultural Academy, *Smolensk, Russian Federation*

 lika.korolkova@bk.ru

Abstract. It should be noted that in the fiction of the XX century, lexical units from various types of jargon, argot, youth slang are quite common, but the theme and communicative goal of the author of the text play an important role. The article examines the use of various substandard linguistic phenomena in the artistic discourse of the second half of the XX century — early XXI century. Since artistic discourse is a reality reinterpreted by the creative imagination of the author, then in the second half of the XX century, the use of substandard vocabulary and phraseology became necessary in a number of literary texts. Numerous linguistic studies note a certain feature: the activation of substandard vocabulary and its use in colloquial speech reduce the expressive potential of the vocabulary and phraseology of the standard, which correlates with the literary language. Analyzing substandard vocabulary within the framework of the artistic space of Russian literature of the late XX — early XXI century, it should be noted that this vocabulary has become actively in demand in works of various genres. In this context, we can note its active use in works of the detective genre, in fiction and fiction-publicistic works that comprehend the era of the Great Terror, as well as in works about youth and for youth young people. Modern research in the field of studying the substandard vocabulary of artistic discourse allows us to fully analyze the modern language space. The modern language substandard implements various functions in literary texts, from nominative to cognitive and cumulative, from the expression of emotions to vivid evaluativeness. The substandard is currently becoming a source of replenishment of the stylistically reduced layer of modern colloquial speech.

Keywords: jargon, arg, slang, social language

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 15.09.2024.

© Korolkova A.V., Novikova T.S., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Korolkova, A.V., & Novikova, T.S. (2025). Substandard Language Phenomena in Artistic Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 90–100. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-90-100>

Субстандартные языковые явления в художественном дискурсе

А.В. Королькова^{1, 2, 3}  , Т.С. Новикова³ 

¹Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

³Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Смоленск, Российская Федерация

 lika.korolkova@bk.ru

Аннотация. Следует отметить, что в художественной прозе XX века лексические единицы из различного вида жаргонов, аргю, молодежного сленга являются частотным явлением, однако важную роль играют тематика и коммуникативная цель автора текста. В статье рассматривается использование различных субстандартных языковых явлений в художественном дискурсе второй половины XX века — начала XXI в. Поскольку художественный дискурс представляет собой переосмысленную творческим воображением автора реальную действительность, то во второй половине XX века в ряде художественных текстов употребление субстандартной лексики и фразеологии стало необходимым. Проведенное исследование показало, что в многочисленных лингвистических исследованиях отмечается определенная особенность: активизация субстандартной лексики и ее использование в разговорной речи снижают выразительный потенциал лексики и фразеологии стандарта, который соотносится с литературным языком. Анализируя субстандартную лексику в рамках художественного пространства российской литературы конца XX — начала XXI в., следует указать, что эта лексика стала активно востребованной в произведениях различных жанров. В данном контексте можно отметить ее активное использование в произведениях детективного жанра, в художественных и художественно-публицистических произведениях, осмысливших эпоху большого террора, а также в произведениях о молодежи и для молодежи. Современные исследования в области изучения субстандартной лексики художественного дискурса, позволяют в полной мере анализировать современное языковое пространство. Современный языковой субстандарт реализует различные функции в художественных текстах, от номинативной до когнитивной и кумулятивной, от выражения эмоций до яркой оценочности. Субстандарт в настоящее время становится источником пополнения стилистически сниженного пласта современной разговорной речи.

Ключевые слова: жаргон, аргю, сленг, социальные варианты языка

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 15.09.2024.

Для цитирования: Korolkova A.V., Novikova T.S. Substandard Language Phenomena in Artistic Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 90–100. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-90-100>

Introduction

The modern anthropocentric paradigm of philological research actualizes the study of various social variants of language and speech. The study of the substandard and its reflection in literary texts is a rather topical issue, since it allows us to comprehend the socio-cultural foundations of communication. The novelty of this study lies in the postulate that since fiction reflects reality reinterpreted by the creative imagination of the author, the use of substandard vocabulary and phraseology became inevitable in a number of fiction texts in the XX century.

The analysis of social features of language in diachrony began with stylistic studies of the language norm and deviations from it. Voltaire and Diderot wrote about the social determination of language, the reflection of social processes in it, and even earlier ancient Greek philosophers thought about this.

One of the first Russian researchers of social jargon was V.I. Dal, who created the “Russian-Fenya Dictionary” and the “Fenya-Russian Dictionary”, which collected lexical units from the language of the peddlers¹. They deliberately changed words to make them incomprehensible to the uninitiated. These dictionaries by V.I. Dal were published only in the 21st century, thanks to V.D. Bondaletov, who prepared them for publication. “Handwritten Dictionaries” by V.I. Dal were published in electronic form in 2004 (then reissued). Part of the dictionary — the vocabulary of the Mazurik social group — is a short list of vocabulary units from the lexicon of St. Petersburg thieves and vagabonds.

In the XX century, the study of the substandard became systematic. Research primarily concerned individual aspects of the sociolect (social dialect) — jargons, argot, slang. A significant number of dictionaries of jargon and youth slang appeared. The first dictionary of thieves’ jargon was the book by Vasily Trakhtenberg “Blatnaya muzyka ‘Thieves’ jargon””, published in St. Petersburg in 1908². The dictionary contains and explains the most frequent lexical units of thieves’ jargon, describes interesting facts about the life of prisoners, for example, “snipe hunting” (catching lice), etc. The dictionary is the first scientific publication, since the type of dictionary entry was created by I.A. Baudouin de Courtenay; the book makes it possible to evaluate in historical retrospect the dynamics of the development of the vocabulary of thieves’ jargon.

By now, several dozen dictionaries of jargons, youth slang, and even argot have been published. Among the largest in volume are “The Big Dictionary of Russian Jargon” by V.M. Mokienko and T.G. Nikitina [1]; “Dictionary of Criminal Thieves’ Jargon” in 2 volumes by D.S. Baldaev [2]; “Explanatory Dictionary of Youth Slang” by T.G. Nikitina [3]. A unique publication of its kind is the dictionary “Russian Jargon:

¹ Dal, V.I. (2007). Handwritten dictionaries [electronic resource]: (Ofensky, Sherstobitov, Mazuryk) [Rukopisnye slovari [jelektronnyj resurs]: (ofenskie, sherstobitov, mazurikov)]. Moscow: Flinta: Businesssoft. (In Russ).

² Trakhtenberg, V.F. (1908). *Blatant music. Prison jargon*, Baudouin de Courtenay (Ed.). Saint Petersburg: A.G. Rosen. (In Russ).

Historical and Etymological Dictionary” by M.A. Grachev and V.M. Mokienko, which contains a diachronic analysis of lexical units and expressions from Russian argot and provides their interpretation [4].

Active lexicography of jargons, youth slang, even argot testifies to the active analysis of special layers of vocabulary, to the systematic development of research in the field of social subjects of the Russian language.

Materials and Results

At the end of the XX — beginning of the XXI century, a large number of studies appeared in the field of social dialect terminology. Such concepts as jargon, slang, argot were clarified; the terms ‘standard’, ‘substandard’ and ‘nonstandard’ were introduced into active scientific circulation. In 1993, the journal *Rusistics* published an analytical article by Z. Koester-Thoma, “Standard, Substandard, Nonstandard”, where there was an attempt to streamline the terminology of social studies of language.

Z. Koester-Thoma suggests using the term *standard*, due to the fact that the concept of literary language is related, first of all, to the language of fiction: “The introduction of the term *standard* is necessary due to the excessive “correlation” of the term “literary language” to the concept of “language of literature”, which is especially conditional these days, when the standard is created largely by the media, as well as the hierarchical correlativity with its opposite, non-standard, in contrast to the negative relationship of the terms non-literary speech, colloquialism, vulgar speech, etc.” [5. P. 15–31]. The *substandard* in this case includes vocabulary that “has consistency” at various levels of language, “dialect, the language of folklore” [5. P. 15–31].

The same article justifies the introduction of the term *nonstandard*, since, according to the researcher, *nonstandard* makes it possible to divide the group of negative vocabulary into groups or “levels” and include in it those elements that cannot be included in the *substandard*: “The introduction of both terms *substandard* and *nonstandard* makes it possible to approach this problem in detail, as well as to include in the three-level model those linguistic elements that cannot be attributed with certainty to any of the above-mentioned spheres. The division of *nonstandard* into groups and subgroups (e.g., jargon, slang, obscenities, etc.) is determined by a number of extralinguistic parameters” [5. P. 15–31].

However, in other works on linguistics that study negative vocabulary, as well as vocabulary with a pejorative coloring, the term *substandard* is used as a generic designation for all groups of vocabulary with negative characteristics of semantics and/or stylistic coloring.

V.V. Khimik in his monograph “Poetics of the Low, or Common Speech as a Cultural Phenomenon” [6] states that the terms argot, common speech, and jargon have come to be used as related terms; in some scientific works, they are even used interchangeably.

However, V.V. Khimik notes that the term slang is used to characterize a special social form of language and speech. In subsequent works, V.V. Khimik puts forward the idea of the existence of a socialized substandard, which he defines as a functional-stylistic common speech, which includes everything that is outside the linguistic norm; he contrasts the socialized substandard with private substandards, which include “territorial and social-group dialects” [7].

V.B. Bykov in his doctoral dissertation “Lexicological and lexicographic problems of the study of the Russian substandard” notes that “standard — substandard” should be contrasted according to the feature “presence — absence of obligatory codification”. At the same time, the standard and substandard are normalized subsystems of the national Russian language, which differ from each other in the nature of the norm, codified in the standard and non-codified, usual in the substandard [8].

In the doctoral dissertation of V.P. Korovushkin, “Fundamentals of Contrastive Sociolectology,” the language substandard is correlated or identified with popular language where four varieties are distinguished: 1) non-literary, 2) territorial, 3) ethnic, 4) lexical popular language. [9].

M.A. Grachev, studying the history of Russian slang, suggested considering it as a social variant of the language of declassed elements, while three types of slang are distinguished: general criminal slang, prison slang, specialized slang (used by representatives of various “specialists” in their field, for example, pickpockets, burglars, etc.). In a number of scientific works, M.A. Grachev analyzes various types of jargon, correlating them with the social characteristics or professional status of the speakers; youth slang is considered separately [10; 11].

It should be noted that in his latest works, M.A. Grachev asks about the need to limit the use of argot elements in the modern language of the media, since their activation in journalism and colloquial speech reduces “the level of the neutral layer of the language, which means that all speech becomes rougher. In this case, only an emotional impact is achieved, and less information is transmitted. All this happens to the detriment of the expressiveness of the common language” [10].

V.M. Mokienko, the author of a number of jargon dictionaries, uses the term substandard in his works, including in this concept various types of jargon (social and professional), as well as slang and argot. E.N. Kalugina in the article “Conceptual and theoretical aspect of the study of the language substandard” defines “a substandard as a heterogeneous language continuum, characterized by non-normativity, oral form of existence, manifestation of subcultural values, unclear boundaries between its varieties, lexical level of existence” [12. P. 267].

Theoretical disputes about the essence of the substandard have now ceased to be acute, since almost all modern scientists agree that the substandard is a complex linguistic phenomenon representing social variants of language and speech. Thus, in the article by A.V. Ageeva “Substandard as a marker of communicative intention in French-language Internet discourse” demonstrates the general trend of the modern

understanding of the substandard, which “is a complex subsystem that includes various kinds of socially limited forms of language existence, one of which is slang” [13. P. 4101].

We believe that when distinguishing between a standard and a substandard, attention should be paid to the codification/non-codification of the norm. “Thus, standard and substandard represent normalized subsystems of a national language that differ in the nature of the norm: in a standard, codified norms prevail, in a substandard, non-codified, common ones” [14. P.12].

In works of fiction of the XX century, lexical units from various types of jargon, argot, youth slang are significant in quantitative terms, although everything depends on the subject matter and communicative goal of the author of the text. Since fiction reflects reality reinterpreted by the creative imagination of the author, the use of substandard vocabulary and phraseology became inevitable in a number of fiction texts in the XX century.

At the same time, many linguistic studies note that the activation of substandard vocabulary and its penetration into colloquial speech reduces the expressive potential of the vocabulary and phraseology of the standard, which is related to the literary language. L.P. Krysin writes about this: “Slang words and phrases are far from uncommon in literary speech. At first, slang vocabulary seeped mainly into its oral and colloquial variety, then, closer to our days, into the language of the mass media, and then a broad stream poured into journalism, into public speeches of politicians, deputies and even writers” [15. P. 214].

In the second half of the XX century, a large number of literary texts of various levels were created, which comprehend the difficult recent historical past of Soviet Russia. One of the first works about prisoners published in the USSR was A.I. Solzhenitsyn’s story “One Day in the Life of Ivan Denisovich”, which describes camp life in some detail. The use of socially limited vocabulary units from prison camp jargon turns out to be necessary and justified. In the story by A.I. Solzhenitsyn, elements of prison camp jargon perform not only a nominative and emotional-expressive function, but also form the basis for creating characters and their individualization. The vocabulary of prison camp jargon creates a special stylistic coloring of the text.

A.I. Solzhenitsyn, who himself spent about seven years in the camps, had a large number of jargon and argot in his personal active vocabulary. However, it should be noted that they do not form the basis of his artistic and journalistic texts. Solzhenitsyn uses such vocabulary when necessary and in small quantities. Elements of camp jargon are also used in other works by the author. It should be assumed that in the fiction of A.I. Solzhenitsyn, jargon and argot perform an identification function. The use of these lexical units by the characters of his works allows us to show how the corresponding social connections were formed and maintained.

A.I. Solzhenitsyn often uses jargon vocabulary to implement a cognitive function, since jargon and argot in his works convey the socio-historical experience of the generation that fell under the “wheel of Stalin’s repressions”, preserve the

names of certain concepts and phenomena, allow us to rethink the tragic history of the revolution in Russia, two world wars, devastation, collectivization, post-war reconstruction, etc. It should be noted that according to the classification of M.A. Grachev, units from general criminal argot (or prison camp jargon) predominate in Solzhenitsyn's works.

G.V. Kolshansky in his work "The Communicative Function and Structure of Language" notes that "the cognitive world of language, i.e. social consciousness, in its form objectively reflects the original world and therefore serves as a means of further cognition of it" [16. P. 21]. In the fiction and fiction-publicistic works of A.I. Solzhenitsyn, the cognitive world of language "objectively reflects the original world."

The cognitive function of using slang, argot, and colloquial elements allows the author to create a linguistic model of the non-linguistic surrounding reality. In essence, the cognitive function of language as a whole can be interpreted as epistemological, preserving knowledge about the world and phenomena of the surrounding reality. Solzhenitsyn, using slang and argot in fiction, created and represented a model of the tragic socio-political system of the repressive penitentiary system in Soviet Russia. As an eyewitness and victim of this system, he preserved and conveyed the horror of the ordinariness of the events of those days.

During the period of change in the political system in the USSR, at the beginning of perestroika, a large number of texts appeared in the Russian-language artistic space, which narrated the period of repression in the 1930s in Soviet Russia. For example, "Kolyma Tales" by Varlam Shalamov, or "The Steep Route" by Evgenia Ginzburg³. Evgenia Ginzburg's autobiographical story "The Steep Route" narrates in detail all the trials of a political prisoner and her "comrades in misfortune" in prison and camps, while describing in detail the prison cells, transit cars, camp barracks, the customs of the guards. It should be noted that there is little substandard vocabulary in Ginzburg's story; the main function of slang lexical units is nominative. Lexical units of prison camp jargon name objects of prison life, the realities of prisoners' lives. "Now no one gets up from their bunks. The crack in the door is closed. The bolt is screwed tight. Bread rations are cut almost in half. They don't bring gruel. It's a punishment cell situation" [17].

At the same time, an insignificant amount of such vocabulary creates a certain stylistic effect. The combination of high poetic vocabulary and vocabulary units of prison camp jargon create a phantasmagoric picture of the reality surrounding the characters. Vocabulary units of camp jargon in the story by Evgenia Ginzburg also perform the cumulative function of collecting, storing and transmitting information. As in the story by E. Ginzburg, in the "Kolyma Tales" by V. Shalamov

³ Ginzburg, E.S. (1990). *Steep route: Chronicle of the times of the cult of personality* [Krutoj marshrut: Hronika vremen kul'ta lichnosti]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russ).

a small amount of camp jargon is used, most often these are lexical units that perform a nominative function. However, even individual lexical units of this kind create a special hypertrophied expression.

The understanding of the tragic historical events of the repressions of the Soviet period of history is also contained in fiction texts, the authors of which avoided the fate of their characters. These are such works as “Moscow Saga” by Vasily Aksenov, “Children of the Arbat” by Anatoly Rybakov, “Life and Fate” by Vasily Grossman.

In these works, the description of places of imprisonment and camp life is not as piercing as in the texts of Solzhenitsyn, Ginzburg, Shalamov. However, prison camp vocabulary and argot vocabulary are also contained in these works, allowing a realistic description of the historical events of the period of repression in the late 1930s in Soviet Russia. The substandard vocabulary in the works of V. Aksenov, A. Rybakov, V. Grossman demonstrates the linguistic expressiveness necessary for the creation of a figurative system of literary text, and also helps to convey the color of the era for a realistic description of a group of society — unjustifiably repressed people of creative professions and the intelligentsia.

Over time, society’s understanding of the events became deeper and more diverse. Much in the history was rethought from a Christian perspective. In the fiction of the early XXI century, the reasons for the tragedy of repression and the death of a large number of people are shown not as the will of one tyrant, but as a systemic error of the entire political leadership of the country. Such a work is the novel “Abode” by Zakhar Prilepin⁴, in which one of the characters is the Solovetsky special-purpose camp.

Substandard vocabulary units (prison camp jargon) are an integral part of the language of the narrative, performing cumulative and cognitive functions, creating emotional coloring and revealing the ideological dominants of the era.

Substandard vocabulary is used not only in detective stories or texts about the difficult years of repression in Soviet Russia, but also in literature about youth and for youth. Such texts use a large number of units from youth slang. Among such works, it is worth mentioning the stories and short stories by M. Kulakov “I am a kid”⁵; E. Matveeva “Goodbye, Ophelia”⁶; T. Krasnova “A boy from a bad family”⁷; E. Murashova “Remedial class”⁸; Z. Prilepin “Sankya”⁹, etc.

⁴Prilepin, Z. (2009). *Sankya: a novel* [San'kja: roman]. Moscow: Ad marginem. (In Russ).

⁵Kulakov, M. (2019). *I am a boy: stories and stories*. [Az esm' pacan: povesti i rasskazy]. Moscow: U Nikitskikh vorot. (In Russ).

⁶Matveeva, E.A. (2003). *Farewell, Ophelia*: [Proshhaj, Ofelija] [Story: For Wednesdays. school age]. Moscow: Globulus. (In Russ).

⁷Krasnova, T.A. (2007). A boy from a bad family: a story [Mal'chik iz plohoj sem'i: povest']. *We, I*, 16–74. (In Russ).

⁸Murashova, E.V. (2007). *Correction class: story*: [Klass korrekcii: povest'] [for middle and high school age]. Moscow: Samokat. (In Russ).

⁹Prilepin, Z. (2009). *Sankya: a novel* [San'kja: roman]. Moscow: Ad marginem. (In Russ).

Conclusions

Considering substandard vocabulary within the artistic space of Russian literature of the late XX — early XXI centuries, it should be noted that this vocabulary has become actively in demand in works of the detective genre, which was rapidly developing in Russia at the turn of the century. In the mass-published works of Daria Dontsova, Tatyana Ustinova, Andrey Kivinov, Alexandra Marinina, Yulia Shilova, a large amount of jargon, argot, colloquial and abusive vocabulary is used to create expression, convey the realities of the lives of characters at odds with the law, to assess the described criminal situations. Many of the works of these authors have been made into films and TV series, in which substandard vocabulary and phraseology are an integral part of the artistic space. Often, a large amount of substandard vocabulary from detective stories and films passes into colloquial speech.

In addition to detective stories, literary texts appear in the Russian discursive space of fiction at the turn of the century, the goal of which is to show the life and everyday life of the criminal environment, to shock the public with an abundance of crude slang and lexemes from the “Russian slang”. Such are, for example, the texts of Elmira Netesova, who specializes in describing the lives of people who have committed serious crimes and been rejected by society. The basis of the language of Netesova’s works is substandard vocabulary, often incomprehensible to the ordinary reader. That is, in works of this kind, slang and jargon are used not with a strict stylistic assignment, but to create real shock content within the framework of the artistic space.

Slang in works of this kind is a necessary condition for the realistic depiction of the morals of the youth environment, the emotional assessment of what is happening. Slang vocabulary units perform both cognitive and cumulative functions, communicative and nominative functions, allowing authors to create a truthful portrait of a young man at the turn of the 21st century.

In general, it should be noted that modern research in the field of substandard vocabulary of fiction texts allows us to fully analyze the modern language space. The modern substandard implements various functions in fiction texts, from nominative to cognitive and cumulative, from the expression of emotions to vivid evaluativity. The substandard is currently becoming a source of replenishment of the stylistically reduced layer of modern colloquial speech.

References

1. Mokienko, V.M., & Nikitina, T.G. (2000). *Large dictionary of Russian jargon: 25,000 words, 7,000 stable combinations*. Saint Petersburg: Norint. (In Russ.).
2. Baldaev, D.S. (1997). *Dictionary of thieves' slang*. Moscow: Campana. (In Russ.).
3. Nikitina, T.G. (2006). *Explanatory dictionary of youth slang: words incomprehensible to adults: about 2000 words*. Moscow: Astrel: AST. (In Russ.).
4. Grachev, M.A., & Mokienko, V.M. (2009). *Russian jargon: Historical and etymological dictionary*. Moscow: AST-PRESS KNIGA. (In Russ.).

5. Koester-Thoma, S. (1993). Standard, substandard, nonstandard. *Russian Studies* (Berlin), (2), 15–31. (In Russ.).
6. Khimik, V.V. (2000). Poetics of the low, or Vernacular as a cultural phenomenon. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. (In Russ.).
7. Khimik, V.V. (2004). Spoken speech as creativity. In: *Proceedings and materials: Russian language: historical destinies and modernity: II International Congress of Russian Language Researchers* (Moscow, M.V. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 18–21, 2004 (pp. 374–375). Moscow: Lomonosov Moscow State University publ. (In Russ.).
8. Bykov, V.B. (2001). *Lexicological and lexicographical problems in the study of the Russian substandard* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: QDQZOF
9. Korovushkin, V.P. (2005). *Fundamentals of contrastive sociolectology* [PhD thesis]. Pyatigorsk. (In Russ.). EDN: NOKYMB
10. Grachev, M.A. (2022). Adaptation of argotic units in the popular Russian language in the 21st century *Neophilology*, 8(2), 210–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-210-217> EDN: ZTKQRL
11. Grachev, M.A. (2009). Criminal language intervention. *Nauka i zhizn'*, (4), 128–132. (In Russ.).
12. Kalugina, E.N. (2013). Conceptual and theoretical aspect of the study of linguistic substandard. *Nauchnyi dialog*, 5(17), 261–269. (In Russ.).
13. Ageeva, A.V. (2023). Substandard as a marker of communicative intention in French-language Internet discourse. *Philology. Theory & Practice*, 16(11), 4097–4102. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20230623>. EDN: XEKIYA
14. Novikova, T.S. (2008). Substandard of the XX century and its contrastive artistic interpretation (based on the story by A.I. Solzhenitsyn “One Day in the Life of Ivan Denisovich”) [PhD thesis]. Belgorod. (In Russ.). EDN: PVSXVD
15. Krysin, L.P. (2002). About the Russian language of our days: The changing linguistic world. In: *Proceedings of Perm University conference, November 12–17, 2001* (pp. 214–216). Perm: Perm State University publ. (In Russ.).
16. Kolshansky, G.V. (2005). *Communicative function and structure of language* [Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka]. Moscow: URSS. (In Russ.).
17. Grachev, M.A. (1992). Third wave [Tret'ja volna]. *Russian speech*, (4), 61–64. (In Russ.).

Список литературы

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. 25 000 слов. 7000 устойчивых сочетаний. СПб. : Норинт, 2000.
2. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. М. : Кампана, 1997.
3. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга. Слова, непонятные взрослым. Около 2000 слов. М. : АСТ, Астрель, 2003.
4. Грачев М.А., Мокиенко В.М. Русский жаргон; Историко-этимологический словарь. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
5. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика (Берлин). 1993. №2. С. 15–31.
6. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филолог, фак-т СПбГУ, 2000.
7. Химик В.В. Разговорная речь как творчество // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей рус. яз., 18–21 марта 2004 г., М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 374–375.
8. Быков В.Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта : дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 2001. EDN: QDQZOF
9. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: дисс. ... д-ра. филол. наук. Пятигорск, 2005. EDN: NOKYMB

10. Грачев М.А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Неофилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 210–217. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-210-217> EDN: ZTKQRL
11. Грачев М.А. Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128–132.
12. Калугина Е.Н. Понятийно-теоретический аспект исследования языкового субстандарта // Научный диалог. 2013. Т. 5. № 17. С. 261–269.
13. Агеева А.В. Субстандарт как маркер коммуникативной интенции во франкоязычном Интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 4097–4102. <https://doi.org/10.30853/phil20230623>. EDN: ХЕКІУА
14. Новикова Т.С. Субстандарт XX в. и его контрастивно-художественная интерпретация (на материале повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»): дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. EDN: PVSXVD
15. Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир: материалы конференции, Пермь, 12–17 ноября 2001. Пермь : изд-во Пермского госуд. ун-та, 2002. С. 214–216.
16. Коливанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М. : URSS, 2005.
17. Грачев М.А. Третья волна // Русская речь. 1992. № 4. С. 61–64.

Information about the authors:

Anzhelika V. Korolkova, Dr.Dc. (Philology), Professor, Moscow State Pedagogical University (house 1, building, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1119435), Associate Professor at the Department of Russian Language No. 4, Institute of Russian Language, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: phraseology, lexicology, lexicography, aphoristics; *e-mail*: lika.korolkova@bk.ru
ORCID: 0000-0003-3245-7307, SPIN-code: 6560-9720, AuthorID: 352038; Scopus ID: 57222246422.

Tatyana S. Novikova, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Mathematical Sciences, Smolensk State Agricultural Academy (10/2, Bolshaya Sovetskaya str., Smolensk, Russian Federation, 214000); *Research interests*: phraseology, lexicology, lexicography, slang; *e-mail*: tatjana_1@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-9388-2062, SPIN-code: 1191-1159, AuthorID: 808613.

Сведения об авторах:

Королькова Анжелика Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Московский педагогический государственный университет (1119435, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 44–46); доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка (Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: фразеология, лексикология, лексикография, афористика; *e-mail*: lika.korolkova@bk.ru
ORCID: 0000-0003-3245-7307, SPIN-код: 6560–9720, AuthorID: 352038; Scopus ID: 57222246422.

Новикова Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и математических наук, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия (214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Большая Советская, д. 10/2); *научные интересы*: фразеология, лексикология, лексикография, сленг; *e-mail*: tatjana_1@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-9388-2062, SPIN-код: 1191-1159, AuthorID: 808613.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-101-116

EDN: FNMCY

УДК [811.161.1:811.111]'25'37:82-1

Научная статья / Research article

Перевод компаундов со значением 'warrior' в поэме «Беовульф»

О.И. Просяникова  , К.В. Скорик 

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург-
Пушкин, Российская Федерация

 olgapros@mail.ru

Аннотация. Поэма «Беовульф», являясь образцом поэтического творчества англосаксонского периода развития английской литературы, представляет интерес для лингвистов, изучающих процесс языковой трансформации, имеющей место при межязыковом переводе. В данной статье рассматривается проблема перевода англосаксонских компаундов со значением «warrior» в поэме «Беовульф» на современный английский язык. Англосаксонскому языку свойственны двусоставные слова, кеннинги и компаунды, которые в современном английском языке не всегда сохраняют структуру и заменяются односоставным словом, близким по значению. Целью статьи является анализ перевода компаундов различными переводчиками, изучение языковых средств, используемых в авторских переводах. Дается сравнение перевода базового и детерминирующего компонентов различными средствами. Особое внимание уделено примерам сохранения двухкомпонентной структуры, компаундам с предметным существительным в роли определителя, анализируются варианты перевода с использованием калькирования, с передачей оценочной коннотации. Выделяются и описываются характерные особенности перевода компаунда с заменой на атрибутивную конструкцию. На основании анализа выделены частотные базовые компоненты, образующие по пять и более компаундов, и продуктивные определяемые, а также ситуативные компаунды. В результате установлено, что двусоставная модель компаунда в большинстве случаев заменяется односоставным словом, двусоставная модель с использованием калькирования сохраняется для компаундов с семантической связью по признаку владения предметом, применяется также модель с предложным сочетанием. В статье приведен анализ переводов компаундов, выполненных пятью переводчиками, и дана обобщенная характеристика особенностей выбора переводчиков.

Ключевые слова: кеннинг, древнеанглийский язык, перевод

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

© Просяникова О.И., Скорик К.В., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 11.08.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: *Просьянникова О.И., Скорик К.В.* Перевод копмаундов со значением ‘warrior’ в поэме «Беовульф» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 101–116. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-101-116>

Translation of Compounds with the Meaning ‘warrior’ in “Beowulf”

Olga I. Prosyannikova¹  , Kseniya V. Skorik¹ 

¹ Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 olgapros@mail.ru

Abstract. The poem ‘Beowulf’, being an example of poetic creativity of the Anglo-Saxon period of English literature development, is of interest for linguists studying the process of linguistic transformation that takes place during interlingual translation. This article deals with the problem of translating Anglo-Saxon compounds with the meaning of ‘warrior’ in the poem ‘Beowulf’ into modern English. The Anglo-Saxon language is characterised by bicomponent words, kennings and compounds, which in modern English do not always retain their structure and are replaced by a monosyllabic word close in meaning. The aim of the article is to analyse the translation of compounds by different translators, to study the linguistic means used in the author’s translations. A comparison of the translation of the basic and determinative components by different means is given. Special attention is paid to the examples of preserving the two-component structure, compounds with the subject noun as determiner, the variants of translation with the use of calques, with the transfer of evaluative connotation are analysed. The characteristic features of translation of a compound with replacement by an attributive construction are singled out and described. On the basis of the analysis, frequent basic components forming five or more compounds and productive determiners, as well as situational compounds are identified. As a result, it is found that the two-joint compound model is replaced by a one-joint word in most cases, the two-joint model with the use of calque is retained for compounds with semantic connection on the basis of subject possession, and the model with a prepositional compound is also used. The article analyses the translations of compounds made by five translators and summarises the features of the translators’ choice.

Keywords: kenning, Anglo-Saxon language, interlingual translation

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 11.08.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Prosyannikova, O.I., & Skorik, K.V. (2025). Translation of Compounds with the Meaning ‘warrior’ in “Beowulf”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 101–116. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-101-116>

Введение

Эпическая поэма «Беовульф» на протяжении многих лет являлась предметом исследований с различных точек зрения. В частности, с лингвистической точки зрения интерес представляет внутриязыковой перевод сложных слов, в том числе кеннингов, с древнеанглийского на современный язык. Актуальность анализа языковых средств, которыми пользуются переводчики, чтобы донести особенности англосаксонского поэтического наследия, сохраняет интерес к этой теме. Целью настоящего исследования является сравнительный анализ перевода сложных слов, имеющих обобщенное значение «*wagtiog*», с англосаксонского на английский язык.

Поскольку речь идет о переводе текста, во времена создания которого использовался англосаксонский язык, то нередко встает вопрос о том, какой вид перевода применим в этом случае. Р.О. Якобсон выделил такие виды перевода, как внутриязыковой и межъязыковой, но дискуссии по поводу принципов их разграничения продолжаются. Р.О. Якобсон, опираясь на теорию знаков и значений Ч. Пирса, определяет внутриязыковой перевод как интерпретацию вербальных знаков с помощью других знаков того же языка, а межъязыковой перевод — как интерпретацию вербальных знаков посредством какого-либо иного языка [1. С. 362]. Дж. Штайнер, развивавший теорию Р.О. Якобсона, высказывал мысль о том, что лингвистические проблемы (например, синонимии и эквивалентности) межъязыкового перевода скрыты во всех внутриязыковых дискурсах и, таким образом, одинаково актуальны для обоих видов перевода [2. С. 414]. В отечественном переводоведении существенными работами в определении различий этих видов перевода являются исследования В.С. Виноградова, Л.Л. Нелюбина, А.В. Федорова, Г.Т. Хухуни [3–6]. В частности, Л.Л. Нелюбин определяет диахронический интерлингвальный перевод как перевод литературных произведений предыдущих эпох [4. С. 46]. Однако перевод древнеанглийской поэмы «Беовульф» ставит проблему в ином ракурсе. К. Дэвис отмечает, что к переводу произведений древнеанглийской литературы всегда подходили как к внутриязыковому переводу, стремясь подчеркнуть таким образом нерасторжимую связь современного английского и англосаксонского, хотя надо признать, что речь, в первую очередь, идет о преемственности культуры и литературы [7. Р. 592]. Точка зрения К. Дэвис о том, что английская языковая идентичность возникла в результате непрерывного процесса перевода, который генерирует историческую линию происхождения и границы, используемые для определения единого языка, признается не всеми, хотя, на наш взгляд, отвечает на вопрос о виде перевода [7. Р. 587]. Т. Биркетт, говоря об огромных изменениях, которые претерпел древнеанглийский язык со времен норманского завоевания, полагает, что он непонятен современному читателю и должен изучаться как иностранный язык [8]. В связи с этим надо признать, что рассмотрение

различных переводов с древнеанглийского на современный английский дает возможность увидеть, каким образом эта задача решается самими переводчиками, в частности теми, кто осуществлял перевод «Беовульфа». Перед ними стоит непростая задача, с одной стороны, передать смысл, с другой стороны, сохранить оригинальность вокабуляра, синтаксиса, стиля и ритма стихосложения.

Проблемы перевода поэмы «Беовульф»

Существует более 40 переводов поэмы, выполненных в разные годы и представляющих не только поэтические версии, но и прозу. Для исследования были выбраны переводы, выполненные М. Александром, Ф.Б. Гуммером, Б. Слэйдом, С. Хини и Х.Д. Чикерингом. Х. Магеннис высоко оценивает перевод Майкла Александра за его разумно подражательный подход, который позволяет сохранить стиль и стихотворный размер поэмы, не уходя далеко от смысла и делая текст читабельным и поэтическим [9. Р. 139]. Наибольшей критике подвергался перевод С. Хини, ирландского поэта, который не стремится четко следовать ритмическому замыслу оригинала, не придерживается буквального следования, использует игру слов и народную лексику. Перевод Х.Д. Чикеринга обрел популярность у тех, кто изучает поэму в рамках истории литературы по причине его очень выверенного перевода строк, достаточно буквального, но с поэтическим вкусом. Х. Магеннис, анализируя переводы последних шести десяти лет, делает акцент на том, как качественно изменилась ситуация, и на смену любителям-энтузиастам пришли ученые и поэты, чьи переводы обрели популярность в силу их высокой профессиональности [9. Р. 2]. Все переводы обладают своим особенным подходом, поскольку любой текст-источник перевода — объект переплетения многочисленных смыслов и интерпретаций, которые становятся доступны через чтение, что и есть перевод [10. Р. 16]. Дж. Найлз отмечает, что нет ничего легче, чем критиковать такие работы, так как любой переводчик обязательно оставит отпечаток своего стиля в процессе переписывания на не родной для произведения язык [11. Р. 859]. Перевод — это всегда процесс выбора стиля. Какой язык использовать, с архаичными словами и синтаксисом или идиоматический современный, отдавать предпочтение этимологическим корням, чтобы достичь звукового соответствия англосаксонскому или писать на современном космополитическом, доступном многим [11. Р. 859, 862]? Одну из проблем, с которыми сталкиваются переводчики «Беовульфа», представляют сложные слова и так называемые кеннинги, характерные для поэтического наследия англосаксов и оформляющие особый метрический размер «Беовульфа». Изучению переводческих стратегий кеннингов и сложных слов посвящены работы М.П. Бaeвой [12; 13], В. Броза [14], С.А. Песиной [15], М. Karlo [16].

В статье речь идет о переводе двусоставных слов, которые присущи древнеанглийскому языку и изобилуют в поэме, однородно вписываясь в метрическое стихосложение. В поэме наблюдаются различные двусоставные существительные, только часть из которых некоторые ученые относят к кеннингам, аргументируя свое мнение метафорической или метонимической связью внутри слова [17. Р. 26; 18. Р. 27]. Исследователи, придерживающиеся таких ограничений, однако, включают в число кеннингов разное количество примеров, что свидетельствует о разногласиях в их среде [14. Р. 168; 19. Р. 117]. Ф. Клебер относит к кеннингам любые сложные слова, разделяя точку зрения Р. Мейснера, который охарактеризовал кеннинги как двусоставный заместитель простого существительного [20. Р. lxii]. А.И. Смирницкий относит подобные слова к невоспроизводимым, а созданным автором на данный случай из материала и по образцам, имеющимся в словарном составе языка, что частично применимо для древнеанглийских компаундов [21. С. 158]. Семантические связи между компонентами сложного слова могут быть различными, но суть этой связи состоит в том, что первый компонент характеризует второй по различному признаку. Например, в слове **beado-rinc** первый компонент характеризует военную принадлежность мужчины, человека (*rinc*), в слове **æscwiga** семантическая связь определяется по предмету владения, о чем будет сказано далее.

В поэме действительно наблюдаются как сложные слова, один из компонентов которых образует ряд компаундов, так и единичные случаи сложения. Словосложение свойственно древнеанглийскому языку, в частности, имеет место такой распространенный тип сложения, как существительное+существительное, при котором происходит соединение двух корневых морфем. В «Беовульфе» встречается около 900 сложных слов, в которых отношения между компонентами строятся как определение и определяемое [22. С. 67]. С обновлением лексического состава языка в результате притока заимствований, с одной стороны, произошло отмирание древнеанглийских лексем, с другой стороны, активность соединения некоторых лексем с другими существительными изменилась. В результате этих процессов при переводе древнеанглийских памятников авторы переводов сталкиваются с проблемой выбора варианта, сопоставимого по смыслу и подходящего по звуковому ряду и ритму.

Компаунды и варианты их перевода

В статье рассматриваются сложные слова (компаунды), получившие в современном английском языке значение ‘warrior’: **æscwiga**, **beado-rinc**, **here-rinc**, **gūð-rinc**, **hilde-rinc**, **dryht-guma**, **wig-freca**, **sweord-freca**, **scyld-freca**, **hilde-freca**, **gūð-freca**, **fēða-cempa**, **gūð-beorn**, **hilde-mecg**, **ōret-mecg** (см. таблицу).

Сложные слова, как и кеннинги, функционируют в поэме для описания одного и того же явления, предмета, человека, что создает изобразительное и художественное разнообразие. В структуре номинального компаунда присутствует базовое слово и второй компонент, его детерминирующий. В анализируемых примерах базовое слово — существительное со значением «человек, мужчина, воин»: *beorn* ‘man, hero, warrior’, *sempa* ‘warrior’, *freca* ‘a bold man, warrior’, *guma* ‘man, hero’, *mæcg* ‘man’, *rinc* ‘man, warrior, hero’, *wiga* ‘warrior, fighter, man’. Однако если посмотреть происхождение этих слов, то можно сделать вывод о том, что такие слова, как *guma* от Lat. *homo* ‘man’, *rinc* от ON. *rekkr* ‘man’, *mæcg* ‘man’ имеют обобщающий характер. В то время как другие слова несут в своем значении коннотацию исходного слова: *beorn* от Dan. *björn* ‘bear’ медведь, *sempa* от Proto-Germ. *kampijð* ‘fighter’ воин, *freca* от Ger. *frech* ‘daring’ отважный, *wig* от Got. *weiha* ‘fight’ бой. Таким образом, основное внимание при переводе придается слову-определителю, характеризующему второй компонент и выполняющему уточняющую и определительную функцию. Частотными базовыми компонентами, как выяснилось в ходе анализа, являются существительные *freca*, *rinc*, *wiga*, образующие по пять и более компаундов, продуктивными определяемыми — *gūð* от Got. *gunþi* ‘war’ война, *hild* от Got. *hildi* ‘battle’ битва.

Рассмотрим сначала сложные слова, которые образуют единичные примеры, не имеют устойчивого характера и скорее всего являются ситуативными. Компаунд *gūð-beorn* (314)^{1,2} сочетает в себе два близких по значению слова *gūð* ‘combat, battle, war’, *beorn* ‘warrior’. Вероятно, 1-й компонент выполняет уточняющую функцию, в связи с чем перевод ‘warrior’ удовлетворяет смыслу и присутствует в переводах С. Хини и Б. Слейда. Что касается других вариантов, то они привносят оценочность в перевод, учитывая, что речь идет о ратнике Хигелака: ‘captain in the wars’ (M. Alexander)³, ‘(hardy) hero’ (F.B. Gummere)⁴, ‘the battle worthy guide’ (H.D. Chickering)⁵.

В слове *fēða-sempa* (1544, 2853) первый компонент имеет значение ‘foot soldier’, которое и определяет особенность воина, заключающаяся в его принадлежности к пехоте. Все авторы перевода так или иначе стремятся отразить эту черту, сохраняя в некоторых вариантах структуру

¹ В скобках дается номер строки в поэме здесь и далее.

² *Beowulf with the Finnesburg Fragment*. Ed. by C.L. Wrenn. London : George G. Harrap & Co. Ltd, 1958.

³ *Alexander M.* *Beowulf*. A verse translation. New York : Penguin Books, 1963.

⁴ *Gummere F.B.* *Beowulf*. New York : Colier & Son, 1910. Режим доступа: <https://www.poetryfoundation.org/poems/50114/beowulf-modern-english-translation> (дата обращения: 12.03.2024).

⁵ *Chickering H.D.* *Beowulf: A Dual-Language Edition*. Translated with an introduction and commentary by Howell D. Chickering. Jr. Garden City, NY : Anchor Books, 1977.

и используя существительное латинского происхождения ‘soldier’: ‘foot warrior, a foot soldier’ (M. Alexander), ‘warrior on foot, foot soldier’ (B. Slade), ‘sure-footed fighter’ (S. Heaney)⁶, ‘the strongest man of champions on foot’ (H.D. Chickering). И только Ф.Б. Гуммер в обоих случаях никак не подчеркивает этой принадлежности, используя атрибутивные конструкции различных моделей: ‘fighting man, shieldsman’.

В компаунде *dryht-guma* (99, 1231, 1388, 1768, 1790) определитель *dryht* ‘army, company, body of retainers’ дает основание на современное значение ‘retainer, warrior’. Поскольку в тексте речь идет о воинах, находившихся в вассальных отношениях с сувереном, то в некоторых переводах отмечается именно эта связь: (99) ‘clansmen’ (F.B. Gummere), ‘lord’s men’ (B. Slade), (1231) ‘warrior-retinue’ (B. Slade), ‘liegemen’ (F.B. Gummere). В этих строках другие переводчики используют обобщенное существительное ‘people’ (S. Heaney), ‘warriors’ (H.D. Chickering), ‘men’ (M. Alexander, H.D. Chickering). В строке 1790 наблюдаются различные варианты перевода, обусловленные контекстом. Поскольку речь идет о воинах, заснувших после пиршества, то Ф.Б. Гуммер называет их ‘drinkers’, таким образом снимая с них героический ореол, М. Александер и Б. Слейд выбирают нейтральный вариант ‘company’, Х.Д. Чикеринг выделяет их статус вассалов ‘hall thanes’. Лишь строка 1768 не вызывает разногласий в выборе слова ‘warriors’.

В поэме наблюдаются еще два сложных слова — *hilde- mæcg* (799) и *ōret-mæcg* (332, 363, 481) — с базовым компонентом *mæcg* ‘man’, в которых определители также совпадают по значению. Существительное *hild* имеет более общее значение ‘war’, значение *ōret* сужается до ‘contest, battle’. Б. Слейд и Х.Д. Чикеринг сохраняют двусоставную структуру при переводе компаунда *hilde- mæcg* — ‘battle man, battle warrior’, калькируя слово. М. Александер придает оттенок их отношениям, используя ‘battle-friends’, Ф.Б. Гуммер дает перевод ‘heroes of war’, С. Хини заменяет местоимением.

Наибольшее разнообразие переводов наблюдается в отношении слова *ōret-mæcg* (332, 363, 481). В строке 332 он имеет следующие варианты перевода: ‘heroes’ (F.B. Gummere), ‘warriors’ (M. Alexander), ‘elite soldiers’ (B. Slade), ‘men’ (S. Heaney), ‘picked men’ (H.D. Chickering). В эпизоде речь идет о воинах Беовульфа, которых останавливает страж вопросом, кто они такие. Если учитывать, что он не знает об их доблестях, то варианты С. Хини и Х.Д. Чикеринга носят обобщающий характер, другие переводчики передают их принадлежность и включают оценочность. Далее в поэме (363) Вульфгар представляет Хротгару воинов Беовульфа: ‘(sturdy) band’ (M. Alexander), ‘elite warriors’ (B. Slade), ‘battle-veterans, these soldiers’ (H.D. Chickering), ‘band’ (S.

⁶ Heaney S. Beowulf — A New Verse Translation. New York, London : W.W. Northon & Company Inc., 2000.

Heany). В некоторых вариантах используется существительное, имеющее значение добавляется оценочное определение.

В переводе слов Хротгара о своих воинах (481) подчеркивается их принадлежность клану, статус воина-вассала: ‘warrior thanes’ (H.D. Chickering), ‘battle companions’ (M. Alexander), ‘seasoned fighters’ (S. Heany). Б. Слейд и Ф.Б. Гуммер сохраняют двусоставность, но используют разные модели ‘battle men’ и ‘armed men’.

Компаунд *beado-rinc* (1109) имеет в своем составе слово *beadu* ‘war, battle, fighting’ в качестве определителя, который вносит уточнение по функции «воюющий человек». В переводе Б. Слейда сохраняется структура и используется калькирование ‘battle man’, Х.Д. Чикеринг М. Александер дают обобщенный вариант ‘warrior’, атрибутируя его прилагательным ‘best’. В контексте поэмы *beado-rinc* относится к Скильдугу, в связи с чем другие переводчики делают акцент в переводе на его принадлежность к правящему клану ‘battle thane’ (F.B. Gummere) и ‘the pride and prince of the Shieldings’ (S. Heaney).

В компаунде *here-rinc* (1176) компонент *here* ‘troop, army’ по существу определяет принадлежность человека к армии, к военному сословию. М. Александер, Х.Д. Чикеринг и С. Хини выбирают для перевода нейтральное существительное ‘warrior’. Ф.Б. Гуммер придает переводу оценочность ‘hero’, Б. Слейд расширяет смысл до ‘leader of armies’. Последний не только отходит от структуры, но и от исходного значения.

В слове *gūð-rinc*, которое встречается в тексте трижды (839, 1118, 1881), определитель *gūð* ‘combat, battle, war’ не несет в себе никаких коннотаций. Выделяются только переводы М. Александера, который в первом эпизоде переводит обобщенным вариантом ‘great gathering’, и Х.Д. Чикеринга, который в строке 1881 использует слово ‘fighter’. Во всех остальных эпизодах переводчики выбирают нейтральное ‘warriors’.

В компаунде *hilde-rinc* (986, 1307, 1495, 1576) *hild* имеет значение ‘war, battle, combat’ (война, битва, бой), из чего следует выбор современного слова ‘warrior’. Однако, исходя из контекста, Ф.Б. Гуммер дает перевод с оценочной коннотацией ‘heroes of war’ (1307, 1495), дословный перевод с сохраненной структурой присутствует у Б. Слейда — ‘battleman, battle warrior’ (1307, 1495). М. Александер подходит к переводу этих строк по-своему, стремясь передать нюансы контекста: ‘white-haired soldier’ и ‘daring man’. В строке 1576 все авторы перевода используют слово ‘warrior’, и только М. Александер переводит предложной конструкцией ‘man of battle’. Перевод этого сложного слова в строке 986, в которой речь идет о монстре, таков: ‘war claw’ (H.D. Chikering), ‘war creature’ (B. Slade) и ‘heathen warrior’ (M. Alexander), ‘hostile warrior’ (F.B. Gummere). Выбор переводчиков обусловлен стремлением подчеркнуть разницу между воином-человеком и воином-чудовищем.

В компаунде *heado-rinc* компонент–определитель имеет значение ‘battle’, поэтому в английском языке слово имеет значение ‘warrior’, которое используется в большинстве случаев, но есть и другие варианты ‘henchmen’ (F.B. Gummere) и ‘soldiers’ (Chickering).

В нескольких сложных словах (*wig-freca*, *sweord-freca*, *scyld-freca*, *hilde-freca*, *gūð-freca*) базовым элементом является существительное *freca* ‘warrior, hero’, связанное с прилагательным *frec* ‘eager, bold, daring’, то есть в основе лежит оценочное значение качества. Второй элемент выполняет уточняющую и определительную функцию.

В переводах слов *wig-freca* ‘warrior’ (1212, 2496) и *sweord-freca* ‘swordman’ (1468) проявлено единодушие у всех переводчиков, что, видимо, объясняется отсутствием двусмысленности в их значениях: *wig* ‘war, fighting’, *sweord* ‘sword’. Семантическая связь по признаку владения предметом *sweord-freca* ‘swordman’ также способствует однозначному варианту.

В компаунде *scyld-freca* (1033) первый его элемент в современном языке соотносится со словом *shield* и имеет значение ‘воин со щитом’. Идентичных вариантов не встретилось ни у одного переводчика, хотя кажется, что копмаунд не настолько сложный, чтобы изодраться в поисках эквивалента. М. Александер выбирает оценочный вариант *hero*, Ф.Б. Гуммер обобщенный вариант *warrior*, Б. Слейд применяет кальку *shield fighter*, Х.Д. Чикеринг отходит от модели бинома и выбирает атрибутивную конструкцию *shielded hero*. С. Хини предлагает описательный характер перевода *the man battling behind his shield*, полностью отступив от исходной формы.

Несмотря на однозначность копмаунд *hilde-freca* ‘warrior’, который дважды встречается в тексте (2205, 2366), в переводах имеются различные его варианты. М. Александер и Ф.Б. Гуммер используют для перевода в обоих случаях слово *hero*, придавая оценочность. Б. Слейд трансформирует копмаунд в сложную атрибутивную конструкцию ‘battle ready warriors’ (2205), но в другом эпизоде (2366) пользуется нейтральным ‘warrior’. С. Хини в первом эпизоде заменяет *hilde-freca* на ‘swordsmen’, внося собственную интерпретацию в вооружение воинов, во втором эпизоде перевод этого слова опускается. Х.Д. Чикеринг подходит к переводу этого словосочетания по-своему. Поскольку в первом эпизоде речь идет о жестоких воинах Скильвингов, развязавших войну с Хигелаком, он называет их ‘war makers’, в другом случае заменяет копмаунд субстантивом ‘the brave’.

Встречающееся единожды сочетание *gūð-freca* (2414) только в двух переводах принимает обобщенный вариант ‘warrior’ (F.B. Gummere) и ‘war fighter’ (B. Slade). Поскольку в этом эпизоде описывается воин, стоящий на страже сокровищ, то другие авторы полностью изменяют структуру на сложную: ‘the one who stood guard’ (S. Heaney), ‘the guard ready for combat’ (H.D. Chickering).

Сложные слова с базовым словом *wiga* ‘warrior, fighter, man’ имеют в качестве определителя, как правило, существительное, обозначающее предмет

снаряжения: *æsc* ‘spear, lance’, *byrn* ‘mail’, *gār* ‘spear’, *lind* ‘shield’, *rand* ‘shield’. Причем названия различного снаряжения происходят либо от материала, из которого оно изготовлено (*æsc* ‘ясень’, *lind* от Got. *linda* ‘липа’), либо по его форме (*rand* от *rond* ‘круглый’), либо по функции (*scyld* Got. ‘защита’, *byrn* от Got. *byrnjo* ‘breast’). Компаунды *æscwiga* (2042) и *gār-wiga* (2674, 2811) имеют значение ‘воин с копьем’. В современном переводе слова *æscwiga* имеются следующие варианты: ‘ash warrior’ (B. Slade), ‘spearman’ (S. Heaney), ‘ash wielder’ (F.B. Gummer), ‘fighter’ (Chikering), ‘spear fighter’ (M. Alexander). Как видим, Чикеринг выбирает наиболее обобщенный вариант, другие стремятся сохранить двусоставную структуру и определитель, который вносит уточняющий характер, какой именно воин. Несколько необычный выбор слова ‘wielder’ (владелец), производного от устаревшего глагола ‘wield’ (иметь в руках), можно объяснить желанием сохранить аутентичность.

Компаунд *gar-wiga* (2674, 2811) состоит из существительных *gar* ‘spear’ + *wiga* ‘warrior’, демонстрируя семантическую связь по предмету владения, что в некоторых переводах выразилось в двусоставном слове ‘spearman’ (M. Alexander), ‘spear-fighter, spear-warrior’ (B. Slade), ‘spear-thane’ (F.B. Gummere) и ‘spear-fighter’ (H.D. Chickering). В строке 2674 С. Хини и Х.Д. Чикеринг используют обобщающее слово ‘warrior’. С. Хини, не делая акцент на оружии, использует обобщенное ‘warrior’, но отмечает принадлежность воина к клану ‘thane’.

Такая же картина наблюдается в переводе слов *lind-wiga* (2603) и *rand-wiga* (1298, 1793). Приоритетным для переводчика стали слова-определители *lind-* и *rand-*, нашедшие отражение в девяти случаях из пятнадцати: ‘shieldsman’ (M. Alexander), ‘shield-fighter, shield-warrior’ (B. Slade), ‘shield-fighter’ (B. Slade, F.B. Gummer, H.D. Chickering), ‘shield-bearer’ (H.D. Chickering). С. Хини в очередной раз использует обобщенное ‘warrior’.

В слове *gūð-wiga* (2112), по существу, оба компонента имеют одинаковое значение *gūð* ‘combat, battle, war’, *wiga* от *wig* ‘war, fight’. По этой причине в английском языке оно имеет значение ‘warrior’, которое используют Х.Д. Чикеринг и М. Александер. Однако Б. Слейд предлагает свой вариант ‘war soldier’, совпадающий по значению с каждым компонентом. Таким же образом поступает С. Хини, используя сложную атрибутивную модель ‘battle-scarred veteran’, в которой ‘veteran’ имеет значение ‘old experienced soldier’.

В компаунде *byrn-wiga* (2918) первый компонент имеет значение *mail* ‘metal ring armour’ и в переводах Б. Слейда и Х.Д. Чикеринга используется вариант ‘mailed warrior’. Другие авторы предлагают более изысканные варианты: ‘battle-clad warrior’ (M. Alexander), ‘the bold-in-battle’ (F.B. Gummere), ‘leader in his war-gear’ (S. Heaney), не оставляя без внимания функционал защитного снаряжения воина (‘battle-clad’), используя современное ‘gear’.

Таблица / Table

Переводы компанудов / Translations of compounds

Компануд / compound	Значение компануда / meaning of the compound	Номер строки / row number	Имя переводчика и его вариант перевода / Name of the translator and its translation option	Имя переводчика и его вариант перевода / Name of the translator and its translation option	Имя переводчика и его вариант перевода / Name of the translator and its translation option	Имя переводчика и его вариант перевода / Name of the translator and its translation option	Имя переводчика и его вариант перевода / Name of the translator and its translation option
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>gūð-beorn</i>	<i>gūð</i> 'battle, war' <i>beorn</i> 'man',	314	captain in the wars	hero	warrior	warrior	the battle worthy guide
<i>fēða-cempa</i>	<i>fēða</i> 'foot soldier' <i>cempa</i> 'fighter'	1544	foot warrior	fighting man	sure-footed	warrior on foot	the strongest man of
<i>gūð-freca</i>	<i>gūð</i> 'battle, war' <i>freca</i> 'a bold man',	2853 2414	a foot soldier guardian	shieldsman warrior	fighter the one who stood guard	foot soldier war fighter	champions on foot ready for combat
<i>hilde-freca</i>	<i>hild</i> 'war, battle' <i>freca</i> 'a bold man',	2205 2336	hero hero	hero hero	swordsman -----	battle ready warriors warrior	war makers the brave
<i>scyld-freca</i>	<i>scyld</i> 'shield' <i>freca</i> 'a bold man'	1033	hero	warrior	the man battling behind his shield	shield fighter	shielded hero
<i>sweord-freca</i>	<i>sweord</i> 'sword' <i>freca</i> 'a bold man'	1468	swordman	swordman	swordman	swordman	swordman
<i>wig-freca</i>	<i>wig</i> 'war, fighting' <i>freca</i> 'a bold man'	1212 2496	warrior warrior	warrior warrior	warrior warrior	warrior warrior	warrior warrior
<i>dryht-guma</i>	<i>dryht</i> 'army, company' <i>guma</i> 'man'	99 1231 1388 1768 1790	company of men men fighting men warrior company	clansmen liegemen warrior hero of war drinkers	people people warrior warrior them	lord's men warrior-retinue warrior warrior company of warriors	warriors men men warrior hall-thanes
<i>hilde-mæcg</i>	<i>hild</i> battle <i>mæcg</i> 'man'	799	battle friends	heroes of war	—	battle men	battle warriors
<i>ōret-mæcg</i>	<i>ōret</i> 'contest, battle' <i>mæcg</i> 'man'	332 363 481	warriors battle companions captains in battle	heroes stateliest armed men	warrior band seasoned fighters	elite soldiers elite warriors battle men	men battle-veterans warrior thanes

Окончание таблицы / Ending of the table

1	2	3	4	5	6	7	8
<i>beado-rinc</i>	<i>beadu</i> 'war, battle' <i>rinc</i> 'man'	1109	warrior	battle thane	the pride and prince of the Shieldings	battle man	warrior
<i>here-rinc</i>	<i>here</i> 'army' <i>rinc</i> 'man'	1176	warrior	hero	warrior	leader of armies	warrior
<i>gūð-rinc</i>	<i>gūð</i> 'battle, war' <i>rinc</i> 'man'	839	great gathering	warrior	warrior	warrior	warrior
		1118	warrior	warrior	warrior	warrior	warrior
		1881	warrior	warrior	warrior	warrior	fighter (1881)
<i>hilde-rinc</i>	<i>hild</i> 'war, battle' <i>rinc</i> 'man'	986	heathan warrior	hostile warrior		war creature	war claw
		1307	white-haired soldier	heroes of war	warrior	battleman	warrior
		1495	daring man	heroes of war		battle warrior	warrior
<i>heado-rinc</i>	<i>heado</i> 'war' <i>rinc</i> 'man'	1576	man of battle	warrior	warrior	warrior	warrior
		370	them	henchmen	one	warrior	soldiers
		2465	warrior	hero	Killer	warrior	warrior
<i>æscwiga</i>	<i>æsc</i> 'spear' <i>wiga</i> 'warrior, fighter, man'	2042	spear-fighter	ash-wielder	spearmen	ash-warrior	fighter
<i>byrn-wiga</i>	<i>byrne</i> 'mail coat' <i>wiga</i> 'warrior, fighter, man'	2918	battle-clad warrior	bold-in-battle	leader in his war-gear	mailed warrior	mailed warrior
<i>gār-wiga</i>	<i>gār</i> 'spear' <i>wiga</i> 'warrior, fighter, man'	2674	spear-man	spear-thane	body-armour on the young warrior	spear fighter	mail-shirt
		2811	spear-man	thane	Thane	spear warrior	spear-fighter
<i>gūð-wiga</i>	<i>gūð</i> 'battle, war' <i>wiga</i> 'warrior, fighter, man'	2112	warrior	hero	veteran	war soldier	warrior
<i>lind-wiga</i>	<i>lind</i> 'shield of linden wood' <i>wiga</i> 'warrior, fighter, man'	2603	shieldsman	linden thane	warrior	shield-fighter	shield-bearer
<i>rand-wiga</i>	<i>rand</i> 'shield' <i>wiga</i> 'warrior, fighter, man'	1298	warrior	hero	warrior	shield-warrior	shield-fighter
		1793	shieldsman	shield-fighter	shield-bearing Geat	shield-warrior	warrior

Источник: составлено О.И. Просянной и К.В. Скорик / Source: compiled by Olga I. Prosyannikova, Kseniya V. Skorik

Заключение

Для исследования было выделено 21 сложное слово, эквивалентное в современном английском языке слову ‘warrior’. В анализируемых сложных словах базовый компонент представлен существительными *beorn*, *сепра*, *freca*, *guta*, *тæсг*, *ринс*, *wiga*, которые имеют значение *man*, *warrior* и являются определяемыми. В качестве определителя выступают 16 существительных, среди которых *gūð* от Got. *gunþi* ‘war’, *hild* от Got. *hildi* ‘battle’ образуют компаунды с несколькими определяемыми.

Для исследования вариантов перевода сложных слов, не сохранившихся в современном английском языке, были взяты переводы поэмы, выполненные М. Александером, Ф.Б. Груммером, С. Слейдом, С. Хини и Х.Д. Чикерингом. В результате было выявлено, что в большинстве случаев переводчик сохраняет двусоставную структуру слова (в частности, используя калькирование), если сложное слово имеет в качестве определителя предметное существительное (как правило, предмет оружия), и семантическая связь между компонентами существует по признаку владения предметом. В этих случаях древнеанглийское существительное-опредетель заменяется современным названием этого оружия, определяемое чаще других заменяется существительным ‘warrior’ или ‘man’. В древнеанглийских сложных словах, в которых второй компонент-опредетель представляют близкие по значению слова, наряду с существительным ‘warrior’ используются слова ‘soldier’, ‘fighter’. Древнеанглийские синонимичные существительные *beado*, *gūð*, *here*, *hild*, *heada*, *wig* при сохранении авторами двусоставной модели переводятся как ‘battle’ или ‘war’. В некоторых случаях с учетом контекста употребляется существительное ‘hero’. Наряду с калькированием двусоставных слов в виде номинативного бинома переводчики используют предложные модели *N + prep. + N*. Однако следует отметить, что несмотря на наличие различных вариантов перевода сложных слов со значением ‘warrior’, именно это существительное используется в большинстве случаев. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что в поэме древнеанглийские сложные слова со значением ‘warrior’ в некоторых случаях имели ситуативный статус, в других произошла замена обоих компонентов.

По результатам анализа употребляемых моделей для перевода компаундов выявлено, что в большинстве случаев компаунд заменяется односложным словом, менее остальных замена компаунда односложным словом используется Б. Слейдом. Одинаково часто переводчики сохраняют модель сложного двухкомпонентного слова, используя при этом современное значение. Отмечено также, что модели атрибутив + существительное присущи переводам М. Александра и Б. Слейда. Кроме обозначенных моделей переводчики прибегают также к предложным сочетаниям.

Список литературы

1. *Якобсон Р.* Избранные работы. М. : Прогресс, 1985.
2. *Steiner G.* *After Babel. Aspects of Language and Translation.* Oxford and New York : Oxford University Press. 1975.
3. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во Института общего и среднего образования РАО, 2001. EDN: CCCECZ
4. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М. : Флинта, 2003. EDN: CCCECZ
5. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М. : Высшая школа, 1983.
6. *Хухуну Г.Т.* Межкультурная адаптация художественного текста. М. : Прометей, 2003. EDN: QQUOML
7. *Davis K.* Intralingual Translation and the Making of a Language // *A Companion to Translation Studies*. 2014. № 4. P. 586–598. <https://doi.org/10.1002/9781118613504.ch44>
8. *Birkett T.* On engliscre spræce? Old English and the politics of intralingual translation // *Palimpsestes*. 2022. № 36. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://publish.ucc.ie/profiles/A014/tbirkett> (дата обращения: 10.06.2024). <https://doi.org/10.4000/palimpsestes.7638> EDN: YIJTWL
9. *Magennis H.* *Translating Beowulf: Modern Versions in English Verse.* Cambridge : D.S. Brewer, 2011.
10. *Davis K.* *Deconstruction and Translation.* Manchester : St. Jerome, 2001.
11. *Niles J.D.* *Rewriting Beowulf: The Task of Translation* // *College English*. 1993. Vol. 55. № 8. P. 858–878. <https://doi.org/10.58680/ce19939263>
12. *Баева М.П.* Особенности перевода кеннингов англосаксонской поэмы «Беовульф» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Лингвистика*. 2016. № 4. С. 110–118. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2016-4-110-118> EDN: WPZGNN
13. *Баева М.П.* Лексико-стилистические особенности диахронического перевода на материале англосаксонской поэмы «Беовульф» : дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2019. EDN: RQGXXJ
14. *Broz V.* Kennings as blends and prisms // *Jezikoslojje*. 2011. № 12(2). P. 165–186.
15. *Песина С.А., Карамышева Е.А.* Система кеннингов в древнеанглийском языке // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2014. № 12. С. 140–144. EDN: SEKQRT
16. *Karlo M.* Old English Verse in Modern Translation: Beowulf by Seamus Heaney, J.R.R. Tolkien and F.B. Gummere. [Электронный ресурс] 2018. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/198156029.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).
17. *Mitchel B., Robinson F.C.* *Beowulf. An Edition.* Oxford : Blackwell, 1998.
18. *Lee A.* *Gold-Hall and Earth-Dragon: Beowulf as Metaphor.* Toronto : University of Toronto Press, 1998. <https://doi.org/10.3138/9781442675407>
19. *Gardner T.* The Old English kenning: A characteristic feature of Germanic poetical diction? // *Modern Philology*. 1969. № 67(2). P. 109–117.
20. *Klaeber F.* *Beowulf and the Fight at Finnsburg.* Boston : D.C. Heath, 1950. <https://doi.org/10.1515/bgsl.1950.1950.72.120>
21. *Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1955.
22. *Труевцева О.Н.* Английский язык: особенности номинации. Ленинград : Наука, 1986.

References

1. *Yakobson, R.* (1985). *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. *Steiner, G.* (1975). *After Babel. Aspects of Language and Translation*. Oxford and New York: Oxford University Press.
3. *Vinogradov, V.S.* (2001). *Introduction to translation studies (general and lexical problems)*. Moscow: Izd. Instituta obshchego i srednego obrazovaniya RAO. (In Russ.). EDN: CCCECZ

4. Nelyubin, L.L. (2003). *Explanatory dictionary for translation*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
5. Fedorov, A.V. (1983). *The basics of general translation theory*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
6. Khukhuni, G.T. (2003). *Cross cultural adaptation of fiction text*. Moscow: Prometej. (In Russ.).
7. Davis, K. (2014). Intralingual Translation and the Making of a Language. *A Companion to Translation Studies*, (4), 586–598. <https://doi.org/10.1002/9781118613504.ch44>
8. Birkett, T. (2022). On engliscre spræce? Old English and the politics of intralingual translation. *Palimpsestes*, (36). <https://doi.org/10.4000/palimpsestes.7638>. URL: <https://publish.ucc.ie/profiles/A014/tbirkett> (accessed: 10.03.2022).
9. Magennis, H. (2011). *Translating Beowulf: Modern Versions in English Verse*. Cambridge: D.S. Brewer.
10. Davis, K. (2001). *Deconstruction and Translation*. Manchester: St. Jerome Publ.
11. Niles, J.D. (1993). Rewriting Beowulf: The Task of Translation. *College English*, 55(8), 858–878.
12. Baeva, M.P. (2016). THE Peculiarities of Translation Of Kennings in Anglo-Saxon Poem “Beowulf”. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, (4), 110–118. (In Russ.). EDN: WPZGNN
13. Baeva, M.P. (2019). *Leksiko-stilisticheskie osobennosti diahronicheskogo perevoda na materiale anglosaksonskoj poemy “Beovul’f”* [PhD thesis]. Mytishchi. (In Russ.). EDN: RQGXJJ
14. Broz, V. (2011). Kennings as blends and prisms. *Jezikoslojje*, 12(2), 165–186.
15. Pesina, S.A., & Karamysheva, E.A. (2014). System of kennings in Old English language. *Fundamental research*, (12), 140–144. (In Russ.).
16. Karlo, M. (2018). *Old English Verse in Modern Translation: Beowulf by Seamus Heaney, J.R.R. Tolkien and F.B. Gummere*. URL: <https://core.ac.uk/download/198156029.pdf> (accessed: 10.03.2022).
17. Mitchel, B., & Robinson, F.C. (1998). *Beowulf. An Edition*. Oxford: Blackwell.
18. Lee, A. (1998). *Gold-Hall and Earth-Dragon: Beowulf as Metaphor*. Toronto: University of Toronto Press.
19. Gardner, T. (1969). The Old English kenning: A characteristic feature of Germanic poetical diction? *Modern Philology*, 67(2), 109–117.
20. Klaeber, F. (1950). *Beowulf and the Fight at Finnsburg*. Boston: D.C. Heath.
21. Smirnickij, A.I. (1955). *Old English language*. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyh yazykah. (In Russ.).
22. Truevceva, O.N. (1986). *English language: peculiarities of nomination*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Просяникова Ольга Игоревна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (196605, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург-Пушкин, Петербургское ш., д. 10); сфера научных интересов: английский язык, имагология; e-mail: olgapro@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9080-3058. SPIN-код: 7162-9848, ResearcherID: J-8619-2017.

Скорик Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (196605, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург-Пушкин, Петербургское ш., д. 10); сфера научных интересов: английский язык, имагология, политический медиадискурс; e-mail: myenglishprof@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3198-5765. SPIN-код: 1001-6737, ResearcherID: AAE-1111-2022.

Information about the authors:

Olga I. Prosyannikova, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Pushkin Leningrad State University (10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, Russian Federation, 196605); *Research interests*: English language, imagology; *e-mail*: olgapros@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9080-3058, SPIN-code: 7162-9848, ResearcherID: J-8619-2017.

Kseniya V. Skorik, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Pushkin Leningrad State University (10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, Russian Federation, 196605); *Research interests*: Imagology, political media discourse; *e-mail*: myenglishprof@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3198-5765, SPIN-code: 7162-9848, ResearcherID: J-8619-2017.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-117-131

EDN: FELVLK

UDC 811.161.1'37'42

Research article / Научная статья

Language and Speech Models of Gender Stereotype Representation on the Material of the Russian language

Tatiana V. Romanova  , Maria Yu. Tovkes 

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

 tvromanova@mail.ru

Abstract. Nowadays, gender problematization in scientific discourse is caused by the clash of traditionalist and globalist tendencies of gender identification. Language models of gender stereotype allow us to reconstruct the structural organization of MAN/WOMAN concepts in the modern group interpretation of native Russian speakers, objectified in lexico-thematic conceptualization and categorization. The lexico-semantic way of expressing conceptual gender characteristics is the most representative; the profiling mechanism is activated by the polysemantism of linguistic units. Speech models of gender stereotype represent a cognitive mechanism of selection, interpretation, and evaluation of verbal means, their definition area is conceptually thematic groups as a set of knowledge about gender, interpreted in a specific discourse. The conceptual transformation of gender is projected primarily onto the basic categorical structure of the conceptual and thematic field of gender-marked knowledge, where prototypical effects are directly manifested. The central definition areas of gender characteristics when describing men is the thematic block “Personal characteristics” (802 contexts), when describing women — “Fulfilment spheres” (1077 contexts). In the thematic block “Personal characteristics”, when describing men and women, character traits in the traditional interpretation become the dominant group. In the thematic block “Fulfilment spheres” the employment of women in various spheres of public life and the development of new professions are actively discussed, which indicates an increase in the importance of the implementation sphere in the structure of the concept WOMAN. Lexico-grammatical and speech representation of masculinity and femininity in the text corpus enable us to identify traditional asymmetries and certain egalitarian tendencies: overcoming discursive invisibility of women and their discrimination on the basis of intellect; expanding men’s rights in the family sphere; partial overcoming of “toxic” masculinity; expanding the spheres of social realization of men and especially women; the importance of personal fulfilment, moral motivation of behavioral reactions, successful public image for men and women.

Keywords: concept, polysemantism, profiling, lexico-semantic representation, conceptual and thematic group, egalitarian tendencies

© Romanova T.V., Tovkes M.Yu., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 15.09.2024.

For citation: Romanova, T.V., & Tovkes, M.Yu. (2025). Language and Speech Models of Gender Stereotype Representation on the Material of the Russian Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 117–131. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-117-131>

Языковые и речевые модели репрезентации гендерного стереотипа на материале русского языка

Т.В. Романова  , М.Ю. Товкес 

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», *Нижний Новгород, Российская Федерация*

 tvromanova@mail.ru

Аннотация. В настоящее время проблематизация гендера в научном дискурсе вызвана столкновением традиционалистских и глобалистских тенденций гендерной идентификации. Языковые модели репрезентации гендерного стереотипа позволяют реконструировать структурную организацию концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в современной групповой интерпретации носителей русского языка, объективированную в лексико-тематической области языкового знания. Лексико-семантический способ выражения концептуальных гендерных признаков оказался наиболее репрезентативным, механизм профилирования активируется полисемантической языковых единиц. Речевые модели репрезентации гендерного стереотипа представляют собой когнитивный механизм отбора, интерпретации, оценки вербальных средств, область определения которых являются концептуально-тематические группы как совокупность знаний о гендере, интерпретированных в конкретном дискурсе. В ходе исследования выявлено, что концептуальная трансформация гендера проецируется прежде всего на базовую категориальную структуру концептуально-тематической области гендерно маркированного знания, где непосредственно проявляются прототипические эффекты. Центральными областями определения гендерных признаков при описании мужчин являются тематический блок «Личностные характеристики» (802 контекста), при описании женщин — «Профессиональные характеристики» (1077 контекстов). В тематическом блоке «Личностные характеристики» при описании мужчин и женщин доминантной группой становятся качества характера в традиционной интерпретации. В тематическом блоке «Профессиональные характеристики» активно обсуждается занятость женщины в различных сферах общественной жизни и освоение новых профессий, что свидетельствует о повышении значимости сферы реализации в структуре концепта ЖЕНЩИНА. Лексико-грамматическая и речевая репрезентация характеристик мужественности и женственности в корпусе текстов позволили выделить традиционные асимметрии и определенные эгалитарные тенденции: преодоление дискурсивного нивелирования женщины; ее дискриминации по интеллектуальному признаку; расширение прав мужчины в семейной сфере; частичное преодоление агрессивной, «токсичной» маскулинности; расширение сфер социальной реализации мужчины и особенно женщины; значимость личностной реализации, моральной мотивации поведенческих реакций, успешного публичного имиджа для мужчин и женщин.

Ключевые слова: концепт, полисемантизм, профилирование, лексико-семантическая репрезентация, концептуально-тематическая группа, эгалитарные тенденции

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 15.09.2024.

Для цитирования: *Romanova T.V., Tovkes M.Yu.* Language and Speech Models of Gender Stereotype Representation on the Material of the Russian Language // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 117–131. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-117-131>

Introduction

Nowadays, experts register significant transformations of gender in various cultures. It is in the English cultural context that relevant trends of the new gender order and ideology are particularly noticeable, which is associated with the expansion of the English language as an international means of communication and the transmission of Western (primarily American) models of gender socialization through various information channels on a global scale [1].

The relevance of the given research is accounted for by the present-day collision of globalist and traditionalist tendencies of gender identification, which produce interrelated changes at the basic level of gender categorization, both within the same linguistic culture and among different linguistic communities. The methodology of cognitive linguistics allows us to reconstruct conceptual transformations of gender stereotypes based on the contextual variability of the concepts MAN/WOMAN. The linguistic and speech models of gender stereotypes constructed in the course of the study may serve as a basis for predicting current trends in gender identification and for outlining possible directions of the language policy and social policy of the state.

The aim of the study is to identify the linguistic and speech mechanisms of constructing the most representative features of the concepts MAN/WOMAN in modern discursive practices on the material of the Russian National Corpus (RNC)¹.

Hypothesis. Proceeding from the fact that cognitive research models are correlation models connecting linguistic and cognitive structures, it is assumed that current trends in the linguistic and speech variability of gender stereotypes in the modern linguistic consciousness of Russian speakers can be reconstructed from the linguistic representation.

Stereotype is one of the key terms of cognitive linguistic research, most often used in scientific discourse as “conceptualization patterns”, “models formed

¹ The Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 01.08.2022).

in our consciousness”; “patterns of people’s behavior and actions in society”, “a cultural norm”².

The given study is based on the understanding of a gender stereotype as a stable, socially recognized and lexically expressed combination of the most representative characteristics of masculinity and femininity and typical fulfilment spheres of men and women, functioning as an economical, normative and evaluative scheme of comprehension and linguistic interpretation of gender parameterization of discourse.

The theoretical basis for the research includes: *cognitive modeling* [2–4]; *the theory of language conceptualization and categorization* [5–8]; *the theory of gender stereotypes in linguistic aspect* [9–12]; *the theory of gender stereotypes in sociological aspect* [13; 14]; *the prototype theory* [15; 16]; *the stereotype theory* [17–19]; *corpus linguistics* [20; 21].

The novelty of the study is as follows: 1) identifying cognitive verbalization mechanisms of stereotypical knowledge on new linguistic material; 2) analyzing acute tendencies of gender identification in various discursive practices; 3) applying a comprehensive research methodology.

Methods and Material

The sample includes a corpus of texts based on the keywords *muzhchin*/zhenshchin**, *muzhsk*/zhensk**, which includes texts of various genres — the main corpus of the RNC and the media corpus of the RNC (non-lemmatized texts). The sample includes 4,000 contexts.

RNC enables us to obtain additional information about the analyzed contexts. The contexts of the main corpus, published from 2011 to 2019, belong to journalism, educational and scientific texts, advertising, fiction, and electronic communication texts. The texts are characterized by a variety of topics (administration and management, army and armed conflicts, business, health and medicine, art and culture, history, consumer and food industry, science and technology, education, law, psychology, sociology, technology, transport, private life, economics, etc.). Contexts related to the media corpus were published during 2019; additional information about the type of contexts and their topics is not available.

The analysis of social stereotypes in a cognitive aspect is conducted by applying a comprehensive research methodology: conceptual and definitional analysis of lexical units marking characteristics of masculinity and femininity; cognitive modeling of thematic groups as definition areas of the conceptual characteristics of masculinity and femininity; prototypical analysis of the most representative characteristics of the concepts MAN/WOMAN; methods of corpus linguistics (frequency analysis, concordance analysis, cluster analysis). Software used: AntConc.

² Romanova, T.V. (Ed.) (2022). *Project dictionary-reference book of cognitive terms*. Nizhny Novgorod: DECOM. P. 176. (In Russ.).

Results and Discussion

Based on the conducted research, it can be concluded that the conceptual transformation of gender is projected primarily onto the basic categorial structure of the conceptual-thematic area of gender-marked knowledge. The role of a “guide” to the processes of basic conceptualization and categorization belongs to language, since language categories are included in cognitive processes and represent the correlation between the structure of a language category and the cognitive structure of a conceptual-thematic area of knowledge.

The functional aspect of gender conceptualization focuses on the ways of operating gender-marked knowledge that are realized in language and provide understanding. At the basic level of gender-marked areas of knowledge categorization, prototypical effects of the gender identification binary model are directly manifested. Profiling of certain characteristics of masculinity and femininity in contexts of RNC depends on the discursive practice: personal characteristics (appearance, age, clothing, character traits) are found mostly in the main corpus of the RNC, whereas professional fulfilment and deviant behavior — in the media corpus of the RNC. The central areas of determining gender characteristics when describing men are “Personal characteristics” (802 contexts), when describing women — “Fulfilment spheres” (1077 contexts) (see Table 1).

Table 1

Comparison of thematic groups of men’s and women’s characteristics in the corpus of texts

		Men	Women
Personal characteristics	Age	 116	 167
	Appearance	 222	 209
	Clothing	 157	 120
	Character	 307	 373
Fulfilment spheres	Economic sphere	 87	 203
	Political-legal sphere	 107	 172
	Social sphere	 139	 324
	Cultural sphere	 238	 322
	Other	 41	 56
Deviant behavior		 190	 6

Source: compiled by Tatiana V. Romanova, Maria Yu. Tovkes

In the thematic block “**Personal characteristics**”, character traits in the traditional interpretation become the dominant group. When describing a man, strength markers are mainly used (*sila* / *silnyj* ³, *silnyj harakter*), a special type

³ Hereinafter, the writers’ spelling is preserved.

of thinking is emphasized (*muzhskoj um, muzhskaya hvatka*); adherence to moral norms and principles is highlighted (*blagorodstvo, dolg*); as well as activity, initiative, innovation (*vsegda v dvizhenii, zhazhdushchij novyh vpechatlenij, stremitsya vpered i vyshe, energichnye*); restraint in the expression of emotions. The contexts profile a higher adherence to bad habits for men than for women (*kurit, zapojnyj pyanica*); aggressiveness can be indirectly connected with the presence of the thematic group “Deviant behavior” (*agressivnyj, voinstvennost, naryvaetsya na draku*). The “female” character is also represented by traditional markers — being observant, attention to detail (*vnimatelny k melocham*); empathy (*serdechnaya / serdechnost / serdobolnye, chutkaya*); willingness to cooperate (*slyshat chuzhoe mnenie, stremlenie k kompromissu, umet rabotat v komande*). The so-called negative feminine qualities account for 13.4 % of the “Character traits” group (*vulgarnaya, zlaya, lzhevaya*, etc.).

In this group, there are certain changes in the masculinity and femininity standards, and smoothing out the traditional asymmetry. Specifically, the right of men to express emotions and non-aggressive masculinity is recognized: *Po slovam issledovatelej, muzhchiny primerno v takoj zhe stepeni podverzheny emociyam, kak i zhenshchiny; otkaz muzhchin ot tradicionnogo latinoamerikanskogo “machizma”*. The emotionality of women virtually invisible in the corpus of texts, whereas there is a significant number of contexts about high intellectual abilities and good life experience: *obrazovannaya, mudraya / mudrost, umnaya*.

In the corpus of texts, men’s and women’s appearance and clothing are discussed, as well as their age as an implicit marker of gender identity and social role behavior. Equally, men and women have an attractive appearance, they are well-groomed, and they prefer to be well-dressed. The descriptive markers of male appearance are more widely represented than those of women; these markers idealize men’s appearance and emphasize their height and the desire to be in good physical shape (*vysokij / vysokogo rost; nakachannyj, podzharyj, podtyanutyj*). The description of female appearance is more detailed. Contexts focus on feminine beauty. However, the figure description markers are ambiguous: slimness is not idealized, and the presence of fullness or obesity is stated as a fact and is not accompanied by a negative connotation (*strojnaya / ochen strojnaya, tonenkaya, hudaya / hudenkaya / hudoshchavaya; polnaya, krupnaya, dorodnaya, pyshnaya*). When describing the age of men and women, significant characteristics are marked using an antonymic pair *molodoj/pozhiloj*.

Among the new trends, we can observe the expansion of the thematic group “Appearance” and “Clothes” when describing men, as well as highlighting contexts about men’s clothing, fashion and accessories. Attractive appearance becomes a significant, socially approved characteristic of both men and women. Thus, visual gender differences are profiled: for men, the significant markers are attractiveness and good physical shape; for women — attractiveness and youth.

The markers of professional fulfilment of women (thematic block “**Fulfilment spheres**”) in the corpus of texts are 2 times more widely represented than those of men. Also, a woman realizes herself in traditional family roles. Motherhood, the purpose of a woman to become a mother (the search query *beremenn** is used 96 times in the corpus); marital status of a woman; the stereotypical role of a woman as a housewife are discussed in the corpus. The contexts emphasize the idea that pregnant women and women with young children are an unprotected group of citizens who need to be supported, particularly at the legislative level. For example: *Deputat dobavila, chto materinstvo — samaya bolshaya zhenskaya privilegiya, poskolku svyazana s chudom rozhdeniya rebenka, ego poyavleniya na svet, vospitaniya i otkrytiya s nim krasivogo mira.*

At the same time, the family topic becomes relevant when describing men: attention is focused on the increasing role of men as the head of the family and as a father raising children, including the legislative (the right to receive state financial support) and institutional levels (establishing the Council of Fathers, Father’s Day, etc.): *Neobhodimost povysheniya socialnoj roli otca, vovlecheniya muzhchin v semejnye dela i vospitanie detej, sovershenstvovaniya propagandy otvetstvennogo otcovstva podchorykivaetsya v koncepcii gosudarstvennoj semejnoj politiki, napomnili ranee v Mintrude.* The role of men as teachers in the educational process, primarily for boys, is also highlighted: *Malchikam bez prepodavatelya-muzhchiny voobshche nelzya vospityvatsya.*

Among the new trends, we can observe the development of new fulfilment fields for men — beauty contests and rhythmic gymnastics — as well as an emphasis on combining career and family when describing women. The professional realization of a woman is actualized, including the “traditionally male” sectors of public life: running your own business, technology, working in senior positions, public service, politics, transport and science. For example: *V to zhe vremya snimayutsya ogranicheniya na rabotu zhenshchin v tom chisle v kachestve aviamekhanikov po planeru, dvigatelyam, priboram, elektro- i radiooborudovaniyu.*

Contexts involving a male–female pair (366 contexts) compare physiological, psychological and personal characteristics; the gender asymmetry in professional fulfilment is partially smoothed out — equal rights for men and women, including their historical aspect, the development of new spheres of public life by women, issues of equality between men and women are actively discussed (see Figure 1).

Contexts marking manifestations of patriarchal gender asymmetry and androcentrism are less frequent (45 contexts). When discussing gender identity issues (38 contexts), we can observe the “traditional” understanding of gender relations as a relationship between a man and a woman. To a lesser extent, new forms of gender identity are marked (*transgender* — 5 contexts, *interseks* — 1, *agendernyj* — 1, etc.) and it is highlighted that personal characteristics do not depend on biological gender.

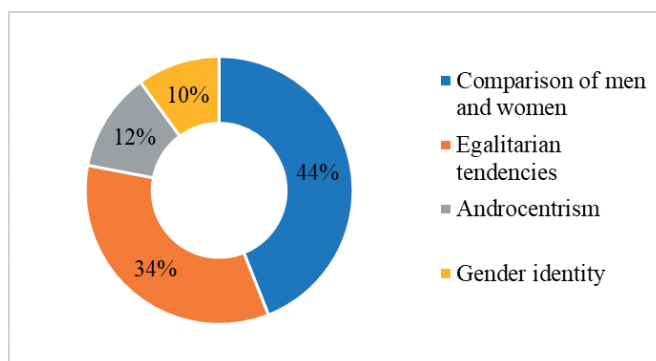


Fig. 1. Thematic groups of contexts involving a male–female pair
Source: compiled by Tatiana V. Romanova, Maria Yu. Tovkes.

In contexts with a male–female pair, the following speech models are realized:

- **opposition** for the purpose of traditional contrast of character traits, or physiological characteristics: *Muzhskoj kollektiv bolshe sosredotachivaetsya na obshchej kartine i na perspektivah razvitiya, a zhenskij udelyaet vnimanie detalyam i resheniyu operacionnyh problem;*
- **typification**: *U tipichnogo top-menedzhera ne zhenskoe lico — 84 % vseh vysshih dolzhnostej zanimayut muzhchiny;*
- **evaluative judgments**: *Pri etom konkursnye zayavki chashche vseg podayut muzhchiny, tak kak zhenshchinam zachastuyu ne hvataet hrabrosti i uverennosti v sebe;*
- **reference to authority**: *Po dannym GIBDD, opublikovannym v marte etogo goda, chashche vseg vinovnikami DTP v Rossii stanovilis muzhchiny v vozraste ot 30 do 40 let. Muzhchiny zhe sovershili 81 procent vseh avarij s pogibshimi i postradavshimi;*
- **attribute characteristics**: *U nas muzhskie professii davno otkryty dlya zhenshchin, a evropejcy schitayut, chto u nih nedostatochno.*
- **predication combined with opposition**. When describing gender relations in Russia, their definition is given and, at the same time, the model of gender relations in other countries is contrasted: *Kak by ni traktovali eto na Zapade i ni navyazyvali nam tolerantnoe otnoshenie k institutu braka, v Rossii semya — eto dobrovolnyj soyuz muzhchiny i zhenshchiny;*
- **explanation**: *On — interseks, to est rodilsya i vospityvalsya kak devochka, no v podrostkovom vozraste polovoe sozrevanie poshlo po muzhskomu tipu;*
- **metaphorization**: *No on upiraetsya v “steklyannyj potolok”: v tekh sferah, gde obrazovanie svyazano s neposredstvennym dostupom k materialnym blagam. Gendernaya distanciya ostaetsya ochen bolshoj — v polzu muzhskogo pola.*

With AntConc corpus manager, it was possible to identify stable nominative phrases with attributive characteristics ‘male’/‘female’, emphasizing phenomena typical only for men or women (see Table 2):

Table 2

Nominative phrases characterizing men and women in the corpus of texts

Men	Women
- a certain standard of decent behavior, adherence to moral norms and principles: <i>man's word, male action, male obligation, male solidarity, male upbringing</i> ;	- general description of character: <i>female nature, female gender, female soul</i> ;
- style of thinking: <i>male logic / male fact-based logic</i> ;	- style of thinking: <i>female logic, female memory, female instinct, female intuition</i> ;
- views of life: <i>male happiness</i> ;	- views of life: <i>female happiness, female destiny</i> ;
- special expression of emotions: <i>men's tears</i> ;	- expression of emotions: <i>woman's tears</i> ;
- communication standards: <i>male friendship / strong male friendship, male conversation, male response</i> ;	- communication style: <i>female conversations</i> ;
- support: <i>male shoulder, male arm</i> .	- typically feminine themes: <i>women's things, women's secrets, women's agenda, women's joys</i> .

Source: compiled by Tatiana V. Romanova, Maria Yu. Tovkes

Thus, it is possible to generalize the mechanisms of linguistic and speech representation of current trends in gender identification:

1. **The lexical and grammatical representation** of the gender stereotype in the corpus of texts is expressed by the following means:
 - the part of speech choice when describing stereotypical characteristics of masculinity and femininity is determined by the thematic group: when describing character traits, derived nouns with the Abstract semantics of ‘characteristic, trait’ are mainly used (*sila, chestnost, blagorodstvo, um, aktivnost, voinstvennost, muzhestvo*); for appearance — single-root adjective–noun pairs; for clothes — concrete nouns; for age — compound adjectives with a quantitative root morpheme, the means with the semantics of approximate quantity are numbering phrases with reverse word order and prepositional-case forms of cardinal numerals in the genitive and dative cases (*k, okolo*). Less frequently, adjectives derived from the same noun root (*energichnyj, agressivnyj*) and derived nouns used as apposition (*smelchak, zashchitnik, krasavica*) are employed to describe character and appearance.
 - when analyzing the thematic groups “Character traits” and “Appearance”, we observe the semantics of lexical units with a positive connotation, which mark stereotypically approved personal traits, attractive appearance, and good physical shape. When analyzing the thematic groups “Clothes” and “Age”, lexical units have a neutral connotation and label items of clothing or age characteristics (*srednih let*);
 - corpus analysis reveals that attributive features, nominative phrases, coordinated (*moshchnyj sportivnyj tors, zastenchivyy vzglyad*) and non-coordinated (*s serezhnymi namereniyami*) adjectives, metaphorical attributes (*basketbolnyh razmerov, bochkoobraznyj, tuchnyj, zhenshchina ostrogo i nestandartnogo*

- myshleniya*) are registered much more frequently than predicative features. Predicative features are present only within the thematic group “Character traits”;
- certain lexical units belonging to the groups “Appearance” and “Age” form synonymic rows with common semantic components “tall”, “attractive appearance”, “good physical shape”, “excessive weight”, “middle age”, etc. In the group “Character traits”, the synonymy mechanism (*blagorodnyj, vernyj, vypolnyat svoj dolg, poryadochnyj*) is also observed. The most frequent characteristic in describing the age of men and women are the antonymic pairs *molodoj/pozhiloj; molodaya/pozhilaya*;
 - to convey a strong degree of quality, the description of men’s and women’s appearance and clothing employs intensifiers and hyperbolization, expressed by appropriate morphemes or lexical units. For example: *zdorovennyj, zhenskaya giperaktivnost* (intensifiers); *ogromnyj rost* (hyperbolization).
 - women’s characterization employs a greater number (compared to male characteristics) of set expressions and proverbs marking traits of female character, appearance and age: *predpriimchivaya zhenshchina ne zhdet u morya pogody, vykruchivaetsya kak mozhet*.
2. **The speech representation** of the gender stereotype in the corpus of texts is expressed by the following means:
- the most frequently used speech models of gender stereotyping are predication (*novatorstvo v lyubom dele — missiya muzhskogo pola*), explanation or parenthetical constructions (*silnye muzhchiny (i ya sejchas govoryu sovsem ne o muskulature)*), evaluative judgment conveying the speaker’s opinion (*Opredelyayushchee, na moj vzglyad, zabluzhdenie svyazano s vozrastom zhenshchin*), detailing the semantics of the situation — concretization, where the attributive feature is a trait of character, a detail of appearance or clothing (*silnyj harakter, muzhskoj um*), description (*muzhskoj tip, kogda nuzhno postoyanno chto-to preodolevat i sovershat podvig*);
 - conceptual characteristics of masculinity and femininity are objectified by naturomorphic and sociomorphic metaphorical models when describing character traits (*muzhchiny vyplekivayut svoyu agressiyu, muzhchina v bolshej stepeni issledovatel bolshogo mira za predelami doma*); a metonymic transfer is revealed only in the characteristics of clothing, when the garment becomes an indirect marker of occupation (*v voennom kitele, v gonochnom shleme, v seryh rizah*);
 - the analysis of female characteristics in the groups “Character traits” and “Appearance” reveals a description based on a prototype and a typing mechanism, when the author cites the features of a certain stereotypical image with a set of appropriate characteristics (*nastoyashchaya russkaya zhenshchina s rusoj kosoj*);
 - periphrasis, parenthetical constructions, predicative phrases, inversion, comparative structures, quoting, opposition and negation modality are the

least frequent speech models when describing men, and are found mainly in one of the identified thematic groups. Parenthetical constructions, inversion, frame and mode of negation are the least frequently used speech models when describing women. For example: periphrasis — *zdorovoe otnoshenie k realnosti* (pragmatism); opposition — *muzhchina prezhde vsego dolzhen vypolnyat svoj dolg, a ne ukazaniya mamy*; quotations, intertextuality — “*krasivyy, umnyy i v meru upitannyj muzhchina v samom rascvete sil*”;

- a positively evaluative mode can be identified in the groups “Character traits” and “Appearance”, when the speakers construct a stereotypically positive image of a man and a woman (traits, behavior and appearance aspects which are acceptable and approved);
- the propositional model of the situations “Character traits”, “Appearance”, “Clothes” includes the following components: the subject as a marker of characteristic, characteristic/predicative — character trait/appearance trait/garment; the action through which the characteristic, trait /object/attribute manifests itself (*I, tem ne menee, vseгда pomnite: vy — muzhchiny, a muzhchiny dolzhny umet terpet, staratsya, preodolevat sebya i vypolnyat svoj dolg; My ved zhenshchiny, my nablyudatelnye, vnimatelny k melocham*). The propositional model of the “Age” situation includes the components of the subject — a marker of characteristic, a predicate with the “characteristic, trait” semantics.

The analysis of language and speech models of gender stereotype representation makes it possible to identify the traditional binary model as the dominant method of gender categorization, which represents idealized images of men and women, which have gained collective approval and enable us to differentiate between the norm and deviations from it. Conceptual rearrangements of the binary model of gender differences do not affect the prototypical core of the concepts MAN/WOMAN, but reveal themselves in the expansion of non-prototypical components, their ranking, the degree of asymmetry of mutual correlations: the preservation of traditional patriarchal asymmetry, neutralization of gender differences in certain types of discourse, as well as feminist trends and the dominance of women in certain contexts. The asymmetries of the binary model reveal the adherence to fundamentalist values and guidelines of Russian linguistic culture and at the same time adapt it to the challenges of globalization.

The research outlines linguistic and speech models representing typical signs of masculinity and femininity and current trends in gender identification typical of the Russian-speaking linguistic culture. The analysis is based on the materials of a certain time period. At the same time, the cognitive research methodology of gender stereotypes allows us to correlate these models with gender models of other linguistic cultures. The new gender order of anglophone cultures challenges the naturalness of heterosexuality and the heteronormativity of gender categorization up to the complete neutralization of gender differences. On the basis of changing standards of femininity

and masculinity, relativism of gender differences, scientific discourse concludes that the binary model of gender identification, categorization and institutionalization of the “third sex” has been overcome [22]. We believe that the tendency to remove gender labeling in English-speaking cultures is complemented by a tendency to restoring it. At the linguistic level, this process is represented in an affixal way: the affix *trans-* is relative to removal, and the affix *cis-* means the restoration of gender labeling [23]. Cisgender/transgender becomes a new binary opposition at the basic level of categorization with the dominant element of opposition “transgender”. Thus, the semantic content of the prototypical components of binary opposition categories is changing, binarity remains at the subordinate level of gender categorization (implicitly: *lesbiyanki, gomoseksualisty*; explicitly: *muzhchiny, stremyashchiesya k zhenskomu; zhenshchiny, stremyashchiesya k muzhskomu*, etc.). The deliberate rejection of gender normalization presupposes the knowledge of gender differences and is performed in relation to them (*agender, panseksualy, interpolovye; ni muzhchiny, ni zhenshchiny*, etc.)⁴. This type of asymmetry is represented and reinforced by the oppositions binary model/non-binary model, heteronormative language/non-heteronormative language; therefore, we should talk not of overcoming the binary model of gender categorization in anglophone cultures, but of modernizing it in a globalist context [24; 25].

Conclusions

Conceptual transformations of gender differences in Russian-speaking culture manifest themselves not in reducing gender to a marker of sexuality and self-identification, but in expanding gender constructs, re-evaluating gender asymmetry, understood not as unification of gender differences or assimilation to the male norm, but as an increase in diversity within and among gender individuals. The modernization of gender identity particularly affects the semantic content of the concept WOMAN. This occurs in the direction of restructuring the dominant gender construct of the “working mother” in the Soviet period, which reflected the dual employment of women in the family and in the public life and emphasized her high status mainly in the private sphere.

In the modern, collectively approved view, the gender stereotype as a mechanism of structuring conceptual and thematic fields of gender knowledge, objectified in a contextually interpreted linguistic and speech representation, constructs traditional asymmetries and certain egalitarian tendencies: overcoming discursive invisibility of women; their discrimination on the basis of intellect; the

⁴ Königer, S. (2017, November 30). *How did the German politician puzzle the parliament?* Arguments and facts. URL: https://aif.ru/politics/opinion/chem_nemeckiy_deputat_ozadachil_parlament (accessed: 10.10.2023).

expansion of men's rights in the family sphere; partial overcoming of aggressive, "toxic" masculinity; expansion of social fulfilment spheres of men and especially of women; the importance of personal fulfilment, moral motivation of behavioral reactions and a successful public image for men and women.

References

1. Kirilina, A.V. (2019). The Designation of Gender-Related Vocabulary in the Light of Opposition of Global and National (a Case Study of the Russian National Corpus). *Journal of Psycholinguistics*, 2(40), 12–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-40-2-12-29> EDN: LEKGSH
2. Talmy, L. (1983). How Language Structures Space. In: H.L. Pick, L.P. Acredolo (eds) *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application* (pp. 225–282). New York; London: Plenum Press. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-9325-6_11
3. Fauconnier, G. (1990). Domains and Connections. *Cognitive Linguistics*, 1(1), 151–174. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.151>
4. Boldyrev, N.N. (2019). *Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.). EDN: YYCNWP
5. Demyankov, V.Z. (1994). Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach. *Voprosy Jazykoznanija*, (4), 17–33. (In Russ.). EDN: SCKGRB
6. Karasik, V.I. (2002). *Linguistic circle: personality, concept, discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.). EDN: UGQAMP
7. Kubryakova, E.S., & Demyankov, V.Z. (2007). On mental representations. *Issues of cognitive linguistics*, (4), 8–16 (In Russ.). EDN: IIQYOT
8. Radbil, T.B. (2018). *Cognitive Science*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University publ. (In Russ.).
9. Lakoff, R. (1975). *Language and Woman's Place*. New York: Harper and Row.
10. Tannen, D. (1991). *You just don't understand: women and men in conversation*. London: Virago.
11. Garanovich, M.V. (2020). *Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of Russians*: monograph. Perm. (In Russ.).
12. Kirilina, A.V. (2021). Gender and Gender Linguistics at the Border of the Third Millennium. *Journal of Psycholinguistics*, 3(49), 109–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147> EDN: DJJIUR
13. Ryabova, T.B. (2001). Gender stereotypes and gender stereotyping: methodological approaches. *Woman in Russian Society*, (3), 3–12. (In Russ.). EDN: JVKAUT
14. Zdravomyslova, E.A., & Temkina, A.A. (2002). *The social construction of gender as a methodology of feminist research*. URL: http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).
15. Rosch, E. (1975). Cognitive References Points. *Cognitive Psychology*, (7), 532–547. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90021-3](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90021-3)
16. Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226471013.001.0001>
17. Wittgenstein, L. (1968). *Philosophical investigations*. Oxford: Basil Blackwell.
18. Rosch, E. (1978). Principles of Categorization. In: E. Rosch, B.B. Lloyd (eds.), *Cognition and Categorization* (pp. 27–48). Lawrence Erlbaum, Hillsdale. <https://doi.org/10.4324/9781032633275-4>
19. Putnam, H. (1981). *Reason, Truth, and History*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511625398>
20. Kopotev, M.V. (2014). *Introduction to corpus linguistics*. Prague: Animedia Company. (In Russ.).

21. Zaharov, V.P., & Bogdanova, S.Yu. (2020). *Corpus linguistics*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russ.).
22. Cameron, D. (2014). Gender and language ideologies. In: S. Ehrlich, M. Meyerhoff, J. Holmes (eds.), *The Handbook of Language and Gender* (pp. 281–297). Wiley Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118584248.ch14>
23. Gritsenko, E.S. (2021). New trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation in modern English. *Journal of Psycholinguistics*, 3(49), 60–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73> EDN: MQRQRO
24. Voronina, O.A. (2004). *Feminism and gender equality*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.). EDN: QOCTFN
25. Aivazova, S.G. (2016). Gender aspect of mass policy. *Woman in Russian Society*, 1(78), 24–34. (In Russ.). EDN: VTYQLD

Список литературы

1. Кирилина А.В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам Национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40). С. 12–29. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-40-2-12-29> EDN: LEKGSH
2. Talmy L. How Language Structures Space // H.L. Pick, L.P. Acredolo (eds.) *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application*. New York; London: Plenum Press, 1983. P. 225–282. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-9325-6_11
3. Fauconnier G. Domains and Connections // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. № 1. P. 151–174. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.151>
4. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Изд. дом ЯСК, 2018. EDN: YYCNWP
5. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33 EDN: SCKGRB
6. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепт, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. EDN: UGQAMP
7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16. EDN: PQYOT
8. Рабиль Т.Б. Когнитивная лингвистика. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета, 2018.
9. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York : Harper and Row, 1975.
10. Tannen D. *You just don't understand: women and men in conversation*. London : Virago, 1991.
11. Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских: монография. Пермь : Изд. Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2020.
12. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3(49). С. 109–147. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147> EDN: DJJIUR
13. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация : методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3. С. 3–12. EDN: JVKAUT
14. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования. 2002. Режим доступа: http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm (дата обращения: 10.10.2023).
15. Rosch E. Cognitive References Points // *Cognitive Psychology*. 1975. № 7. P. 532–547. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90021-3](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90021-3)
16. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago : University of Chicago Press, 1987. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226471013.001.0001>
17. Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Oxford : Basil Blackwell, 1968.

18. Rosch E. Principles of Categorization // E. Rosch, B.B. Lloyd (eds.). *Cognition and Categorization* Lawrence. Erlbaum : Hillsdale, 1978. P. 27–48. <https://doi.org/10.4324/9781032633275-4>
19. Putnam H. Reason, Truth, and History. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511625398>
20. Кононев М.В. Введение в корпусную лингвистику. Прага : Animedia Company, 2014.
21. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020.
22. Cameron D. Gender and language ideologies // S. Ehrlich, M. Meyerhoff, J. Holmes (eds.). *The Handbook of Language and Gender*. Wiley Blackwell, 2014. P. 281–297. <https://doi.org/10.1002/9781118584248.ch14>
23. Гриценко Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3(49). С. 60–73. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73> EDN: MQRQRO
24. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М. : Едиториал УРСС, 2004. EDN: QOCTFN
25. Айвазова С.Г. Гендерный ракурс массовой политики // Женщина в российском обществе. 2016. № 1(78). С. 24–34. EDN: VTYQLD

Information about the authors:

Tatiana V. Romanova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Leading Researcher of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Humanities, HSE University (25/12 Bolshaya Pecherskaya street, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155); *Research interests*: Russian language studies, cognitive linguistics, theory of language; *e-mail*: tvromanova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1833-2711.SPIN-code: 6424-1929, AuthorID: 672906; Scopus ID 56556988800, Researcher ID: L-6068-2015

Maria Yu. Tovkes, PhD in Philology, External Lecturer, Department of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Humanities, HSE University (25/12, Bolshaya Pecherskaya street, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155); *Research interests*: cognitive linguistics, gender linguistics, corpus linguistics; *e-mail*: tovkes.m@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4714-1287. SPIN-code: 9461-4655, AuthorID: 1110521, ResearcherID: AAL-3548-2020

Сведения об авторах:

Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12); *сфера научных интересов*: русский язык, когнитивная лингвистика, теория языка; *e-mail*: tvromanova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1833-2711.SPIN-код: 6424-1929, AuthorID: 672906; Scopus ID 56556988800, ResearcherID L-6068-2015

Товкес Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, приглашенный преподаватель департамента фундаментальной и прикладной лингвистики гуманитарного факультета, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, гендерная лингвистика, корпусная лингвистика; *e-mail*: tovkes.m@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4714-1287, SPIN-код: 9461-4655, AuthorID: 1110521, ResearcherID: AAL-3548-2020.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-132-147

EDN: FBDYNE

УДК 811.134.3'37

Научная статья / Research article

Муравей и цикада в португальской лирике: динамика ассоциативной семантики

М.В. Кутьева¹  , В.А. Махортова² 

¹Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

 kuteva.mv@rea.ru

Аннотация. Отталкиваясь от традиционных значений хрестоматийных образов муравья и цикады, в данной статье мы рассматриваем трансформации их ассоциативной (вторичной) семантики в пространстве поэтического текста. Выдвигается гипотеза о значительной динамической вариативности ассоциативной семантики и метафорики этих энтомонимов. Благодаря творчеству Эзопа и Лафонтена анализируемые образы несут ощутимый басенный отпечаток в своем семантическом реестре. Хотя в португальской лингвокультуре муравей воспринимается преимущественно положительно и трактуется как неустанный труженик, рачительный хозяин и даже провидец, коннотативная привлекательность этого образа несколько омрачилась поэтическими ассоциациями с излишним практицизмом, жадностью, черствостью и будничной серостью, инкриминируемыми муравью со второй половины двадцатого века. Не остался неизменным в прагматико-семантическом отношении и образ цикады, чья роль безответственной лентяйки из басни трансформировалась в аллегорию жрицы музыки, творческой личности, ставящей самовыражение превыше всего. Однако и муравей, и цикада в ряде поэтических контекстов дистанцируются от иносказательной дуальной траектории, предначертанной Эзопом. В частности, муравей изображается как часть огромного, но суетливого коллектива (муравейника), а цикада ассоциируется в португальской лирике как с вдохновенной жаждой творчества, так и с противоположной ей страстью — агрессивностью. Для выявления подобных семантических черт использовались описательно-аналитические методы сопоставительного, компонентного, интерпретативного и концептуально-инференционного анализа. Исследование можно было бы развить по вектору фиксации и сопоставления авторских переносных значений, выбрав группу наиболее «активных» в поэзии энтомонимов на материале неблизкородственных языков.

© Кутьева М.В., Махортова В.А., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: семантическая трансформация, поэзия, образ, этноним

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.07.2024; дата приема в печать: 15.11.2024.

Для цитирования: Кутьева М.В., Махортова В.А. Муравей и цикада в португальской лирике: динамика ассоциативной семантики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 132–147. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-132-147>

Ant and Cicada in Portuguese Lyrics: Dynamic of Associative Semantics

Marina V. Kutyeva¹  , Varvara A. Makhortova² 

¹Plekhanov Russian University of Economics, *Moscow, Russian Federation*

²Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*

 kuteva.mv@rea.ru

Abstract. Starting from the traditional classical literature meanings of an ant and a cicada, this paper aims to explore the transformations of their associative (secondary) semantics in the space of a poetic text. We put forward a hypothesis about the significant dynamic variability of these entomonyms' metaphoric imagery. Thanks to the works of Aesop and Jean de La Fontaine, the analyzed images bear a significant fable imprint in their semantic register. Although in Portuguese linguoculture the ant is perceived mostly positively and is interpreted as a tireless worker, a diligent host and even a visionary, its attractiveness has been somewhat overshadowed by poetic associations with excessive practicality, greed, callousness and everyday dullness. The image of cicada also did not remain unchanged in connotative-semantic terms. Its role as an irresponsible lazy woman from the fable was transformed into an allegory of a creative personality who puts self-expression above all. However, both the ant and the cicada in a number of poetic contexts distance themselves from the allegorical dual trajectory outlined by Aesop: the ant is depicted as part of a huge but fussy collective (anthill), and the cicada is associated in Portuguese lyrics with both an inspired thirst for creativity and the opposite passion — aggressiveness. Descriptive and analytical methods of comparative, component, interpretative and conceptual-inference analysis were used to identify such semantic features. The study could be developed by fixation and comparison of the author's figurative meanings, choosing a group of the most "active" entomonyms in poetry of unrelated languages.

Keywords: semantic transformation, poetry, image, ethnonym

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.12.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Kutyeva, M.V., & Makhortova, V.A. (2025). Ant and Cicada in Portuguese Lyrics: Dynamic of Associative Semantics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 132–147. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-132-147>

Введение

В разных культурах диада «муравей и цикада» (в зависимости от языка это может быть жук, кузнечик, стрекоза [1. С. 80–81; 2. С. 53]) прожила долгую аксиологическую жизнь и воспринимается неодинаково. Несхожесть трактовок диктуется различием языковых картин мира, вербального мышления и национальных лингвокультурных кодов, переменчивостью ценностных установок во времени.

В данной статье мы рассматриваем семантику образов муравья и цикады как в связи с хрестоматийной басней, так и независимо от наследия Эзопа и Лафонтена. Однако оба значения: 1) обыденное и 2) развившееся в лоне литературно-художественного творчества — взаимодействуют и в этом взаимодействии эволюционируют [3]. Изменчивости когнитивного содержания этих образов посвящены некоторые лингвокультурологические и литературоведческие исследования [1; 2; 4–7].

Цель исследования состоит в выявлении метафорических переосмыслений традиционных ролей муравья и цикады в произведениях лучших португальских поэтов. В работе использовался контрастивный метод; проводился сравнительный анализ семантики энтомонимов *formiga* ‘муравей’ и *cigarra* ‘цикада’, закреплённой в толковых португальских словарях, и контекстуальной (окказиональной) метафорики, возникающей в ткани художественного текста. Применялся также компонентный, интерпретативный и концептуально-инференционный анализ [8]. Выявлены их оригинальные семантико-коннотативные метаморфозы и сдвиги, а также новые контекстуальные, индивидуально-авторские значения.

Ассоциативная семантика энтомонимов *formiga*/муравей и *cigarra*/цикада в португальской поэзии

Трудолюбивый Муравей

На протяжении нескольких веков живет в мировой литературе муравей. Его символика связана прежде всего с такими достоинствами человека, как трудолюбие и предусмотрительность¹. Именно их подчеркивает выдающийся португальский поэт Луиш Ваз де Камознс (1524/1525–1580), отмечая, что муравей готовится к тяжелым временам, помня о скором их наступлении. В знаменитой поэме «Лузиады» муравью-провидцу уподобляются нимфы, которые, предвидя опасность, не раз спасали отважных и мужественных португальцев-мореплавателей.

¹ Тресиддер Д. Словарь символов. М. : Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. С. 231.

Canto II, estrofe 23

Quais para a cova as próvidas formigas,
Levando o peso grande acomodado,
As forças exercitam, de inimigas
Do inimigo inverno congelado;
Ali são seus trabalhos e fadigas,
Ali mostram vigor nunca esperado:
Tais andavam as Ninfas estorvando
A gente Portuguesa o fim nefando²

Песнь II, строфа 23

Как летом муравьи спешат в волненье
Себе приют от зимних стуж устроить,
Тяжелый груз влачат в изнеможение,
Чтоб в черный день себя не беспокоить,
Превосходя самих себя в раденье,
Стремясь бремя тяжкое удвоить,
Так нимфы все усилия приложили
И лузитан от смерти оградили.
(Перевод О. Овчаренко)³

Поэтическое слово-образ обладает особой семантической текстурой, которая градуально усложняется и трансформируется «под воздействием многочисленных контекстов в пространстве языка и культуры, художественных кодов, смысловой и эмоциональной многослойности литературных мотивов» [9. С. 10].

Спустя три столетия те же качества муравья, что упомянул Луиш Камознс, акцентирует тяготевший к реализму Сезариу Верде (1855–1886). По сюжету поэмы «De verão» / «Летом» лирический герой и его юная кузина, гуляя, замечают вереницу муравьев. Молодой человек видит в них вредителей, которых следует уничтожить: «*As ladras da colheita! Eu, se trouxesse agora / Um sublimado corrosivo (...) / Envenená-las-ia!*»⁴ ‘Воруют урожай! Для этого отряда / Достань сейчас мне едкой сулемы — (...) / Насыпал бы на их дорожки яда’ (пер. И. Фещенко-Скворцовой²).

Однако девушка защищает готовящихся к зиме усердных крох и называет их «*mineiras (...) incansáveis*» (дословно ‘неутомимые рудокопы’), что подчеркивает идею трудолюбия. Она ставит муравьев в пример нерадивому кузену: «*São mais economistas, mais notáveis / E mais trabalhadoras que o senhor!*» ‘Неутомимые, они на деле / Трудолюбивее, чем вы, сеньор!’².

Корни позитивной аксиологической интерпретации поведения и деятельности муравья как идеала для подражания восходят к библейским текстам, где содержится совет ленивым: «*Vai ter com a formiga, ó preguiçoso; olha para os seus caminhos, e sê sábio. Pois ela, não tendo chefe, nem guarda, nem dominador, Prepara no verão o seu pão; na sega ajunta o seu mantimento*»⁵ ‘Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым.

² Camões L. V. Os Lusíadas. Режим доступа: <https://oslusiadas.org/ii/23.html> (дата обращения: 07.12. 2023).

³ Камознс Л. В. Лузиады. Сонеты. М. : Худож. лит., 1988. С. 61.

⁴ Верде С. Поэзия / Poesia. Лиссабон : Эл Эдисойш, 2022. С. 210–213.

⁵ Provérbios 6: 6–8. In: Bíblia Sagrada João Ferreira de Almeida — Corrigida e Atualizada. Lisboa: Loja da Bíblia Editorial, 2019. Режим доступа: <https://www.bibliatodo.com/pt/biblia/almeida-corrigida-fiel/proverbios-6-6> (дата обращения: 20.11.2023).

Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою»⁶.

А. Бокути считает, что этот библейский эпизод делает положение муравья привилегированным во многих культурах сразу [10. С. 11]. А басенная жизнь этого энтонима на века закрепила его семантическую доминанту [3. С. 167].

Однако в гетеронимической поэзии Фернандо Пессоа (1888–1935), представляющей собой «метафорический взлет» [11. С. 90], образ муравья, ассоциативное поле которого намного шире классической доминанты, приобретает иное, переосмысленное значение. На свойственную этому насекомому хрупкость обращает внимание Рикарду Рейш — один из основных и самых загадочных гетеронимов или «масок» Ф. Пессоа [12]. Именно ему свойственна холодная отстраненность от читателя и мистические поиски альтернативы официальному католицизму [13. С. 211]. Обратимся к его строфе:

Meu gesto que destrói
A mole das formigas,
Tomá-lo-ão elas por de um ser divino;
Mas eu não sou divino para mim⁷.

Одно мое движение,
Муравьев раздавившее,
Им, малюткам, божественным кажется;
Но сам я для себя — не божество.
Перевод И. Фещенко-Скворцовой⁸

Развивая эту мысль, Рейш, ориентировавшийся на античную традицию, предполагает, что и боги-олимпийцы представляются сверхсильными человеку, не являясь таковыми для самих себя. Это вызывает у него сомнения в собственной вере. Пессоа-Рейш руководствовался иными, «новыми принципами смыслополагания и толкования» [14. С. 102] и поместил энтомологический образ в философский контекст. Это размышление о земном и божественном, об относительности всего в мире и, вероятно, о различии между «вещью в себе» и нашим восприятием этой вещи. Подобные семантические сдвиги возможны, тем не менее, лишь на плодородной почве уже испытанных предшественниками стилистических средств [11. С. 90].

К образу муравья обращается и Антониу Жедеан (1906–1997). В стихотворении «Esta é a cidade» ‘Таков город’ он развивает переносное значение слова *formigueiro* ‘муравейник’ и метафорически ‘большое скопление людей’, ‘толпа’⁹). Придавая этому образу наглядность и детальность, поэт создает картину современного суетливого города.

⁶ Притчи Соломона 6: 6–8 // Библия. Синодальный перевод. М. : Российское Библийское Общество, 2008. Режим доступа: <https://www.bible.com/ru/bible/400/PRO.6.6-8.SYNO> (дата обращения: 20.11.2023).

⁷ Citador. Citações e frases. Режим доступа: <https://www.citador.pt/poemas/> (дата обращения: 20.11.2023).

⁸ Пессоа Ф. Оды Рикарду Рейша. М. : Воймега, 2020. С. 225.

⁹ Dicionário Priberam. Режим доступа: <https://dicionario.priberam.org/> (дата обращения: 20.11.2023).

Esta é a Cidade, e é bela.
Um formigueiro se agita,
se esgueira, freme, crepita,
ziguezaqueia e flutua.

<...>

friorento voo de libélula
sobre o charco imundo e estreme.

<...>

Tanto sonho! Tanta mágoa!
Tanta coisa! Tanta gente!
São automóveis, lambretas,
motos, vespas, bicicletas,
carros, carrinhos, carretas,
e gente, sempre mais gente,
gente, gente, gente, gente...

Город таков, и он красив.
[Городской] муравейник движется,
кишит, трепещет, трещит,
извивается зигзагами и колыхается.

<...>

зыбкий полет стрекозы
над грязной лужей и чистым потоком.

<...>

Сколько мечтаний! Сколько горя!
Множество предметов! Множество людей!
Автомобили, «Ламбретты»¹⁰,
мотоциклы, «Веспы»¹¹, велосипеды,
машины большие и маленькие, повозки,
и люди, все больше людей,
люди, люди, люди, люди...
(Здесь и далее подстрочный перевод наш —
В.М., М.К.)

Сочетая в себе контрасты: высокое и низкое, боль и надежду, город предстает как единое целое и напоминает муравьиный коллектив, устроенный как единый организм.

Муравей и цикада

В европейской литературной традиции образ муравья тесно связан с образом цикады. Эти насекомые — антропонимические персонажи одной из самых знаменитых басен Эзопа. Как известно, у Ивана Крылова цикаду заменяет биологически не способная петь *стрекоза*, в то время как чуждая россиянам цикада — самый лучший из всех насекомых певец [15. С. 65]. Попрыгуньей Крылов назвал свою героиню, видимо, в переносном смысле, имея в виду ее легкомыслие и неосновательность: в отличие от кузнечика, в природе стрекоза никогда не прыгает. Конкретика образов Крылова подчинена задаче дать «собственно русскую национальную трактовку сюжета, <...> утверждая народную, „мужицкую“ мораль басни» [16. С. 25].

Немаловажен и такой курьез: у Эзопа, писавшего по-гречески, муравей и цикада — существа мужского пола и, следовательно, разговор их затрагивает сферу социальных ролей и жизненного кредо (кстати, биологически петь способны только самцы цикад, а никак не самки). В португальском же языке эти существительные — женского рода. Диалог развивается между двумя женщинами, одна из которых — рачительная хозяйка, а другая не уделяет домашним обязанностям должного внимания, будучи воплощением тунеядства и лени [17. С. 32–33]. «Гендерный» фактор существенно искажает восприятие исходного художественного замысла инокультурным и/или иноязычным читателем.

В португальском литературном пространстве обсуждаемая нами энтомологическая басня имеет долгую историю. Первый ее перевод, анонимный, датируется

¹⁰ Название мотороллера.

¹¹ *Vespa* (вешпа) — название мотоцикла, от португальского энтомонима *vespa* ‘оса’.

рубежом XIV—XV столетий, а самые поздние были созданы в XXI веке [5. Р. 52–53]. Версия Лафонтена (1621–1695) появилась в семнадцатом веке. Она была весьма точно переведена на португальский язык ярким представителем лузитанской поэтической школы М.М. Бокаже (1765–1805). Лингвокультурный трансфер смыслообразующих метафор [18] удалось осуществить без потерь.

У Лафонтена и Бокаже цикада оказывается недальновидной нищенкой, столкнувшейся с «*enúria extrema*»¹² ‘крайней нуждой’. Она умоляет зажиточного муравья (а точнее, муравьицу) о подаянии, уверяя, что вернет ссуду с процентами: «– *Prometo, <...>, pagar-vos, antes de Agosto, / Os juros e o principal*»¹² ‘Обещаю, <...>, заплатить Вам, до августа, и проценты, и основную часть (основной капитал)’. Как видим, идущий от древнегреческого автора сюжет получает здесь полемическую заостренность [16. С. 25]. В басню вклинивается финансовый мотив, и муравей может ассоциироваться чуть ли не с ростовщиком, а то и со старухой-процентщицей! Однако нет! Таким легкомысленным индивидуумам, в понимании муравья, доверять нельзя! К тому же, «*a formiga nunca empresta, / nunca dá; por isso, junta*»¹² ‘муравей никогда не одалживает, никогда ничего не дает, / поэтому копит’. Эту строку можно трактовать как обвинение муравья в скупости или во всяком случае как укор: разве это хорошо — никогда не давать взаймы? Разговор их заканчивается широко известным саркастичным советом: «– *Cantavas? Pois dança agora!*»¹² ‘Ты пела? Теперь танцуй!’.

Вряд ли кто-то из современников — читателей Бокаже задумывался о жизненной трагедии цикады, о патовости ее положения. Ведь «напряжение, в котором находится читатель, вовсе не обязательно должно быть слепком с напряжения, в котором находится персонаж; мастерство писателя способно сделать их асимметричными» [19. С. 20].

Однако не только мастерство литератора задает некий вектор восприятия. Жесткая и резкая рекомендация муравья оценивалась как справедливая с позиций прагматичной европейской морали, индивидуалистичного мироощущения: раз ты не умеешь предвидеть результат своей беспечности, то выкабывайся сам — благодущие лишь навредит тебе [1. С. 80].

Коллизия муравей-цикада с веками преодолела границы языков и культур «*adaptándose a diferentes situaciones y contextos*» ‘адаптируясь к различным ситуациям и контекста’ и демонстрируя «*una tendencia a reaparecer en momentos de crisis social o decadencia de valores culturales*» ‘тенденцию вновь появляться в моменты социального кризиса или упадка культурных ценностей’ [20. Р. 5]. Именно этот энтомонимический сюжетный узел стал основой для размышлений, воплотившихся в стихотворении Мигела Торги (1907–1995) «*Fábula da fábula*» ‘Басня о басне’.

¹² Histórias em português. Режим доступа: <https://contadoresdestorias.wordpress.com/> (дата обращения: 01.12.2023).

Era uma vez	В некотором царстве бытовала
Uma fábula famosa,	Басня знаменитая,
Alimentícia	Питательная
E moralizadora,	И нравоучительная!
Que, em verso e prosa,	Ее и в стихах, и в прозе,
Toda a gente	Все люди
Inteligente	Умные
Prudente	Благоразумные
E sabedora	И мудрые
Repetia	Повторяли
Aos filhos,	Детям,
Aos netos	Внукам
E aos bisnetos.	И правнукам.
<...> A fábula garantia	<...> Басня уверяла,
Que quem cantava	Что кто поет,
Morria	Тот с голоду
De fome. <...>	Помрет. <...>
Enquanto a fábula contava,	Но пока басню читали,
Um demónio secreto segredava	Демон внутренний шептал
Ao ouvido secreto	Каждому
De cada criatura	На внутреннее ухо,
Que quem não cantava	Что тот, кто не поет,
Morria de fartura.	От изобилия (обжорства) умрет.

Стихотворение М. Торги представляет собой не перевод, а критическое переосмысление античной басни, где образы цикады и муравья приобретают иные значения, далекие от хрестоматийных и привычных [7]. Ситуацию можно развернуть на 180 градусов, рассуждая так: тяжелый труд исторически был наказанием, ведь преступников отправляли на галеры и в шахты. А вот пение искони несло в себе возвышающую и священную миссию. В древние времена разрешалось петь только духовную музыку. Следовательно, цикада не заслуживает однозначного порицания. Более того, она «*sofre punição por buscar a realização pessoal*» ‘она подвергается наказанию за поиск самореализации’ [21. Р. 88], что вряд ли справедливо.

Примечательно, что именно к концу XX в. (зениту творческой активности М. Торги) понятия «труд», «трудовая деятельность», ранее доминировавшие и занимавшие центральное место в социальной «задействованности» человека [22], стали смещаться на периферию, а непрерываемость их абсолютной ценности была поставлена под сомнение [23].

Теперь, в результате постиндустриальной аксиологической революции в мировоззрении, в иерархии ценностей, цикада символизирует уже не лень и безделье! Она означает творческую личность, тогда как муравей оказывается аватаром индивидуума приземленного, ограниченного, «зашоренного», сосредоточенного на материальных благах. Происходит радикальная трансформация ассоциативного потенциала слова [24. С. 192]. Меняется и финал: торжествует уже не муравей, которого у М. Торги губит чувство

пресыщения, а вдохновенная исполнительница оптимистичных гимнов — цикада. Ведь творцы-цикады воспевают солнце, жизнь, дарят людям радость во все времена [25. С. 47]. А по мнению стихотворца, петь — великое предназначение, и по силам оно далеко не каждому. Эта мысль волнует М. Торгу, и в стихотворении «Aos Poetas» ‘Поэтам’ он продолжает рассуждение о том, что жрец рифм, со всеми его слабостями и недостатками, подобен самозабвенно поющей цикаде¹³:

Somos nós
As humanas cigarras!
Nós,
Desde os tempos de Esopo conhecidos.
Nós,
Preguiçosos insectos perseguidos.
Somos nós os ridículos comparsas
Da fábula burguesa da formiga.
<...>
Somos nós, e só nós podemos ter
Asas sonoras.
Asas que em certas horas
Palpitam.
Asas que morrem, mas que ressuscitam
Da sepultura.

Это мы
Люди-цикады! (Цикады в человеческом облике)
Мы,
Со времен Эзопа знамениты.
Мы,
Как букашки, и ленивы, и боязливы.
Это мы — смешные приятели
муравья из старой басни буржуазной.
<...>
Это мы, и только нам даны
Звонкие крылья.
И крылья эти в некий час
Трепещут —
Крылья, умирая, воскресают
Из могилы.

Звон и трепет «музыкальных» крыльев метафоризируют у Мигела Торги творческий порыв и возвышенное, чистое вдохновение. Крылышки бьются не всегда, а лишь в определенные часы (у цикад — после полудня, теплыми вечерами и ночами). Так и поэтов вдруг посещает муза, и поэтическая стихия захватывает их. Образ умирающих, но возрождающихся крыльев можно трактовать как антитезу смертности стихотворца и бессмертия его творений или как аллегория сложной судьбы иных произведений, которых в разные времена может постигнуть то забвение, то слава. Показательно, что по словарю символов цикада является эмблемой бессмертия. Возможно, ассоциативной основой послужили «высушенный» облик и высокая продолжительность жизни этого насекомого¹⁴. Новые трактовки традиционных персонажей обусловлены глобальными трансформациями культуры и идеологии своего времени; они деавтоматизируют первоначальные значения и создают своего рода отчуждение, разрушая ожидания читателя [20. Р. 4].

¹³ Идентифицировал себя с образом цикады и современник Торги испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка, восхищаясь ею и называя ее звонкой звездой: «Mas tú, cigarra encantada, / derramando son, te mueres / y quedas transfigurada / en sonido y luz celeste» ‘Но ты, зачарованная цикада, проливая песнь, умираешь и остаешься преображенной в звук и небесный свет’. Режим доступа: <https://ciudadseva.com/texto/cigarra/> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁴ *Тресиддер Д.* Словарь символов. М. : Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. С. 404.

Не противоречит интерпретации Мигела Торги аксиологическая трактовка бинома *муравей—цикада*, представленная поэтом-модернистом Алешандре О'Нейлом (1924–1986), который рассматривает эту оппозицию по-своему. В каждом из нас есть что-то от практицизма муравья и увлеченной отрешенности цикады¹⁵. Муравей достоин всяческих похвал, но человеку мало материальной, обиходной благоустроенности, ему тесно в прокрустовом ложе бытового комфорта и прагматичной расчетливости. Личность стремится постичь бесконечность огромного мира и поэтому порой, казалось бы, вопреки здравому смыслу, выбирает путь цикады. Неслучайно на слова стихотворения «*Minuciosa formiga*» 'Усердный муравей' написано лиричное, проникновенное, слегка печальное фаду, исполняемое королевой этого исконно португальского жанра музыки — Амалией Родригеш. Приведем поэтические рассуждения О'Нейла:

Minuciosa formiga
não tem que se lhe diga:
leva a sua palhinha
asinha, asinha.
Assim devera eu ser
e não esta cigarra
que se põe a cantar
e me deita a perder.
Assim devera eu ser:
de patinhas no chão,
formiguinha ao trabalho
e ao tostão.
Assim devera eu ser
se não fora não querer.
(– Obrigado, formiga!
Mas a palha não cabe
onde você sabe...)

Старательный муравей
Не нужно его подгонять:
Неси щепочку туда,
Да поживей, да побыстрей.
Вот таким бы должен быть я —
Не цикадой,
что поет
И этим на погибель меня обрекает.
Вот таким бы должен быть я:
Лапками за землю крепче цепляться
Муравейкой,
о труде лишь думать, да о копейках.
Вот таким бы должен быть я:
Но не хочется что-то.
(– Спасибо, муравейка!
Не всегда есть место
щепочкам твоим).

Таким образом, сюжет о муравье и цикаде демонстрирует кардинальную переоценку ценностей в социуме, и разумнее воспринимать ее «не как разрушительное потрясение основ, а как закономерную возникающую в новых исторических условиях потребность в самоанализе» [26. С. 181]. И все же переосмысленные строфы несут в себе «эхо более ранних текстов, что дает панорамное восприятие (поэзии)» [27. С. 509].

Взаимоотношения двух насекомых стали значительным контрапунктом мировой литературы, представая в неожиданном, непривычном ракурсе, подвергаясь переформатированию, становясь «производящей основой» для генерирования новых смыслов [28. С. 36–37].

¹⁵ Так, Эзоп, будучи изначально рабом, а получив свободу, проповедником, является синтезом этих двух ипостасей личности: муравья, поглощенного тяжелым трудом, и цикады, воспевающей высшие ценности [26. С. 47–48].

Цикада

Отметим, что и красота песен цикад воспринимается поэтами неединодушно. Их напевы вдохновляют на возвышенные мысли далеко не всех. Не всем они милы. Немолчный, беспрестанный стрекот порой назойлив и даже агрессивен. Именно так воспринимает его поэт-антифашист Луиш Вейга Лейтан (1912–1987), зенит жизни которого пришелся на Вторую мировую войну. Его внимание привлекают цепкие лапки цикад: с их помощью эти насекомые легко и быстро, подобно спецназовцам, штурмуют любые деревья:

Cigarra
Esta não é filha do sol
com pernas e pés de marinheiros
subindo às árvores das herdades.
Esta é preciso ouvi-la dias inteiros
aquém das grades¹⁶.

Цикада
Нет, она не Солнца дочь!
У нее бедра и стопы матросов,
Взбирающихся по мачтам и стволам.
И день и ночь ты слушаешь ее
Из-за решеток и оград.

Цикада оборачивается зловещим символом жестокости, ее голос не призывает к гармонии, но «*chama para silêncios hirtos e cerrados / com fardas e armas em torno*» ‘звонит в жесткую и замкнутую немоту в военной форме, при оружии’. Негативную интерпретацию этого многоликого образа спровоцировала, видимо, зловещая обстановка военных действий.

Однако времена меняются, а с ними и нравы, и вкусы, и приоритеты. Вот и цикада пробуждает в воображении художников разных эпох нетождественные ассоциации. Каждый автор видит во всем, что окружает его, и даже в таких малозначительных, казалось бы, существах, как насекомые, свои смыслы, рисуя их красками мрачными или яркими. Цикаде повезло с многообразием интерпретаций. У Софии де Мелло (1919–2004) эта крылатая стрекотунья вызывает эмоции и чувства, прямо противоположные ощущениям Лейтана:

As Cigarras
Com o fogo do céu a calma cai
No muro branco as sombras são direitas
A luz persegue cada coisa até
Ao mais extremo limite do visível
Ouvem-se mais as cigarras do que o mar¹⁷

Цикады
Со зноем вместе опускается покой,
На стены белые ложатся ровно тени,
Льет солнце с неба жаркие лучи,
Пронзая ими раскаленный воздух,
И звон цикад сильнее, чем гул прибоя.
Перевод В. Махортовой¹⁸.

¹⁶ *Citador*. Citações e frases. Режим доступа: <https://www.citador.pt/poemas/> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁷ *Escritas*. Режим доступа: <https://www.escritas.org/pt/> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁸ *Андресен С. де М. Б. А.* Единое начало всех вещей: избранные стихотворения в русских переводах. М.: Центр книги Рудомино, 2019. С. 133.

Эта лаконичная зарисовка, вдохновленная пейзажем юга Португалии, содержит синестетически дополняющие друг друга визуальные и звуковые образы: беленные стены домов, контрастирующие с ними тени, яркий солнечный свет, шум океана и звонкая песня цикад. Их сочетание создает объемную картину знойного летнего дня, вызывающую ликование, столь характерное для идиостиля поэтессы [29]. Пронзительное стрекотание цикад С. де Мелло упоминает и в стихотворении в прозе «Ingrina» ‘Ингрина’ (название одного из южных побережий Португалии): «*O grito da cigarra ergue a tarde a seu cimo e o perfume do orêgão invade a felicidade. Perdi a minha memória da morte da lacuna da perca do desastre*»¹⁷ ‘Звонкая песнь цикад уносится в небо, и аромат орегано разливается в воздухе, легком, как чистая радость. Больше не помню о смерти, разлуке, потерях, несчастьях’ (перевод В. Махортовой)¹⁸. Здесь звон цикад становится гимном красоте первозданной природы и радости, которую испытываешь, возвращаясь к истокам. Приведенные строфы демонстрируют, как авторское мировосприятие и национальные особенности «ассоциативного сцепления разных кодов культуры своеобразно закрепляются в образных значениях слов» [30. С. 252].

Заключение

Итак, мы показали, что португальские поэты трактуют образы муравья и цикады, опираясь на интерпретацию, намеченную Эзопом и Лафонтеном, где муравей — труженик, добытчик (но также и скряга), а у Камозенса — провидец; цикада же — недальновидная, бестолковая и взбалмошная певунья. Однако эмоциональная аура и сущностное содержание этих хрестоматийных образов подверглись в пространстве португальской поэзии XVIII—XX вв. существенным изменениям. Муравей утратил нравственную привлекательность и оказался скорее негативным персонажем: эгоистичным, жадным, безжалостным. Цикада же стала преподноситься и восприниматься как вдохновенная творческая личность, полностью поглощенная магией искусства. Переносная семантика этих энтомонимов вышла на философский регистр, где муравей рассматривается как эмблема куцега практицизма, а цикада — как аллегория бесконечного, неудержимого вдохновения. Динамика семантических преобразований всего лишь двух рассмотренных нами энтомонимов является своеобразным показателем насыщенности, подвижности и в то же время континуальности, преемственности метафорической парадигмы португальского поэтического дискурса.

Список литературы

1. Жельвис В.И. Стрекоза и Муравей как предмет культурологического анализа // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 78–94. EDN: LAUJZT
2. Николаиди М.А. Басня Эзопа «Муравей и жук» и ее варианты в античной, западноевропейской и русской культурах // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2022. № 1. С. 52–56. EDN: WNNEBP

3. Мокиенко В.М. От обыденного значения к художественному образу // СибСкрипт. 2016. № 3(67). С. 164–169. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-164-169> EDN: WJBFFR
4. Вечканова Э.Ю. Рассказ С. Моэма «The Ant and the Grasshopper»: ресентиментные превращения классического сюжета // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX—XXI веков: направления и течения. 2015. № 2. С. 84–99. EDN: UBLVXN
5. Frade M. Esopo em Portugal: das origens à contemporaneidade // Caligrama: Revista de Estudos Românicos. 2017. Vol. 22. № 1. P. 51—70. <https://doi.org/10.17851/2238-3824.22.1.51-70>
6. Monteiro S., Balça Â., Azevedo F. Confabulando valores: La cigarra y la hormiga // Ocnos: Revista de estudios sobre lectura. 2010. № 6. P. 61–70. https://doi.org/10.18239/ocnos_2010.06.05
7. Oliveira J.B. de. Inversões de sentido na fábula A Cigarra e a Formiga: modos de subjetivação em conflito // Grau Zero — Revista de Crítica Cultural, Alagoinhas-BA: Fábrica de Letras UNEB. 2017. Vol. 5. № 2. P. 149–172. <https://doi.org/10.30620/gz.v5n2.p149>
8. Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703> EDN: LVSSMM
9. Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение. М. : Экон-Информ, 2020. EDN: KTGMIP
10. Voccuti A. Hormigas en blanco y negro // Artifara. 2012. № 12. P. 11–23. <https://doi.org/10.13135/1594-378X/69>.
11. Туранина Н.А. Метафорический словарь поэзии начала XX века: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 2. С. 90–94. EDN: JTYBAL
12. Овчаренко О.А. Особенности гетеронимии в лирике Фернанду Пессоа // Вестник Костромского государственного университета. 2023. № 29(1). С. 93–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99> EDN: WOEURU
13. Фещенко И.Н. Происхождение «Язычества» Рикарду Рейша — самого загадочного гетеронима Фернандо Пессоа // Новый филологический вестник. 2019. № 3(50). С. 211–224. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00073> EDN: YQVATF
14. Рейснер М.Л. В поисках скрытого смысла: роль «внутреннего комментария» в поэзии Насир-и Хусрава (XI в.) // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 1. С. 100–125. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-100-125> EDN: SSYTQF
15. Успенский Ф.Б. Nabent sua fata libellulae. К истории русских литературных насекомых // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2008. № 12. С. 60–80. EDN: JWTLRL
16. Коровин В.И. «Стрекоза и Муравей» : краткая история басни от Эзопа до Крылова // Литература в школе. 2022. № 5. С. 25–39. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-5-25-39> EDN: OETQTW
17. Гитис Л.Х. Стрекоза и муравей // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2005. № 1. С. 30–33. EDN: IBXFBB
18. Денисенко В.Н., Веред В.Т. Лингвокультурный трансфер метафоры в художественном тексте // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6–1. С. 60–67. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.060> EDN: LNKQXC
19. Маслов Е.С. Время в нарративе: «фабула — сюжет» и «история — дискурс» vs семиотический треугольник // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 3. С. 1–27. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-10-27> EDN: WZLCUF
20. Soto-Vázquez J., Pérez-Parejo R. Posibilidades Didácticas de la Cigarra y la Hormiga. Una (re) lectura // Alabe. Revista de Investigación sobre Lectura y Escritura. 2011. № 2. P. 1–17. <https://doi.org/10.15645/Alabe.2011.3.5>
21. Suassuna D.M.F. de Almeida, Azevedo A.A. Política e lazer: interfaces e perspectivas. Brasília : Thesaurus Publ., 2007.

22. Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 595–615. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615> EDN: OSAIRD
23. Aquino C.A.B., Martins J.C. de Oliveira. Ócio, lazer e tempo livre na sociedade do consumo e do trabalho // Revista Mal Estar e Subjetividade. 2007. № 7(2). P. 479–500.
24. Устинова Т.В. Семантические трансформации в поэтическом переводе: лингвокогнитивные особенности конструирования значения // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 191–197. EDN: VTFCVL
25. Лазариди М.И. Басня Эзопа «Цикада и Муравей» и ее переложения: сопоставительный анализ концептов // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2020. № 2. С. 43–48. EDN: KCDOVC
26. Куделин А.Б., Султанов К.К. Всеобщность «особенного» как философско-художественный императив (Перечитывая и переоткрывая Чингиза Айтматова) // Филология и культура. 2014. № 1(35). С. 181–190. EDN: SCZXDD
27. Данич О.В., Дружинина Н.Л., Маслова В.А. Поэтическое слово в свете учения Л.А. Новикова об эстетическом восприятии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 502–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-502-513> EDN: MVVSP
28. Багно В.Е., Мисникевич Т.В. Перекодировка, переакцентуация, творческое усвоение (Топос незавершенности открытий предшественников в творчестве русских модернистов) // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 4. С. 36–57. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-36-57> EDN: GVWTIB
29. Нечаева К.К., Махортова В.А. София де Мелло Брейнер Андресен: поэтика «изумления» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 110–117. <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3421> EDN: QXDCMP
30. Турапина Н.А. Метафорическое моделирование мира как конструкт реальности в художественном дискурсе // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 2(6). С. 252–256. EDN: TWNSNT

References

1. Zhelvis, V.I. (2006). A Dragonfly and an Ant as an Object of Culturological Analyses. *Journal of psycholinguistics*, (3), 78–94. (In Russ.). EDN: LAUJZT
2. Nikolaidi, M.A. (2022). Aesop’s Fable The Ant and the Beetle and its Variants in Ancient, Western European and Russian Cultures. *Mezhdunarodnyi aspirantskii vestnik. Russkii yazyk za rubezhom*, (1), 52–56. (In Russ.). EDN: WNNEBP
3. Mokienko, V.M. (2016). From the Ordinary Meaning to the Artistic Image. *SibSkript*, 3(67), 164–169. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-164-169> (In Russ.). EDN: WJBFFR
4. Vechkanova, E.Yu. (2015). S. Maugham’s Story “The Ant and the Grasshopper”: Resentimental Transformations of a Classical Plot. *Ural Philological Herald. Series Russian Literature of XX–XXI Centures: Directions and Trends*, (2), 84–99. (In Russ.). EDN: UBLVXN
5. Frade, M. (2017). Esopo em Portugal: das Origens à Contemporaneidade. *Caligrama: Revista de Estudos Românicos*, 22(1), 51–70. <https://doi.org/10.17851/2238-3824.22.1.51-70> (In Portuguese).
6. Monteiro, S., Balça, A., & Azevedo, F. (2010). Confabulando Valores: La Cigarra y la Hormiga. *Ocnos: Revista de estudios sobre lectura*, (6), 61–70. https://doi.org/10.18239/ocnos_2010.06.05. (In Spanish).
7. Oliveira, J.B. de. (2017). Inversões de Sentido na Fábula A Cigarra e a Formiga: Modos de Subjetivação em Conflito. *Grau Zero — Revista de Crítica Cultural, Alagoinhas-BA*:

- Fábrica de Letras UNEB*, 5(2), 149–172. <https://doi.org/10.30620/gz.v5n2.p149> (In Portuguese).
8. Boldyrev, N.N., & Fedyaeva, E.V. (2023). Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 686–703. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703> EDN: LVSSMM
9. Novikova, M.L. (2020). *Ontology of poetic word's art and defamiliarization*. Moscow: Ekon-Inform Publ. (In Russ.). EDN: KTGMIP
10. Boccuti, A. (2012). Hormigas en Blanco y Negro. *Artifara*, (12), 11–23. <https://doi.org/10.13135/1594-378X/69> (In Spanish).
11. Turanina, N.A. (2007). Metaphorical Vocabulary of Poetry of the Early 20th Century: Problems and Prospects. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2, 90–94. (In Russ.). EDN: JTYBAL
12. Ovcharenko, O.A. (2023). Peculiarities of Heteronymy in the Lyrics by Fernando António Nogueira Pessoa. *Vestnik of Kostroma State University*, 29(1), 9–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99> (In Russ.). EDN: WOEIRU
13. Feshchenko, I.N. (2019). The Origin of “Paganism” by Ricardo Reis — the most Mysterious Heteronym of Fernando Pessoa. *The New Philological Bulletin*, 3(50), 211–224. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00073> EDN: YQVATF
14. Reisner, M.L. (2023). In the Search of Secret Meaning: the Role of “Inner Commentary” in the Nasir-i Khusraw’s Poetic Works (11th Century). *Studia Litterarum*, 8(1), 100–125. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-100-125> (In Russ.). EDN: SSYTQF
15. Uspenskii, F.B. (2008). Habent Sua Fata Libellulae. On the History of Russian Literary Insects. *St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology*, 12, 60–80. (In Russ.). EDN: JWTLRL
16. Korovin, V.I. (2022). “The Dragonfly and The Ant”: a Brief History of the Fable from Aesop to Krylov. *Literature at School*, (5), 25–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-5-25-39> EDN: OETQTW
17. Gitis, L.H. (2005). A Dragonfly and an Ant. *Minary informatic and analitic Bulletin*, (1), 30–33. (In Russ.). EDN: IBXFBB
18. Denisenko, V.N., & Vered, V.T. (2020). Linguocultural Transfer of Metaphors in a Literary Text. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6(1), 60–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.060> EDN: LNKQXC
19. Maslov, E.S. (2023). Time in Narrative: “Fabula — Syuzher” and “Story — Discourse” vs Semiotic Triangle. *Studia Litterarum*, 8(3), 1–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-10-27> EDN: WZLCUF
20. Soto-Vázquez, J., & Pérez-Parejo, R. (2011). Posibilidades Didácticas de la Cigarra y la Hormiga. Una (re) lectura. *Alabe. Revista de Investigación sobre Lectura y Escritura*, 2, 1–17. <https://doi.org/10.15645/Alabe.2011.3.5> (In Spanish).
21. Suassuna, D.M.F. de Almeida, & Azevedo, A.A. (2007). *Política e lazer: interfaces e perspectivas*. Brasília: Thesaurus Publ. (In Portuguese).
22. Neliubova, N.Yu., Lomakina, O.V., & Mirzaeva, S.V. (2023). Labor in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 595–615. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615> EDN: OSAIRD
23. Aquino, Cássio Adriano Braz, & Martins, José Clerton de Oliveira. (2007). Ócio, lazer e tempo livre na sociedade do consumo e do trabalho. *Revista Mal Estar e Subjetividade*, 7(2), 479–500. (In Portuguese).
24. Ustinova, T.V. (2016). Semantic Transformations in Poetic Translation: Linguistic and Cognitive Aspects of Meaning Construction. *Bulletin of Cheliabinsk State Pedagogical University*, (2), 191–197. (In Russ.). EDN: VTFCVL
25. Lazaridi, M.I. (2020). Comparative Analysis of Concepts on Reading of the Aesop’s Fable “The Ant And The Grasshopper”. *Russian language and literature at Kyrgyzstan schools*, (2), 43–48. (In Russ.). EDN: KCDOVC

26. Kudelin, A.B., & Sultanov, K.K. (2014). Universality of “The Original” as a Philosophical-Artistic Imperative (Rereading and Rediscovering Chingiz Aitmatov). *Philology and Culture*, 1(35), 181–190. (In Russ.). EDN: SCZXDD
27. Danich, O.V., Druzhinina, N.L., & Maslova, V.A. (2023). Poetic Word in the Light of L.A. Novikov’s Teachings on Aesthetic Perception. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 502–513. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-502-513> EDN: MVVVSP
28. Bagno, V.E., & Misnikevich, T.V. (2023). Recoding, Reaccentuation, Creative Association (Topos of the Incomplete Discoveries of Precursors in the Works of Russian Modernists). *Studia Litterarum*, 8(4), 36–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-36-57> EDN: GVWTIB
29. Nechaeva, K.K. & Makhortova, V.A. (2021). Sophia de Mello Breiner Andresen: The Poetry of “Amazement”. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (2), 11–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3421> EDN: QXDCMP
30. Turanina, N.A. (2015). Metaphorical Modelling World as a Construct of Reality in Literary Discourse. *Science. Art. Culture*, 2(6), 252–256. (In Russ.). EDN: TWNSNT

Сведения об авторах:

Кутьева Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 2 Высшей школы социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36); *сфера научных интересов*: семантика, романские языки; *e-mail*: kuteva.mv@rea.ru

ORCID: 0000-0002-2952-8349; SPIN-код: 4502-2714; AuthorID: 613400; ResearcherID: E-5614-2017

Махортова Варвара Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38); *сфера научных интересов*: португалистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: varvara2504@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7944-1161; SPIN-код: 2651-1783, AuthorID: 986260

Information about the authors:

Marina V. Kutyeva, PhD in Philology, Associate Professor at Foreign Languages Department No 2, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian Economic University (36, Stremianny line, Moscow, Russian Federation, 117997); *Research interests*: semantics, romance languages; *e-mail*: kuteva.mv@rea.ru

ORCID: 0000-0002-2952-8349; SPIN code: 4502–2714; AuthorID: 613400; ResearcherID: E-5614-2017

Varvara A. Makhortova, PhD in Philology, Associate Professor at Portuguese language Department, The Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka street, Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: Portuguese studies, cognitive linguistics; *e-mail*: varvara2504@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7944-1161; SPIN code: 2651–1783, AuthorID: 986260.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-148-165

EDN: EZRZXY

UDC 811.111'276.11

Research article / Научная статья

A Corpus-Based Comparative Study of Animal Idioms Applied in Contemporary Journalistic Texts

Marta Lacková 

University of Žilina, Žilina, Slovakia

✉ marta.lackova@fhv.uniza.sk

Abstract. The present paper deals with lexical and semantic features of selected animal idioms as reflected in the actual use in the journalistic style. They are investigated within the textual corpora English Web 2020 (enTenTen20) and Russian Web 2011 (ruTenTen11) with the help of the search tool Sketch Engine. The analysis of the semantic properties of the animal idioms demonstrates that they contain both positive and negative elements of meaning related to pragmatic tools of influence and persuasion, which are actually influential on the receiver's understanding of the surrounding reality; the contexts where they appear are divided into several categories for each studied language showing their positive/negative connotations. The outcomes demonstrate that their contemporary extent includes not only their definitions from dictionaries of idioms; it is broadened and subsequently reflected in the modification in the receiver's mental picture of the world. Moreover, the evaluative function of idioms together with their discourse roles are described in terms of strong adjectives, possessive pronouns, modal verbs, and imperatives utilization.

Keywords: concordance, lemma, semantics, lexical, context

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 01.12.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Lacková, M. (2025). A Corpus-Based Comparative Study of Animal Idioms Applied in Contemporary Journalistic Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 148–165. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-148-165>

© Lacková M., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Особенности использования идиом с компонентом животное в современном публицистическом тексте

Марта Лацкова 

Жилинский университет, Жилина, Республика Словакия

✉ marta.lackova@fhv.uniza.sk

Аннотация. Настоящая работа посвящена лексическим и семантическим особенностям фразеологизмов с компонентом *животное*, использованным в публицистическом тексте. Материал исследования получен из текстовых корпусов English Web 2020 (enTenTen20) и Russian Web 2011 (ruTenTen11) с помощью инструмента поиска Sketch Engine. Анализ семантических свойств фразеологизмов с животными демонстрирует, что они содержат как положительные, так и отрицательные элементы значения, связанные с прагматическими инструментами воздействия и убеждения, которые оказывают реальное влияние на понимание получателем окружающей действительности. Контексты, в которых они появляются, делятся на несколько категорий для каждого изучаемого языка, это отражается в коннотации. Результаты исследования показывают, что современное использование фразеологизмов расширяет их семантику, отражая модификации в картине мира носителя языка. Оценочная функция фразеологизмов, а также их дискурсивные роли описываются с точки зрения использования прилагательных, притяжательных местоимений, модальных глаголов и императивов.

Ключевые слова: согласованность, лемма, семантика, лексика, контекст

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.07.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Lacková M. A Corpus-Based Comparative Study of Animal Idioms Applied in Contemporary Journalistic Texts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 148–165. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-148-165>

Introduction

Over the last six decades corpus linguistics has become an advanced discipline counting on corpora, which are defined as a collection of texts, written or spoken, stored on a computer, as a means of studying language. It is a field that concentrates on a set of methods, or procedures when studying language [1]. It provides a researcher with new perspectives on various features of real-life communication. As an influential trend in linguistics, corpus linguistics provides a direct empirical basis for the language behaviour instead of relying on intuition or tradition.

Taking into account the manifestation of journalistic style in the textual corpora, we start from the assumption that the mass media display a huge impact on the general public and the semantic extensions introduced via them (implicit/explicit content, propositional/individual content, causal/intentional content) naturally become a constituent of everyday communication acts [2]. As a result, after a certain period of time of media impact, the participants in these communication

acts change not only their point of view but also the ways they express their attitudes and emotions [3].

The issue of application of influential means of linguistic character in the framework of journalistic style has been provoking discussions and requires a closes interdisciplinary investigation, in our case within corpus and comparative linguistics, which makes it possible to enhance the validity of research results.

Therefore, the primary aim of our research is an overview of lexical and semantic aspects of animal idioms manifestation within the journalistic subcorpora of the monolingual synchronic annotated textual corpora English Web 2020 (enTenTen20) and Russian Web 2011 (ruTenTen11). At the same time, we will concentrate on the changes in the extent of the studied idioms and how they affect a conceptual worldview of members of the communication channel. We agree with the presupposition [3] that the changes in the meaning relate to psycholinguistic factors such as the change of conceptual (cognitive, mental) worldview that is realized through a language worldview. Its formation is directly conditioned by the peculiarities of the journalistic style, which are summarized as follows [4]: mostly written form, communicative function, topicality, monological nature, variability, conceptuality, publicity, consistency, official nature.

Literature review

Within lexicological studies, different terminology has been applied to denote multi-word vocabulary phenomena. We could mention here: routine formulae [5], lexical stems [6], lexical phrases [7], formulaic sequences (8) together with more conventional terms such as fixed expressions, collocations, multi-word units and idioms [9]. For the needs of our research, we will utilize the term “idiom” since its essence enables us to investigate both the semantic and pragmatic aspects of the linguistic units. Therefore, the term idiom is defined as a string of more than one word whose syntactic, lexical and phonological form is to a greater or lesser degree fixed and whose semantic and pragmatics functions are opaque and specialised, also to a greater or lesser degree [10].

When discussing idioms, research literature traditionally concentrates on the universality of opaque idiomatic expressions, their semantics, syntax, and cross-linguistic differences. They are of relatively rare occurrence in everyday communication; yet, journalists and people working in the media find them to be a valuable source of expressive power in order to attract and influence the receiver of the information. These idioms have come under the scrutiny of sociolinguistics experts who assess the social importance of the moment of use and placement of selected linguistic units. As a way of example, P. Drew and E. Holt stress the non-random occurrence of idioms within communication acts; moreover, they contribute to the claim of our study that corpora can be a useful tool for studying the nature of human interaction [11]. M. McCarthy implies that idiomatic expressions do not simply represent

colourful alternatives to their literal counterparts, they have the capacity to encode significant cultural messages and perform discourse roles that are observable in real data [12].

Moving to the field of corpus linguistics, idioms have been of considerable interest within the branch of study and scholars have investigated the linguistic phenomenon from various perspectives. Beginning with M. McCarthy [12. P. 28] who outlined various functional and formal types of idiomatic expression that were discovered via manual searching of the CANCODE spoken corpus. M. McCarthy [12. P. 32] claims that his typology provides a wide range of idiomatic expressions as presented in native-speaker communication from both the functional and formal standpoints. Furthermore, H. Allami, M. Karlsson and R.H. Shahroosvand studied the conventional and nonconventional application of idioms in general and academic English corpora; the results of the study showed that there is a higher proportion of formulaic language in interactive and informal discourse [13].

On the subject of individual components of idioms, K. Stathi presented a detailed corpus-based analysis of adjectival modification of idioms in German; she focused on the role of the adjective modifier in the overall interpretation and interplay between the meaning of the adjective and the meaning of the idiom [14].

When it comes to the semantics of idioms, Ch. Hümmer investigated the interrelation between meaning and use in idiomatic multi-word units, she demonstrated that the contextual behavior of idioms is at the same time motivated and arbitrary [15]. E. Gehweiler, I. Höser and U. Kramer concentrated on the types of changes (focusing on meaning) in German idioms [16]; in this respect, they discussed the realization of polysemy and homonymy in idioms together with the external factors that can trigger them, and the development of archaisms and neologisms and their influence on the modification of semantic elements of idioms. Next, Ch. Fellbaum emphasizes that numerous semantically opaque idioms utilize specific valence patterns that carry the idiom as a compensation for semantic transparency [17].

The grammar of idioms has been investigated by corpus linguists, too. A. Firenze gives a detailed description of the disagglutination processes of the determiners within contemporary German idioms [18]. Surprisingly, the corpus data demonstrate that idioms are not as frozen as it has often been assumed; substitutions of various kinds are possible without loss of the original idiomatic sense.

Numerous papers have been devoted to the investigation of idioms both from the comparative and corpus linguistics viewpoints ± K. Aharodnik, A. Feldman J. Peng devoted their attention to the design of a Russian annotated corpus of idioms [19]. Other scholars concentrated on the aspects of idioms within two languages: G.C. Pastor focused on constructional idioms of insanity in English and Spanish from semantic, grammatical, and informative aspects in order to create a multi-linguistic prototype of the given structures [20]; G. Gizatova addressed the principles creating

the first English-Russian idioms dictionary based on corpus data [21]. M.C. Blanco provides a contribution to the contrastive studies within Construction Grammar and constructional idioms through the language pair German-Spanish, employing five comparison parameters he developed a multi-level corpus-based description procedure how to determine and analyze equivalent idioms at the lexicographical level across languages [22].

Marginally, the investigation of idioms containing a name of an animal has been touched upon. V. Zemtsova analyses them for the needs of translation from the point of view of cognitive linguistics [23]. Her findings illustrate that mapping systems behind the conceptual metaphor humans are animals reveal human features vividly from animals' behavioural, emotional, and somatic traits. Ngoc, Vũ paid attention to the semantics of animal idioms in English; the scholars emphasize that the idioms in question are created on the grounds of interaction between a man and nature, and therefore, this specific field of phraseology is to be of great interest for an investigator [24].

In addition to this, D.O. Dobrovol'skij discusses the usage of parallel corpora in the study of idioms, his results support the hypothesis that the application of corpus-driven data significantly improves cross-linguistic descriptions and enables it to identify the discrete linguistic features of idioms that were understood equivalent [25].

Several scholars attempted to study functions of idioms in the journalistic styles from different perspectives. O.V. Balonkina emphasizes that it is the journalistic discourse where the biggest number of contexts with idioms is found [26]. S. Martins, M.F. Lopes da Silva discuss the role of idioms in headlines and prove that idioms represent an important for the construction of the sense of the journalistic text [27]. In their comparative study, F.G. Mukhametzyanova et al. highlight that the idioms application in headlines contributes to the attraction of the recipient's interest without revealing the content of the article text [28].

Eventually, the direct application of an animal idiom in a journalistic text is connected with mental processes of individuals within the communication act. In the given context, cognitive approaches to the language and speech in discourse together with mental processes of conceptual worldview manifestation have been researched by numerous scholars. M.G. Zelentsova applies discursive-cognitive method of the English economic discourse in order to determine the cognitive and communicative scope of economy in the framework of international English speaking communication [29]. M. Chernikov, L. Perevozchikova & E. Avdeenko examine the principles of the manipulative discourse that carries out a kind of discourse indoctrination of the manipulative plan [30]. Political discourse has become a focal point of a number scientific papers as well aiming to decipher messages essential and meaningful for people worldwide [31].

Methodology

For the needs of this study we decided to investigate, classify, and compare lexical and semantic characteristics of animal idioms within two typologically distinct languages — the English language and the Russian language. We believe that diverse social, cultural, and historical factors that are in the background of these two languages development might lead to interesting findings in the explored area of idioms, too. Arising from well-known differences between them from etymological and structural angles, we suppose that also the lexicosemantic and pragmatic characteristics of the applied idioms in the contemporary journalistic texts will be diverse.

As a preliminary step of our investigation, we consulted the Oxford Dictionary of Idioms (1999¹) and Большой толковый словарь русского языка (Concise Dictionary of the Russian Language) (2014)² where we searched for all idioms containing a name of an animal (e.g.: *ant, bee, beaver, cat, camel, dog, donkey, duck, elephant, fish, goose, gorilla, horse, leopard, pigeon, rat, sheep; муравей, пчела, бобр, кошка, верблюд, собака, осел, утка, слон, рыба, гусь, горилла, лошадь, леопард, голубь, крыса, овца*). Subsequently, we considered their collocations, concordances, and word sketches in the framework of the English and Russian monolingual synchronic annotated textual corpora English Web 2020 (enTenTen20) and Russian Web 2011 (ruTenTen11). As a corpus-based study, the objective was to identify repetitive patterns in which the candidate idioms occur in order to inspect their discourse roles, semantic peculiarities, and pragmatic factors lying in the background of their functioning.

For the purpose of searching for, sorting, and classifying the chosen animal idioms in the corpora English Web 2020 (enTenTen20)³ and Russian Web 2011 (ruTenTen11)⁴, we utilized corpus linguistics methods together with statistical procedures that are joined in the specialized tool for searching in textual corpora — Sketch Engine. The Sketch Engine programme has been widely applied for lexicological needs, even for building a lexical minimum for chosen age groups [2]. We find it important to emphasize that corpora allow the scholar to inspect linguistic units in the discourse context; yet, the linguistic samples offered by the corpora do not immediately demonstrate linguistic aspects in their most universal way; that means we proceeded to the classification and generalization of linguistic phenomena, too.

¹ Siefring, J. (1999). *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press.

² Kuznetsov, A.S. (2014). *Bolshoi tolkovyi slovar russkogo iazyka. (Concise Dictionary of the Russian Language)*. Sankt-Peterburg: Norint.

³ English Web 2020 (enTenTen20). [Online] URL: <https://app.sketchengine.eu/> (accessed: 11.02.2024).

⁴ Russian Web 2011 (ruTenTen20). [Online] URL: <https://app.sketchengine.eu/> (accessed: 11.02.2024).

Despite recent advances in the recognition of syntactic patterns within textual corpora, an automatic retrieval of idioms applying the conventional search tool Sketch Engine is only partially possible since the concordance does not offer the option “idiom”. We generated lists of recurring patterns and we had to manually sort them out and decide which items to be classified as idioms and which not — we needed the contexts to fully research the studied idioms. As a way of example, it was necessary to differentiate the application of the idiom *rabbit hole* from a free word combination as it is illustrated in this line taken from the English corpus:

(1) They spiral down a rabbit hole holding each other’s hands [wboc.com].

In the subsequent instance taken from the Russian corpus, we deal with the animal itself, not with the semantics of the idiom *белый слон*:

(2) А Вы, в процессе сбора информации, приходите к выводу, что ему на этом самом вокзале необходим слон — самый обычный белый слон с большими ушами и длинным хоботом [center-nlp.ru].

We understand the computerised corpus and computational tool to be an activating point for a qualitative analysis that made it possible to investigate the immediate discourse where the key idioms exist together with wider pragmatic contexts where they are utilized for certain purposes typical of the journalistic style.

The choice of idioms for a more expanded analysis was motivated by their frequency. The fundamental criterion is that we chose solely statistically significant animal idioms in this context; it means, we excluded lemmas that display frequency pre million < 0.01 (some idioms low in frequency are quite opaque in terms of their meaning). The subsequent 38 animal idioms fulfil the criterion (22 English idioms and 16 Russian idioms): *rabbit hole*; *elephant in the room*; *cold turkey*; *crocodile tears*; *a can of worms*; *kill two birds with one stone*; *chicken out*; *let the cat out of the bag*; *all your eggs in one basket*; *like a fish out of water*; *hold one’s horses*; *bull in a china shop*; *800-pound gorilla*; *bring home the bacon*; *eager beaver*; *look a gift horse in the mouth*; *beat the dead horse*; *ants in one’s pants*; *be a guinea pig*; *get your ducks in a row*; *eyes like a hawk*; *слон в посудной лавке*; *белый слон*; *на безрыбье и рак — рыба*; *где собака зарыта*; *устать как лошадь*, *медвежья услуга*, *на птичьих правах*, *подложить свинью*, *покупать кота в мешке*; *собаку съесть на чём-либо*; *вернёмся к нашим баранам*; *как рыба в воде*; *комар нооса не подточит*; *не твоё собаачье дело*; *сделать слона из мухи*; *крокодиловы слезы*. It is evident from the list that only one idiom (*crocodile tears* — *крокодиловы слезы*) is overlapping in both the languages.

Except for the methods from the sphere of corpus linguistics, we utilized the scientific methods of data collection, semantic analysis, and synthesis

after the examination of theoretical information about idioms, their structure and meaning. Simultaneously, we find the procedure of cognitive features identification through the analysis of linguistic corpora to be relevant for the needs of our research.

Results and discussions

This section exemplifies outlines, and summarizes the results of the quantitative and qualitative analyses together with the semantic and lexical implications emerging from them. The Sketch Engine tool enabled us to select the appropriate set of idioms to include in the analysis. In order to build a maximally comprehensive picture of the semantic and pragmatic behaviour of animal idioms, we classify them in the following three positions of the frequency scale:

- idioms with high frequency: from *rabbit hole* to *all your eggs in one basket* in English; from *медвежья услуга* to *белый слон* in Russian;
- idioms with frequency in the middle of the scale: from *like a fish out of water* to *beat the dead horse* in English; from *где собака зарыта* to *покупатькота в мешке* in Russian;
- idioms with low frequency: from *ants in one's pants* to *eyes like a hawk* in English; from *комар носа не подточит* to *сделать слона из мухи* in Russian.

The number of concordances of 38 idioms in question together with their frequency per million tokens in English Web 2020 (enTenTen20) and Russian Web 2011 (ruTenTen11) are stated in Tables 1 and 2. It was proved by the statistical data from the table that the idioms with animal names and their constituent parts are distinctive by a diverse level of institutionalization in the contemporary English and Russian languages; the more frequent an idiom appears to be, the more impact on the receiver it is able to produce. Therefore, the differences in actual discourse utilization of the idioms depend also on pragmatic factors that define communication acts at the contemporary stage of the languages development (Table 1, Table 2).

Moving to the discourse characteristics of the studied sample, we identified the contexts below as typical of the journalistic style where the animal idioms are realized; the contexts illustrate that the semantic extent of some of the idioms has been extended. The classification is a demonstration of the semantic value of these idioms which might be both positive and negative in its essence; yet, the prevailing number of idioms with the keywords *worms* and *ants* in English and the keywords *медведь* and *свинья* in Russian have negative evaluative connotations. They play a very important role both in English and Russian phraseology as reflected in the corpora, although differences in the statistical representation of individual areas across the investigated languages can be observed. Matching the characteristics of the given animal with a person/situation give the expressive power to the language; at the same time, the imagination of the information receiver is provoked, making vivid associations.

Table 1

The number of concordances of the studied idioms together with their frequency per million tokens in English Web 2020 (enTenTen20)

English idiom	Number of concordances	Frequency per mil. tokens
rabbit hole	22 988	0.53
elephant in the room	17 828	0.34
cold turkey	13 583	0.26
crocodile tears	5 342	0.13
a can of worms	4 552	0.11
kill two birds with one stone	3 558	0.09
chicken out	3 542	0.09
take the bull by the horns	3 358	0.08
let the cat out of the bag	2 686	0.07
all your eggs in one basket	2 215	0.05
like a fish out of water	1 884	0.03
hold one's horses	1 751	0.03
bull in a china shop	1 663	0.03
800-pound gorilla	1 439	0.03
bring home the bacon	1 285	0.03
eager beaver	1 193	0.03
look a gift horse in the mouth	1 138	0.03
beat the dead horse	1 124	0.03
ants in one's pants	521	0.02
be a guinea pig	516	0.02
get your ducks in a row	289	0.02
eyes like a hawk	106	0.01

Source: compiled by Marta Lacková.

Table 2

The number of concordances of the studied idioms together with their frequency per million tokens in Russian Web 2011 (ruTenTen11)

Russian idiom	Number of concordances	Frequency per mil. tokens
слон в посудной лавке	21 452	0.51
на безрыбье и рак — рыба	16 752	0.32
устать как лошадь	12 952	0.20
белый слон	8 752	0.16
медвежья услуга	4 519	0.11
где собака зарыта	2 954	0.08
на птичьих правах	1 752	0.03
подложить свинью	1702	0.03
покупать kota в мешке	1 659	0.03
собаку съесть на чём-либо	1 523	0.03
вернёмся к нашим баранам	498	0.02
как рыба в воде	475	0.02
не твоё собачье дело	325	0.02
комар носа не подточит	107	0.01
сделать слона из мухи	97	0.01
крокодиловы слезы	93	0.01

Source: compiled by Marta Lacková.

In both the languages, the political context is the most typical one where the animal idioms occur (23 % of the studied idioms in English; 31 % of the studied idioms in Russian), as it is illustrated also in the corpora examples, the animal idioms might help to mask the real attitudes towards the political situation:

(3) The permanent war state is the 800-pound gorilla in US society and political life. [softpanorama.org]

(4) Как говорится, на безрыбье и рак — рыба. Оппозиция второй свежести. Всю оппозицию в нашей стране условно можно разделить на две части: системную и внесистемную [sibsolidarnost.ru].

When speaking about the field of economics, there appears to be a gap in the real application of animal idioms between the English and Russian languages; the problems connected with economic situation are of higher importance for the speakers of the Russian language (8 % of the studied idioms in English; 22 % of the studied idioms in Russian):

(5) Retailers will always look a gift horse in the mouth, so the BRC attributes it all to the timing of Easter [economicsuk.com];

(6) Чтобы найти тех, кто работает в регионе на птичьих правах и тех, за кого не платят налоги в бюджет, силовикам за полгода пришлось проверить более пяти тысяч строек, рынков и других объектов [kuzbassfm.ru].

A very similar situation is noticeable when taking into account agricultural topics; the total percentage of animal idioms appearance is low, it is below 10 %

in both the languages, yet it reaches a higher percentage in the Russian language since the language reflects the lifestyle of its bearers (3 % of the studied idioms in English; 7 % of the studied idioms in Russian):

(7) Changes to this federal rule may open a can of worms for farmers. Would farm ponds, drainage ditches, culverts, dams and dry creek beds fall under the EPA lens? [senate.gov];

(8) Сделать слона из мухи в нашей ферме, это модно и престижно! [vituson.ru].

Exactly the opposite trend has been noted in the sphere social aspects; the occurrence of animal idioms is three times higher in English than in Russian (18 % of the studied idioms in English; 6 % of the studied idioms in Russian); they contribute to the uncovering of people's feelings and viewpoints on the current social situation:

(9) The bosses cry crocodile tears over the prospects of unemployment for their workers and, in large scale cases, the destruction of communities [anarkismo.net];

(10) Министерство образования России — как слон в посудной лавке. [patriotrus.ru].

Various aspects of immigration are being discussed worldwide; surprisingly, animal idioms have not been applied widely in order to deal with these phenomena, their occurrence in the journalistic style reaches only a negligible number in Russian (11 % of the studied idioms in English; 2 % of the studied idioms in Russian):

(11) To beat a dead horse, immigration and border security regularly rank at the top of Texans' list of the biggest problems facing the state, but mostly for Republicans, and especially for conservative Republicans [utexas.edu];

(12) Ольга неторопливо и с наслаждением вдыхала букет арманьяка, потом окунула в него губы — она чувствовала себя во Франции как рыба в воде, и, глядя на нее, трудно было поверить, что ее детство прошло в многоэтажке на окраине Ливана. [knigoved.ru].

The percentage of animal idioms occurrence within psychology and personal development topics proves an increasing interest in these areas (18 % of the studied idioms in English; 12 % of the studied idioms in Russian); the users of language find it appropriate to express needs connected with mental health in metaphorical ways, too:

(13) Sari Eckler Cooper, a psychotherapist and sex therapist, recommends you get your ducks in a row well before the visit [ihavenet.com];

(14) Вердикт инстинкта будет зависеть не только от свойств оцениваемого мужчины, но и от сравнения с другими мужчинами-претендентами на роль сексуального партнера. Принцип на безрыбье и рак — рыба — работает [menways.ru].

The boom of information technologies has the capacity to be extensively mirrored in the application of animal idioms; they contribute to the modification of the ways speakers of both the studied languages perceive and interpret the real and virtual world (17 % of the studied idioms in English; 21 % of the studied idioms in Russian):

(15) Unless you have eyes like a hawk's, you will need to use Text Zoom or your own equivalent at times [jottings.ca];

(16) Впрочем, вернёмся к нашим баранам. DSG (Direct Shift Gearbox — коробка прямого включения) — это всефольксвагеновская автоматическая роботизированная коробка передач с двумя многодисковыми сцеплениями [saratovinform.ru].

Environmental problems affect every inhabitant of the Earth, according to our investigation, users of the studied languages prefer direct communication about the topic, the application of animal idioms is recorded in less than 10 % of occurrences (9 % of the studied idioms in English; 5 % of the studied idioms in Russian):

(17) Conversely, by tackling black carbon, we can kill two birds with one stone and protect both health and the climate [innovations-report.com];

(18) Разве я проливаю крокодиловы слезы по поводу экологической катастрофы? [rinet.ru].

The studied animal idioms find their realization for the description of sports activities to a statistically interesting extent in the Russian language, the speakers of the English language prefer other transferred means of expression ideas on the topic (0, 1 % of the studied idioms in English; 5 % of the studied idioms in Russian):

(19) В армспорте Евгений как рыба в воде. На его счету несколько побед во всероссийских соревнованиях по армрестлингу [lukoil-zs.ru].

Eventually, the remaining percentage of animal idioms occurrence is described as non-classified since it covers a range of diverse phenomena speakers of the languages are faced on daily basis (11 % of the studied idioms in English; 5 % of the studied idioms in Russian):

(20) I ask that you hold your horses back as this is not the final race in the National Court as more are coming for you and your client [pacii.org];

(21) Белый слон считается вестником удачи, ему приписывают чудодейственные целительные свойства [triakom-tour.ru].

Trying to reveal the pragmatic influence of the studied animal idioms on the reader we took into account the premise that some everyday words are the foundations of primary cognitive metaphors [10: 8], these would include also denominations of animals. We classified the animal idioms according to their pragmatic functions as appeared in the framework of the textual corpus; they fall into the following categories:

- expressions evaluating people's actions and personal states:

(22) Don't hesitate on the job you want — make sure you take the bull by the horns before someone else does and takes the job YOU wanted [medicaljobs.org];

(23) То ли американцы решили таким образом подложить свинью главному конкуренту, то ли Toyota просто заинтересовалась новым видом батарей для автомобилей с гибридным бензиново-электрическим двигателем, которые недавно проанонсировала FHI [director-info.ru];

- expressions evaluating things and events: *land prices* substituted by *the elephant in the room*;

(24) Davis let the cat out of the bag when he said that people suspected him of being an FBI agent in disguise [reformation.org];

- *портфолио* substituted by *покупать кота в мешке*;

(25) Роль портфолио может выполнять хороший сайт, на котором будут размещены и примеры статей, и отзывы, и расценки. В общем же, без портфолио никуда не деться, потому что заказчик покупать кота в мешке не хочет [clx.ru];

- expressions modifying brand names:

(26) Below are some of the clues I was given for the Pacific Coast Eager Beaver Treasure Hunt [joekincheloe.us];

(27) Заказчик имеет возможность проверить готовую работу через Яндекс XML, а не покупать кота в мешке, как на других биржах [wm-rabota.ru];

- locative expressions: *down the rabbit hole*; *fall into the rabbit hole*; *как рыба в воде*.

Apart from lexical units that traditionally associate with the inspected animal idioms, there appears a number of words that reflect recent developments in human society; the trend is noticeable in both the languages:

(28) If you need further proof of this, hit YouTube and watch Ted Talks for a while. Chances are, you'll find yourself going down a bit of an internet rabbit hole with these [topwritingreviews.com];

(29) Впрочем, вернёмся к нашим баранам: нужен новый синтезатор [lib.ru]

To clarify the modifications of meanings of animal idioms in the journalistic discourse, we need to observe not only the animal idioms themselves but also lemmas located in the positions from -3 up to +3 to the left and right from them.

The powerful evaluative character of these multi-word units is evident also in the above-mentioned list of animal idioms; even the opaque type shows these characteristics. Their appraising value is supported by the occurrence of strong adjectives in the position the first lemma to the left from the idiom: *giant*, *huge*, *biggest*, *massive*, *gigantic*, *enormous* before *rabbit hole*; *massive*, *gigantic*,

enormous before *the elephant in the room* or the adjectives on the other side of the evaluation scale: *little, old, blind* before *bull in a china shop*. A number of these adjectives modifying the studied idioms can be understood as supportive for discourse functions such as persuasion: *copious* before *crocodile tears*. Furthermore, synonymous verbs evoking emotions and sympathy in the reader are employed in the lemma position: *cry, weep, shed* before *crocodile tears*. The expressive function of these adjectives and verbs allows the reader to distinguish the features that make the situation unique.

Except for persuasive functions, the animal idioms have the capacity to perform nominative and informative functions within the English textual corpus:

(30) Mr. Speaker, the Conservative government is like a fish out of water when it comes to the Canada pension plan [openparliament.ca].

The pragmatic power of the animal idiom might become even stronger when it is applied as a modifying element of another noun, the process of conversion, typical of English word-formation, is realized in these instances:

(31) The cold turkey strategy to support you quit smoking is great if you use the aids listed above due to the fact those aids will assist you if your physique starts to go via withdrawal symptoms, which are frequently linked when you stop smoking [skyrock.com].

I.R. Galperin elicits the brain-washing function as one of primary functions of journalistic style [32]; the aim of such brain-washing influence is the subconscious control over readers' consciousness with the help of diverse linguistic means that would attack both emotional and cognitive processes of the recipient. Moreover, a strong effect is reached via lexical units that cause certain associations. In the framework of the studied idioms, the influence is achieved due to the application of modal verbs *can't, must, should* in English:

(32) You can't be a bull in a china shop; you must be able to monitor your own feelings and emotions, as well as the feelings and emotions of others [pmiwdc.org]; You should never put all your eggs in one basket [fachisthers.com]

and modal verbs *хочу, могу, должен* in Russian:

(33) Меня это повергло в легкий шок — как можно покупать кота в мешке? [finglobalist.ru].

Possessive pronouns within the animal idiom create a strong bind between the member of the communication act and the act itself:

(34) Next time you have ants in your pants don't blog about it, please! [lolengine.net].

The expressive power of the animal idiom *look a gift horse in the mouth* is increased via the utilization of strong adverbs *never* and *always* with it.

Marginally, whole syntactical structures where the animal idioms are set, namely imperative structures in English:

(35) Don't chicken out next time and instead go with your gut instinct and hold a session [justagwailo.com]

and interrogative structures in Russian: *можете ли вы подложить свинью приятелю?* [pozdr.ru], generate a persuasive effect with the direct impact on the receiver of the presented information.

Our findings illustrate that some of the studied idioms are closely related to a greater syntactic flexibility, e. g. within the animal idiom *ants in one's pants* there appears a modification of the possessive pronoun according to the members of the communication acts — *ants in your pants* appears in 174 concordances; *ants in my pants* in 134 concordances; *ants in her pants* in 33 concordances, *ants in his pants* in 107 concordances.

The observed idioms display a considerable variation in the transparency of the intended expression, too. Some of them are easier to be decoded, minimal contextual cues are needed, while others provide no direct clues as to their meaning in the given context: *open a can of worms*;

(36) A husband who could bring home the bacon was held in high esteem by the community for his forbearance [bleedingspresso.com].

The investigation of the content of the demonstrated idioms implies that they support on the one hand the ability of human mind to deduce literal meanings from the opaque idioms, and on the other hand, they provoke the readers to figurative interpretations as it is evident in these two instances:

(37) Although the three countries have denied that the trilateral was targeted at any third country — an all-too-obvious reference to China — Beijing will be the elephant in the room when officials of the three countries will hold the talks [jdsmlanka.org].

(38) Посторонний шум появился сразу же после первого включения, просто тогда он был еле слышен. Таким образом, вам была оказана медвежья услуга, соответственно, ни о какой гарантии и речи быть не может [climaticum.ru].

Journalists utilize the fact that readers do not ignore the secondary meanings of individual words within the given idiom, they are at least available for potential activation to create associative connections with the described situation. On the other hand, few of the studied idioms share the underlying metaphorical concepts of the human mind from which information is released involuntarily.

Conclusions

Based on the corpus-driven data, our aim was to demonstrate the interdependencies of the journalistic context and modifications in the conceptual extend of animal idioms. The analysis of the semantic properties of the studied idioms shows that apart from their metaphorical meaning, they contain elements of meaning related to pragmatic tools of influence and persuasion. The contemporary intent and extent of the given idioms includes not only their traditional definitions from dictionaries of idioms, but also it is related to the informational and psychological influence on the receiver. It is possible to divide the contexts where they appear into several categories that indicate their positive or negative connotations. The broadening of the extent of the idioms is subsequently reflected in the modification in the receiver's mental picture of the world.

We underline the evaluative function of idioms together with their discourse roles in concord with scholars who have made attempts to demonstrate functions of idioms in naturally-occurring data [10:84]. The actual context made it possible to observe relevant aspects of semantic and pragmatic meaning and to state that the greatest expressiveness is characterized by the application of strong adjectives, possessive pronouns, modal verbs, and imperatives.

One of the implications of our research is that the investigated phraseological units contribute to our perception of cultural and national phenomena of the development of the English and Russian languages.

When considering the limitations of the research, the number of animal idioms that could be handled here is limited. The objective was to elaborate a manageable amount of information that is to be presented within this study.

Better information on actual usage of idioms in the journalistic context might be beneficial for teachers of the English language and people working in the sphere of mass media. Possible future perspectives of the research might include the study of similarities in the animal idiomatic concepts across languages.

References / Список литературы

1. McEnery, T., & Hardie, A. (2012). *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Safiullina, G.R., Davitova, N.R., & Lelakova, E. (2019). Sketch Engine in Building a Lexical Minimum for Children. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 9(1), 5105—5108. <https://doi.org/10.35940/ijitee.A9206.119119>
3. Krylova-Grek, Y. (2018). Psycholinguistic Aspects of the Semantic Field of the Concept “War” in Modern Media Space. *Psycholinguistics*, 23(1), 175—188. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1211561>
4. Findra, J. (2013). *Štylistika súčasnej slovenčiny* (Stylistics of Contemporary Slovak). Martin: Osveta.
5. Coulmas, F. (1979). On the Sociolinguistic Relevance of Routine Formulae. *Journal of Pragmatics*, (3), 239—266.
6. Pawley, A., & Syder, H.F. (1983). Two puzzles for linguistic theory: nativelike selection and nativelike fluency. In: Richards, J. & Schmidt, R. (eds.) *Language and Communication*. New York: Longman.
7. Nattinger, R.J., & DeCarrico, S.J. (1992). *Lexical Phrases and Language Teaching*. Oxford: Oxford University Press.

8. Schnitt, N. (2004). *Formulaic Sequences*. Amsterdam: John Benjamins.
9. Kvetko, P. (2009). *English Lexicology in Theory and Practice*. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda.
10. O'Keeffe, A., McCarthy, M., & Carter, R. (2007). *From Corpus to Classroom*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Drew, P. & Holt, E. (1998). Figured of Speech: Figurative Expressions and the Management of Topic Transition in Conversation. *Language in Society*, (27), 495–522.
12. McCarthy, M. (1998). *Spoken Language and Applied Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Allami, H., Karlsson, M., & Shahroosvand, R.H. (2022). Conventional and Nonconventional Use of Idioms in General vs. Academic Corpora of English as a Lingua Franca. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 13(1), 44–57. <https://doi.org/10.22055/RALS.2022.17424>
14. Stathi, K. (2007). A corpus-based analysis of adjectival modification in German idioms. In: *Idioms and collocations: Corpus-based linguistic and lexicographic studies*, Fellbaum, Ch. (Ed.). London: Continuum, pp. 81–108.
15. Hümmel, Ch. (2007). Meaning and Use: a corpus-based case study of idiomatic MWUs. In: *Idioms and collocations: Corpus-based linguistic and lexicographic studies*, Fellbaum, Ch. (ed.) (pp. 138–151). London: Continuum.
16. Gehweiler, E., Höser, I., & Kramer, U. (2007). Types of changes in idioms — some surprising results of corpus research. In: *Idioms and collocations: Corpus-based linguistic and lexicographic studies*, Fellbaum, Ch. (ed.), (pp. 109–137). London: Continuum.
17. Fellbaum, Ch. (ed.) (2007) *Idioms and collocations: Corpus-based linguistic and lexicographic studies*. London: Continuum. <https://doi.org/10.1515/9783110222623.3.183>
18. Firenze, A. (2007). You fool her doesn't mean (that) you conduct her behind the light: (Dis)agglutination of the determiner in German idioms. In: *Idioms and collocations: Corpus-based linguistic and lexicographic studies*, Fellbaum, Ch. (ed.). (pp. 152–163). London : Continuum.
19. Aharodnik, K., Feldman, A. & Peng, J. (2018). Designing a Russian Idiom-Annotated Corpus. In: *LREC 2018. Proceedings of the 11th International Conference on Language Resources and Evaluation* (pp. 2533–2538). Japan: European Language Resources Association.
20. Pastor, G.C. (2021). Constructional Idioms of “Insanity” in English and Spanish: A Corpus-Based Study. *Lingua*, 254(3). <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.103013>
21. Gizativa, G. (2018). A Corpus-Based approach to Lexicography: A New English-Russian Phraseological Dictionary. *International Journal of English Linguistics*, 9(3), 357–363. <https://doi.org/10.5539/ijel.v8n3p357>
22. Blanco, M.C. (2019). Constructional Idioms in German and Spanish from a Contrastive Point of View: A Corpus-based Approach by Means of Ironical Comparisons. *Yearbook of Phraseology*, 10(1), 65–88. <https://doi.org/10.1515/phras-2019-0005>
23. Zemtsova, V. (2018). Semantics of Animal Idioms in English. In: *Proceedings of the All-Ukrainian scientific and practical conference Innovative Trends of Training Specialists in the Conditions of a Polycultural and Multilingual Globalized World* (pp. 420–422). Kiev: Kyiv National University of Technologies and Design.
24. Ngoc, T.H., & Vũ, T.H.H. (2019). An Analysis of Animal Idioms in English for Translation in the Light of Cognitive Linguistics. *International Journal of Science and Research*, 8(5), 1128–1134.
25. Dobrovolskij, D.O. (2020). Corpus-based Approach to Phraseology Research: New Evidence from Parallel Corpora. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17(3), 398–411. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.303> EDN: QZIAAB
Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 3. С. 398–411. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.303> EDN: QZIAAB
26. Balonkina, O.V. (2019). Functioning of Idioms with the Component Air in Different Types of Discourse. *Tomsk State University Journal*, (440), 5–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/440/1> EDN: SYJTYB

- Балонкина О.В. Функционирование фразеологизмов с компонентом воздух в разных типах дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 5—17. <https://doi.org/10.17223/15617793/440/1> EDN: SYJTYB
27. Martins, S., & Lopes da Silva, M.F. (2018). Idioms of the Headlines of the Meia hora de Noticias Newspaper: A Study in Light of the Construction Grammar. *Antares-letras e Humanidades*, 10(20), 140—153. <https://doi.org/10.18226/19844921.v10.n20.09>
28. Mukhametzyanova, F.G., Fakhrutdinova, A.V., Vasilyeva, A.A., et. al (2018). Comparative Analysis of English Idioms Translation into Russian in Mass Media. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 8(11), 334—339.
29. Zelentsova, M.G. (2018). Discursive-Cognitive Features of the English-speaking Economic Discourse. In: *WUT 2018: Proceedings of the IX International Conference Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects* (pp. 776—782). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.111>
30. Chernikov, M., Perevozchikova, L., & Avdeenko, E. (2020). Manipulation Discourse: Principles of Organization and Functioning. In: *INTCESS 2020: Proceedings of the 7th International Conference on Education and Social Sciences* (pp. 75—80). Dubai: International Organization Center of Academic Research. EDN: JPZBZN
31. Hundarenko, O., & Paštrnáková, J. (2021). Cultural peculiarities of public speeches of WWII period. In: *Vysšeje humanitarneje obrazovanije XXI veka: problemy i perspektivy: Proceedings of the 5th International Conference*. Samara: Samarskij gosudarstvennyj social'no-pedagogičeskij universitet. (In Russ.). EDN: KZYKPW
- Hundarenko O., Pastrnakova J. Cultural peculiarities of public speeches of WWII period // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции. Самара : Самарский государственный социально-педагогический университет. 2021. С. 107—115. EDN: KZYKPW
32. Galperin, I.R. (1981). *Stylistics*. Moscow: Vysshaya shkola publ.

Information about the author:

Marta Lacková, PhD in Philology, Senior Lecturer Department of English Language and Literature, Faculty of Humanities, Žilina University (8215/1, Univerzitna str., Žilina, Slovak Republic, 01001); *Research interests*: comparative and corpus linguistics, discourse analysis; *e-mail*: marta.lackova@fhv.uniza.sk
ORCID: 0000-0002-5784-7523; Scopus AuthorID: 36508726100.

Сведения об авторе:

Лацкова Марта, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и литературы факультета гуманитарных наук; Жилинский университет (01001, Республика Словакия, г. Жилина, ул. Университна, д. 8215/1); *сфера научных интересов*: сравнительная и корпусная лингвистика, дискурс анализ; *e-mail*: marta.lackova@fhv.uniza.sk
ORCID: 0000-0002-5784-7523; Scopus AuthorID: 36508726100.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-166-174

EDN: EPDFFW

УДК 811.111'276-053.81:791

Научная статья / Research article

Особенности и разновидности молодежного сленга в современном английском языке

Л.А. Сидорова 

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары,
Российская Федерация

✉ lara1357@mail.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается повышенное внимание и интерес молодежи к сленговым словам и выражениям, которые являются неотъемлемой частью английского языка и играют важную роль в повседневной речи молодежи. Цель — выявление и описание особенностей и разновидностей молодежного сленга в современном английском языке. Основные методы исследования выступали в качестве средства отбора, необходимого для изучения материала фактического характера, и служившие обязательным условием для реализации сформулированной цели: изучение научной и учебной литературы по теме исследования; описательный метод; контекстуально-интерпретационный анализ; аналитическое исследование. Материалом исследования стали сленг и сленговые выражения, представленные в фильмах «Love, Simon», «The Big Sick», «The Duff», «The Babysitter», сериале «Euphoria» и др. Исследуются особенности английского молодежного сленга на основе анализа англоязычных молодежных фильмов и сериалов. Приведена классификация видов молодежного сленга с примерами в соответствии с теми социальными группами, где они употребляются: *музыкальный сленг* (музыкальные инструменты, жанры музыки или песенные тексты); *спортивный сленг* (различные виды спорта, позиции в команде или физические упражнения); *технический сленг* (компьютерная техника, программное обеспечение или сетевые технологии); *модный сленг* (различные стили одежды и аксессуары); *социальный сленг* (функции социальных сетей и комментарии); *студенческий сленг* (дисциплины, учебные заведения или культурные мероприятия).

Ключевые слова: сленговые выражения, виды молодежного сленга

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 15.09.2024.

Для цитирования: Сидорова Л.А. Особенности и разновидности молодежного сленга в современном английском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 166–174. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-166-174>

© Сидорова Л.А., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Features and Varieties of Youth Slang in Modern English

Larisa A. Sidorova 

I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ lara1357@mail.ru

Abstract. Currently, there is an increased attention and interest of young people to slang words and expressions, which are an integral part of the English language and play an important role in the daily speech of young people. The purpose of the work is to identify and describe the features and varieties of youth slang in modern English. The main research methods, which acted as a means of selecting the factual material necessary for the study and served as a prerequisite for the realization of the goal formulated in the work, are as follows: the study of scientific and educational literature on the research topic; descriptive method; contextual and interpretative analysis; analytical research. The research material was slang and slang expressions presented in the films “Love, Simon”, “The Big Sick”, “The Duff”, “The Babysitter”, the TV series “Euphoria”, etc. This article examines the features of English youth slang based on the analysis of English-language youth films and TV series. The article provides a classification of types of youth slang with examples in accordance with those social circles where it is used: *musical slang* (musical instruments, genres of music or song lyrics); *sports slang* (various sports, team positions or physical exercises); *technical slang* (computer equipment, software or network technologies); *fashion slang* (various styles of clothing and accessories); *social slang* (social media features and comments); *student slang* (disciplines, educational institutions or cultural events).

Keywords: slang expressions, types of youth slang

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 15.09.2024

For citation: Sidorova, L.A., (2025). Features and Varieties of Youth Slang in Modern English. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 166–174. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-166-174>

Введение

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена таким фактором, как повышенный интерес молодежи к сленговым словам и выражениям. «Процессы демократизации языка вызвали повсеместное распространение нестандартной лексики из разных источников, которая ранее использовалась при общении между членами определенных социально ограниченных групп, с периферии языковой системы в другие области национального языка, более близкие к литературному стандарту» [1. С. 66].

Исследование сленга привлекает внимание современной филологии, и несмотря на противоречия в определении самого понятия *сленг*, его изучение является важным для понимания и анализа языковых изменений и социокультурных тенденций.

Проблема выделения сленга из других категорий лексики и его понимание как термина является дискуссионной. В ходе исследования были рассмотрены

работы таких лингвистов, как И.Р. Гальперин, Р. Спирс, В.А. Хомяков, Ч. Фриз, Э. Партридж, Дж. Грино и К.Э. Китридж, Дж.К. Хоттен, Д.К. Честертон, Д.Х. Макнайт, А.И. Смирницкий, И.В. Арнольд, Т.А. Соловьев и др.

Материалом исследования стали сленг и сленговые выражения, представленные в фильмах «Love, Simon», «The Big Sick», «The Duff», «The Babysitter», сериале «Euphoria» и др. В процессе анализа были использованы словари английского сленга¹.

Классификация молодежного сленга

Молодежный сленг является самостоятельным лингвистическим явлением в современной речи. Это исторически сложившаяся нестандартная (вторичная) подсистема языка, используемая преимущественно в устной речи городской молодежи и отличающаяся от жаргонных и профессиональных языковых элементов как на генетическом, так и на функциональном уровне. Молодежный сленг функционирует в основном на лексическом уровне и является частью устной речи как британского, так и американского вариантов английского языка [2].

Молодежные фильмы и сериалы являются одними из самых популярных жанров кино и телевидения сегодня. Они отражают многие культурные особенности молодежной среды, включая моду, музыку, образ жизни, взгляды и ценности. Эти фильмы и сериалы оказывают влияние на молодежную среду и помогают формировать молодежную идентичность. «Английский сленг носит весьма индивидуальную необычайность и уникальность. Он лаконичен и экспрессивен. В частности, он часто используется представителями молодого поколения, ведь благодаря ему вы можете закодировать свою мысль таким образом, что её сможет понять только некий круг персон, которые посвящены в этот код. Обычно представителями сленга являются молодые люди в промежутке 12–30 лет». Такова точка зрения А.Е. Прошанова [3].

Для молодежного сленга свойственно активное взаимное влияние молодежной речи и арго. В структуру этого типа сленга входит значительное число арготизмов. Следовательно, можно сделать вывод о том, что молодежный сленг поглощает лексические единицы из других групп со стилистически сокращенной лексикой. Подобную склонность к пополнению молодежного сленга арготизмами и жаргонизмами языковеды связывают с желанием и склонностью молодежи активнее употреблять в своей речи выразительные лингвистические

¹ Попова А.Р. Словарь компьютерно-геймерского жаргона (лексическое и фразеологическое представление реалий). М. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. Alpha dictionary. Режим доступа: <https://www.alphadictionary.com> (дата обращения: 07.06.2023). Ayto J., Shnppson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford : Oxford University Press, 1992. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions, R.A. Spears (Ed.), Режим доступа: https://vk.com/doc399904795_658077429?hash=ptXkCnPt76APqBYD1a0Rj4JAVGAWugNafwxqT9qZ7ML&dl=KUCiQbZrxCWfgZAxGV8Rv3u0C6iIBTRITr8McAumApk (дата обращения: 12.03.2024).

средства. При этом следует учитывать, что нередко подобное употребление не обусловлено какой-либо мотивацией, а осуществляется только благодаря стилистической и эмоциональной окраске этих лексических единиц.

«Сленг» (slang) является аббревиатурой от sub (под) и language (язык). Изначально это явление именовалось как «cant» (кент) и использовалось оно для обозначения криминальной лексики. В конце XVIII века Френсис Гроуз в одном из научных словарей предпринял попытку заменить термин «cant» (кэнт) термином «slang» (сленг), в дальнейшем эти два слова стали использоваться в качестве синонимов до тех пор, пока первый термин не вышел из употребления [4. Р. 1–3]. В настоящее время сленг не ограничивается криминальной лексикой, его также можно отнести ко всем отклонениям от стандартного языка. Приведем, к примеру, следующие источники англоязычного сленга, по данным специалистов в области филологии из Университета Торонто: *иммигранты; бродяги, хиппи; преступный мир; армия, флот; бизнес; подростки; современная музыка; спорт* (футбол, бейсбол и пр.); *фильмы и сериалы*. Если верить результатам ряда их исследований, наибольший вклад в формирование и развитие современного английского языка принадлежит американским девочкам-тинэйджерам [5].

Для подростковой речи характерен «телеграфный стиль», который сложился благодаря возникновению сотовых телефонов с услугой SMS, электронной почты и чатов в Интернете. Как следствие, в речи современных подростков появляется все больше упрощенных структур, которые позволяют как можно скорее донести до слушателей свои мысли.

Далее представлены распространенные сокращения и аббревиатуры языка SMS, которые были нами выявлены в ходе исследования: *ASAP* — as soon as possible ‘как можно скорее’; *FYI* — for your information ‘для вашего сведения’; *IRL* — in real life ‘в реальной жизни’; *LMK* — let me know ‘дай мне знать’; *NVM* — never mind ‘не бери в голову’; *ROFL* — rolling on the floor laughing ‘кататься по полу от смеха’; *TBH* — to be honest ‘честно говоря’; *WBU* — what about you? ‘а ты?’. Тот же принцип можно использовать для объединения слов в предложения, к примеру: *WERV U BIN?* (Where have you been?), SMS abbreviations *R GR* (SMS abbreviations are great).

В связи с тем, что каждый представитель молодого поколения хочет отличаться и от «отцов», и от более старших молодых людей, в лексикон внедряется его собственная маркировка широко известных понятий. В настоящее время практически во всех странах мира наблюдается активный процесс преобразования живого разговорного языка, важнейшим элементом которого становится зарождение нового молодежного сленга. В образовании англоязычного молодежного сленга значительную роль играет употребление метафор, символизации. Особенно активно идет процесс словообразования в таких областях, как финансы и питание [6. С. 203].

К универсальным способам словообразования относятся: заимствование из других языков, возникновение Интернет-языка, упрощение речи. По своей сути молодежный сленг — это разновидность лексики, построенная на фонетической и грамматической базе английского языка [7]. Главным отличием является разговорная, неформальная, часто грубая эмотивная окраска. Чаще всего молодежный сленг обнаруживается в таких разделах, как «Человек», «Внешний вид», «Одежда», «Дом», «Досуг» и др.

Как подсчитал С.В. Флекснер, один из авторов словаря английского сленга, приблизительно 45 тысяч английских слов из 600 тысяч представляют собой сленг. При этом в словарном запасе обычного человека, говорящего на родном языке, составляющем от 10 до 20 тысяч слов, 2 тысячи приходится на модные трендовые слова². Английский сленг специфичен и уникален; он зарождается в глубине английского языка, в разных слоях общества разных возрастных групп как желание быть экспрессивным, лаконичным, в стремлении охарактеризовать предмет или его характеристики на свой лад.

В ходе анализа монологов, диалогов и полилогов англоязычных фильмов «Love, Simon», «The Big Sick», «The Duff», «The Babysitter», сериала «Euphoria» и др. был выбран материал исследования и составлена классификация видов молодежного сленга. В общем смысле его следует классифицировать в соответствии с теми социальными группами, где он употребляется. Исходя из этого, в ходе исследования нами были выделены следующие основные виды сленга.

МУЗЫКА: лексика, связанная с музыкой и музыкальными жанрами. В этом виде сленга могут использоваться специальные термины, описывающие музыкальные инструменты, жанры музыки или песенные тексты [8]. Некоторые примеры музыкального сленга в английском языке: *chops* ‘умение играть на инструменте’; *covers* ‘кавер-версия песни’; *chorus* ‘припев’; *groove* ‘ритм’; *hook* ‘запоминающаяся мелодия или фраза в песне’; *jam* ‘импровизационная игра музыкантов’; *riff* ‘короткий мелодический мотив’; *sample* ‘фрагмент записи, использованный в качестве элемента композиции’; *shred* ‘технически сложное исполнение на гитаре’.

СПОРТ: лексика, связанная со спортом и физической активностью. В этом виде сленга могут использоваться специальные термины, описывающие различные виды спорта, позиции в команде или физические упражнения [9]. Примеры спортивного сленга в английском языке: *ace* ‘отличный сервис в теннисе или волейболе’; *benchwarmer* ‘игрок, который не играет в основной команде’; *blowout* ‘ситуация, когда одна команда значительно опережает другую’; *clean sheet* ‘ситуация, когда вратарь не пропускает мяч в футболе или хоккее’; *doubleheader* ‘две игры, которые проходят в один день’; *home run*

² Ayto J., Shnpsn J., et al. *The Oxford Dictionary of Modern Slang*. Oxford : Oxford University Press, 1992.

‘удар в бейсболе, который позволяет игроку пройти все четыре базы и забить очко’; *huddle* ‘ситуация, когда игроки собираются в круг, чтобы обсудить тактику’; *sack* ‘ситуация, когда защитник в футболе сбивает игрока с мячом’; *slam dunk* ‘забрасывание мяча в кольцо в баскетболе’; *touchdown* ‘заброшенный мяч в зону тачдауна в американском футболе’.

ТЕХНОЛОГИИ: лексика, связанная с технологиями и компьютерами. В этом виде сленга могут использоваться специальные термины, описывающие компьютерную технику, программное обеспечение или сетевые технологии³[10]. Некоторые примеры технического сленга в английском языке: *rug* ‘ошибка в программном обеспечении’; *crash* ‘сбой системы или программы’; *firewall* ‘защита компьютерной сети от несанкционированного доступа’; *hacker* ‘человек, который взламывает компьютерные системы’; *kernel* ‘ядро операционной системы’; *protocol* ‘правила, которые определяют, как данные передаются через сеть’; *script* ‘программа, которая может быть исполнена без компиляции’; *worm* ‘вирус, который распространяется через компьютерные сети’.

МОДА: лексика, связанная с модой и стилем одежды. В этом виде сленга могут использоваться специальные термины, описывающие различные стили одежды, аксессуары или визуальные элементы [11]. Примеры англоязычного модного сленга: *chic* — элегантный и стильный внешний вид; *fierce* ‘крутой и сильный стиль’; *glam* ‘гламурный и блестящий стиль’; *haute* ‘высокая мода, роскошный и дорогой стиль’; *luxe* ‘роскошный и дорогой стиль’; *statement piece* ‘предмет одежды или аксессуар, который привлекает внимание и является центром образа’; *swag* ‘стильный и крутой образ’; *trendsetter* ‘человек, который устанавливает новые тренды в моде’; *vintage* ‘стиль, основанный на модных трендах прошлых лет’; *wardrobe staple* ‘элемент одежды, который является основой гардероба’.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ: лексика, связанная с социальными сетями и общением в Интернете. В этом виде сленга могут использоваться специальные термины, описывающие различные функции социальных сетей, комментарии или интернет-мемы [12]. Несколько примеров социального сленга: *bae* сокращение от *before anyone else*, что означает ‘важнее всех’; *fomo* сокращение от *fear of missing out*, что означает ‘страх пропустить что-то важное’; *gucci* ‘хорошо’ или ‘отлично’; *lit* означает ‘зажигательный’ или ‘отличный’; *lay* — ‘преуспеть’ или ‘победить’; *squad* ‘группа друзей или людей, с которыми часто

³ Попова А.Р. Словарь компьютерно-геймерского жаргона (лексическое и фразеологическое представление реалий). М. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. Alpha dictionary. Режим доступа: <https://www.alphadictionary.com> (дата обращения: 07.06.2023). Ayto J., Shnppson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford : Oxford University Press, 1992. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions, R.A. Spears (Ed.), Режим доступа: https://vk.com/doc399904795_658077429?hash=ptXkCnPt76APqBYD1a0Rj4JAVGAWugNafwxqT9qZ7ML&dl=KUCiQbZrxCWfgZAxGV8Rv3u0C6iIBTRITr8McAumApk (дата обращения: 12.03.2024).

проводят время»; *throw shade* ‘критиковать или оскорблять кого-то скрытно или косвенно’.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: лексика, связанная с учебой и студенческой жизнью. В этом виде сленга могут использоваться специальные термины, описывающие различные дисциплины, учебные заведения или культурные мероприятия [12]. Примеры студенческого сленга: *hazing* ‘обряд посвящения в студенческую братство или сообщество’; *kegger* ‘вечеринка с пивом из кега’; *pulling an all-nighter* ‘ночной марафон учебы’; *rager* ‘большая и шумная вечеринка’; *TA* ‘ассистент преподавателя’.

При помощи сленга речь приобретает более краткий и красочный характер, его использование позволяет полнее и свободнее выражать свои эмоции и мысли. Подобный способ коммуникации помогает говорящим быстро и в то же время своеобразно передать собственные идеи. Как пишет Д.С. Голованова: «Молодежный сленг пытается вырваться из надоевшего мира не только взрослых, но и родителей, и учителей, оправдывая это тем, что они находятся «не в теме». Невозможно представить современного школьника, не использующего сленг. Основными его преимуществами являются экспрессивность и лаконичность. Следовательно, сленг становится составной частью речи» [13].

Заключение

Таким образом, молодежный сленг является важным элементом культуры молодежи и отражает ее особенности и тенденции, помогает молодежи выражать свою индивидуальность и создавать общность среди сверстников.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней развивается и уточняется ряд положений, связанных с изучением неформальной разговорной лексики и сленга в современном английском языке. Выводы, сделанные в настоящей работе, могут служить материалом для проведения сравнительного исследования речи молодежи с целью определения тенденций развития сленговой лексики в англоязычных странах на современном этапе. Практическую значимость работы определяют результаты анализа, которые могут быть использованы в теоретических курсах по лексикологии германских языков, по социологии и социолингвистике, в лексикографической практике при составлении словарей англоязычного сленга, а также в области изучения культуры и языка англоговорящих стран.

Список литературы

1. Фадеева Ю.О., Сидорова Л.А. Способы словообразования сленга на примере американского варианта английского языка // Вопросы филологии и переводоведения. Чебоксары, 2018. С. 66–71. EDN: XPTEYP
2. Salimova N. British and American English and the Position of Slang in These Languages // Studies in Media and Communication. 2022. № 10(3). Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/366388971> (дата обращения: 12.03.2024).

3. Прошанов А.Е. Анализ перевода сленга в кино в жанре молодежной драмы. Оценка частотности используемых приемов перевода // Молодой ученый. 2023. № 39(486). С. 213–217. EDN: QPKLPG
4. Fasola Je. Slang and Its history. Режим доступа: https://dukonference.lv/files/proceedings_of_conf/53konf/valodnieciba_literaturzinatne/Fasola.pdf (дата обращения: 12.03.2024).
5. Садреев Д.Т. Молодёжный сленг в современном английском языке // Sciences of Europe. 2016. № 1–2(1). С. 66–68. EDN: WHYEAR.
6. Виноградова Н.В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. 2001. № 6. С. 203–216.
7. Мидюкова В.В., Сидорова Л.А. Лингвистические особенности английского молодежного слега (на материале англоязычных фильмов и сериалов) // Актуальные вопросы современной иноязычной филологии : сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева [Электронный ресурс]. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2023. С.149–154. EDN: AAQCNZ
8. Осипчук О.С., Матюшков Е.В. Исследование музыкального сленга в англоязычной и русскоязычной музыкальной среде // Актуальные вопросы лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве : материалы VIII Междунар. молодежной науч.-практич. конференции, Омск, 23 апреля 2019 года. Омск, 2019. С. 43–48. EDN: XOFQWW
9. Елистратов А.А. Анализ лексикографической обработки спортивных сленгизмов в Словаре современного американского сленга // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 3(43). С. 230–46. EDN: BMOPDZ
10. Сергеев М.А., Штукин К.Д., Копылова Н.А. Сленг в техническом английском языке // Современные технологии в науке и образовании — СТНО-2018 : сб. трудов междунар. науч.-технич. форума / под общ. ред. О.В. Миловзорова. Рязань: Рязан. гос. радиотехн. ун-т, 2018. С. 131–134. EDN: XVSRFJ
11. Зуйко В.А., Фоменко Л.Н. Молодежный сленг и способы его перевода на русский язык // Форум молодых ученых. 2018. № 12–2(28). С. 629–632. EDN: ZPNBFB
12. Нанавян В.А. Функционирование сленга в социальных сетях // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы II-ой Междунар. науч.-практич. Интернет-конференции, Ростов-на-Дону, 15–30 ноября 2012 г., отв. ред.: В.Ю. Меликян. Ростов-на-Дону, 2012. С. 270–272. EDN: UAZNDN
13. Голованова Д.С., Якименкова И.Н. Влияние интернет-сленга на речевую культуру современной молодежи // Юный ученый. 2019. № 3(23). С. 1–3. EDN: RUIFXT

References

1. Fadeeva, Yu.O., & Sidorova, L.A. (2018). Methods of Slang Word Formation on the Example of the American Version of the English Language. In: *Questions of Philology and Translation Studies* (pp. 66–71). Cheboksary. (In Russ.). EDN: XPTEYP
2. Salimova, N. (2022). British and American English and the Position of Slang in These Languages. *Studies in Media and Communication*, 10(3). URL: <https://www.researchgate.net/publication/366388971> (accessed: 12.03.2024).
3. Proshanov, A.E. (2023). Analysis of Slang Translation in Youth Drama Films. Assessment of the Frequency of Translation Techniques Used. *Young Scientist*, 39(486), 213–217. (In Russ.). EDN: QPKLPG
4. Fasola, Je. *Slang and Its History*. URL: https://dukonference.lv/files/proceedings_of_conf/53konf/valodnieciba_literaturzinatne/Fasola.pdf (accessed: 12.03.2024).
5. Sadreev, D.T. (2016). Youth Slang in Modern English. *Sciences of Europe*, 1–2(1), 66–68. (In Russ.). EDN: WHYEAR
6. Vinogradova, N.V. (2001). Computer slang and literary language: problems of competition. *Studies in Slavic languages*, (6), 203–216. (In Russ.).

7. Midyukova, V.V., & Sidorova, L.A. (2023). Linguistic Features of English Youth Slang (Based on English-Language Films and TV Series). In: *Current Issues in Modern Foreign-Language Philology: proceedings* N.V. Kormilina (Ed.), N.Yu. Shugaeva [Electronic resource] (pp. 149–154). Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. (In Russ.). EDN: AAQCNZ
8. Osipchuk, O.S., & Matyushkov, E.V. (2019). Research on Musical Slang Functioning in English-Speaking and Russian-Speaking Music Scene. In: *Current Issues in Linguistics in the Modern Professional and Communicative Space: Proceedings of the VIII International Youth Scientific and Practical Conference*, Omsk, April 23, 2019 (pp. 43–48). Omsk. (In Russ.). EDN: XOFQWW
9. Elistratov, A.A. (2018). Analysis of lexicographic processing of sports slangisms in the Dictionary of Modern American Slang. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(43), 230–246. (In Russ.). EDN: BMOPDZ
10. Sergeev, M.A., Shtukin, K.D., & Kopylova, N.A. (2018). Slang in technical English. In: *Modern technologies in science and education — STNO-2018: collection of works of the international scientific and technical forum*, O.V. Milovzorova (Ed.) (pp. 131–134). Ryazan: Ryazan. State Radiotechnical University publ. (In Russ.). EDN: XVSRLF
11. Zuiko, V.A., & Fomenko, L.N. (2018). Youth Slang and Ways of Its Translation into Russian Language. *Forum of Young Scientists*, 12–2(28), 629–632. (In Russ.). EDN: ZPNBFB
12. Nanavyan, V.A. (2012). Functioning of Slang in Social Networks. In: *Language and Law: Current Issues of Interaction: Proceedings of the II International Scientific and Practical Internet Conference*, Rostov-on-Don, November 15–30, 2012 (pp. 270–272). Rostov-on-Don. (In Russ.). EDN: UAZNDN
13. Golovanova, D.S., & Yakimenkova, I.N. (2019). The Influence of Internet Slang on the Speech Culture of Modern Youth. *Young Scientist*, 3(23), 1–3. (In Russ.). EDN: RUIFXT

Сведения об авторе:

Сидорова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и переводоведения факультета иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (428000, Российская Федерация, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38); *научные интересы*: германские языки, теория языка; *e-mail*: lara1357@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6485-8933, SPIN-код: 2565-4659, AuthorID: 435007.

Information about the author:

Larisa A. Sidorova, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor in Department of English Philology and Translation Studies at Faculty of Foreign Languages, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev (38, K. Marx Str., Cheboksary, Russian Federation, 428000); *Research interests*: Germanic languages, Theory of language; *e-mail*: lara1357@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6485-8933, SPIN-code: 2565-4659, AuthorID: 435007.



ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА FUNCTIONAL GRAMMAR

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-175-189

EDN: EPCZLA

УДК 811.161.1'367'37

Научная статья / Research article

Труды А.М. Мухина: два закона функционирования языка

В.А. Дорошенков¹  , С.А. Амахина² , Ю.Н. Сеницына¹ 

¹Краснодарский государственный институт культуры, *Краснодар, Российская Федерация*

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 valdor1737@gmail.com

Аннотация. Исследованы теоретические постулаты лингвистического анализа, изложенные в девяти монографиях А.М. Мухина. С опорой на методы лингвистического моделирования и эксперимента в этих трудах было описано более 400 элементарных синтаксических единиц — синтаксем с их инвариантами: позиционными, факультативными, комбинаторными. Синтаксико-семантические признаки составляют содержание синтаксемы. Содержательные признаки синтаксем диагностируются на основе их дистрибутивных особенностей. Исследования функционального синтаксиса позволили выявить ряд закономерностей: синтаксемы — единицы системные, наделенные синтаксико-семантическими признаками; дифференциальные синтаксические признаки асемантичны и отражают функции компонентов в структуре предложения, то есть являются элементарными единицами. Повторяемость признаков, оппозиционные ряды синтаксем, автономность и самобытность синсематических и собственно синтаксических признаков — закономерности, касающиеся взаимодействия синтаксем и компонентов предложения. Цель исследования — формулирование установленных закономерностей функционального синтаксиса, связанных с функционированием вновь открытых синтаксических единиц. Новизна работы состоит в обосновании двух законов языка, открытых А.М. Мухиным. Первый закон касается взаимодействия компонентов предложения и синтаксем и утверждает, что языковая действительность не допускает смешения синтаксического признака однородности и синтаксико-семантических признаков, носителями которых являются компоненты предложения и синтаксемы. Второй закон — о повторяемости признаков синтаксем. Эта особенность позволила А.М. Мухину установить 27 оппозиционных рядов синтаксем.

Ключевые слова: синтаксема, компонент предложения, синтаксико-семантические признаки, синтаксические признаки, классообразующие признаки, категориальные признаки, дифференциальные признаки

©Дорошенков В.А., Амахина С.А., Сеницына Ю.Н., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2024; дата приема в печать: 04.12.2024.

Для цитирования: Дорошенко В.А., Амахина С.А., Синицына Ю.Н. Труды А.М. Мухина: два закона функционирования языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 175–189. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-175-189>

Works of Anatoliy M. Mukhin: Two Laws of Language Functioning

Valery A. Doroshenkov¹  , Svetlana A. Amakhina² , Yulia N. Sinitsyna¹ 

¹ Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russian Federation

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint. Petersburg, Russian Federation
 valdor1737@gmail.com

Abstract. Theoretical postulates of linguistic analysis contained in nine Mukhin's monographs are researched. Based on the methods of linguistic modeling and experiment, these works described more than 400 elementary syntactic units — syntaxemes: positional, optional, combinatorial. Syntaxeme is a unique unit — invariant. Syntax and semantic features make up the content of the syntaxeme. The content features of syntaxemes are diagnosed on the basis of their distributional features. Studies of functional syntax have revealed a number of regularities: syntaxemes are system units endowed with syntactic and semantic features; differential syntactic features are asemantic and reflect the functions of the components in the structure of the sentence, that is, they are elementary units. The repetition of features, the oppositional series of syntaxemes, the autonomy and originality of synsemantic and syntactic features proper are the regularities concerning the interaction of syntaxemes and components of a sentence. The purpose of the article is to formulate the established regularities of functional syntax associated with the functioning of newly discovered syntactic units. The novelty of the work lies in the substantiation of the two laws of language discovered by A.M. Mukhin. The first law concerns the interaction of sentence components and syntaxemes and states that linguistic reality does not allow mixing of the syntactic feature of homogeneity and syntactic-semantic features, which are carried by the components of the sentence and syntaxemes. The second law is about the repetition of features of syntaxemes. These features allowed A.M. Mukhin to establish 27 oppositional rows of syntaxemes.

Keywords: syntaxeme, clause components, syntactic-semantic features, syntactic features, class-forming features, categorical features, differential syntaxeme features

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 30.07.2024; accepted: 26.12.2024.

For citation: Doroshenkov, V.A., Amakhina, S.A., & Sinitsyna, Yu.N. (2025). Works of Anatoliy M. Mukhin: Two Laws of Language Functioning. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 175–189. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-175-189>

О системе выражения мыслей и о синтаксических законах функционирования синтаксических единиц

За всю историю развития языков наиболее подвижными были сферы письменности, фонетики и морфологии. Об этом с уверенностью можно судить по количеству законов и постулатов, положения которых касаются, в основном, фонологического и морфологического уровней языка. Одни из этих законов охватывают небольшой период времени в жизни того или иного языка, другие касаются жизни языка на всем протяжении его истории. Таков, например, закон Ф.Ф. Фортунатова — Ф. де Сессюра о продвижении ударения в балтийских и славянских языках. Существует также постулат о непреложности фонетических законов [1]. Иначе обстоит дело в отношении синтаксического уровня организации языка. Несмотря на наличие множества синтаксических теорий в настоящее время, нет, насколько нам известно, законов, касающихся функционирования языка. Специалисты по общему языкознанию отмечают, однако, что «система выражения мыслей в современных языках стала более стройной и упорядоченной» [2. С. 1600]. Надо полагать, что эти признанные стройность и упорядоченность обеспечиваются стройной и упорядоченной синтаксической структурой и системой. Синтаксический уровень является достаточно автономной системой в большинстве языков мира [2]. Параллельное развитие морфологических систем мало затрагивает синтаксис. Во многих языках эргативного строя, не развивших свою систему склонения, выработалась морфологическая система согласования синтаксических единиц (приглагольные префиксы), отличная от системы склонения европейских языков, при этом сама синтаксическая система этих языков не претерпела существенных изменений: субъектно-объектные отношения никуда не денешь [3. С. 68].

В нашем диахроническом исследовании качественных синтаксических единиц английского языка было установлено, что содержательные признаки этих единиц не претерпели никаких изменений со времен первых письменных источников по настоящее время. Увеличилось количество вариантов синтаксемы, отпали флексии, а базовые формы частей речи и дистрибутивные формальные признаки вариантов остались неизменными [4]. Многие другие диахронические исследования свидетельствуют об относительной стабильности синтаксической структуры и системы.

За счет чего же отмеченная Б.А. Серебренниковым система выражения мыслей в современных языках «стала более стройной и упорядоченной»? Конечно, она является таковой не только за счет логики, логической семантики и здравого смысла. В норме люди овладевают языком до школы. В школе детей учат владеть языком сознательно. Основным средством в этом деле служат части речи и члены предложения. Грамматика — это язык, на котором ведется обучение языку. Обучение предполагает знание грамматики. Однако это знание грамматики, которое стоит за заслуженными понятиями членов предложения, — это знание не может пролить свет на механизмы

языка, даже независимо от того, что оно получено с учетом языковой реальности — членимости речи. Американские лингвисты справедливо отмечали: обучать членам предложения — значит обучать не единицам языка, а понятиям. И действительно, мы располагаем лишь смысловыми определениями: подлежащее — это главный член двусоставного предложения, обозначающий предмет...; сказуемое — это главный член двусоставного предложения, обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим [5. С. 370–384].

В академической грамматике 1982 года еще интереснее: «... в образцах подлежащно-сказуемых предложений... первый компонент — Им.п. или инфинитив, заключающий в себе значение семантического субъекта, называется подлежащим; второй компонент — форма, заключающая в себе значение предикативного признака, называется сказуемым» [5. С. 94]. В американской грамматике: «Subject: The word or group of words about which a verb makes a statement» [6. С. 527]; «Predicate: the verb together with all or any complements and modifiers of the verb» [6. С. 517]. Второстепенные члены предложения определяются по Митрофанушке — исходя из смысла термина: определение что-то определяет, дополнение что-то дополняет и т.д. Ну и пусть это все работает с успехом в школе. А что происходит в языковой действительности? Чтобы это понять, необходимо обратиться к трудам А.М. Мухина.

Для начала приведем краткий обзор трудов А.М. Мухина, составленный с учетом обозначенной в названии статьи темы. В 1964 г. вышла в свет монография «Функциональный анализ синтаксических элементов». Она была посвящена индуктивному выведению функциональной синтаксической единицы или синтаксического инварианта, названного автором синтаксемой. Автором описано 27 синтаксем на материале древнеанглийского языка. Каждая из них представлена некоторым количеством вариантов, используемых в одной и той же или разных позициях. Содержание каждой синтаксемы составляют дифференциальные синтаксико-семантические признаки, определяемые условиями ее функционирования в языковой реальности [7]. Понятие синтаксико-семантического признака принципиально отличается от понятия синтаксического значения как чего-то цельного, нечленимого. Последнее отражает какой-то один признак, игнорируя другие возможные дифференциальные признаки, в результате чего мы не можем получить полную характеристику синтаксической единицы. И еще: синтаксико-семантический признак — это признак, устанавливаемый с учетом синтаксического функционирования элемента.

По признанию самого автора, цель, поставленная в этой книге, не была полностью осуществлена. Потребовалось обстоятельно изучить природу синтаксических связей, обнаруживаемых в структуре предложений. В результате было уточнено само понятие синтаксической связи, а вместе с ним и структуры предложений, под которой стали пониматься «компоненты предложений в их неразрывном единстве с существующими между ними синтаксическими

связями» [8. С. 215]. В работе уделено много места моделированию предложений, возникли новые понятия: юнкционная модель и компонент предложения. Было изучено 50 юнкционных моделей. Представлены новые элементарные синтаксические единицы — компоненты предложения, наделенные присущими им дифференциальными синтаксическими признаками, такими как ядерность, зависимость, предиктируемость и др. Показано, чем отличается понятие «компонент предложения» от понятия «член предложения». Компонент предложения — это синтаксическая единица, член предложения — это синтаксическое понятие... Все это сделано было в работе «Структура предложений и их модели» [8]. Все дальнейшие исследования А.М. Мухина были посвящены структурному и функциональному синтаксису. При строгом последовательном анализе с опорой на методы лингвистического эксперимента и моделирования было описано около 400 синтаксем. В этой работе приняли участие десятки аспирантов А.М. Мухина. Завершающие работы А.М. Мухина были посвящены уточнению многих базовых понятий и методов: «Эксперимент и моделирование в лингвистике. Структурный синтаксис» (2004) [9]; «Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология» (2007) [10].

В указанных выше работах А.М. Мухина функционирование элементарных синтаксических единиц — компонентов предложения и синтаксем, функционирование структурных единиц языка — предложений было подвергнуто фундаментальному анализу. На страницах этих работ освещены закономерности, постулаты и правила функционирования системы и структуры языка.

О двух законах функционирования синтаксических единиц

Одна из закономерностей гласит: «Языковая действительность исключает возможность смешения синтаксических и синтаксико-семантических признаков» [9]. Закономерность — это прочное, повторяющееся явление. Последовательное разграничение в речи указанных двух типов признаков обеспечивает адекватность речи. Нарушения этой закономерности ведут к абсурду и парадоксам. Установление закономерности — «одна из ступеней познания человеком единства и взаимосвязи явлений»¹.

Синтаксемы и компоненты предложения едины в том, что в них проявляется система и структура синтаксического уровня организации языка [18], [19]. При всем их различии они взаимосвязаны: синтаксемы функционируют в позициях компонентов предложения. Необходимость в соблюдении указанной закономерности с особенной остротой заявила о себе при определении дифференциальных признаков синтаксем в предложениях с координативной (сочинительной) связью.

Дело в том, что определение дифференциальных признаков синтаксем в позиции подлежащего (ядерного предиктируемого компонента) в предложениях

¹ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975.

с координативной связью не вызывает особых затруднений в тех случаях, когда синтаксемы в позициях однородных сказуемых наделены близким по смыслу содержанием и сходными синсемантическими признаками².

Это можно показать на примере следующих предложений: (1) *They heard him stir and clear his throat*; (2) *They were graded and placed there*. (3); *He was innocent and foolish*. Каждое из этих трех предложений содержит в себе по два однородных сказуемых и в позициях этих однородных компонентов обнаруживаются две одинаковые синтаксемы: в первых двух предложениях — акциональные (из класса процессуальных синтаксем) — в третьем квалитативные (из класса квалификативных синтаксем). При этом все однородные сказуемые в каждом предложении объединены координативной связью. Однако синтаксико-семантическое содержание синтаксем в позиции подлежащего (второе и третье предложение) и в позиции так называемого второго подлежащего — неядерного зависимого предикцируемого компонента (первое предложение) определяются их связями со всеми синтаксемами в предложении. Так, элемент *him* (первое предложение) связан субординативной связью с синтаксемой в позиции сказуемого, и на этом основании он наделен признаком объектности (Ob), а на основании неядерной предикативной связи — с синтаксемами в позициях однородных компонентов, вследствие чего он приобретает признак агентивности (Ag). Таким образом, в целом эта синтаксема, выраженная местоимением, является субстанциальной объектной агентивной — SbObAg. В отличие от нее во втором предложении мы имеем субстанциальную объектную синтаксему. В третьем же предложении на основании ядерной предикативной связи синтаксема является субстанциальной носителем качества (SbQlt), — других признаков у нее нет, как нет и других синтаксических связей в этом предложении. Относительная легкость определения признаков синтаксем в позициях подлежащих в этих предложениях обусловлена тем, что все синтаксемы в позициях однородных сказуемых наделены общим для них признаком: в первых двух предложениях — процессуальным, в третьем — квалификативным.

Иначе обстоит дело, когда синтаксемы в позициях однородных сказуемых наделены разными дифференциальными признаками [11. С. 85]. На предложения с такой синтаксической организацией мысли обратил внимание А.М. Пешковский, который описал их под общей рубрикой «Слитные предложения» [12. С. 441–454]. Имелись в виду предложения, в которых однородные члены, объединенные сочинительным союзом, не казались однородными по их смыслу: *Червонец был запачкан в пыли; Он ... очень быстро и в разных направлениях шевелил пальцами*. Пешковский не ставил себе задачу определить синтаксическое содержание однородных членов и связанных с ними

² Американские пособия по стилистике рекомендуют использовать сочинительные союзы с близкими по смыслу однородными членами.

элементов в позиции подлежащего. Его устраивал психологический подход: в таких предложениях «работает «сознание однородности» [12. С. 442]. На основании этого сознания в одну рубрику попали и «беспроблемные» предложения с однородными членами, и особые предложения, названные Пешковским *слитными*. Позднее эти предложения стали называться предложениями с однородными глагольными сказуемыми смешанного состава.

В английском языке также имеется значительное количество предложений типа: *You were born poor and on a farm* (4). Подобные предложения настаивают на их парадоксальностью уместной в развлекательной деятельности. Однако определение статуса синтаксиса в позиции подлежащего при однородных сказуемых смешанного типа, в позициях которых обнаруживаются синтаксемы, хотя и вызывают определенные затруднения, но однозначно достигается с опорой на действующие в языковой действительности законы.

Одним из них является закон, который мы называем первый закон А.М. Мухина: «Языковая действительность исключает возможность смешения синтаксических и синтаксико-семантических признаков» [9. С. 102]. Этот закон охватывает явления двух сфер синтаксиса: его структуру и систему. В структурной сфере работают синтаксические связи и компоненты предложения. В системной сфере — синтаксемы и их синтаксико-семантические и формальные признаки [13. С. 49]. Здесь уместно привести определение синтаксемы, данное ее автором: синтаксема — «это синтаксическая единица-инвариант, представленная в языке системой вариантов, которые могут быть выражены как отдельными лексемами, относящимися к той или иной части речи, так и синтаксически неделимыми сочетаниями лексем со служебными элементами; ее содержание составляет синтаксическая семантика, или, точнее, дифференциальные синтаксико-семантические (синсемантические) признаки, которые находят свое проявление в специфической для данной синтаксемы системе вариантов и в ее дистрибутивных особенностях (сочетаемости с другими синтаксемами, позиционных возможностях и местоположении)» [14. С. 12–13].

Первый закон предполагает, что в исследовании синтаксического статуса предложений мы должны последовательно различать с одной стороны — явления структурного синтаксиса (компоненты предложений и синтаксические связи), и синтаксемы с их дифференциальными признаками с другой. Последнее также обязывает при выделении синтаксиса различать синтаксическую семантику и смысл. Исследования А.М. Мухина показали, что многие синтаксемы наделены такими сочетаниями содержательных признаков, которые с позиций смысла или логической семантики трудно совместить. Возьмем самый простой и очевидный пример. В предложении: *Helen was ordered to print the paper* синтаксема в позиции подлежащего наделена двумя вроде бы несовместимыми признаками объектности и одновременно агентивности, то есть *Helen* — это субстанциальная объектная агентивная синтаксема (SbObAg). Но что поделаешь — так диктуют синтаксические связи:

на основании ядерной предикативной связи *Helen* зеркально приобретает признак объектности. О том, что это так свидетельствует и форма сказуемого; на основании же неядерной предикативной связи с так называемым вторым сказуемым *Helen* приобретает признак агентивности. Этого хотел и носитель языка... Он хотел сказать, что *Helen* приказали, и она печатает.

Вернемся теперь к вопросу об определении того, какой синтаксической семантикой обладают синтаксемы в позициях однородных компонентов, а также и та синтаксема, которая функционирует в позиции подлежащего (ядерного предикатируемого компонента). Разобраться в этом нам необходимо для того, чтобы показать действие первого закона Мухина о разграничении или о несмешении признаков. Это можно показать на примере предложения *The family song was alive now and driving him down on the dark enemy* (Steinbeck)³.

Если забыть о достижениях современной лингвистики, то можно окунуться в мир смыслов и уловить мифическое «сознание однородности». Но и в этой области догадок едва ли можно будет доказать, что элементы *was alive* и *driving* однородны. Синтаксические признаки компонентов предложения асемантичны и отражают роль компонентов в структуре предложения. В этом плане компоненты *was alive* и *(was)...* *driving* являются однородными ядерными предикатирующими компонентами предложения. Синтаксико-семантические признаки синтаксем отражают их собственное содержание. В приведенном выше предложении синтаксема *was alive* обозначает состояние, т.е. является стативной (из класса квалификативных синтаксем). Синтаксема *(was) driving* обозначает действие и является акциональной (из класса процессуальных синтаксем). Формальные, в том числе дистрибутивные признаки этих синтаксем, также различны: акциональная синтаксема имеет при себе объектную (*him*) и локативную синтаксему, с которыми не может сочетаться стативная синтаксема. С другой стороны, синтаксема *was alive* легко сочетается с компаративными элементами (ср.: *He was more alive now than an hour before*), с которыми не может сочетаться синтаксема *(was) driving*. Таким образом, как семантические признаки, так и их формальные диагностирующие признаки различны. Здесь достаточно оснований для того, чтобы не считать эти синтаксемы однородными. В языковой действительности нет и не может быть однородных синтаксем. Сложившаяся веками практика исключает возможность смешения синтаксических и синсематических признаков.

Таким образом, о распространении синтаксического признака однородности на эти две различные по содержанию и форме синтаксемы не может быть и речи. Об этом и говорится в первом законе Мухина. Необходимо отметить, что данная закономерность касается всех случаев взаимодействия компонентов предложения и синтаксем и всех синтаксических связей (не только координативной).

³ Предложение заимствовано у А.М. Мухина [9. С. 102].

Теперь обратимся ко второй закономерности, первые представления о которой начали возникать в самом начале изучения синтаксем. Дело в том, что содержание синтаксем определяется не прямым смыслом, как у слов, а на основе категориальных (обобщающих) признаков, которых у каждой синтаксемы обычно несколько (т.н. «пучок признаков»). И вот оказалось, что отдельные признаки повторяются в нескольких синтаксемах. Тогда же было высказано предположение о возможности объединения синтаксем в серии «на основании общности того или иного признака». И далее А.М. Мухин пишет: «Так, по признаку посессивности внутри категории субстанциальных синтаксем объединяются шесть синтаксем (собственно посессивная, посессивно-агетивная, посессивная носителя качества, посессивно-локативная, посессивно-темпоральная и посессивная целого) ...по признаку квалитативности внутри категории квалитативных синтаксем выделяется серия из трех синтаксем (собственно квалитативная, квантитативно-квалитативная и релятивно-квалитативная» [15. С. 256–257].

Наиболее полное изучение синтаксем началось в книге 1980 г. А.М. Мухина «Синтаксемный анализ и проблема уровней языка» [16]. Здесь во всех основных функциональных классах синтаксем (субстанциональном, процессуальном и квалитативном) было обнаружено 78 дифференциальных синтаксико-семантических признаков. Возникла новая тема: исследование богатой вариантности синтаксем. Анализу были подвергнуты синтаксемы только одного функционального класса — субстанциальные синтаксем [17]. Было исследовано 76 субстанциальных синтаксем и обнаружено в них 37 дифференциальных синтаксико-семантических признаков. Такое количество синтаксических единиц не было известно лингвистике ранее... При этом некоторые синтаксемы в зависимости от их содержания, оказались представленными двумя-тремя вариантами, другие синтаксем — двумя-тремя десятками вариантов.

Такое обилие синтаксических единиц действительно вызвало к их системной упорядоченности. В связи с этим А.М. Мухин пишет: «Что же заставляет нас различать, например, не одну посессивную или одну агентивную, или одну каузальную синтаксему и т.д., а целые ряды синтаксем, объединенных общим, ведущим для них синтаксико-семантическим признаком: оппозитивные ряды посессивных, агентивных, каузальных синтаксем и другие? В цепи таких побудительных причин нужно выделить прежде всего необходимость более или менее полного определения вариантов каждой синтаксем, которые могут различаться как по своему составу, так и по их употребительности» [17. С. 228].

Глубокое изучение оппозитивных рядов из класса субстанциальных синтаксем, а также коррелятивных рядов синтаксем из классов субстанциальных, процессуальных и квалитативных позволило А.М. Мухину подтвердить сформулированную им ранее закономерность,

которая называет важнейшую особенность системной организации языка: «Правилом является то, что синтаксико-семантический признак не замыкается какой-то отдельной синтаксемой, но повторяется в другой или других синтаксемах» [16. С. 183].

Из этой закономерности А.М. Мухин выводит основной постулат: «Контрольный принцип системного исследования, которого стоит придерживаться в синтаксемном анализе: при выделении этого или иного синтаксико-семантического признака в содержании синтаксемы исследователь должен учитывать возможное наличие в языке другой или других синтаксем, наделенных этим содержательным признаком» [17. С. 184]. Таким образом, коротко этот закон можно сформулировать так: закон о повторяемости признаков.

Следуя установившейся традиции — присваивать закону имя его первооткрывателя, — назовем и этот закон — закон о повторяемости признаков, — вторым законом А.М. Мухина.

Дальнейшее исследование синтаксем, наиболее полно представленное в книге «Функциональный синтаксис», показало, что по сравнению с началом работ, количество синтаксем возросло в десяток с лишним раз. В конце указанной книги приводится «Указатель синтаксем» [14. С. 181–183]. По разным причинам, в «Указателе» представлены далеко не все синтаксем, упомянутые в тексте. Ниже приводим распределение количество синтаксем и их признаков по классам синтаксем (табл.).

**Количество синтаксем и их признаки по классам /
Number of syntaccemes and their attributes by classes**

Класс синтаксем /Class of syntaccemes	Количество синтаксем / Number of syntaccemes	Количество признаков / Number of features
Субстанциальные / Substantive	146	51
Процессуальные / Procedural	88	20
Квалификативные / Qualification Total:	62	34
Итого: / Total:	306	105

Источник: составлено В.А. Дорошенковым, С.А. Амахиной, Ю.Н. Синицыной / Source: compiled by Valery A. Doroshenkov, Svetlana A. Amakhina, Yulia N. Sinitsyna.

Как видно из таблицы, количество субстанциальных синтаксем по сравнению с 1995-м г. удвоилось, а количество признаков значительно уменьшилось, что связано с уточнением номенклатуры признаков. Особый интерес представляет класс кваликативных синтаксем. Из 34 признаков, присущих синтаксемам этого класса, только один признак не повторяется в синтаксемах двух других классов. Из этих же 34 признаков — 12 повторяется в классе процессуальных синтаксем и 25 — в классе субстанциальных. 9 признаков повторяется во всех трех классах синтаксем. Например, признак стативности (состояния St) повторяется в следующих синтаксемах: процессуальной стативной длительной (PrStCnt): *I think I asked her how she was feeling* (Christie); кваликативной объектной стативной (QlObSt): *Nor suddenly began to feel extremely nervous...* (Murdock); субстанциальной объектной стативной (SbObSt): *He lamented his blindness* (Maugham).

Очевидно, этими повторами и поддерживается системная «солидарность» признаков, поддерживающая общность их синтаксической природы. В 9 самых повторяющихся вошли: каузальный (Cs), стативный (St), континуативный (Cnt), гипотетический (Hpt), комитативный (Cmt), объектный (Ob), косвенно-объектный (Ob), компаративный (Cmp), посессивный (Pss).

В одной из американских грамматик английского языка, ориентированной на учащихся, констатируется: «The billions of people who over thousands of years, have constructed the English language have not been striving for logic and symmetry; they have been striving for communication» [6. P. 8]. (Ср. (перевод наш — авторы статьи): Миллионы людей, которые тысячелетиями создавали английский язык, не стремились к логике и симметрии: они стремились к коммуникации). Из чего делается вывод о том, что ученым не следует втискивать человеческую речь в более логичную и симметричную систему, чем тот язык, который эта система (грамматика) описывает.

Выводы

Установленные Мухиным закономерности объясняют механизм осуществления стабильной и упорядоченной речи: все смысловые, логические, речемыслительные процессы (актуальное членение и др.) осуществляются на базе двух рядов синтаксических единиц, обеспечивающих структурную и системную организацию языка на базе компонентов предложения и синтаксем. Носители языка пользуются закономерностями языка подсознательно.

Можно охотно согласиться с тем, что носители языка не пекутся о его системном устройстве. Но из этого не следует, что язык общающихся лишен всякой системы. Будь это так, — не только взаимопонимание, но и сам язык были бы невозможны. Игнорирование системной архитектоники языка привело П. Робертса к тотальной эклектике, к смешению сущности частей речи и членов предложения, к описанию конструкций (в его номинации): Infinitive

Plus Subject (I want him to go away); Subject of the Gerund (I was annoyed by his talking), в которых, по его мнению, местоименные элементы *him*, *his* являются подлежащими. Только не владея системными знаниями, можно так запутывать учащихся.

Стройная и упорядоченная система выражения мыслей может осуществляться только на базе стройной и упорядоченной системы языка. Ученые не ставят себе задачу создать жесткую логическую модель языка с тем, чтобы навязать ее носителям языка. Их цели более скромные — объяснить сложившуюся систему и установить закономерности, присущие ей. Однако объяснение невозможно в условиях, когда не установлены дискретные единицы, составляющие систему. О возможном существовании таких единиц писал Ф. де Соссюр, размышляя об объяснительной лингвистике. Выше мы отметили, что традиционная грамматика не располагает такими единицами, по крайней мере в синтаксисе. В отечественном языкознании само появление понятия элементарной, синтаксически далее неделимой, единицы — синтаксемы еще не давало возможности устанавливать какие-либо закономерности. Только в результате многолетних исследований появилось значительное количество экспериментально установленных синтаксем во всем многообразии вариантов их существования. Только после этого были определены оппозитивные ряды синтаксем, появился новый терминологический аппарат и опробованы методы лингвистического анализа, а также появилась возможность сформулировать наблюдаемые закономерности.

Законы функционирования языка, открытые А.М. Мухиным, подлежат дальнейшему изучению в аспекте многих сторон: сферы применения, возможных ограничений, ошибок в интерпретации результатов, этапа, на котором применяется, простоты — сложности, эвристической ценности новизны получаемых знаний, уместности использования эвристического аппарата. Такова судьба всех открытий — они открывают пути для новых поисков.

Список литературы

1. Журавлев В.К. Постулат непреложности фонетических законов и современная компаративистика // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 27–36.
2. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М. : Наука, 1968.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972.
4. Дорошенко В.А. О взаимодействии морфологических и синтаксических единиц (на материалах качественной синтаксемы) // Синтаксис и морфология языков различных типов. Лингвистические исследования. М. : Академия наук СССР. Институт языкознания, 1978. С. 72–76.
5. Русская грамматика. Синтаксис. Институт языкознания Академии Наук. М.: Академия Наук, 1982.

6. Roberts P. Understanding Grammar. New York & London : Harper, 1964.
7. Ashurov S.S. Some comments on the analysis of active and stative syntaxeme in the function predicate // Journal of critical reviews. 2020. № 7(18). P. 4580–4583. <https://doi.org/10.31838/jcr.07.18.571>
8. Мухин А.М. Структура предложений и их модели. Л. : Наука, 1968.
9. Мухин А.М. Эксперимент и моделирование в лингвистике. Структурный синтаксис предложения. СПб. : Наука, 2004.
10. Мухин А.М. Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология. СПб.: Наука, 2007.
11. Ванчигова Е.А. Роль синтаксемы в оформлении предикативных отношений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11(65). С. 84–86. EDN: XYASLD
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Министерство просвещения РСФСР, 1956.
13. Shramko R., Rakhno M. The Issue of Lexical and Grammatical Representation of the Object Syntaxeme in Sentences with Subject Attitude Predicates — Constituents of Isofunctional Two-/Threecomponent Syntactic Paradigms // Linguistic Studies. 2019. Vol. 37. P. 49–55. <https://doi.org/10.31558/1815-3070.2019.37.8>
14. Мухин А.М. Функциональный синтаксис. СПб. : Наука, 1999.
15. Мухин А.М. Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка). М. : Наука, 1964.
16. Мухин А.М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. Л. : Наука, 1980.
17. Мухин А.М. Вариантность синтаксических единиц. СПб. : Наука, 1995.
18. Дорошенко В.А., Амахина С.А., Сеницына Ю.Н. Конфигурации совокупностей синтаксико-семантических признаков как реальный аппарат речевой деятельности // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. 2025. № 2 (125). С. 15–20.
19. Дорошенко В.А., Амахина С.А., Сеницына Ю.Н. Ведущие и дополнительные признаки синтаксем // Язык науки и техники. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 24–31.

References

1. Zhuravlev, V.K. (1984). The postulate of the immutability of phonetic laws and modern comparative studies. *Voprosy Jazykoznanija*. (4), 27–36. (In Russ.).
2. Serebrennikov, B.A. (1968). *On the relative independence of the development of the language system*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Katsnelson, C.D. (1972). *Functional analysis of syntactic elements (based on the Old English language)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Doroshenkov, V.A. (1978). On the interaction of morphological and syntactic units (based on the qualitative syntaxeme). In: *Syntax and morphology of languages of various types. Linguistic research* (pp. 72–76). Moscow: Academy of Sciences USSR. Institute of Linguistics publ. (In Russ.).
5. Russian Grammar. (1982). Syntax. Vol. II. Ch.1. Moscow: Academy of Sciences publ. (In Russ.).
6. Roberts, P. (1964). *Understanding Grammar*. New York & London.
7. Ashurov, S.S. (2020). Some comments on the analysis of active and stative syntaxeme in the function predicate. *Journal of critical reviews*, 7(18), 4580–4583. <https://doi.org/10.31838/jcr.07.18.571>
8. Mukhin, A.M. (1968). *The structure of sentences and their models*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

9. Mukhin, A.M. (2004). *Experiment and Modeling in Linguistics. Structural syntax of a sentence*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
10. Mukhin, A.M. (2007). *Functional syntax. Functional lexicology. Functional morphology*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
11. Vanchikova, E.A. (2016). The role of the syntaxeme in predicative relations. *Philology. Theory & Practice*, (11), 84–86. (In Russ.). EDN: XYASLD
12. Peshkovsky, A.M. (1956). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Ministry of Education of the RSFSR. (In Russ.).
13. Shramko, R., & Rakhno, M. (2019). The Issue of Lexical and Grammatical Representation of the Object Syntaxeme in Sentences with Subject Attitude Predicates — Constituents of Isofunctional Two-/Threecomponent Syntactic Paradigms. *Linguistic Studies*, (37), 49–55. <https://doi.org/10.31558/1815-3070.2019.37.8>
14. Mukhin, A.M. (1999). *Functional syntax*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
15. Mukhin, A.M. (1964). *Functional analysis of syntax elements (In the material of ancient English language)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Mukhin, A.M. (1980). *Syntaxsem analysis and the language levels problem*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
17. Mukhin, A.M. (1995). *Variation of syntactic units*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
18. Doroshenkov, V.A., Amakhina, S.A., & Sinitsyna, Yu.N. (2025). Configurations of Syntactic-semantic Features as a Real Apparatus for Speech Activity. *Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. A series of Philological sciences*, 2(125), 15–20. (In Russ.).
19. Doroshenkov, V.A., Amakhina, S.A., & Sinitsyna, Yu.N. (2022). Leading and Additional Features of Syntaxemes. In: *The language of science and technology. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference* (pp. 24–31). Omsk. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Дорошенко Валерий Александрович, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и иностранных языков и литературы, факультет гуманитарного образования, Краснодарский государственный институт культуры (350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. 40-летия Победы, д. 33); *сфера научных интересов*: функциональный синтаксис английского языка, лингвистический анализ в диахронии, лингвистический анализ в типологических исследованиях, переводоведение; *e-mail*: valdor1737@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1250-9130. SPIN-код: 1859-9085. AuthorID: 528672.

Амахина Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 109 литера Б); *сфера научных интересов*: функциональный синтаксис, лингвистические модели при обучении переводу с английского языка на русский; *e-mail*: s-amakhina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4028-2079. SPIN-код: 7454-5330. AuthorID: 651334.

Синицына Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы, факультет гуманитарного образования, Краснодарский государственный институт культуры (350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. 40-летия Победы, д. 33); *сфера научных интересов*: дискурс анализ, методика преподавания иностранного языка, функциональный синтаксис английского языка, межкультурная коммуникация; *e-mail*: tiida07@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1127-363X. SPIN-код: 8312-8803. AuthorID: 689568.

Information about the authors:

Valery A. Doroshenkov, PhD in Philology, Professor of the Russian and English Language and Literature Department, Faculty of Humanitarian Education, Krasnodar State Institute of Culture (33, 40th anniversary of the Victory Str., Krasnodar, Russian Federation, 350072); *Research interests*: functional syntax of the English language, linguistic analysis in diachrony, linguistic analysis in typological research, translation studies; *e-mail*: valdor1737@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1250-9130. SPIN-код: 1859-9085. AuthorID: 528672.

Svetlana A. Amakhina, PhD in Philology, Senior Lecturer of Foreign Languages Department, Faculty of Foreign Languages, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (109 litera B, Politekhnicheskaya Str., Saint Petersburg, Russian Federation, 195251); *Research interests*: functional syntax, linguistic models for teaching translation from English into Russian; *e-mail*: kir-posternyak@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4028-2079. SPIN-код: 7454-5330. AuthorID: 651334.

Yulia N. Sinitsyna, PhD in Philology, Associate Professor of the Russian and English Language and Literature Department, Faculty of Humanitarian Education, Krasnodar State Institute of Culture (33, 40th anniversary of the Victory Str., Krasnodar, Russian Federation, 350072); *Research interests*: discourse analysis, methods of teaching a foreign language, functional syntax of the English language, cross-cultural communication; *e-mail*: tiida07@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1127-363X. SPIN-код: 8312-8803. AuthorID: 689568.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-190-197

EDN: EHONUV

УДК [811.161.1:811.222.1]’25’36

Научная статья / Research article

Грамматическая пауза в русском и персидском языках

А. Валипур  , Х.К. Табассом 

Тегеранский университет, *Тегеран, Иран*
 alreva@ut.ac.ir

Аннотация. Анализ грамматической паузы в русском и персидском языках представляет собой важную задачу, решение которой способствует разработке правил, облегчающих процесс перевода письменных и устных текстов с двух языков. Исследование актуально в свете необходимости повышения качества перевода, так как грамматическая пауза может значительно влиять на качество восприятия информации реципиентом. Показано, что во многих случаях употребление паузы в звучащей и письменной речи на русском и персидском языках имеет общие признаки, что в перспективе дает возможность выявить особенности их функционирования. Грамматическая пауза как фонетическое явление и один из ключевых просодических элементов предотвращает появление двусмысленности в высказывании и играет важную роль в определении семантических и синтаксических значений компонентов предложений. На основе сопоставительного анализа изучены конкретные примеры, подтверждающие, что в обоих языках существует тенденция к использованию грамматической паузы в схожих контекстах. В результате анализа установлены особенности использования паузы, учет которых позволяет говорящему или переводчику передать корректный смысл высказывания.

Ключевые слова: сравнительный анализ, устная речь, письменная речь, контекст

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 08.08.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Валипур А., Табассом Х.К. Грамматическая пауза в русском и в персидском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 190–197. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-190-197>

© Валипур А., Табассом Х.К., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Analysis of Grammatical Pause in Russian and Persian Languages

Valipour Alireza  , Khakrah K. Tabassom 

University of Tehran, *Tehran, Iran*

 alreva@ut.ac.ir

Abstract. The analysis of grammatical pauses in Russian and Persian languages represents an important task, the resolution of which contributes to the development of rules that facilitate the translation of written and spoken texts between the two languages. This study is particularly relevant in light of the necessity to improve translation quality, as grammatical pauses can significantly impact the recipient's comprehension of information. The research demonstrates that, in many cases, the use of pauses in spoken and written discourse in both Russian and Persian exhibits common characteristics, which may lead to the identification of their functional peculiarities in the future. Grammatical pauses, as a phonetic phenomenon and one of the key prosodic elements, prevent ambiguity in utterances and play a crucial role in determining the semantic and syntactic meanings of sentence components. Through comparative analysis, specific examples were examined, confirming that there is a tendency to use grammatical pauses in similar contexts in both languages. As a result of the conducted analysis, particular features of pause usage were established, the consideration of which allows speakers or translators to convey the intended meaning of utterances accurately.

Keywords: comparative analysis, oral speech, written speech, context

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 08.08.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Valipour, A., & Tabassom, K.K. (2025). The Analysis of Grammatical Pause in Russian and Persian Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16 (1), 190–197. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-190-197>

Введение

Звучащая речь представляет собой ряд просодических элементов: интонация, ударение, пауза — играющих важную роль при определении главной мысли высказывания. Устная и письменная речь оказывают влияние друг на друга, таким образом, в некоторых случаях влияние паузы, помимо интонации и ударения, является решающим для избежания двусмысленности.

Пауза, будучи одним из ключевых просодических элементов, присутствует в каждом высказывании, что делает ее одним из наиболее универсальных явлений в области человеческой речи. Существует множество причин для ее возникновения, например, пауза дает говорящему возможность подобрать соответствующие слова и выражения для формулирования своей мысли наиболее понятным образом [1; 2]. В связи с этим ряд исследователей рассматривает паузу как один из основных языковых элементов речи [3]. Можно утверждать, что пауза занимает значительную часть устной речи [4], и частотность ее возникновения растет в зависимости от размера высказывания [5].

Пауза в речи бывает двух типов [6]: 1) незаполненная пауза: реализуется в виде прерывания речи (молчание); заполненная пауза: реализуется путем использования различных видов вокализации [a:] / [э:], затяжки гласных звуков в лексеме и через употребления пустых вводных слов/ слов-паразитов и т.д. [7–9]. Отдельным видом пауз являются пауза, встречающиеся в письменной речи, их исследование и описание также широко распространено [10]. Устную речевую паузу можно рассматривать с двух точек зрения: в качестве физиологической паузы (для дыхания) и в качестве коммуникативной паузы, позволяющей реципиенту проанализировать и понять высказывание [11].

Методы и материалы

В данном исследовании внимание сосредоточено на анализе грамматической паузы в русском и персидском языках с целью выявления их общих признаков, которые играют важную роль в понимании содержания предложения. Работа была направлена на изучение фонетических характеристик грамматической паузы, а также на проведение сравнительный анализа ее использования в речи носителей выбранных языков. Важным аспектом исследования является определение влияния позиции паузы на семантику предложений. В рамках сравнительного анализа были собраны примеры использования грамматической паузы в обоих языках на основе литературных источников. Основные методы проведенного исследования: 1) описательный метод; 2) метод сплошной выборки; 3) сопоставление.

Результаты

Основные результаты исследования:

- обозначено актуальное направление работы исследователей в области перевода;
- установлены общие и различительные черты использования паузы в речи носителей русского и персидского языков;
- даны рекомендации по учету особенностей употребления паузы в двух языках для достижения успешной коммуникации.

Обсуждение

Перерыв в потоке речи способствует изменению тона и интонации, облегчает дыхание говорящего и позволяет слушателю более эффективно анализировать высказывание [12–14]. Согласно мнению М.Г. Каспаровой, не всякий перерыв можно считать паузой, и наоборот [15]. Перерыв в данном контексте может рассматриваться как физическое явление, тогда как пауза воспринимается как феномен, начинающийся с 20–25 миллисекунд и имеющий predetermined position для выделения, соответствующую нормам языка.

Расположение и длительность паузы варьируются в зависимости от ситуации и говорящего, подчиняясь грамматическим правилам в устной и в письменной

форме речи. Грамматическая пауза играет ключевую роль, поскольку она способствует созданию плавного, гармоничного и правильного звучания речи, исключая различные перерывы и затруднения в понимании произносимого текста. Она формирует идеальный и корректный текст, способы ее использования приводят к возникновению разнообразных речевых стилей [13; 16–17].

Грамматическая пауза в русском языке, как правило, используется для выделения фонетической фразы и синтагмы в потоке речи [14]. Фонетическая фраза чаще всего помещается между двумя паузами и имеет определенную интонацию и логическое ударение в предложении и передает законченную мысль слушателю. Фонетическая фраза отличается от предложения тем, что она является фонетической единицей, в то время как предложение является синтаксической единицей. Грамматическая пауза между фонетическими фразами обозначается двумя прямыми линиями (||) [17. С. 131–132]: *Было верно, сыро и скверно. || Дверь в сад была открыта||, на почерневшем от мокроты полутеррасы высыхали лужи ночного дождя.*

Однако в некоторых случаях фонетическая фраза проявляется в сложном целом [18], примером могут служить следующие предложения

Он хотел было что-то сказать ему, но толстяк уже исчез (Н.В. Гоголь).

— *Она не сводит глаз с дороги, что идет через рошу (И.А. Гончаров).*

Грамматическую паузу с короткой длительностью можно обнаружить между фонетическими синтагмами, образованными при разделении фонетической фразы на отдельные словосочетания. Такая пауза обозначается одной прямой линией (|) [18. С. 131; 19. С. 383]:

— *На другой день| весть о пожаре| разнеслась по всему околотку.*

— *На другой день| весть о пожаре разнеслась| по всему околотку.*

Как показывают приведенные выше примеры, расположение грамматической паузы между фонетическими синтагмами изменяется в зависимости от цели высказывания. Например, в первом предложении говорящий акцентирует внимание на второй фонетической синтагме «весть о пожаре», тогда как во втором предложении акцент смещается на третью фонетическую синтагму «по всему околотку».

Следует обращать внимание на то, что при изменении позиции грамматической паузы между фонетическими синтагмами изменяется также и синтаксическое значение компонентов предложения, следовательно, семантическое значение предложения по-разному интерпретируется, ср. [18. С. 131]:

— *Как испугали ее| слова брата (слова брата испугали ее).*

— *Как испугали ее слова| брата (ее слова испугали брата).*

Как демонстрируется в приведенных примерах, семантика первого предложения существенно отличается от семантики второго. В первом предложении *слова брата* — подлежащее, тогда как *ее* выступает в роли дополнения.

В противоположность этому во втором предложении *ее слова*, выделенное паузой, становится подлежащим.

Знаки препинания так как точка, запятая, многоточие, тире и др., тоже сигнализируют о наличии грамматической паузы, ср.:

- Он уехал домой.|
- Он нахмурился,| перестал писать, заснул.
- А, так ты...| Я без души лето целое все пела.
- Ночи стали чернее, дни —| пасмурнее [20. С. 25].

Однако в тех случаях, когда отсутствуют знаки препинания, грамматическая пауза используется для разграничения подлежащего и сказуемого. Она также используется после обстоятельства с семантическими значениями места, времени, причины; после дополнения, стоящего в начале предложения и перед союзом *и*, когда при трех и более однородных членах предложения он объединяет два последних [19. С. 384]:

- Автомобильная поездка по Америке| похожа на путешествие через океан (И. Ильф, Е. Петров).
- В один из осенних вечеров 1969 года| в редакции газеты «Правда»| об одноэтажной Америке зашел разговор на совещании молодых стариков (Шатуновский, Стрельников).
- Изредка| нам встречались разбросанные по всей степи-прерии фермы,| с обязательным красным амбаром,| силосной башней | **и** могучим столетним деревом перед крыльцом домика (Шатуновский, Стрельников).

Между тем, влияние грамматической паузы можно наблюдать в омофонах, где наличие и отсутствие паузы играет существенную роль при определении грамматических свойств лексических единиц. Так, например, грамматическую паузу можно обнаружить между морфемами *не* и *вы*; *ста* и *расти* в следующих синтаксических конструкциях: *она, а не | вы; Лет до ста | расти нам без страсти*» [21. С. 31]. При отсутствии паузы, отмеченные синтаксические конструкции превращаются в лексико-грамматические конструкции — *невы* и *старости* (словоформы в родительном падеже).

Пауза в персидском языке, наряду с интонацией и ударением, представляет собой один из суперсегментных элементов в структуре предложения и словосочетания [22]. Использование паузы в речи обычно способствует тому, чтобы говорящий мог обдумать свои слова и найти подходящие выражения, а также помогает слушателю лучше понимать и анализировать передаваемые смыслы [23]. Кроме того, паузу как фонетическое явление можно рассматривать в устной и в письменной речи, при этом акцентируя внимание на ее грамматических и неграмматических характеристиках.

Грамматическая пауза в персидском языке появляется в обоих случаях — при наличии и при отсутствии знаков препинания. Как правило, она также обнаруживается при наличии точки, запятой и др., ср.:

او کار میکند| ‘он работает’.
او وارد دانشگاه شده| تا فرد موفقى شود ‘он поступил в университет,| чтобы стать успешным человеком’.

При отсутствии знаков препинания грамматическая пауза и ударение могут наблюдаться в фразах, состоящих из двух или более слов, которые функционируют как члены предложения [22. С. 97]. Наличие паузы в этих конструкциях играет важную роль, поскольку изменение ее расположения приводит к изменению семантических и грамматических значений. Например, грамматическую паузу можно заметить в конце слова |تخت جمشید [тахт-э-джамшид], которое обозначает известное архитектурное сооружение в Иране — Персеполь. Однако при разделении слов تخت [тахт] и جمشید [джамшид] с помощью изафета э возникает новое словосочетание, отражающее значение принадлежности: [тахт-э джамшид], что переводится как «кровать, принадлежащая Джамшиду» [22. С. 93]. В этом случае пауза, сопровождаемая изафетом, играет ключевую роль в установлении семантики принадлежности.

Кроме того, наличие и отсутствие грамматической паузы оказывает влияние на морфологические признаки омофонов. Так, например, при наличии паузы в слове [джамшид] в конце реципиент воспринимает лексему в качестве имени нарицательного, однако, в случае использования этой паузы между морфемами [джам] и [шид], образуется форма глагола ‘собираться/собраться’, имеющая повелительное наклонение: [24. С. 125].

В некоторых случаях изменение позиции паузы в предложениях также приводит к изменению семантики всего высказывания. Например, в первом предложении говорящий с помощью паузы уточняет, что необходимо помиловать преступника. Однако, изменяя позицию паузы во втором предложении, говорящий выражает желание наказать преступника:

‘помиловать| нельзя казнить’.
‘помиловать нельзя| казнить’.

Грамматическая пауза в персидском языке также используется в предложении для определения семантических и синтаксических значений его компонентов. Как установлено в следующих примерах, пауза позволяет установить подлежащее и сказуемое в предложении, а также меняет его семантику:

‘мы делаем всё’.
‘мы все работаем’.

Заключение

Таким образом, как показано в данном исследовании, грамматическая пауза в русском и персидском языках является фонетическим явлением, которое считается обязательным и широко используемым в обоих языках.

Примеры демонстрируют, что в обоих языках действуют схожие тенденции применения грамматической паузы.

При переводе текстов с русского на иранский язык и наоборот рекомендуется тщательно анализировать контекст, в котором используется грамматическая пауза, чтобы определить ее функциональную роль и влияние на смысл высказывания. Создание практических руководств может позволить специалистам по коммуникации и переводчикам в достижении более эффективно использования грамматических пауз.

Список литературы / References

1. Chafe, W. (1980). *The pear stories, Cognitive and Linguistic Aspect of Narrative production*. Norwood, New Jersey: ABLEX publ.
2. Chafe, W. (1973). Language and Memory. *Language*, 49(2), 261—281. <https://doi.org/10.2307/412454>
3. Argaw, A.A., & Forsbom, E. (2004). *Distribution and acoustic features of extra linguistic sounds in the Waxholm corpus*. pp. 1–11. URL: <https://clck.ru/3FD5qt> (accessed: 07.06.2022).
4. Echson, J. (1985). *Psycholinguistics*. Tehran: Amir Kabir. (In Persian).
5. Shriberg, E. (1996). Disfluencies in switchboard. In: *ICSLP 96: Proceedings of International conference on spoken language Processing* (pp. 11—14). Philadelphia: of University of Delaware.
6. Johnstone, B. (2008). *Discourse Analysis*. London: mBlackwell.
7. Bortfold, H., Leon, S.D., Bloom, J.E., et. al (2001). Disfluency rates in spontaneous speech: effects of age, relationship, topic, role, and gender. *Language and Speech*, (44), 123—147.
8. Garman, M. (1990). *Psycholinguistics*. Cambridge: Cambridge university press.
9. MacWhinney, B., & Osser, H. (1977). Verbal planning functions in children's speech. *Child Development*, 48 (3), 978—985. <https://doi.org/10.2307/1128349>
10. Foulin, J.-N. (1996). Pauses et débits: Les indicateurs temporels de la production écrite [Pauses and rates: The temporal parameters of writing]. *L'Année Psychologique*, 95 (3), 483—504. (In French).
11. Cenoz, J. (2000). Pauses and hesitation phenomena in second language production. *ITL-Review of Applied Linguistics*, (127–128), 53—69.
12. Shvedova, N.Yu. (1980). *Russian grammar*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука. 1980.
13. Sinelnikova, T.M. (2008). Logical reading and logical pause as elements of speech expressiveness. *Notes of the Mining Institute*, (175), 192—193. (In Russ.). EDN: LHPUQZ
Синельникова Т.М. Логическое чтение и логическая пауза как элементы выразительности речи // Записки Горного института. 2008. № 175. С. 192—193. EDN: LHPUQZ
14. Khakimova, E.M. (2015). On the Functions of the Intonation Norm in Modern Russian. *Bulletin of the South Ural state university. Series: Linguistics*, (3), 54—60. (In Russ.). EDN: UHJTHR
Хакимова Е.М. О функциях интонационной нормы в современном русском языке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 54—60. EDN: UHJTHR
15. Kasparova, M.G. (1971). On the speech pause. *Scientific notes of the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages*, (60), 146—149. (In Russ.).
Каспарова М.Г. О речевой паузе // Ученые записки МГПИИЯ им. Мориса Тереза. Исследования языка и речи. 1971. № 60. С. 146—149.
16. Kochenkova, Yu.E. (2011). Pausing in the Public Speech of Scientists, Preachers, and Actors: Based on the Results of the Experiment. *Language, Literature, and Culture*, (1), 51—64. (In Russ.).
Коченкова Ю.Е. Паузирование в публичной речи ученых, проповедников, актеров: по результатам эксперимента // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 51—64. EDN: NWGYLD

17. Ivanova-Lukyanova, G.N. (1990). *Rhythmic and intonation structure of the text (Functional and stylistic aspect)* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: ZKVHND
Иванова-Лукьянова Г.Н. Ритмико-интонационное строение текста (функционально-стилистический аспект): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990. EDN: ZKVHND
18. Valipour, A. (2014). *Phonetics of Russian Language*. Tehran: SAMT. (In Persian).
19. Rosenthal, D.R., Dzhandzhakova, E.V., & Kabanova, N.P. (1994). *References on Spelling, Pronunciation, and Literary Editing*. Moscow: International School of Translators. (In Russ.).
Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М. : Московская международная школа переводчиков, 1994.
20. Rosenthal, D.R. (1988). *Punctuation and management in the Russian language: A handbook for press workers*. Moscow: Kniga. (In Russ.).
Розенталь Д.Э. Пунктуация и управление в русском языке: Справочник для работников печати. М. : Книга, 1988.
21. Rosenthal, D.R. (2010). *Modern Russian Usage*. Moscow: Iris Press. (In Russ.).
Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М. : Айрис-пресс, 2010.
22. Farshidvard, K. (2003). *Modern grammar in detail*. Tehran: Sokhan. (In Persian).
23. Qonsuli, L.E., Sharifi, Sh., et. al (2003). *Analysis of pause patterns in the Persian language*. Tehran: Nevis. (In Persian).
24. Hashemi-Minabad, H. (2009). A pause in the Persian language. *Journal of Literary Aesthetics*, (2), 121—128 (In Persian).

Сведения об авторах:

Валипур Алиреза, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета иностранных языков, Тегеранский университет (11369, Иран, г. Тегеран, ул. Норс Каргар, д. 15/16); *сфера научных интересов*: машинный перевод, обработка текста, методика преподавания русского языка как иностранного, сравнительно-историческое языкознание; *e-mail*: alreva@ut.ac.ir

ORCID: 0000-0002-1533-1529; ResearcherID: E-2789-2016.

Табассом Хакрах Кахнамуи, аспирант кафедры русского языка факультета иностранных языков, Тегеранский университет (11369, Иран, г. Тегеран, ул. Норс Каргар, д. 15/16); *сфера научных интересов*: фонетика, межкультурная коммуникация, сопоставительное языкознание; *e-mail*: t.khakrah@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7835-3680.

Information about the authors:

Valipur Alireza, PhD in Philology, Professor of the Department of Russian language at the Faculty of Foreign Languages and Literature, Tehran University (15/16, North Kargar Str., Tehran, Iran, 11369); *Research interests*: Machine translation, word processing, teaching methods of Russian as a foreign language, comparative historical linguistics, phonetics; *e-mail*: alreva@ut.ac.ir
ORCID: 0000-0002-1533-1529; ResearcherID: E-2789-2016.

Khakrah K. Tabassom, PhD student of the Department of Russian language at the Faculty of Foreign Languages and Literature, Tehran University (15/16, North Kargar Str., Tehran, Iran, 11369); *Research interests*: phonetics, intercultural communication, comparative linguistics; *e-mail*: t.khakrah@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7835-3680.



КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-198-218

EDN: DEKZLT

УДК 81'271.14-053.6-056.26:159.9

Научная статья / Research article

Особенности репродуктивной и продуктивной речи подростков с врожденным пороком сердца после операции и условно здоровых сверстников: лингвокогнитивный аспект

В.А. Каменева^{1,2}  , Н.В. Рабкина² ,
С.Ю. Жданова³ , А.А. Румянцева¹ 

¹Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, Кемерово., Российская Федерация

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

³Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация
 russia_science@mail.ru

Аннотация. В настоящее время изучение лингвокогнитивных особенностей детей, имеющих сердечно-сосудистые заболевания или переживших операционное вмешательство по их коррективке, актуально как с теоретических позиций, так и в свете практического применения для разработки реабилитационных программ. Теоретически значимым является не только описание и систематизация данных о лингвокогнитивных нарушениях данной категории лиц обособлено, но и в сравнении с данными их сверстников, которых можно отнести к условно здоровым. Недостаточная изученность особенностей продуктивной и репродуктивной речи подростков с врожденным пороком сердца (ВПС) после операции с лингвистических позиций определяет новизну предпринятого исследования. Цель — выявление ошибок в продуктивной и репродуктивной речи условно здоровых подростков и их сверстников, переживших операцию по коррективке ВПС в условиях искусственного кровообращения. В тесте на репродуктивную речь принимал участие 31 пациент (13–15 лет) Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний г. Кемерово и 35 условно здоровых учащихся средней общеобразовательной школы г. Кемерово. В тесте на выявление специфики продуктивной речи приняли участие 28 пациентов и 26 условно здоровых подростков. Пробы проводились по диагностической методике Т.А. Фотековой и Т.В. Ахутиной, полученные данные были проанализированы

© Каменева В.А., Рабкина Н.В., Жданова С.Ю., Румянцева А.А., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

с помощью метода контент-анализа. В тесте на репродуктивную речь пациенты продемонстрировали неспособность буквального воспроизведения текста, которая существенно компенсировалась умением перефразировать и выразилась в обилии уникальных словоформ по сравнению с группой условно здоровых подростков. В тесте на продуктивную речь пациенты часто испытывали проблемы с порождением высказываний, которые часто были представлены неполными предложениями. Однако нельзя сделать заключение о серьезном аграмматизме, который проявлялся бы в неспособности к согласованию частей речи.

Ключевые слова: аграмматизм, речевые нарушения, врожденный порок сердца, когнитивные исследования, междисциплинарные исследования речи

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных научных исследований РАН в рамках фундаментальной темы НИИ КПССЗ № 0419-2024-0002 «Периоперационные нейропротективные стратегии в хирургии врождённых пороков сердца» при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках национального проекта «Наука и университеты». Номер государственного учета в НИОКТР: 124041800039-2.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.07.2024; дата приема в печать: 15.11.2024.

Для цитирования: Каменева В.А., Рабкина Н.В., Жданова С.Ю., Румянцева А.А. Особенности репродуктивной и продуктивной речи подростков с врожденным пороком сердца после операции и условно здоровых сверстников: лингвокогнитивный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 198–218. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-198-218>

Features of Reproductive and Productive Speech of Adolescents with Congenital Heart Disease after Surgery and Conditionally Healthy Peers: Linguocognitive Aspect

Veronika A. Kameneva^{1,2}  , Nadezda V. Rabkina² ,
Svetlana Yu. Zhdanova³ , Alexandra A. Rumyantseva¹ 

¹Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases, *Kemerovo, Russian Federation*

²Kemerovo State University, *Kemerovo, Russian Federation*

³Perm State National Research University, *Perm, Russian Federation*

 russia_science@mail.ru

Abstract. Linguistic and cognitive disorders in children with cardiovascular diseases or operated for congenital heart disease are a relevant research topic. Such studies contribute to developing new rehabilitation programs, especially when they are conducted against conditionally healthy peers. This research featured the linguistic aspect of the productive and reproductive speech of teenagers operated for congenital heart disease and their healthy peers. The reproductive test involved 31 patients aged 13–15 years who had undergone cardiopulmonary bypass surgery for congenital heart disease at the Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases, Kemerovo, and

35 conditionally healthy middle school students of the same age. The productive test involved 28 patients and 26 healthy peers. In line with T.A. Fotekova and T.V. Ahutina's diagnostic method, the children had to retell a 54-word story and give a spontaneous speech about their home town. In the reproductive speech test, the patients demonstrated an inability to literally reproduce text, which was significantly compensated by paraphrasing skills and led to an abundance of unique word forms, compared to the healthy teenagers. In the productive speech test, the patients often had problems generating utterances, which were often presented as incomplete sentences. However, we could not detect a serious degree of agrammatism, which would manifest itself in the inability to coordinate parts of speech.

Keywords: agrammatism, speech disorders, congenital heart disease (CHD), cognitive research, interdisciplinary speech research

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Funding: The work was supported by the complex program of basic scientific research of the Russian Academy of Sciences within the framework of the fundamental theme of the KPSSZ Research Institute No. 0419-2024-0002 "Perioperative neuroprotective strategies in surgery of congenital heart defects" with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the national project "Science and Universities". State registration number in Unified State Information System of Record of Research, Experimental Design and Technological Works for Civilian Purposes (USISU NIOCTR): 124041800039-2.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.12.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Kameneva, V.A., Rabkina, N.V., Zhdanova, S.Y., & Romyantseva, A.A. (2025). Features of Reproductive and Productive Speech of Adolescents with Congenital Heart Disease after Surgery and Conditionally Healthy Peers: Linguocognitive Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 198–218. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-198-218>

Введение

Исследования нарушений в продуктивной и репродуктивной речи условно здоровых подростков и их сверстников, переживших операцию по коррективке врожденного порока сердца (ВПС), актуальны и имеют теоретическую значимость как для развития теории языка, так и для систематизации данных в рамках междисциплинарных исследований. Практическая значимость работ подобного плана обусловлена необходимостью создания современных программ лингвокогнитивной реабилитации для данной категории лиц.

Отметим, что общие вопросы выявления и классификации ошибок в речи находятся в центре научно-исследовательского интереса ученых не один десяток лет. Актуальность обращения к указанным вопросам в данном исследовании обусловлена вовлечением в научно-исследовательское поле малоизученного объекта — речи подростков после коррекции ВПС.

Проблема типологизации речевых ошибок не решена и требует новых исследовательских подходов [1]. Уточним, что типологизация речевых

ошибок зависит от поставленной цели исследования и выбранного материала. В зависимости от этого или речевые ошибки подразделяются на большие группы, или детально рассматриваются только подтипы отдельно взятой одной или двух больших условно разделенных групп. Как правило, речевые ошибки классифицируют в рамках четырех групп и выделяют синтаксические (нарушение синтаксического строя речи) [2], грамматические, лексические [3; 4] и фонетические ошибки [5]. В настоящем исследовании для анализа речевых нарушений будет использоваться данный подход к классификации ошибок в продуктивной и репродуктивной речи условно здоровых подростков и их сверстников, переживших операцию по коррективке ВПС.

Кроме того, одной из центральных задач в рамках представленного исследования становится подтверждение или опровержение наличия аграмматизма у подростков с ВПС после операции. Под аграмматизмом понимаются ошибки в грамматическом оформлении активной речи (экспрессивный) и в понимании значения грамматических конструкций (импрессивный). Это общее нарушение грамматического строя речи, которое может проявляться как в устной, так и в письменной речи, при этом, как правило, степень и формы недоразвития или нарушения грамматического строя речи зависят от причин, вызвавших его. У детей аграмматизм как проявление недоразвития грамматического строя речи в разных формах наблюдается при алалиях, у взрослых же — как нарушение сформированного грамматического строя речи при афазиях [6].

Обобщение и систематизация исследований по проблематике аграмматизма в России и за рубежом позволяют говорить о недостаточной изученности приобретенного аграмматизма у детей и подростков, в частности аграмматизма, обусловленного повреждениями головного мозга во время проведения оперативного вмешательства по коррекции ВПС. Критический анализ научной литературы подтвердил, что большую часть работ составляют исследования физиологического аграмматизма у детей, вызванного «перинатальным, ранним постнатальным повреждением, функциональной незрелостью областей головного мозга, отвечающих за устную и письменную речь, а также нарушениями и изменениями периферической части слухового анализатора» [7]. Практически все работы выполнены логопедами. Во всех работах предлагаются методики, позволяющие корректировать физиологический аграмматизм. Работы по изучению физиологического аграмматизма включают исследования нарушений речи у детей разного возраста — от младших до старших школьников.

В работе Н.Н. Балъ представлены результаты сравнительного анализа особенностей построения и грамматического оформления предложений нормально говорящими учениками начальной школы и их сверстниками с различными речевыми нарушениями. Исследование выявило общие

и специфические характеристики проявления экспрессивного аграмматизма в устной речи младших школьников с такими нарушениями речи, как моторная алалия, неосложненное и осложненное общее недоразвитие речи, дизартрия [8. С. 245]. Л.В. Ковригина и Ю.Ю. Ельсукова подробно исследовали процесс формирования грамматической системности в импрессивной речи младших школьников. Согласно результатам их работы для импрессивной речи школьников с речевым дизонтогенезом характерны нарушения восприятия глубинного значения грамматических трансформаций, связанные, вероятно, с немотивированностью языковых единиц [9]. В статье М.Н. Тимошиной также рассматривается проблема аграмматизма в речи младших школьников с ограниченными возможностями здоровья [7].

В исследовании П.А. Гацко изучены особенности овладения грамматическим строем речи у детей среднего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи [10], в то время как А.А. Тертичная и Е.П. Фуреева сфокусировались на изучении особенностей аграмматизма у старших дошкольников с общим недоразвитием речи [11].

Научный интерес представляют работы по исследованию физиологического аграмматизма, обусловленного дегенеративными изменениями мозга. Среди работ данного направления отметим исследование К.А. Tetzloff и коллег [12].

S. Fourdain и коллеги доказали уязвимость речевого развития у детей с ВПС при отсутствии риска глобальных когнитивных нарушений [13]. Работы по изучению приобретенного аграмматизма основаны на исследованиях пациентов среднего и старшего возраста, у которых нарушения речи были обусловлены инсультами разной этиологии, травмами, нейроинфекциями, гипертермией. Так, в работах С.К. Thompson и коллег [14], A.D. Mulia и N.I. Rohmani [15], W. Siriboonpipattana и соавторов [16] изучены нарушения речи, вызванные инсультом. Некоторые работы посвящены изучению аграмматизма, индуцированного глиобластомой или сочетанным воздействием операции на головном мозге по удалению опухоли [17].

Все вышеперечисленное в совокупности с малой изученностью продуктивной и репродуктивной речи подростков, прооперированных по поводу ВПС, в междисциплинарном аспекте свидетельствуют о теоретической значимости этого научного объекта. Целью данного исследования является выявление ошибок в продуктивной и репродуктивной речи условно здоровых подростков и их сверстников, переживших операцию по коррективке ВПС, а также подтверждение или опровержение аграмматизма у последних.

Материал и методы

Проведено проспективное исследование двух групп подростков. Генеральная выборка была сформирована в два этапа. Первый и второй этап исследования были проведены в 2023 г. Оба эксперимента проводились

по диагностической методике Т.А. Фотековой и Т.В. Ахутиной [18]. Первый этап был направлен на выявление специфики репродуктивной речи у выбранных когорт подростков. Все подростки, включенные в настоящее исследование, являются носителями русского языка. В группу 1 были включены 35 условно здоровых подростков, обучающихся в средней общеобразовательной школе № 28 г. Кемерово. Группу 2 составил 31 пациент с ВПС в возрасте 13–15 лет. Все дети были прооперированы в условиях искусственного кровообращения на базе Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний г. Кемерово (НИИ КПССЗ).

Инструкция, предложенная респондентам, звучала следующим образом: послушай рассказ внимательно и приготовься пересказывать. Мини-рассказ «Галка и голуби» звучал следующим образом: *Галка услышала, что голубей хорошо кормят. Побелилась она в белый цвет и влетела в голубятню. Голуби ее не узнали и приняли. Но галка не выдержала и закричала по-галочьи. Голуби все поняли и выгнали ее. Тогда она вернулась к своим. Но те ее также не признали и выгнали* [18].

Второй этап заключался в выполнении задания на составление спонтанного рассказа о Москве или своем родном городе: расскажи, пожалуйста, о Москве / расскажи, пожалуйста, о своем родном городе. В группу 1 были включены 26 условно здоровых подростков, обучающихся в средней общеобразовательной школе № 28 г. Кемерово. В группу 2 — 28 пациентов в возрасте 13–15 лет, оперированных по поводу ВПС в условиях искусственного кровообращения на базе НИИ КПССЗ.

Цель выбранных проб для 1 и 2 этапов заключается в обследовании устной (продуктивной и репродуктивной) речи подростков. Метод позволяет изучить способность самостоятельной реализации собственного замысла в развернутое и законченное повествование, а также выявить трудности смыслового программирования, необходимость развернутой помощи для формирования замысла, изучить грамматический строй сформулированных предложений, описать разнообразие грамматических конструкций, специфику нарушения порядка слов, адекватность вербальных средств, богатство или бедность словаря [18].

Полученный материал подвергался контент-анализу на предмет выявления особенностей репродуктивной и продуктивной речи, после чего проводился сравнительный анализ данных, полученных для группы пациентов с ВПС и группы условно здоровых подростков.

Выбор условно здоровых подростков в группу сравнения, а не подростков, прооперированных по поводу ВПС в кардиологических центрах других областей России, определяется рядом медицинских факторов. Дети, оперированные по поводу одних и тех же ВПС, но в разных клиниках, не могут быть статистически однородными ввиду особенностей анестезиологического

пособия конкретной клиники, по-разному влияющих на послеоперационный уровень когнитивно-речевых функций пациентов.

Во-первых, есть различия в препаратах для анестезии. Например, в НИИ КПССЗ отдают предпочтение комбинированной анестезии, которая включает в себя ингаляционный плюс внутривенный анестетик. В некоторых клиниках используют только ингаляционный. Четких данных по вопросу, какой из способов лучше, нет, поэтому клиника вправе выбирать тот, который ей удобен и предпочтителен.

Во-вторых, отличается стратегия применения трансфузии (переливание компонентов крови во время операции и в раннем послеоперационном периоде). НИИ КПССЗ старается максимально отказываться от гемотрансфузии, предпочитая допустимую гемодилюцию, так как считает, что это безопаснее для ребенка, согласно исследованиями других кардиологических центров. Например, если вес ребенка на момент оперативного вмешательства превышает 10 кг, такие дети в большинстве случаев обходятся без применения гемотрансфузии, за исключением детей с тяжелыми и комбинированными пороками сердца, длительность операции которых может занять много часов, либо при наличии тяжелой анемии изначально (гемоглобин крови ниже 70 г/л). В большинстве других клиник гемотрансфузия является рутинной процедурой и проводится всем детям. В плане применения принципов гемотрансфузии НИИ КПССЗ является новатором, и, следовательно, получаемые результаты в нем и других кардиологических центрах не могут быть статистически однородными.

В-третьих, в случаях коррекции простых пороков сердца анестезиологи НИИ КПССЗ предпочитают проводить экстубацию ребенка (перевод на самостоятельное дыхание) сразу на операционном столе после окончания операции. В то время как в других клиниках зачастую отдают предпочтение более поздней экстубации. Ранний перевод на самостоятельное дыхание имеет ряд преимуществ, таких как профилактика ИВЛ-ассоциированных инфекций дыхательных путей (постинтубационные ларингиты, трахеиты, бронхиты, пневмонии), ранняя активизация пациента и недлительное использование анестетиков.

В конечном итоге принципы установки внутрисосудистого доступа для начала операции варьируются. В НИИ КПССЗ ребенка доставляют в операционную без катетеров. Прежде всего, анестезиологи проводят ингаляционную седацию (ребенок дышит кислородом через маску и засыпает). В состоянии седации анестезиолог обеспечивает внутрисосудистый доступ (устанавливает катетер) и начинает полноценную анестезию. Подобный подход установки катетеров имеет ряд преимуществ, избавляя ребенка от болевого синдрома и эмоционального стресса.

Результаты и обсуждение Тест на репродуктивную речь

Анализ пересказов, полученных в ходе теста на репродуктивную речь, был направлен не только на выявление аграмматизмов на разных уровнях языка (по К.В. Николаевой [21. С. 18—19]), но и на обнаружение речевых закономерностей, не связанных с ошибками.

Синтаксис

У условно здоровых подростков наблюдаются ошибки, типичные для разговорной речи, самой частотной из которых является избыточное указательное местоимение *то* как маркер придаточного предложения в случаях, когда достаточно одного союза (6 случаев): *голуби сначала не поняли **то**, что это галка; галка слышала / узнала **то**, что голубей очень хорошо кормят; потом узнали **то**, что она не своя.*

В этой же группе отмечены единичные случаи нарушения порядка слов на уровне актуального членения предложения, касающиеся места прямого дополнения, выраженного личным местоимением (*голуби сразу все поняли и **ее** выгнали; они не приняли, и **ее** все выгнали; потом она полетела обратно к себе, и **ее** свои тоже не узнали и выгнали*), а также опущение прямого дополнения, выраженного личным местоимением (*голуби сначала не поняли **то**, что это галка, и приняли (**ее**) в свою стаю; они (**ее**) не приняли, и **ее** все выгнали*).

К проблемам, связанным с использованием союзов, можно отнести союзную избыточность (***Но** прилетела она к другим галкам, **но** те ее тоже не приняли*) или, наоборот, недостаточность (*Галка повернулась к своим обратно, (**а / но**) те ее не приняли*).

Неверный выбор союза свидетельствует о неадекватной интерпретации текста и вызывает нарушения на уровне логики повествования, например причинно-следственной связи: *Она залетела в голубятник и посидела там, но голуби ее не узнали, **и поэтому** она закричала по-галочьи; Она побелилась и полетела к голубям. Те ее не приняли, **и** галка закричала по-своему, и они ее прогнали.*

В группе пациентов, как и условно здоровых респондентов, самой распространенной просторечной ошибкой оказалось избыточное использование указательного местоимения (6 случаев): *Галка узнала / слышала / услышала **то**, что голубей / воробьев хорошо кормят; она закричала **то**, что ее голуби не признали.*

Интересно, что в данном тесте зафиксирован только 1 случай использования деепричастного оборота, к тому же в группе пациентов, при этом допущена типичная ошибка: ***Прилетев** обратно к себе, **ее** тоже не признали и тоже выгнали.* Кроме того, в группе пациентов зафиксирован случай неоправданного использования эмфатической конструкции:

Когда она прилетела второй раз, они поняли, что она и есть галка, и выгнали ее опять.

Однако можно сделать вывод, что условно здоровые подростки имели более развитое чувство стиля и в результате были способны воспроизвести его особенности, а в некоторых случаях и усилить, например, за счет инверсивного порядка слов, характерного для русских народных сказок, или использования специфических для этого жанра союзов: ...*побелилась она в белый цвет да полетела к ним в голубятню. ...Не сдержалась она и закричала по-галочьи. Поняли все голуби и выгнали ее. Вернулась она к своим галкам, там ее тоже не приняли и выгнали; Не сдержалась она однажды и крикнула по-галочьи; Решила она к ним прийти.*

Примечательно, что в оригинальном тексте эта стилистически индуцированная инверсия проявляется только однажды, в предложении *Побелилась она в белый цвет...* В этом предложении в группе условно здоровых подростков инверсия сохраняется в 7 случаях, а в общей сложности подобных инверсий в пересказах этой группы насчитывается 15. В группе пациентов отмечен только 1 случай использования подобной стилистической инверсии: *Прилетела галка к своим.* Передавая смысл предложения *Побелилась она в белый цвет...*, респонденты из группы пациентов либо присоединяли его к предыдущему, например, используя конструкцию с однородными сказуемыми (*Галка услышала, что голубей вкусно кормят, и покрасила свои крылья в белый цвет*), сделав акцент на причинно-следственной связи (*Галка узнала, что голубей хорошо кормят, поэтому перекрасила свои перья в белый*), либо просто начинали предложение с подлежащего (*Она покрасилась...*).

Средняя длина предложения в группе сравнения была 10 слов, а в группе пациентов — 11,5, вероятно, из-за склонности последних к перечислению без пауз: *Ее там не узнали, приняли, потом там она не выдержала, закричала по-галочьи, тогда голуби все поняли и выгнали ее, потом она прилетела к своим, но они ее тоже не узнали и тоже выгнали; Потом покрасилась голубым цветом, не выдержала, закричала, как галдят галки, потом пошла к себе, потом прилетели голуби, и те, и те оттуда выгнали.*

В целом в группе условно здоровых подростков зафиксировано 39 случаев использования подчинительной связи в сложных предложениях, в группе пациентов — 35.

Грамматика

У условно здоровых подростков основные случаи аграмматизма связаны с личными местоимениями. Так, наблюдается нарушение связности текста на уровне числа (5 случаев): *те ее (ед.ч.) не узнали и приняли за своих (мн.ч.); она решила прилететь к голубю (ед.ч.), и те (мн.ч.) ее не приняли*), которое может приводить к несогласованности подлежащего и сказуемого: *она (ед.ч.) ее не узнали (мн.ч.) и приняли; она (ед.ч.) ее не узнали, но приняли*

(мн.ч.). Иногда ошибка корректируется при повторной речи: *Она полетела к своим, но свои тоже их... ее выгнали*. Реже встречается нарушение связности на уровне рода (1 случай): *там голуби ее (ж.р.) не узнали и приняли за своего (м.р.)*.

С личными местоимениями в группе условно здоровых подростков связано и нарушение когерентности, при котором отсутствует существительное, на которое ссылается местоимение: *потом галка решила прилететь обратно к себе домой, и те тоже ее не приняли*. В единичных случаях отмечается неспособность заменить существительное личным местоимением: *Галка узнала, что голубей хорошо кормят. Когда галка прилетела к голубям, голуби ее не узнали. Потом галка полетела к своим*.

У условно здоровых подростков с системой глагола сопряжено нарушение связности повествования на уровне времени глагола (*возвращается (наст.вр.) она к своим, и те ее тоже прогнали (прош.вр.)*), а также неправильное использование вида глагола (*она влетела в голубятню, и те ее не знали и выгнали*). Отмечено отсутствие возвратного суффикса, меняющего характер действия: *Галка побелела и влетела к голубям в голубятню*. Однако все эти случаи аграмматизма носят единичный характер.

В группе пациентов отмечаются ошибки на уровне глагольного управления (2 случая): *Потом она галочным звуком издала; Они узнали ее как за свою*. В отличие от группы сравнения отмечена всего 1 ошибка в области грамматического числа: *Они сначала признали ее за свою, за своих, в общем*.

Лексика

Средний объем одного пересказа в группе условно здоровых подростков составил 40 слов, при этом минимальный объем был 25, а максимальный — 55 слов. В группе пациентов средний объем одного пересказа составил 35 слов, однако диапазон от минимального до максимального объема был шире, чем в группе сравнения: от 13 до 60 слов. В группе пациентов также был зафиксирован один отказ от ответа. Примечательно, что в группе пациентов уникальных слов — 191, а в группе условно здоровых подростков — всего 148.

В том, что касается аграмматизмов, у условно здоровых подростков отмечены случаи ошибочного выбора наречия (*жила она там, жила и слушаем закричала по-галочки*) и неправильной сочетаемости (*голуби не узнали подвох... не поняли подвоха*). Кроме того, на уровне лексики отмечается смысловая избыточность (2 случая): *побелилась в белый; набелилась она в белый цвет*.

Наибольшую трудность в группе сравнения вызвала передача окказионализма *по-галочки (по-галки, по-галичьи)* и в 4 случаях слова *голубятня (голубятник)*, что в ряде случаев привело к спонтанному речетворчеству (*перекрасилась в голубячий; закричала по-голубятничьи*). Чтобы

передать смысл лексемы *по-галочки*, некоторые респонденты прибегали к персонификации, что можно объяснить антропоцентрическим мышлением: *Она удивилась и закричала по... закричала на своем родном; галка закричала на своем языке.*

В группе сравнения тот же свойственный сказкам и басням антропоцентризм в одном случае отмечен при передаче смысла фразы *голубей хорошо кормят: птица узнала то, что голубей, видимо, в какой-то кормушке кормят бесплатно.* Гораздо чаще антропоцентризм проявлялся в глаголах движения, когда респонденты из группы сравнения заменяли *прилетела / полетела* на *пошла / пришла* (7 случаев): *решила она к ним прийти; пришла / пошла в голубятню / к ним / к голубям / назад к своим.*

Нарушение логики повествования в группе сравнения вызвано неадекватным толкованием смысла: *И она закричала по-голубятничьи, и голуби приняли ее к себе; Галочка услышала, что голуби голодные, и она перекрасилась в голубячий.*

В группе пациентов на уровне словоупотребления, как и у условно здоровых респондентов, обнаруживается неверная передача лексемы *голубятня* как *голубятник*, однако таких вариантов у пациентов меньше (2 случая против 2 в группе сравнения).

Способы передачи лексемы *по-галочки* в группе пациентов более разнообразнее, чем в группе сравнения: *закричала / запела по-галичьи; загалкала по-своему; не выдержала и гаркнула; заговорила по-галкски; галочным звуком издала; закричала, как галдят галки; она разоралась.*

Создается впечатление, что хорошая память позволяет условно здоровым респондентам точно воспроизводить сложные слова. Так, наречие *по-галочки*, которое вряд ли присутствует в речевом опыте респондентов, успешно воспроизвели 19 условно здоровых детей и только 9 юных пациентов.

На уровне лексики в группе пациентов, так же как и в группе сравнения, наблюдается антропоморфизм при передаче смысла глагола движения (6 случаев): *пошла / пришла к голубям / к своим / к себе / к ним*, а также при попытке передать смысл лексемы *по-галочки* (*заговорила по-галкски*) и фразы *голубей хорошо кормят* (*галка узнала, что воробьи зарабатывают много*).

У юных пациентов особую трудность вызвал достаточно редкий глагол *побелиться*. Если в группе сравнения этот глагол был воспроизведен в 15 случаях, то в группе пациентов он не был употреблен ни разу. Данное действие было передано посредством глаголов *покрасила, покрасилась, перекрасилась, перекрасила* (*перья / крылья*). Причем собственно белый цвет упомянут только в 14 ответах, в остальных случаях он или заменяется на другой цвет (*покрасила свои перья красным / в серый / перекрасила свои крылья в синий цвет / покрасилась голубым цветом / покрасила крылья в бело-коричневый*).

или опускается (*перекрасилась / сделала себе крылья / покрасила свои перья по-голубячьи*).

Создается впечатление, что в группе пациентов недостаток кратковременной памяти компенсируется смысловой памятью (для респондентов характерна тенденция — передать смысл, а не воспроизвести полностью текст) и, как следствие, достаточно развитой способностью перефразировать. К примеру, галка не просто *прилетела / пришла*, но *проникла в голубятню / хотела к ним перебраться*, а голуби демонстрируют сложные мыслительные процессы (*вычислили*).

Однако представляется, что в группе сравнения условно здоровые респонденты были более склонны наделять персонажей способностью принимать решения. Так, глагол *решишь*, отсутствующий в оригинальном тексте, встречается в группе сравнения 9 раз (*галка решила*), а в группе пациентов — всего 1 раз. При этом глагол *понимать*, связанный с мыслительной деятельностью, использованный в оригинальном тексте (*Голуби все поняли...*), воспроизводился в группе сравнения 13 раз, а в группе пациентов — 7. К другим глаголам, связанным с мыслительными операциями, можно отнести *признать* и *узнать*. *Признать* в группе сравнения встречается 15 раз, в группе пациентов — 14.

Интересно, что глагол *узнать* и пациенты, и условно здоровые подростки часто используют в качестве синонима для *услыхать* при передаче первого предложения *Галка услыхала...* В группе сравнения *узнать* возникает 10 раз в сочетании *Галка узнала...* и 21 раз — в предложениях, где подлежащим выступают голуби или сородичи галки. В группе пациентов действие *узнать* принадлежит подлежащему *галка* в 11 случаях, а голубям и т.д. — в 22 случаях. При этом в группе пациентов есть случаи, когда респондент путается в значении глагола *признать* = *признать за своего* и *признать* = *узнать*: ... *сделала себе крылья, пришла к голубям, они ее не признали. Она не выдержала и закричала*.

В группе пациентов аналогично тому, как белый цвет заменяется любым другим, голуби в двух случаях заменяются воробьями. Данный факт можно объяснить закономерностями запоминания, связанными с объемом памяти. Примечательно, что прием генерализации, при котором *галка* была обозначена как *птица*, встречается только 1 раз в группе сравнения.

В группе пациентов достаточно частотны случаи неверной интерпретации логических связей текста (4 случая): *Эти голуби ее не приняли. Она разоралась, и все сразу поняли и выгнали ее; Они ее не признали, потому что она была покрашена, как голубь, и тоже выгнали; Ну сначала галка прилетела к голубям, а голуби ее не узнали, и они ее приняли; Потом покрасилась голубым цветом, не выдержала, закричала, как галдят галки, потом пошла к себе, потом прилетели голуби, и те, и те оттуда выгнали*.

Трое респондентов из группы пациентов свели пересказ буквально к одному предложению, что свидетельствует, вероятно, о неспособности адекватно интерпретировать мораль басни: *Галка покрасила свои перья, и голуби ее не признали и выгнали прочь; Галка прилетела к голубям, и ей не понравилось общежитие с ними, и она улетела; Этот рассказ о том, что... как галка хотела побольше поест, но не выдержала. Ее узнали, вычислили, можно сказать, и она пошла к своим.*

Всего же в группе пациентов восьми респондентам не удалось закончить пересказ, или же они упустили важную деталь (что галка *побелилась*; что вторая группа птиц, не узнавших галку, состояла из ее сородичей и т.д.). В группе сравнения количество серьезных логических нарушений было немного меньше: всего шестеро условно здоровых подростков упустили вторую фазу конфликта или факт камуфляжа, потеряв, таким образом, в пересказе смысл басни. Данный факт можно объяснить возрастными особенностями развития мышления респондентов, которые, согласно Ж. Пиаже [19], находятся на стадии формальных операций (после 12 лет) и формирования абстрактного мышления. Полученные результаты исследования позволяют также убедительно говорить о развитии и особенностях эмоционального интеллекта детей, что проявляется в умении респондентов интерпретировать поступки героев, понимать инсказательный смысл басни.

Примечательно, что в группе пациентов, в отличие от группы сравнения, отмечается использование маркеров начала и конца повествования (*Этот рассказ о том, что... / Жила-была галка / Ну, значит, так / И всё, всем пока / Ну, и всё / Короче, чёт такое*). Данный факт объясняется закономерностями памяти, в частности «эффектом края», выявленным Г. Эббингаузом [20]. Согласно данной закономерности, лучше запоминаются элементы, которые находятся в начале и в конце. В группе пациентов также отмечен единственный случай попытки ввести в повествование прямую речь: *Голуби сначала, ну... а... выглядит как мы — значит, примем.*

Фонетика

На уровне фонетики обнаружена редукция безударной гласной в группе условно здоровых подростков: *Галка п^ебелилась и прилетела к голубям.*

Тест на продуктивную речь

Синтаксис

В спонтанной монологической речи, посвященной родному городу или Москве, реакции подростков из фокус-группы нельзя в полной мере назвать монологическими, так как интервьюеру приходилось

многократно стимулировать подростков, задавать наводящие вопросы и перефразировать их. В группе пациентов на одного реципиента пришлось в среднем 8,5 поощрительно-побудительных реплик и наводящих вопросов интервьюера, а в группе сравнения — в среднем 3,5 реплики интервьюера на одного респондента. Юные пациенты ограничивались односложными ответами на наводящие вопросы и поощрения: *Пациент (П): Ну... Там есть СитиМол. Врач (В): Так. П: Планета. В: Угу. П: Парк. В: Угу. Куда Вы обычно ходите гулять? П: В кино, театр. В: Так. А что еще там есть? П: Музей. В: А школа у тебя какая? П: Восемьдесят. В: Восемьдесят? Она рядом с домом находится? Далеко? Ты на автобусе ездишь в школу? П: Нет. В: Пешком ходишь? П: Да.* В этом плане ответы условно здоровых подростков были более развернутыми: если средняя длина одного предложения в группе пациентов была 6,8 слов, то в группе сравнения — 7,8.

По этой же причине группа пациентов продемонстрировала явную тенденцию к неполным предложениям: 104 случая против 72 в группе сравнения.

В группе условно здоровых подростков зафиксированы такие эпизоды аграмматизма, как пропуск глагольного сказуемого (*Я зачастую в конные клубы; У нас парки, а... торговые центры*), неправильный выбор падежа (*любим гулять на школьном дворУ*), проблемы с речевым оформлением сложных идей (*Там есть боевая техника, которая боевая, которая использовалась и была выставлена как презент наших прадедов и дедов; Томь — это наша река, которая большая, длинная, протекает почти везде*), опущение связок (*люди хорошие, добрые, не в других местах*), некорректная идиоматическая сочетаемость (*более приятный к душе*).

Случаев, когда смысл высказывания был бы непонятен, в группе условно здоровых подростков немного: *Э... у нас есть очень хорошие... не знаю... у нас есть Бульвар Строителей. У нас три или даже целых четыре, на одном у нас есть большая медведица белая...*

В группе пациентов зафиксированы случаи опущения пространственных или бытийных глаголов (*Получается, у нас есть аллея памяти, где герои (...) отечественной войны*).

Речь пациентов в целом более запутанная (*Там много достопримечательностей, и если в там... мое любимое занятие в Кузбассе, ой, Кемерово, это заниматься хоккеем*), с многократными самоисправлениями; заметны проблемы с экспликацией причинно-следственных связей: *Ну... наш город был поставлен на болоте. Поэтому... ну звучит Топки как бы, все говорят Топки. Хотя... Топки. Потому что было болото; Прокопьевск, он маленький, но мал..., но начинается как бы исчезать из-за того, то, что молодежь считает то, что там неприятно жить.*

Отмечена тенденция к фрагментарности, пропуск смысловых звеньев: *Ну, у нас город очень хороший в том плане, что здесь очень есть местности, в которых можно погулять, например, с ребенком... Те же парки, места, где просто можно развлечения какие-то... там, в кино сходить, это будет тоже какое-то... У нас хороших город, то, что много природы, свежий воздух и так далее.*

Пространственное описание у юных пациентов, как правило, вызывает трудности: *Она выглядит... площадь идет до конца прям. Тут забор... там внизу — Там, и там построены детские площадки, там стоит танк... Еще много площадок; Когда проходишь дальше, там есть скамейки, где... если пройти подальше, то там будут деревянные статуи... так... ночью там светится...*

В группе условно здоровых подростков зафиксировано 34 случая использования подчинительной связи в сложных предложениях, а в группе пациентов — 33.

Грамматика

В группе пациентов зафиксирован неправильный выбор падежа (*на администрации возле главпочтамта*), неправильное согласование прилагательного в атрибутивной функции (*у нас хороших город*), проблемы с глагольным управлением (*позаходить в некоторых магазинах*), наблюдается сложность с выбором падежа и образованием падежной формы личного местоимения, в результате чего предпочтение отдается наречию *там*: *Недавно у него... в него... там постро... в городе построили Ледовый дворец.*

Лексика

Проблема выбора правильного слова в группе пациентов отмечена циркулокутивными маркерами, характеризующими поиск нужного слова: *то есть, грубо говоря, там можно быстро врать; ну, как бы выразить... почти ничего такого нету; много... как назвать... улиц, где можно погулять.* Проблемы с подбором слов: *Ну построили... построили... сделали много турниров.* Наблюдаются и другие признаки аномии: *такие маленькие люди* (вместо молодые), *и уже там матерятся и пьют...*

На лексическом уровне отмечены случаи семантической вербальной парафразии: *каникулы **пробывать** на даче; то есть, грубо говоря, там можно быстро **врать** и всё.*

В целом общее количество слов во всех монологах группы пациентов было примерно на 13 % меньше, чем в группе сравнения. Среднее количество слов на один монолог составило 59 слов в группе пациентов и 68 — в группе условно здоровых подростков. При этом среднее количество уникальных словоформ в группе пациентов было 800 единиц, а в группе условно здоровых подростков — 740.

Фонетика

В группе пациентов у одного респондента отмечен ротацизм и параротацизм: *Я люблю гулять... гулять зимой с друзьями, напимер... например, в каких-то парках.*

Заключение

Таким образом, в ходе анализа результатов теста на репродуктивную монологическую речь (пересказ басни объемом в 47 слов) были выявлены общие особенности, которые характерны как для фокус-группы пациентов с ВПС, так и для группы сравнения, представленной условно здоровыми подростками:

- для части респондентов достаточно трудным оказалось адекватно интерпретировать мораль басни, что проявилось в неспособности закончить пересказ, или же они упустили важную деталь, например, вторую фазу конфликта или факт камуфляжа, потеряв, таким образом, в пересказе смысл басни;
- в обеих группах зафиксированы эпизоды аграмматизма, связанные с пропуском глагольного сказуемого, неправильным выбором падежа, числа, глагольного управления;
- тенденция к антропоморфизации персонажей;
- примерно одинаковое количество случаев использования подчинительной связи в сложных предложениях;
- избыточное использование указательного местоимения *то, что*;
- одинаковый перифраз глагола *услыхать* при помощи глагола *узнать*.

Специфические особенности проявляются в том, что для условно здоровых респондентов характерны:

- чувство стиля, выраженное, например, стилистически индуцированной инверсией;
 - высокая точность воспроизведения, в том числе сложных или редких слов;
 - меньшее количество уникальных слов, что является следствием предыдущего пункта;
 - основные случаи аграмматизма связаны с личными местоимениями;
 - наблюдается нарушение связности текста на уровне числа;
 - склонность наделять персонажей способностью принимать решения.
- Для группы пациентов характерны следующие особенности:
- склонность к перефразированию, вызванная трудностью с точным воспроизведением оригинального текста;
 - как результат — относительно большое количество уникальных слов;
 - случаи неверной интерпретации логических связей текста более частотны: 25 против 17 % в группе сравнения;

- замещение одних слов другими из того же класса, что, однако, ведет к искажению смысла: если заменить голубей на воробьев или белый на красный, синий и т.д., то ситуация с камуфляжем галки становится абсурдной;
- тенденция к свернутости текста: 35 слов в одном пересказе в среднем против 40 в группе сравнения, при этом 5 респондентов свели пересказ к 13–23 словам;
- использование маркеров начала и конца повествования.

В ходе анализа теста на продуктивную монологическую речь (рассказ о родном городе или Москве) пациенты с ВПС продемонстрировали следующую специфику относительно группы сравнения:

- речь более запутанная, с многократными самоисправлениями;
- тенденция к эллиптическим конструкциям и неполным предложениям (104 случая), что закономерно, учитывая, что на одну речь приходилось в среднем 8,5 побудительно-поощрительных реплик и наводящих вопросов интервьюера;
- заметны проблемы с экспликацией причинно-следственных связей и пространственных отношений;
- тенденция к фрагментарности и пропуску смысловых звеньев;
- использование циркумлокутивных маркеров в процессе подбора правильного слова;
- семантическая вербальная парафразия;
- ротацизм и параротацизм (единичный случай).

Можно сделать общий вывод, что аграмматизма как такового у детей с ВПС не обнаружено. Тест на репродуктивную речь показал определенные трудности с буквальным воспроизведением лексики и стиля, вероятно, связанные с проблемами с кратковременной памятью, которые компенсируются смысловой памятью. Особенно это касалось редких слов (*побелилась, по-галочки*). Хотя респондент помнит о наличии в сценарии определенных слотов и действий (у галки есть антагонисты — голуби и другие галки; галка побелилась), он заполняет эти слоты неверными аналогами (*воробьи, покрасилась в синий*), что ведет к искажению логики истории: галку не спутать с воробьем, люди не кормят воробьев, подкрасившейся в синий галке никак не сойти за свою в стае голубей и т.д. При этом общий процент респондентов, которые не справились с пересказом (25 %), не критично превышает данный процент в группе условно здоровых подростков (17 %). Трудности с кратковременной памятью и, как следствие, необходимость перефразировать изначальный текст ввиду невозможности воспроизвести его буквально привели к достаточно большому лексическому разнообразию по сравнению с группой сравнения.

Тест на продуктивную речь выявил у подростков с ВПС проблемы с порождением полных предложений, однако этот факт объясняется

скорее низкой инициативностью: неполные предложения, как правило, были ответами на наводящие вопросы интервьюера. Так, количество случаев использования подчинительной связи одинаково в обеих группах. Лексическая вариативность не меньше, чем в группе сравнения, а случаи аграмматизма также статистически незначительны. Сложилось впечатление, что условно здоровые подростки часто апеллировали к некоему прецедентному, образцовому тексту о родном городе, в то время как пациенты с ВПС были вынуждены строить высказывание «с нуля».

Хотя подросткам с ВПС требовалось больше времени, наводящие вопросы, повторное прочтение текста, серьезная степень выраженности аграмматизма по классификации К.В. Николаевой не отмечается.

Список литературы

1. Корчагина А.П. Типы речевых ошибок и принципы их классификации // Инновационная наука. 2016. № 5–3(17). С. 87–90. EDN: VWVYXX
2. Жулина Е.В., Лебедева И.В., Воронцова К.С. Синтаксические нарушения у детей с общим недоразвитием речи // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73–1. С. 141–144. EDN: CHWWUO
3. Макарова Н.В., Тарасенко Е.В. Грамматические ошибки у детей с нормальным и нарушенным речевым развитием // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26824> (дата обращения: 21.01.2024). EDN: ZQNIWZ
4. Меженцева Г.Н., Мартынова Н.В. Особенности операций словоизменения у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Мир педагогики и психологии. 2020. № 1(42). С. 32–37. EDN: EVFNAP
5. Кузнецова Д.А. Дети с нарушениями речи: особенности фонематического восприятия // Форум молодых ученых. 2021. № 5(57). С. 237–241. EDN: PXLWJZ
6. Новоторцева Н.В. Коррекционная педагогика и специальная психология: словарь. СПб. : КАРО, 2006. EDN: QVCCWV
7. Тимошина М.Н. Аграмматизмы в речи обучающихся начальной школы с ограниченными возможностями здоровья // Гуманитарные научные исследования. 2021. № 5(117). Режим доступа: URL: <https://human.snauka.ru/2021/05/45822> (дата обращения: 19.01.2024).
8. Баль Н.Н. Дифференцированный подход к преодолению аграмматизма у учащихся с тяжелыми нарушениями речи // Ученые записки факультета специального образования / под ред. С.Е. Гайдукевич, В.А. Шинкаренко, Н.В. Дроздовой. Мн. : БГПУ, 2016. С. 245–256. EDN: NPOCGP
9. Ковригина Л.В., Ельсукова Ю.Ю. Проявление грамматической системности в импресивной речи младших школьников с речевым дизонтогенезом // Вестник педагогических инноваций. 2020. № 4(60). С. 71–79. EDN: SARIGC
10. Гацко П.А. Специфика овладения грамматическим строем речи детьми среднего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Здоровьесберегающие и коррекционные технологии в современном образовательном пространстве: материалы международной научно-практической конференции. Магнитогорск : МГТУ, 2019. С. 192–194.
11. Тертичная А.А., Фуреева Е.П. Формирование грамматических конструкций у старших дошкольников с общим недоразвитием речи // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 9. С. 98–99. EDN: UHSAHP
12. Tetzloff K.A., Duffy J.R., Clark H.M., Utianski R.L., Strand E.A., Machulda M.M., et al. Progressive agrammatic aphasia without apraxia of speech as a distinct syndrome // Brain. 2019. № 142(8). P. 2466–2482. <https://doi.org/10.1093/brain/awz157>

13. Fourdain S., St-Denis A., Harvey J.A., Birca A., Carmant L., Gallagher A., et al. Language development in children with congenital heart disease aged 12–24 months // *European Journal of Paediatric Neurology*. 2019. № 23(3). P. 491–499. <https://doi.org/10.1016/j.ejpn.2019.03.002>
14. Thompson C.K., Walenski M., Chen Y., Caplan D., Kiran S., Rapp B., et al. Intrahemispheric perfusion in chronic stroke-induced aphasia // *Neural Plasticity*. 2017. № 1. <https://doi.org/10.1155/2017/2361691>
15. Mulia A.D., Rohmani N.I. Broca aphasia language impairment in Sarah Scott's YouTube channel // *Jurnal Basis*. 2021. № 8(2). P. 239–250. <https://doi.org/10.33884/basisupb.v8i2.4462>
16. Siriboonpipattana W., Nickels L., Bastiaanse R. Characteristics of Thai agrammatic speech // *Aphasiology*. 2022. № 36(8). P. 962–981. <https://doi.org/10.1080/02687038.2021.1924356>
17. Collée E., Vincent A., Visch-Brink E., De Witte E., Dirven C., Satoer D. Localization patterns of speech and language errors during awake brain surgery: a systematic review // *Neurosurgical Review*. 2023. № 46(1). <https://doi.org/10.1007/s10143-022-01943-9>
18. Фотекова Т.А., Ахутина Т.В. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов. М. : АРКТИ, 2002. EDN: QRVENB
19. Пиаже Ж. Психология интеллекта. М. : Питер, 2003.
20. Эббингауз Г. Основы психологии. СПб. : Общественная польза, 1912.
21. Николаева К.В. Современные подходы к дифференциации видов и степеней аграмматизма // *Фундаментальные научно-практические исследования: актуальные тенденции и инновации: материалы XXVIII Международной научно-практической конференции. Анапа : НИЦ ЭСП, 2022. С. 16–21.*

References

1. Korchagina, A.P. (2016). Types of speech errors and principles of their classification. *Innovation Science*, 5–3(17), 87–90. (In Russ.). EDN: VWVYXX
2. Zhulina, E.V., Lebedeva, I.V., & Vorontsova, K.S. (2021). Syntactic disorders in children with general speech underdevelopment. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, (73–1), 141–144. (In Russ.). EDN: CHWWUO
3. Makarova, N.V., & Tarasenko, E.V. (2017). Grammatical errors in children with normal and impaired speech development. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26824> (accessed: 19.01.2024). (In Russ.). EDN: ZQNIWZ
4. Mezhtentseva, G.N., & Martynova, N.V. (2020). Features of inflection operations in preschool children with general speech underdevelopment. *Mir pedagogiki i psikhologii*, 1(42), 32–37. (In Russ.). EDN: EVFHAP
5. Kuznetsova, D.A. (2021). Children with speech impairments: features of phonematic perception. *Forum molodykh uchenykh*, 5(57), 237–241. (In Russ.). EDN: PXLWJZ
6. Novotortseva, N.V. (2006). *Correctional pedagogy and special psychology: dictionary*. Saint Petersburg: KARO. (In Russ.). EDN: QVCCWV
7. Timoshina, M.N. (2021). Agrammatisms in the speech of primary school students with disabilities. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 5(117). URL: <https://human.snauka.ru/2021/05/45822> (accessed: 19.01.2024). (In Russ.).
8. Bal, N.N. (2016). A differentiated approach to overcoming agrammatism in students with severe speech impairments. In: *Scientific notes of the faculty of special education* (pp. 245–256). Minsk: BSPU. (In Russ.). EDN: NPOCGP
9. Kovrigina, L.V., & Yelsukova, Yu.Yu. (2020). Manifestation of the grammatic system in the impressive speech of junior schools with speech dysontogenesis. *Journal of Pedagogical Innovations*, 4(60), 71–79. (In Russ.). EDN: SARIGC
10. Gacko, P.A. (2019). Specifics of mastery of grammatical structure of speech by children of middle pre-school age with general underdevelopment of speech. In: *Health-saving and correctional technologies in the modern educational space: materials of the International scientific-practical conference* (pp. 192–194). Magnitogorsk: NMSTU. (In Russ.).

11. Tertichnaya, A.A., & Fureeva, E.P. (2020). Formation of grammatical structures in older preschoolers with general speech underdevelopment. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*, (9), 98–99. (In Russ.).
12. Tetzloff, K.A., Duffy, J.R., Clark, H.M., Utianski, R.L., Strand, E.A., Machulda, M.M., et al. (2019). Progressive agrammatic aphasia without apraxia of speech as a distinct syndrome. *Brain*, 142(8), 2466–2482. <https://doi.org/10.1093/brain/awz157>
13. Fourdain, S., St-Denis, A., Harvey, J.A., Birca, A., Carmant, L., Gallagher, A., et al. (2019). Language development in children with congenital heart disease aged 12–24 months. *European Journal of Paediatric Neurology*, 23(3), 491–499. <https://doi.org/10.1016/j.ejpn.2019.03.002>
14. Thompson, C.K., Walenski, M., Chen, Y., Caplan, D., Kiran, S., Rapp, B., et al. (2017). Intrahemispheric perfusion in chronic stroke-induced aphasia. *Neural Plasticity*, 1. <https://doi.org/10.1155/2017/2361691>
15. Mulia, A.D., & Rohmani, N.I. (2021). Broca aphasia language impairment in Sarah Scott's YouTube channel. *Jurnal Basis*, 8(2), 239–250. <https://doi.org/10.33884/basisupb.v8i2.4462>
16. Siriboonpipattana, W., Nickels, L., & Bastiaanse, R. (2022). Characteristics of Thai agrammatic speech. *Aphasiology*, 36(8), 962–981. <https://doi.org/10.1080/02687038.2021.1924356>
17. Collée, E., Vincent, A., Visch-Brink, E., De Witte, E., Dirven, C., & Satoer, D. (2023). Localization patterns of speech and language errors during awake brain surgery: a systematic review. *Neurosurgical Review*, 46(1). <https://doi.org/10.1007/s10143-022-01943-9>
18. Fotekova, T.A., & Akhutina, T.V. (2002). *Diagnostics of speech disorders in schoolchildren using neuropsychological methods*. Moscow: ARKTI. (In Russ.). EDN: QRVENB
19. Piaget, J. (2003). *The psychology of intelligence*. Moscow: Piter. (In Russ.).
20. Ebbinghaus, H. (1912). *Basics of psychology*. Saint Petersburg: Obshchestvennaya polza. (In Russ.).
21. Nikolaeva, K.V. (2022). Modern approaches to the differentiation of types and degrees of agrammatism. In: *Fundamental scientific and practical research: current trends and innovations: materials of the XXVIII International scientific and practical conference* (pp. 16–21). Anapa: RC ESP. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории органопротекции у детей с врожденными пороками сердца отдела хирургии сердца и сосудов, Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, Сосновый б-р, д. 6); заведующий кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин Института образования, Кемеровский государственный университет (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6); *научные интересы*: психолингвистика, когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, прагмалингвистика, семиотика; *e-mail*: russia_science@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8146-9721, SPIN-код: 9659-7646, AuthorID: 336440.

Рабкина Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и лингвистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6); *научные интересы*: психолингвистика, когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, прагмалингвистика, семиотика; *e-mail*: nrabkina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6623-6679, SPIN-код: 5166-3567, AuthorID: 538631.

Жданова Светлана Юрьевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития философско-социологического факультета, Пермский го-

сударственный национальный исследовательский университет (614068, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15); *научные интересы*: психология познания индивидуальности человека; *e-mail*: svetlanaur@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5496-0531, SPIN-код: 2696-8066, AuthorID: 77031.

Румянцева Александра Александровна, кандидат медицинских наук, врач, детский кардиолог отделения кардиохирургии № 2, Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, Сосновый б-р, д. 6); *e-mail*: Aleksandra_1505@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1352-2591; eLIBRARY SPIN-код: 6274-5698.

Information about the authors:

Veronika A. Kameneva, Dr.Sc. (Philology), Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Organoprotection in Children with Congenital Heart Diseases of the Heart and Vascular Surgery Department of the Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases (6, Sosnovy Boulevard, Kemerovo, Russian Federation, 650000); Head of the Department of Theory and Methodology of Teaching Humanities, Institute of Education, Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, Russian Federation, 650000); *Research interests*: psycholinguistics, cognitive linguistics, discourse analysis, pragmalinguistics, semiotics; *e-mail*: russia_science@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8146-9721, SPIN-code: 9659-7646, AuthorID: 336440.

Nadezda V. Rabkina, PhD in Philology, Associated Professor of the Department of Translation Studies and Linguistics, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, Russian Federation, 650000); *Research interests*: psycholinguistics, cognitive linguistics, discourse analysis, pragmalinguistics, semiotics; *e-mail*: nrabkina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6623-6679, SPIN- code: 5166–3567, AuthorID: 538631.

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr. Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology of Development, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University (15, Bukirev St., Perm, Russian Federation, 614068); *Research interests*: psychology of cognition of human individuality; *e-mail*: svetlanaur@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5496-0531; SPIN-code: 2696-8066, AuthorID: 77031.

Aleksandra A. Rumiantseva, PhD in Medical Sciences, pediatric cardiologist, cardiosurgery department № 2, (Head of the Department of Theory and Methodology of Teaching Humanities), Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases; (6, Sosnovy Boulevard, Kemerovo, Russian Federation, 650000); *e-mail*: Aleksandra_1505@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1352-2591; SPIN-code: 6274-5698, AuthorID: 1185389.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-219-239

EDN: CSUOSR

УДК 811.161.1'276.1:316.7

Научная статья / Research article

Искажение социального идеала русской языковой личности конца XVIII — начала XX в. и его последствия

В.М. Шаклеин  , А.А. Соколовская

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 vmshaklein@bk.ru

Аннотация. Выявляются причины сложившегося к XVIII в. русского традиционного социального идеала языковой личности европейца той эпохи и внутренние механизмы деформации и искажения этого социального идеала в конце XVIII — начале XIX в., что происходило, главным образом, в среде дворянской творческой интеллигенции, т.е. в литературных кругах. Именно тогда русская литература стала выполнять не только функции развития русского языка, разработки и укоренения в сознании народа исторической концепции России, но и дезориентации русской языковой личности в ее приоритетах и персонифицированных примерах развития. Данная роль, которую сыграла русская литература в истории России, характеризуется как деструктивная, способствовавшая искажению адекватного социального идеала языковой личности. Выявленный процесс расценивается в качестве внутренней российской проблемы, ни в коей мере не привнесенной извне. Причины его коренятся в географической и ментальной отдаленности русского дворянского сословия от главного цивилизационного центра того времени — Европы. В статье прослеживается дальнейшая эволюция процесса искажения социального идеала русской языковой личности на протяжении всего XIX и в начале XX века. С этой целью анализируется язык не только либеральной дворянской творческой интеллигенции, но и разночинцев, а также поэтов, вышедших из среды революционеров-террористов. В статье формируется историческая концепция неделимого единства развития социального идеала русской языковой личности на протяжении конца XVIII — начала XXI вв., утверждается внутренняя, внутринациональная природа происходившего процесса и его последствий.

Ключевые слова: семантика, ассоциативный эксперимент, экстралингвистические факторы

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 29.11.2024; дата приёма в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Шаклеин В.М., Соколовская А.А. Искажение социального идеала русской языковой личности конца XVIII — начала XX в. и его последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 219–239. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-219-239>

© Шаклеин В.М., Соколовская А.А., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Distortion of the Social Ideal of the Russian Linguistic Personality in the Late XVIII — Early XX Century and Its Consequences

Victor M. Shaklein  , Alena A. Sokolovskaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 vmshaklein@bk.ru

Abstract. The Russian linguistic personality, due to geographical and limited communication conditions, developed mainly in relative isolation. The article is devoted to the development of a new problem for Russian linguoculturology — the process of distortion of the social ideal of the Russian linguistic personality of the end of the XVIII — beginning of the XX century and its consequences. The article investigates the Russian traditional social ideal of linguistic personality, which had been formed by the XVIII century and in general corresponded to the social ideal of linguistic personality of the European of that epoch. The reasons and internal mechanisms of deformation and distortion of this social ideal in the late XVIII — early XIX century are revealed, which took place mainly among the noble creative intelligentsia, i.e. in literary circles. It was then that Russian literature began to fulfill not only the functions of developing the Russian language, developing and rooting in the people's consciousness the historical concept of Russia, but also disorienting the Russian linguistic personality in its priorities and personified examples of development. This role played by Russian literature in the history of Russia is labeled in the article as destructive, contributing to the distortion of the adequate social ideal of the linguistic personality. The identified process is regarded as an internal Russian problem, in no way brought in from outside. Its causes are rooted in the geographical and mental remoteness of the Russian nobility from the main civilizational center of that time — Europe. The article traces the further evolution of the process of distortion of the social ideal of the Russian linguistic personality throughout the nineteenth and early twentieth centuries. For this purpose, the language of not only the liberal noble creative intelligentsia, but also the Dissenters, as well as poets who came from the milieu of revolutionary terrorists is analyzed. The article bridges from the cultural and linguistic processes of the nineteenth century to the twentieth and twenty-first centuries. Thus the historical concept of indivisible unity of development of social ideal of Russian linguistic personality during the end of XVIII and the beginning of XXI centuries is formed, the internal, intra-national nature of the process and its consequences is asserted.

Keywords: semantics, associative experiment, extralinguistic factors

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 29.11.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Shaklein, V.M., & Sokolovskaya, A.A. (2025). The Distortion of the Social Ideal of the Russian Linguistic Personality in the Late XVIII — Early XX Century and Its Consequences. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 219–239. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-219-239>

Введение

Историко-культурное развитие России и русского языка как основного поля, отражающего культурные процессы, вызывает некоторые вопросы. Главный и наиболее проблемный из них заключается в том, какую роль сыграла русская литература в смене вектора национального развития, в формировании в обществе антигосударственных, революционных и антирелигиозных

настроений, в превращении этих настроений в устойчивую историческую тенденцию, приведшую в конечном итоге к Октябрьской революции и Гражданской войне. Анализ данного вопроса и ответ на него чрезвычайно актуален для современной оценки гуманитарной деятельности в стране в целом, а также для прогнозирования возможных негативных последствий в случае возникновения деструктивных тенденций в этой деятельности.

Научная новизна исследования заключается не только в самой постановке вопроса о роли русской литературы в истории русской лингвокультуры, вернее, деструктивной части этой сыгранной роли, но и в ответе на этот вопрос в виде анализа процесса искажения социального идеала русской языковой личности. Также в исследовании впервые в отечественной науке прослеживается эволюция процесса искажения социального идеала русской языковой личности — от первых признаков данного процесса до его полного разворота и последствий в русской лингвокультуре.

Теоретическая значимость исследования восходит к выявлению роли социального идеала языковой личности в истории развития практически любой нации, любой страны. Делается вывод о том, что народ в своем историческом развитии может преодолеть практически любые возникающие проблемы и сложности. Главное, чтобы народ ставил перед собой адекватные цели развития, чтобы языковая личность типичного представителя этого народа имела персонифицированный социальный идеал. При отсутствии такого идеала, или при его искажении, никакие изначально выгодные условия не приведут народ к процветанию, а напротив, будут способствовать его упадку.

Целью исследования стало выявление процесса искажения социального идеала русской языковой личности конца XVIII — начала XX в. и его последствий. В число задач исследования вошло решение ряда проблем, связанных с определением сформировавшегося в XVIII в. адекватного социального идеала языковой личности, определение начала его деструкции, искажения и дальнейшее развитие этого процесса, вплоть до начала XX века. Объектом исследования послужил социальный идеал русской языковой личности. Предметом исследования — процесс искажения этого социального идеала, происходивший, главным образом, в поле русской литературы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности критического подхода к некоторым устоявшимся концепциям роли русской литературы в истории отечественной лингвокультуры. Материалы статьи возможно использовать при анализе произведений русской литературы и культурно-языковых процессов на занятиях со студентами-филологами.

Методы и материалы

Основным материалом исследования послужили произведения русской литературы XIX — начала XX в. В их число вошли произведения поэтов-декабристов, А.С. Пушкина, поэтов и писателей-разночинцев, поэтов из числа

членов революционных и террористических организаций. В ходе работы использовались методы лингвистического, исторического, культурологического, текстологического и типологического анализа. В качестве методологической базы были привлечены работы таких исследователей, как С.Ф. Хантингтон (2003), П.А. Кропоткин (2018), Э.К. Виртшафтер (2002), П.П. Гайдено (2001), Р. Грищенкова (2015), В.Р. Лейкина-Свирская (1971), В.М. Маркович (1982), Т.И. Печерская (1999), В.М. Солнцев (1971), Н.А. Троицков (1996), А. Балатаев (2000).

Результаты

В XVIII в. в русской лингвокультуре сформировался адекватный социальный идеал русской языковой личности, предполагавший широкими слоями народа, включая дворянство, осознание в качестве персонифицированных образцов развития ряд успешных фигур, представлявших собой сподвижников царя Петра I. Это изначально были люди разных чинов, званий и даже национальностей.

Однако уже с конца XVIII в. в среде русского дворянства стало развиваться весьма далекое от реальности восприятие окружающего мира. Отдаление от народа, стремление приблизиться к европейской культуре, при неверном понимании сущности этой культуры, дало начало сложению в дворянской среде искаженного социального идеала языковой личности. Идеологической основой подобного рода социального идеала стала личность литератора, миропонимание романтически настроенного поэта, его отстраненность от естественного стремления к материальному благополучию и категорическое неприятие государственных управленческих структур.

На протяжении XIX в. наблюдалось развитие искаженного социального идеала. Если сначала процесс затрагивал лишь слои элитарного дворянства, то уже к середине XIX в. он стал характерной чертой так называемых разночинцев, к концу века — и самых широких кругов русского общества, включая представителей буржуазии и рабочего класса. Именно искаженный социальный идеал русской языковой личности в существенной степени стал первопричиной развития революционных и террористических движений, а в итоге революции и Гражданской войны. Объективная оценка сущности и роли социального идеала языковой личности в истории России служит неперенным условием анализа и оценки происходящих сдвигов в ментальности современного российского общества, а как частность — в оценке той роли, которую сыграла русская литература в формировании и развитии русской языковой личности в период с конца XVIII в. по наши дни. В современной лингвокультурной ситуации следует отметить изменение вектора развития социального идеала русской языковой личности.

Обсуждение

Формирование социального идеала русской языковой личности XVIII в.

Согласно общей установке современной философии общества, социальный идеал представляет собой образ некоего совершенного общественно-го устройства [1]. Он отражает самые важные ценности конкретного общества [2; 3]. Однако эта философская формула слишком абстрактна и, поэтому, мало значима для индивида, представляющего собой типичную для конкретной культуры языковую личность, мыслящую стереотипами и понятными ей концептами. Именно поэтому, в современной лингвистике, направленной на изучение отражения культурных явлений в языке, возникло понятие «Personification of the social ideal» (персонификация социального идеала), под которым понимается языковая личность, образ абстрактного человека, социального типажа, на который равняется подавляющее количество членов данного конкретного общества в своей речи и культурных действиях, от самых успешных до маргиналов [4. Р. 92].

В рамках западных обществ на протяжении веков образы персонифицированного социального идеала формировались вокруг ряда концептов, представляющих успешную языковую личность, добившуюся того, о чем мечтает любой член общества. Это такие концепты, как *owner*, *entrepreneur*, *proprietor*, *millionaire* (хозяин, предприниматель, владелец, миллионер). Характерно, что в Оксфордском словаре английского языка подобная лексика отмечается специальными оценочными пометами, подчеркивающими ее цивилизационную значимость для языковой личности типичного англичанина [5].

Неизменной мечтой западной языковой личности традиционно выступали, как минимум, личная материальная обеспеченность, как максимум, богатство, возвышающее его над другими членами общества. Концептуально в языке это отражалось в ряде лексем, смысл которых сводился к следующему ряду: деньги, золото, доход, успех, независимость. Именно поэтому в глазах общества в качестве персонифицированных социальных идеалов выступали конкретные люди, сумевшие монетизировать свой правильный жизненный путь. При этом сам по себе этот путь не имел значения. Важен был результат. Человек мог добиться богатства разными путями. Он мог, начав с малого, развить крупное дело. Он мог стать популярным политиком, артистом, что принесло ему богатство. Вместе с тем он мог найти золотую жилу или ограбить банк. Главное состояло в том, что он в конечном итоге мог купить себе не только материальные блага, но и других членов общества.

Более того, если человек заработал свое состояние где-нибудь в колониях, как само собой разумеющееся предполагалось, что этот человек нарушал правила, принятые в метрополии. Слово *экспансия* употреблялось в отношении

монархов. В отношении же граждан, не облеченных столь почетными властными возможностями, употребляли слово *добыча*. Аморальное в колониях считалось нормой. По этому поводу лорд Пелмерстон, бывший персонифицированным воплощением социального идеала, писал: «По справедливости европейцев, территория и все, что есть на ней, должны принадлежать не тому, кто исторически здесь живет, а тому, кто более цивилизован» [6. Р. 64].

Подобного рода социальный идеал часто подвергался критике внутри самой западной цивилизации, но это была позиция, главным образом, газетчиков и политиков, эксплуатировавших морализаторские идеи, явно не входившие в основания социального идеала западной языковой личности. Мыслители растущей Российской империи к такого рода морализаторам не присоединялись. Уже в XIX в. и позже западная цивилизация стала оцениваться исследователями с двойственных позиций — как цивилизация, породившая великую культуру, науку, технологии, социальную и правовую систему, позволяющую практически всем членам общества вести достойную жизнь, и как цивилизация, характеризующаяся другим лексическим рядом: *экспансия, колониализм, рабство, грабеж, ссудный процент* [7].

Эта двойственность, однако же, дает критикам западного социального идеала весьма шаткие основания для далеко идущих выводов. Так, социальные идеалы иных цивилизаций, замкнувшихся в собственных идеях и ценностях, вели чаще всего к плачевным для национальной языковой личности результатам. Например, буддийская цивилизация, до хотя бы частичного перехода к западному идеалу, воспитывала языковую личность, ищущую миры внутри себя, отрицающую ценность материальных благ. Цивилизации Центральной Африки, как и цивилизации кочевников Центральной Азии, охотников и собирателей Океании, цивилизации индейцев Северной Америки, по С. Хантингтону, не приняли технократическое развитие в качестве составляющей социального идеала, а поэтому изначально погружали национальные общества в дикость и бедность¹. В результате итог развития целого ряда мировых цивилизаций по своим результатам выглядел весьма неприглядно, в сравнении с цивилизацией Запада. Соответственно, социальный идеал западной языковой личности объективно выигрывает на фоне любых незападных аналогов.

Практика показывает, что абсолютного, непогрешимого социального идеала, ведущего языковую личность по пути безукоризненного развития, не выработала ни одна культура. Однако, памятуя о всех крайностях и несовершенствах западного социального идеала, его следует признать, образно выражаясь, здоровым, ведущим общество по пути технического прогресса

¹ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций [Пер. с англ. Ю. Новикова]. М. ; СПб. : АСТ, 2003.

и материальной обеспеченности, предполагающим развитие институтов независимого суда и гражданского права.

Все это представляет интерес в связи с оценкой весьма значимого периода развития социального идеала русской цивилизации, который условно можно ограничить XIX и началом XX в. Проводя свои реформы, русский император Петр I видел Россию, идущую по пути европейского развития; к концу XVIII в. Россия и внешне, и внутренне, с точки зрения институтов управления, образования и главного (технократического) вектора развития, встала на путь формирования здорового социального идеала.

Персонифицированно вершиной социального идеала России XVIII века стали разночинные сподвижники Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины II, добившиеся головокружительного успеха, чинов, наград, богатства, показывая преданность императорам и незаурядные способности в управлении. Это были такие персоны, как Александр Меншиков, Франц Лефорт, Андрей Остерман, Борис Шереметьев, Григорий Потемкин, Александр Суворов, братья Орловы, Екатерина Дашкова и многие другие. Фигурами второго ряда стали такие купцы и промышленники, как Никита Демидов, Алексей Бахрушин, Федор Мамонтов, Василий Щукин, Иван Перлов и др. Многие из этих персон изначально не имели дворянского достоинства, многие прибыли из-за рубежа и поступили на русскую службу, многие представляли социальные страты мелких торговцев, рабочих, крестьян. Тем не менее, своим умом, бесстрашием, а порой и хитростью, они сумели войти в элиту Российской империи, стать богатейшими людьми страны.

Именно эти люди своим примером сформировали новый для России социальный идеал, пришедший на смену князьям и боярам, главным достоинством которых была принадлежность к богатому древнему роду. Конечно, новый социальный идеал во многом опирался на умение построить отношения с монархом, но по своей сути это уже был европейский социальный идеал, соответствовавший своему времени. Таким образом, в XVIII в. в России сформировался здоровый социальный идеал, который стал ориентиром для русской национальной языковой личности. Казалось, этот социальный идеал как маяк, вектор, указатель движения, несмотря на традиционную техническую отсталость и крепостное право, обеспечивал стране развитие в лоне европейской цивилизации. Однако постепенно произошло искажение сформированного в XVIII в. социального идеала.

Начала и признаки искажения социального идеала русской языковой личности XVIII в.

XVIII век в России, как известно, был назван золотым веком дворянства. С материальной точки зрения русское дворянство, особенно высшая его страта, получила практически неограниченный доступ к ресурсам. Дворянству принадлежали земли, недра, население, а главное — власть. При этом к концу

века, когда время самородков и сподвижников императоров прошло, дворяне получали все это по праву рождения, не прилагая к этому особых усилий.

Одновременно в дворянской среде мода на все европейское стала образом жизни. Дворянский класс настолько глубоко вошел в галломанию, что его представители все русское в себе считали лишь казусом судьбы. Французский быт, французские моды и французский язык на фоне безмятежного существования стали основой формирования особого типа языковой личности — личности русского дворянина, считавшего себя исконным европейцем и сторонившемся всего национального: народа и его традиционных особенностей, государства и его традиционной системой управления. Примером может быть фраза героя комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир», изданной в 1883 г.: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской», перед текстом пьесы — нами образец речи молодого русского дворянина конца XVIII в.:

*...Сын его, в **дезабилье**, кобеняся, пьет чай.*

*Сын: Матушка, довольно видеть вас с батюшкою, чтоб получить совершенную **аверсию** к женитьбе.*

*Советница: Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я **капabelьна** с тобою развестись, ежели ты еще меня так шепетить станешь.*

*Советница: Черт меня возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне. В городе по крайней мере изорвала я одну на **напильоты**.*

*Сын: **J'en suis d'accord**, на что грамматика! Я сам писывал тысячу **бильеду**, и мне кажется, что свет мой, душа моя, **adieu, ta reine** можно сказать, не заглядывая в грамматику.*

*Сын: Пожалуй, говори, что изволишь. Я **индиферан** во всем том, что надлежит до моего отца и матери.*

В приселенном отрывке используется лексика французского происхождения: **дезабилье** — домашнее утреннее платье, от фр. *deshabillé*; **аверсию** — отвращение, от фр. *aversion*; **капabelьна** — искаженное французское слово *sarable*, т.е. способна; **напильоты** — бумага для подачи блюд от фр. *rapillote* — бумажная обертка; **j'en suis d'accord** — фр. я с вами согласен; **adieu, ta reine** — фр. прощайте, моя королева. Автор, Д.И. Фонвизин, не был безусловным франкофилом, хотя, конечно, был сыном своего времени.

В 70-х годах XX в. как направление языкознания развивалась лингво-имагология, изучавшая отражение образа одного народа или страны в языке другого народа. Руководил направлением В.М. Солнцев, привлекавшая к исследованиям материалы русской литературы; он писал, что процесс отражения в языке одного народа культуры другого народа имеет оценочный компонент. Анализируя образ Иванушки в «Бригадире» и личность Фонвизина исследователь, вслед за Пушкиным (который считал Фонвизина истинно русским человеком — «...не фон Визин, а Фонвизин, потому что он русский-перерусский» [9. С. 76]), отмечал, что и Фонвизин,

и его герой Иванушка представляют собой типажи русских дворян конца XVIII века. «Они воспитывались в псевдо-французской, идеализированной, культуре, общались на французском. Русский язык им был нужен лишь для общения с представителями простого народа и старшего поколения. Но от этого они не становились французами, хотя нередко считали себя таковыми» [9. С. 77].

В описании Парижа в текстах писем Д.И. Фонвизина возникает ряд, казалось бы, несовместимых в языке рафинированного дворянина понятий — *великий, целый мир, искусство, варварство, бедность, грязь, вонь, свиной хлев, казни*. В данном случае необходимо отметить, что Д.И. Фонвизин путешествовал по Франции в разгар постреволюционных событий; частотно употребляемыми словами в то время во французском языке были — *tribunal* ‘трибунал’, *jugement* ‘приговор’, *exécution* ‘казнь’, *écartelage* ‘четвертование’, *guillotine* ‘гильотина’. Д.И. Фонвизин писал: «Париж отнюдь не город; его поистине назвать должно целым миром... Нет шагу, где б не находил я чего-нибудь совершенно хорошего, всегда, однако ж, возле совершенно дурного и варварского... Увидишь здание прекрасное и верх искусства человеческого, а подле него какой-нибудь госпиталь для дурных болезней; словом, то, что мы называем убогий дом, здесь среди города. Народ, впрочем, в крайней бедности и питается, можно сказать, одною *industrie* [ловкостью]. Зато здесь почти всякий день вешают и колесуют... Сам Париж немножко почище свиного хлева. Я вам наскучил уже описанием нечистоты града сего; но истинно, я так сердит на его жителей, что теперь рад их за то бранить от всего сердца. С крыльца сойдя, надобно тотчас нос зажать. Мудрено ли, что здесь делают столько благоуханных вод: да без них бы, я думаю, все задохлись»².

Нетрудно предположить, насколько герой комедии Д.И. Фонвизина в действительности был французом. Несомненно, он говорил, по-французски, особенно в среде своих сверстников, русский язык ему был нужен лишь для общения со слугами и с поколением своих отцов и дедов. Однако он мало знал о реальной французской жизни в период революции 1879 г. и после нее. Франция той поры была разорена, ее армия и флот вели тяжелые колониальные войны, страна переживала блокаду со стороны Англии, жизнь сопровождалась лишениями и голодом³. Концептуальная лексика, отражавшая революционные воззвания к свободе, равенству и братству (*liberté, égalité, fraternité*) на фоне массовых убийств, грабежей, разгула преступности и экономического коллапса быстро ушла

² Фонвизин Д.И. Письма из второго заграничного путешествия (1777–1778) / Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.–Л.: Главное издательство художественной литературы, 1959. С. 437–439.

³ Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция. М.: Государственное издательство политической литературы, 2018.

из языка простых людей⁴. Революция утратила свою привлекательность именно в глазах французов, но не в глазах русского дворянства, которое с конца XVIII века начало впадать в социальные иллюзии. На этом фоне начал формироваться особый тип языковой личности — романтически настроенного русского дворянина-революционера, жаждущего перемен в собственном государстве, вплоть до его разрушения и падения традиционных форм управления. Именно этот тип языковой личности — образованный, молодой, богатый, одухотворенный, внешне привлекательный дворянин — принимается за основу идеального образа человека, в основу нового, зарождающегося русского социального идеала.

Во вступительной статье к сборнику стихотворений русских поэтов Ю.М. Лотман отмечает, что рубеж XVIII — XIX веков был знаковым, переломным для русской культуры. Еще не так явно, но вполне ощутимо, на первый план в языке поэтов выходит слово «свобода» (*liberté*). «Что это за свобода, свобода для чего, для кого — не совсем было ясно. Речь не шла о свободе для народа. Скорее всего, это была свобода для образованных дворян, жаждавших вырваться из статуса подданных и перейти в разряд свободных личностей — граждан» [9. С. 4]. Наряду с лексемой «свобода» языковую личность дворянина-поэта дополняло слово «конституция» (*constitution*), предполагавшая отмену воли монаршего лица как проявления наивысшего закона и право жить на выдуманный «французский манер» [9. С. 7].

Добавим к словам Ю.М. Лотмана, что жаждавшие назвать себя гражданами русские поэты-дворяне ни в коей мере не думали о том, что в основе их материального благополучия лежат их земельные имения и труд крепостных крестьян в этих имениях, а также труд монарха, аппарата чиновников, полиции, армии, священнослужителей, охранявших сложившиеся отношения между классом дворян и классом крестьян. Поэты-дворяне рубежа XVIII — XIX вв. не обращали внимания на то, что первыми пострадавшими от Великой французской буржуазной революции стали именно монаршая семья и многочисленная аристократия, что парижская гильотина на площади Короля Людовика XV в годы революции редко стояла без дела, что именно они, представители высшего дворянского общества, пали бы жертвой революции, которую они уже тогда начали готовить в России.

Скорее всего, имевшие опыт подавления народных бунтов чиновники понимали опасность зарождающихся революционных идей. Но поэты-дворяне рубежа XVIII — XIX вв. поддерживали идею жертвы во благо социальных преобразований; сформировавшийся в обществе соответствующий социальный идеал оказывал воздействие на сознание поколения:

⁴ Кропоткин П.А. Великая Французская Революция 1789–1793. М.: Наука, 2018.

*Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?*

К.Ф. Рылеев

Определенным этапом в утверждении нового социального идеала русской языковой личности стало восстание декабристов 1825 г. Идейными вдохновителями восстания явились поэты-дворяне, представлявшие собой наиболее привлекательный образец языковой личности, духовным предводителем которых стал К.Ф. Рылеев, отставной офицер гвардии, председатель Русско-Американского торгового общества, землевладелец, обладавший немалым состоянием.

Основным концептом стихов К.Ф. Рылеева стала лексема *свобода* с сопровождающим концептуальным полем: *гражданин, тиран, битва, враги, восстание, кипящая душа, роковое время* и т.п. В этом же концептуальном поле работали и менее известные, поэты-декабристы — В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский, Ф.Н. Глинка, П.А. Катенин, А.А. Бестужев, Н.А. Чижов и мн. др. За годы подготовки восстания были сочинены тысячи произведений, основной идеей которых стало свержение монархического строя, утверждение лозунгов Великой французской буржуазной революции.

В рамках данного концептуального поля работал и А.С. Пушкин. Наиболее известным его произведением этого ряда стала ода «Вольность», где поэт, обращаясь к событиям Французской революции, оправдывал казнь Людовика XVI, его жены, а также призывал к всемирному восстанию против монархов-тиранов:

*Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!*

Однако, как уже было отмечено В.С. Мейлахом, великий русский поэт пошел существенно дальше своих идейных единомышленников и впервые в русской истории представил образ поэта в качестве верховного морального судьи, выносящего оправдательный вердикт убийцам тирана — Павла I [10]:

*Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана...
Погиб увенчанный злодей.*

Сложно сказать, в полной ли мере А.С. Пушкин осознавал свою причастность к формированию образа вольнолюбивого поэта как социального идеала русской языковой личности, однако с высоты сегодняшнего исторического опыта необходимо подчеркнуть и эту сторону его творчества. Образ избранного небом поэта, имеющего моральное право судить современное ему общество, не раз возникает в его стихах:

*Беда стране, где раб и льстец,
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

А.С. Пушкин. «Друзьям»

Усилиями А.С. Пушкина образ избранного небом поэта, писателя, философа, литератора входит в русскую культуру. Именно с тех пор в России утверждается новый социальный идеал русской языковой личности, представляющий собой не сподвижника великого монарха, не талантливое управленца, не промышленника и предпринимателя, осваивавшего пространства Урала и Сибири, а поэта, призывающего общество к свержению власти, убийству и социальным потрясениям. Трагедия ситуации заключалась в том, что в роли такого поэта мог почувствовать себя любой человек, способный сложить рифмы и недовольный своим существованием. Как в не-технократической цивилизации, уводящей человека вглубь себя, любой мог приблизиться к новому социальному идеалу, ощутить себя таковым.

Прошло немного времени после разбирательств по делам декабристов, когда разночинные асоциальные элементы, маргиналы, неопределившиеся и экзальтированные личности поверили в предложенный им социальный идеал и в силу его легкой достижимости встали на путь антигосударственной деятельности, целью которой стали расшатывание традиционных основ жизни, свержение существующей власти, развал империи. Данный социальный идеал языковой личности мы можем назвать искаженным, поскольку его установка уводила человека от сущностных традиционных ценностей, в основе которых лежит обогащение и технократическое развитие, к ценностям иллюзорным и пагубным как для самой языковой личности, так и для общества в целом.

Так, русское дворянство, считавшее себя европейцами, галломанами, на деле пришло к культуре антитехнократической, сформировав в масштабах страны искаженный социальный идеал языковой личности, в концептуальном отношении восходящий к следующему лексическому полю: поэзия, революция, убийство, свержение, террор, гражданин, тиран, битва, враги, восстание, роковое время и т.п.

Развитие искаженного социального идеала русской языковой личности во второй половине XIX — начале XX в.

Со второй половины XIX в. искаженный социальный идеал русской языковой личности получил новое качество. Это был период расцвета Российской империи, роста ее влияния в Европе и в мире. В 1861 г. было отменено крепостное право, развивалась промышленность, предпринимательство, укреплялись армия, флот, строились железные дороги. Ресурсы общества позволяли развиваться системе образования, искусствам, архитектуре,

философии, литературе, журналистике. В сознании русской языковой личности по-прежнему господствовал искаженный социальный идеал, ставший не атрибутом высшего дворянства, а способом самовыражения так называемых разночинцев.

Разночинцы представляли из себя слабо обеспеченную, но многочисленную категорию населения, к каковой относились выходцы из самых разных сословий — учителя, духовенство, мещанство, чиновничество и купечество. Они занимались, в основном, низко оплачиваемым умственным трудом. По своему исходному материальному состоянию им сложно было конкурировать как с дворянством, так и с утвердившейся в качестве социального класса буржуазией. Как правило, разночинцы получали не самое престижное образование, а порой и вообще не получали такового. Между тем именно разночинцы в попытках продвинуться в обществе и руководствуясь искаженным социальным идеалом, шли в поэты, литераторы, философы. Невозможность войти в социальную элиту они компенсировали настроенностью общества на искаженный социальный идеал. Большинство из них желало, минуя службу, чины, звания, награды, предпринимательские риски, стремительно войти в элиту общества.

В Англии или Франции, других европейских странах это было практически невозможно, но возможно в России, где ориентиром, эталоном общества был поэт с прогрессивными, как всем казалось, взглядами. Именно поэтому разночинцы стали носителями новой идеологии — демократической, либеральной, нигилистической, прогрессивной, социалистической или революционной. Нужно отметить, что данное целеполагание вынесло некоторых разночинцев на верх известности: В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Левитова [11–13]. В литературе разночинцы были представлены образами таких героев, как Евгений Базаров из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», Родион Раскольников из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», Марк Волохов из романа И.А. Гончарова «Обрыв».

Разночинцы не создавали материальных благ, не управляли заводами и артелями. Скорее, они выживали, эксплуатируя искаженный социальный идеал русской языковой личности, распространившийся к тому времени в весьма значительных по численности прослойках городского населения. Идеология, которую они несли через создаваемые ими тексты, была, несомненно, разрушительна для современного им общества. Чтобы охарактеризовать язык, культуру и место в обществе разночинцев, можно обратиться к переписке сотрудников журнала «Современник» начала второй половины XIX в.^{5,6}. В 1855 г. в качестве эксперимента

⁵ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 18. М.: Наука, 1984.

⁶ Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. СПб.: Наука, 2005.

Н.А. Некрасов принял на работу разночинца Н.Г. Чернышевского, концептами дискурса которого стали слова и выражения: свержение власти, революция, презрение к дворянству и мещанам, новая материалистическая эстетика, устаревшее дворянское искусство, социализм, беспощадность к угнетателям-дворянам и капиталистам, расправа крестьян с помещиками, всеобщее равенство. Сотрудники журнала, дворяне, считавшие себя либералами, потребовали от редактора удалить из журнала молодого человека. Однако Н.Г. Чернышевскому, сумевшему добиться популярности среди студенческой и иной учащейся молодежи, удалось не только закрепиться в журнале в качестве сотрудника, но и убедить Н.А. Некрасова пригласить туда таких неизвестных на тот момент литераторов, как Н.А. Добролюбов и Н.Г. Помяловский, писавших ярко и высказывавших явно революционные идеи, отражавшиеся в весьма радикальных концептах: устаревшие либералы, надоевшая интеллигенция, прогнивший царизм, ненавистные хозяева, революция, свобода, уничтожение властимущих.

В итоге новая генерация сотрудников объявила либералов-дворян во главе с Н.А. Некрасовым людьми бесполезными, скучными и даже вредными. Как выразился о И.С. Тургеневе, Н.А. Некрасове Н.А. Добролюбов, «Тургенев и Некрасов мне скушны. Я знаю их позиции, не желаю быть младшим братом дворянства, мне не о чем с ними говорить»⁷. И.С. Тургенев, понимая, что за молодыми сотрудниками стоят не просто радикальные идеи, а огромное количество читателей из числа разночинной молодежи, не стал бороться с ними. Ушел из «Современника». Перед уходом он произнес короткую речь, употребив в ней несвойственную ему лексику. Характеризуя новых сотрудников, писатель использовал следующие слова: неблагодарные, невоспитанные, недоучки, змеи⁸. Аналогичным образом журнал покинул Д.В. Григорович и другие дворяне-либералы.

Позже, в советском литературоведении данную смену состава сотрудников «Современника» характеризовали как движение журнала в сторону «революционной радикализации», что, наверное, было правильно [14. С. 83].

Сегодня можно предположить, что уход из «Современника» дворян-либералов ознаменовал утверждение в России новой ментальной доминанты в основе русской языковой личности — искаженного социального идеала, представленного позицией агрессивно и революционно настроенных литераторов, сочинения которых активно читали широкие слои населения, не обремененные элитарным образованием и светским воспитанием. В качестве лексического поля искаженного социального идеала прочно утвердились концепты революции, насилия, отказа от традиционных нравственных условий, борьбы, разрушения государства.

⁷ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 18. М.: Наука, 1984. С. 16.

⁸ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 18. М.: Наука, 1984. С. 18.

Для того, чтобы понять, насколько новая генерация разночинцев изменила русский литературный язык, необходимо перечитать юношеские дневники Н.Г. Чернышевского, буквально восставшего против либеральной дворянской созерцательности. Все его отвлеченные суждения происходили не от дворянского стремления к некоей призрачной свободе личности, а, скорее, от желания преодолеть сословную бедность, вырваться на поле истинной личной свободы, которой в условиях Российской империи мешала лишь невозможность вкусить ту материальную независимость, которую дворяне-либералы получали при рождении. Именно поэтому все отвлеченные рассуждения Н.Г. Чернышевского были наполнены нетерпением, желанием перемен.

В этом смысле интерес представляет повесть «Алтарь» Е.И. Замятина, террориста, позже — большевика, до революции входившего в боевую дружину Выборгского района. Его герои часто рассуждали на отвлеченные темы, но их выводы сводились к одному — к определению того, кого следует изгнать или убить. Так, интересна реплика одного из героев повести:

— Ну, Иван Павлыч, давай, брат, опять поговорим отвлеченно. Отвлеченно — про дьявола, стало быть⁹.

Вряд ли можно утверждать, что разночинцы искренне верили и следовали искаженному социальному идеалу. Скорее, они желали лично персонифицироваться в этом социальном идеале, стать читаемыми поэтами, писателями, властителями дум, то есть вырваться за рамки возможностей своих социальных страт. Также нельзя сказать, что недостаточное образование слишком им мешало в деле такой персонификации. Несомненно, среди них были талантливые писатели и поэты. Но именно эти талантливые писатели и поэты, добываясь своего, меняли, радикализировали русскую языковую личность. Происходило это не явно, а путем изменения подхода к языку, отражавшему не проникавшие ранее в литературу социальные реалии.

Рассмотрим, например, язык «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского¹⁰.

В целом речь описываемых героев-бурсаков тяготеет к книжным выражениям, которые, однако, употребляются в необычных для литературной традиции сочетаниях. Прежде всего, в глаза бросается разностилье в дискурсе бурсаков. Например:

Камчатка почивала на лаврах до сего дня спокойно и беспечно...

⁹ Замятин Е.И. Алтарь. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/20130/read-alatyr-evgenij-zamyatin/~2> (дата обращения: 23.07.2024).

¹⁰ Здесь и далее: Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. Режим доступа: <https://biblio.litres.ru/book/nikolay-pomyalovskiy/ocherki-bursy-172925/> (дата обращения: 23.07.2024).

В данном случае бурсацкий термин *камчатка*, т.е. задний ряд парт, где располагались отъявленные лентяи, два церковнославянских слова и нейтральные лексические единицы *спокойно и беспечно* организуют типичную для бурсаков фразу.

Бурсаки активно испытывают друг на друге приемы психологического и речевого воздействия. Речь их груба, однако, в отличие от уголовного жаргона, не имеет терминологической однозначности, она, скорее, уклончива, ориентирована на образование переносных смыслов:

Сбондили, слямсили, стилибонили, сперли, стибрили, объегорили, облапошили — перебивая друг друга, кричат мальчишки.

Любое из данных слов со сниженным значением занимает свое место в нарастающем экспрессивном ряду. Это своего рода коллективная речь детей, каждый из которых желает выразиться наиболее ярко, т.е. красочнее представить слово *украли*.

Н.Г. Помяловский как бы навязывает необходимость пояснить читателю смыслы бурсацкого дискурса:

сборная братия любила хватить, ляпнуть, рывкнуть, отвести кончик —

вся эта лексика означают не только громогласие, но и сниженное социальное положение бурсаков.

Глагол отражает наиболее яркую часть речи бурсаков. В лаконичном значении глагола, с косвенным указанием на действующее лицо, в сжатом виде представляется совокупность возможных действий:

отчихвостить, наяривает, дать раза, садануть, вытянул вдоль спины, что отмо-чил, ему влепили, шарахнуть по нотам, дергануть по текстам...

При этом у глагола редко ощущается переносное значение. Однако если таковое и возникает, то обычно по мысленному сопоставлению с бытующей в другой социальной среде лексикой, противопоставленной лексике чаще всего употребляемой. Бурсак как бы соотносит свою речь с речью далекого мира, находящегося вне бурсы:

Семинарист срезался (то же, что в гимназии провалился).

Означенные языковые эксперименты были весьма характерны для писателей-разночинцев. Ничего подобного либерально настроенные писатели-дворяне себе не позволяли. Со стороны разночинцев такое отношение к языку отражало не только лучшее знание жизни социального низа,

но и указывало на стремление радикализировать языковую личность читателя, увести от дворянской возвышенности и созерцательности, ввести его в некие реалии, которые необходимо было менять способами столь же жестокими и сниженными, как и сами эти реалии.

К 70-м годам XIX в. искаженный социальный идеал языковой личности настолько дезориентировал русское общество, что его внимание практически всецело было обращено на то, какие идеи рождались в головах писателей, поэтов, социальных философов. Эти идеи стали главным двигателем и вектором развития общественного сознания. Никого не интересовало, что сказали император или премьер-министр. Общество изначально было поставлено им в оппозицию [15]. Было куда интереснее знать мнение по тому или иному вопросу таких мастеров слова, как Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Ф.К. Сологуб, Н.М. Минский, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт.

В искусстве, поэзии и прозе стали возникать экспериментальные методы познания действительности. В русский язык и в сознание людей вошли такие объемлющие концепты, как авангард, футуризм, кубофутуризм, эгофутуризм, имажинизм. Для поэтов этих направлений был свойственен демонстративный отказ от эстетических идеалов прошлого, эпатаж, активное использование окказионализмов. Главным средством выражения, например, имажинистов стала метафора, метафорические цепи, соединяющие различные элементы нескольких образов. Сами образы делились на прямые и переносные. Для их творческой практики был характерен эпатаж и языковой анархизм [16].

Поэтические кружки возникали сотнями. Их члены вырабатывали собственные эстетические программы либо подражали кумирам. Членами кружков становились представители самых разных сословий, от мещан и священнослужителей до студентов и рабочих. Все это вносило хаос в сознание широких масс людей, дезориентировало их в сложной и меняющейся действительности бурно развивавшейся империи. Трагедия состояла в том, что ориентированный на творческое безумие искаженный социальный идеал признавал только одно мнение — мнение поэта-борца за призрачную свободу личности. Все более или менее упорядоченное понималось как враждебное. Враждебны были промышленники, торговцы, государственный управленческий аппарат. Поэт как социальный идеал был всегда в оппозиции. В результате в стране была сформирована социальная среда для принятия самых деструктивных идей, среди которых наиболее яркой и радикальной стала идея ухода человека в террор. Возникли активно поддерживаемые из-за рубежа боевые террористические организации, в буквальном смысле устроившие охоту за чиновниками имперского и губернского рангов.

Характерной особенностью русских террористов второй половины XIX — начала XX в. было то, что практически все они писали стихи, активно

публикуясь в разного рода журналах. Это дает возможность составить общий портрет языковой личности русского террориста той эпохи.

Главными, глубоко законспирированными террористическими организациями в Российской империи были «Народная воля», «Земля и воля», партия социалистов-революционеров, или эсеров, а также ряд других организаций, финансируемых из-за рубежа, а также возникавших самостоятельно, стихийно, существуя на собираемые в среде рабочих и предпринимателей деньги. Большого недостатка в рядовых членах террористических организаций не было. Всегда находились желающие отдать свою жизнь за некое дело, все равно какое, лишь бы оно было осмысленным. Данное обстоятельство явилось результатом деструкции сознания широких масс населения в условиях превалирования искаженного социального идеала.

Насколько было деструктурировано и деформировано сознание русских террористов, можно судить по оставленным ими многочисленным стихам и поэмам. Прежде всего следует сказать, что содержательно данные тексты порой не имели смысла. Поэты-террористы руководствовались принципом — все гениальное непонятно. Следовательно, стихи необходимо писать так, чтобы смысл их был непонятен и воспринимался как закодированный. Более того, среди поэтов-террористов господствовали идеи о том, что человек, идущий на смерть, не может написать бессмыслицы, что сама смерть движет его пером, что смыслы, вложенные в его стихи, должны будут выискивать благодарные потомки путем приложения немалых интеллектуальных усилий.

Иными словами, языковая личность русского поэта-террориста вытекала из сознания человека, плохо владеющего пером, мало смыслающего в поэзии, но убежденного в величии и осмысленности поступка, к которому его готовила организация, т.е., по сути, к тому, чтобы разрядить обойму пистолета в грудь чиновнику, либо бросить в его экипаж самодельную бомбу, взорваться на этой бомбе или быть пойманным, судимым военно-полевым судом и повешенным на тюремном дворе [17].

Б.Д. Оржих, террорист, социалист-революционер, обращается к абстрактному попавшему в тюрьму террористу:

*В крепость попал ты, мой милый!
Мертвая всюду царит тишина,
Изредка звон лишь унылый...
Много сынов здесь родимой Руси
Сносят тоску гробовую,
Многие годы сидят здесь и ждут,
Долгие, долгие годы!*

П.Н. Домбинов, член «Народной воли», террорист, акмеист писал:

*Бэрэ бомбэ,
Баху, траху,
Кровь и трупы перепажу...
Я средь трупов,
Трупом я,
Где же ты, звезда моя?*

Главным образом, поэзия террористов представляет из себя своеобразный поток сознания со случайным подбором слов и рифм. Между тем и здесь выделяется очерченный концептуальный ряд, представленный следующими лексемами: *бомба, бомбист, террор, кровь, трупы, тюрьма, виселица, смысл жизни, тот свет, любовь, память, потомки, свобода*.

Нет сомнений, что язык русского террора стал предвестником того, что называют революционным и советским новоязом, что совокупно можно представить как результат зарождения и развития искаженного социального идеала русской языковой личности. Начала формирования этого идеала наблюдаются в неверном истолковании таких концептов, как свобода и равенство, в неверной оценке окружающего мира, в зарождении в сознании элит действительных и возможных иллюзорных миров, что произошло на стыке XVIII—XIX вв, развилось в XIX столетии и перешло в XX в. Главным постулатом искаженного социального идеала русской языковой личности стало понимание поэта, его деятельности как ориентира развития, определяющего настоящее и будущее народа.

Заключение

Русская языковая личность, в силу географических и ограниченных коммуникационных условий, в основном развивалась в относительной изоляции. Находясь между Европой и Азией, Россия традиционно выбирала европейский, технократический путь развития, предполагавший определенный социальный идеал — успешную, богатую и свободную личность.

Не всегда русскому народу удавалось жить в соответствии с европейским социальным идеалом. Однако именно он в исторической ретроспективе выправлял неверный намеченный вектор развития. Это случалось и в моменты борьбы Московского царства и Крымской орды, в период освобождения от польско-шведской интервенции, выбора Петром I европейского пути, даже в периоды дворцовых переворотов, когда свержались монархии.

В конце XVIII века в русской лингвокультуре по сугубо внутренним причинам произошел надлом традиции, т.е. следованию традиционному социальному идеалу языковой личности. В среде элит в качестве социального идеала выдвинулся образ либерально настроенного поэта-дворянина. В России сформировался искаженный социальный идеал, уводящий народ от сложного, но здорового пути развития. Весь XIX век наблюдалось развитие данного деструктивного процесса. Исканенный социальный идеал начал влиять на сознание разночинцев и простого народа. Все это привело к разрушению

Российской империи изнутри, к Октябрьской революции, потерям и жертвам, которые до настоящего времени еще объективно не оценены.

Таким образом, сложная история России XVIII — начала XX в. представляет собой единый и логичный процесс разворотов в культурном развитии русской языковой личности, переходящий в XX и XXI века. Сегодня перед исследователями стоит задача объективной исторической оценки лингвокультурных процессов прошлого с целью выработки наиболее верного вектора развития, и на его основе — социального идеала языковой личности.

Список литературы

1. Мур Дж. Принципы этики. М. : Прогресс, 1984.
2. Storer N., Norman W. The sociology of science. Theoretical and empirical investigation. Chicago : University of Chicago, 1973.
3. Merton R.K. Social theory and social structure. N.Y. : Free Press, 1968.
4. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in Personality and Culture Conflict. N.Y. : Free Press, 1961.
5. Чубур Т.А. Сопоставительный анализ коннотативных помет в русских и английских толковых словарях // Вестник ВГУ. Серия Филология, Журналистика. 2010. № 1. С. 114–118. EDN: MUEWGF
6. Marx K. The Story of the Life of Lord Palmerston, Swan Sonnenschein // New York Tribune. 1899. Vol. 12. P. 64–72.
7. Балатаев А. Эстетический образ мира в контексте межкультурных сопоставлений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.
8. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М. : Наука, 1971.
9. Лотман Ю.М. Вступительная статья // Русская поэзия начала XIX века. Л. : Советский писатель, 1961, С. 3–11.
10. Мейлах В.С. Пушкин в ходе следствия и суда над декабристами // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. 1955. Т. 14. С. 124–135.
11. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. : Прогресс, 1971.
12. Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Мемуары, дневники, письма, беллетристика: дисс... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1999. EDN: QDHGRZ
13. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л. : Изд-во ЛГУ, 1982.
14. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М. : Прогресс-традиция, 2001. EDN: RAYVIT
15. Гриценкова Р. Маски и лица Серебряного века. М. : Олма Медиа Групп, 2015.
16. Троицков Н.А. Народная воля и ее террор // Индивидуальный политический террор в России. 19 — начало 20 вв. М., 1996. С. 44–56.

References

1. Mur, G. (1984). *Principles of ethics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Storer, N., & Norman, W. (1973). *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago.
3. Merton, R.K. (1968). *Social theory and social structure*. N.Y.: Free Press.
4. Stonequist, E.V. (1937). *The marginal man: A Study in Personality and Culture Conflict*. N.Y.: Free Press.

5. Chubur, T.A. (2010). Comparative analysis of connotative explanatory notes in Russian and English dictionaries with definitions. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, (1), 114–118. (In Russ.). EDN: MUEWGF
6. Marx, K., & Aveling, E.M. (1899). The story of the life of Lord Palmerston. *New York Tribune*, (12), 64–72.
7. Balataev, A. (2000). *The aesthetic image of the world in the context of cross-cultural comparisons* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.).
8. Solntsev, V.M. (1971). *Language as a system-structural formation*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Lotman, J. (1961). Russian poetry of the early 19th century. In: *Poets of the early 19th century* (pp. 3–11). Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russ.).
10. Meilakh, V.S. (1955). Pushkin during the investigation and trial of the Decembrists. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 14(2), 124–135. (In Russ.). EDN: RAYVIT
11. Leykina-Svirskaya, V.V. (1971). *The intellectuals in Russia in the second half of the 19th century*. Moscow: Progress. (In Russ.).
12. Pecherskaya, T.I. (1999). *The Raznochintsy of the sixties of the nineteenth century: Phenomenon of self-consciousness in the aspect of philological hermeneutics. Memoirs, diaries, letters, fiction* [PhD thesis]. Novosibirsk. (In Russ.). EDN: QDHGRZ
13. Markovich, V.M. (1984). *I.S. Turgenev and the Russian realist novel of the 19th century*. Leningrad: LGU. (In Russ.).
14. Gaydenko, P.P. (2001). *Vladimir Solovyev and the philosophy of the Silver Age*. Moscow: Progress-traditsiya. (In Russ.).
15. Grishchenkova, R. (2015). *Masks and faces of the Silver Age*. Moscow: Olma Media Grupp. (In Russ.).
16. Troitskov, N.A. (1996). People's will and its terror. In: *Individual political terror in Russia. 19 — beginning of 20 v.* (pp. 44–56). Moscow: Memorial. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Шаклеин Виктор Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); научные интересы: лингводидактика, методика преподавания русского языка как иностранного, культура русской речи, лингвокультурология; e-mail: vmshaklein@bk.ru ORCID: 0000-0003-3576-38-28, ResearcherID: Q-1143-2019, Scopus ID: 56531958300.

Соколовская Алена Александровна, ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); научные интересы: лингвокультурология, лингводидактика, культура русской речи; e-mail: sokolovskayav2001@mail.ru SPIN-код: 2128-7418. AuthorID: 1282973.

Information about the authors:

Victor M. Shaklein, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Faculty of Filology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Research interests: linguodidactics, Russian language teaching methodology, Russian speech culture, linguoculturology; e-mail: shaklein-vm@rudn.ru ORCID: 0000-0003-3576-38-28, ResearcherID: Q-1143-2019, Scopus ID: 56531958300.

Alena A. Sokolovskaya, Assistant at the Department of of Russian Language and Teaching Methods, Faculty of Filology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Research interests: linguoculturology, linguodidactics, Russian speech culture; e-mail: sokolovskayav2001@mail.ru SPIN- code: 2128–7418. AuthorID: 1282973.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-240-254

EDN: CRRJBK

УДК 811.161.1'271

Научная статья / Research article

Аксиологическое представление концепта МАТЬ в современной русской лингвокультуре

Л.А. Сафаралиева , В.Н. Денисенко

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

kuznetsova-la@rudn.ru

Аннотация. На протяжении всей истории человечества роль матери в обществе обладала особым аксиологическим статусом. Ценность статуса матери заключалась в воспитании подрастающего поколения, передаче культурных и духовных ценностей. При этом в восприятии образа матери тем или иным народом обнаруживаются определенные специфические черты. Цель нашего исследования — выделение признаков концепта МАТЬ в русской лингвокультуре, значимых для носителей русского языка конца XX и начала XXI века. Обнаружено, что для носителей русской лингвокультуры МАТЬ — это не только женщина, имеющая детей, но и что-то близкое, родное, источник жизни, духовная ценность. Но если по данным ассоциативного эксперимента 1998–1999 гг. в конце XX столетия образ матери существовал в сознании носителей русского языка вместе с образом отца (самая частотная реакция), то в 2023–2024 гг. мать воплощает образ целой семьи, поскольку ассоциат *отец* является единичным. Подобный семантический сдвиг обуславливается, на наш взгляд, следующими экстралингвистическими факторами: рост числа неполных семей, матерей-одиночек. Также следует отметить, что часть понятийных признаков концепта МАТЬ, реконструированных на материале данных толковых словарей русского языка, не актуализируется в ассоциативных полях лексемы *мать* — вербализатора соответствующего концепта. Такие признаки, как ‘самка по отношению к своим детенышам’, ‘монахиня, жена духовного лица’, ‘обращение к пожилой женщине или жене’, для молодых носителей русской лингвокультуры не являются значимыми.

Ключевые слова: семантика, ассоциативный эксперимент, экстралингвистические факторы, ценности

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.12.2024; дата приёма в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Сафаралиева Л.А., Денисенко В.Н. Аксиологическое представление концепта МАТЬ в современной русской лингвокультуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 240–254. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-240-254>

© Сафаралиева Л.А., Денисенко В.Н., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Axiological Representation of the Concept of MOTHER in Modern Russian Linguistic Culture

Lyubov A. Safaralievа  , Vladimir N. Denisenko 

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 kuznetsova-la@rudn.ru

Abstract. Throughout the history of mankind, the role of the mother in society has had a special axiological status. The special value of the status of a mother was in the upbringing of the younger generation, the transmission of cultural and spiritual values. At the same time, certain specific features are found in the perception of the image of the mother by one or another people. The purpose of our research is to analyze the features of the concept of MOTHER in Russian linguoculture, which are significant for native speakers of the Russian language of the late XX and early XXI centuries. It was found that for speakers of Russian linguistic culture, a MOTHER is not only a woman with children, but also something close, dear, a source of life, and spiritual value. But if, according to the associative experiment of 1998–1999. at the end of the XX century, the image of the mother existed in the minds of native speakers of the Russian language along with the image of the father (the most frequent reaction), then in 2023–2024. the mother embodies the image of the whole family, since the associate father is a single one. Such a semantic shift is caused, in our opinion, by the following extralinguistic factors: an increase in the number of single-parent families, single mothers. It should also be noted that some of the conceptual features of the concept of MOTHER, reconstructed on the basis of data from explanatory dictionaries of the Russian language, are not updated in the associative fields of the lexeme of the mother verbalizer of the corresponding concept. Signs such as ‘a female in relation to her cubs’, ‘a nun, the wife of a clergyman’, ‘addressing an elderly woman or wife’ are not significant for young speakers of Russian linguistic culture.

Keywords: semantics, associative experiment, extralinguistic factors, values

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.12.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Safaralievа, L.A., & Denisenko, V.N. (2025). Axiological Representation of the Concept of MOTHER in Modern Russian Linguistic Culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 240–254. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-240-254>

Введение

На протяжении всей истории человечества образ женщины-матери занимал и продолжает занимать особое место в аксиологической системе бытия. Так, в Античности женщина-мать играла важную роль в политике государства, в период Средневековья мать «рассматривалась как носительница божественной печати и играла роль посредника в трансляции духовного мира» [1. С. 122]. В эпоху Возрождения роль женщины-матери в обществе начинает утрачивать свои позиции в сфере воспитания и предстает «в качестве транслятора культурных ценностей, обеспечивающего равновесие

системного развития общества» [1, С. 122]. На протяжении столетий характеристики образа женщины-матери в социокультурном аспекте оставались неизменными: мать — это женщина, которая «обладает неординарным жизненным опытом <...> и отличается редкой добротой, чувством сострадания и умения понять своих детей и их решения; женщина, одаренная от природы неординарными способностями к воспитанию» [2. С. 145]. При этом следует отметить, что, помимо общечеловеческих характеристик образа матери, можно выделить и национальные черты, обусловленные культурными ценностями того или иного народа. Так, **образ матери** неоднократно становился предметом исследования многих лингвистов и культурологов: А.А. Анисян [3], И.И. Карелова [4], Н.В. Коробкова [5], М.С. Мунгашева, М.Р. Овхадов [6], Т.М. Оморова [7], Л.К. Хертек [8], Чэнь Дайцай [9] и др.

Рассуждая о современной истории российского общества, представляется значимым выделить основные черты образа женщины-матери, актуальные в XX и XXI вв. Так, в Советском Союзе женщина-мать должна была соответствовать следующим критериям: 1) «работать полный рабочий день; 2) осуществлять воспитание детей, частично разделяя эту обязанность с государственными институтами и родственниками; 3) отвечать за организацию быта» [10. С. 5–6]. В современном российском обществе ценности семьи и материнства лежат в основе государственной политики в области демографии, направленной на **повышение рождаемости**. Так, женщинам, имеющим детей, оказывается разного рода материальная поддержка от государства в виде пособий по беременности и родам, уходу за ребенком, жилищных субсидий, льготной ипотеки. Но, несмотря на все вышеизложенное, усиливаются тенденции, которые «проявляются в ориентации женщин на профессиональную деятельность, **осознанном отказе от материнства** и снижении ценности ее воспитательного вклада в жизнь детей» [1. С. 124].

Следует упомянуть еще один социально-демографический фактор, оказывающий влияние на формирование **образа матери** в российском обществе XXI столетия — **рост числа матерей-одиночек**. По мнению исследователей ВНИИ труда Минтруда России, «в последние десятилетия доля неполных семей в России выросла почти в два раза — с 21 % в 2002 году до 38,5 % в 2021 году»¹. При этом отмечается, что в большинстве таких семей роль родителя выполняет женщина-мать.

Многие современные исследования в области психологии, коллективного сознания также обращаются к анализу образа женщины-матери. Так, можно выделить анализ факторной структуры отражения образа матери в современном обществе, проведенный Ю.С. Газизовой. По мнению исследователя,

¹ Эксперты при Минтруда описали «портрет» неполной семьи в России. Почему их число растёт и что с этим делать [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economic/s/11/04/2024/661677bc9a794770abfbb1f5> (дата обращения: 05.09.2024).

на формирование образа современной женщины-матери влияют следующие факторы [11. С. 99–101] (рис. 1).

Целью нашего исследования является реконструкция модели концепта МАТЬ в динамическом аспекте на **материале** данных лексикографических источников и данных ассоциативных экспериментов XX в. и 20-х гг. XXI столетия.

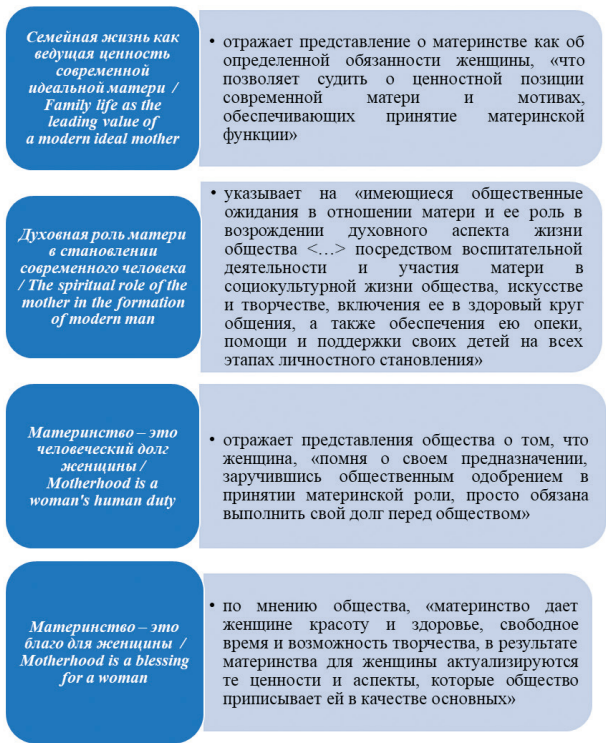


Рис. 1. Факторная структура образа женщины-матери
Источник: составлено по [11. С. 99–101] Л.А. Сафаралиевой, В.Н. Денисенко.

Fig. 1. The factor structure of the image of a mother woman
Source: compiled [11. P. 99–101] by Lyubov A. Safaraliev, Vladimir N. Denisenko.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные лексикографических источников: толковых, этимологических, ассоциативных словарей, а также данные ассоциативного эксперимента, проведенного со студентами филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы в 2024 г. Реконструкция признаков концепта МАТЬ проводилась путем проведения компонентного анализа семантики лексемы *мать*, а также семантического анализа ассоциатов, полученных на стимул *мать*. Кроме того, в нашем исследовании использовались экстралингвистические данные из области демографии, социологии и психологии.

Результаты

Сопоставление результатов ассоциативных экспериментов конца XX — начала XXI века позволяет прийти к следующим выводам:

1. Для носителей русской лингвокультуры устойчивыми понятийными признаками концепта МАТЬ являются: ‘духовная ценность, родное, близкое’; ‘источник, давший жизнь чему-либо дорогому, близкому, начало’. При этом признаки ‘самка по отношению к своим детенышам’, ‘монахиня, жена духовного лица’, ‘обращение к пожилой женщине или жене’ в ассоциативных полях стимула *мать* не актуализируются.

2. За два последних десятилетия в образе матери произошли определенные изменения, вызванные экстралингвистическими факторами, в частности социально-демографическими процессами:

- отмечается значительный рост реакций с пейоративным значением: если в конце XX столетия мать представлялась любящей и заботливой, то в начале XXI столетия в *образе матери* преобладают любовь и строгость;
- наиболее частотная реакция *отец*, обнаруженная в ответах респондентов ассоциативного эксперимента 1998–1999 гг., в ассоциативном поле эксперимента 2023 г. репрезентируется единичной реакцией, что свидетельствует о ценностном росте роли матери как центра семьи в современном обществе;
- утрачивают свою значимость национально-культурные образы Родины-матери и героини романа М. Горького «Мать», что верифицируется снижением числа реакций, вербализующих упомянутые образы, в ассоциативном поле стимула *мать* начала XXI века.

3. Как для носителей русской лингвокультуры конца XX столетия, так и для молодых респондентов начала XXI века остается неизменной ценность матери как духовного начала, источника нравственности и морали, безграничной любви к своим детям.

Безусловно, образ женщины-матери, репрезентируемый концептом МАТЬ, занимал и продолжает занимать значимую позицию в аксиологической картине бытия носителей русской лингвокультуры. Проведенное нами исследование позволило не только реконструировать наиболее устойчивые понятийные признаки названного концепта, но и проследить динамику образных и ценностных компонентов.

Обсуждение

Выявление понятийных признаков концепта МАТЬ

Для описания понятийных признаков концепта МАТЬ обратимся к определению лексемы-вербализатора концепта в толковых и этимологических словарях русского языка.

В Малом академическом словаре русского языка лексема *мать* толкуется следующим образом: 1. «Женщина по отношению к рожденным ею детям. 2. Женщина, имеющая или имевшая детей. 3. Самка по отношению к своим детенышам. 4. прост. Обращение к лицу женского пола. 5. устар. Название монахини, а также жены духовного лица, обычно присоединяемое к имени или званию»².

В Большом толковом словаре русского языка обнаруживается следующее толкование лексемы *мать*: 1. «Женщина по отношению к рожденным ею детям. 2. trad.-нар. О том, что является родным, близким, дорогим, представляя собой какую-л. духовную ценность. 3. Самка по отношению к своим детенышам. 4. разг. О том, от которого или в котором зарождается, образуется что-л. новое или подобное ему. 5. (обычно в обращении). Фам. О женщине, жене. 6. О жене священника или монахине»³.

Толковый словарь русского языка содержит следующее определение лексемы *мать*: 1. «Женщина по отношению к своим детям. 2. перен. Источник (во 2 знач.), начало чего-н., а также о том, что дорого, близко каждому. 3. Самка по отношению к своим детенышам. 4. Обращение к пожилой женщине или к жене как к матери своих детей (прост.). 5. Название монахини, а также обращение к ней (разг.)»⁴.

В Современном толковом словаре русского языка лексема *мать* определяется следующим образом: 1. «Женщина по отношению к ее детям. 2. Самка животного по отношению к ее детенышам. 3. перен. То, что является источником, давшим жить, что породило что-либо, стало причиной чего-либо, откуда черпают энергию, жизненность. 4. Употребляется как постоянный эпитет со словами: *земля, Россия*. 5. Употребляется как почтительно-фамильярное обращение к пожилой женщине. 6. Монахиня, принявшая пострижение; матушка. 7. Жена духовного лица; матушка. 8. межд. простореч. Возглас, выражающий досаду, неудовольствие и т.п. (употребляемый также в составе бранных выражений или выражений, их заменяющих)»⁵.

В этимологических словарях русского языка лексема *мать* определяется следующим образом: 1. «Древнерусское — мати. Старославянское — мати. Общеславянское — mati. Латинское — mater. Слово «мать» — славянское по происхождению. В русском языке используется с XI в. Мать — это «женщина по отношению к ее детям» или «самка по отношению к ее детенышам»⁶.

² Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999.

³ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998.

⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: онлайн версия. 2008–2017. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30422> (дата обращения: 15.08.2024).

⁵ Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М. : Дрофа, 2000.

⁶ Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М. : ЮНВЕС, 2003.

2. «Общеслав. индоевроп. характера (ср. нем. Mutter, англ. mother, др.-инд. mātar-, тохарск. A māsaḡ и т. д.). Суф. производное (суф. -ter-) от детского ма, ср. мама»⁷. 3. «Общеславянское слово индоевропейской природы. Возникло, вероятно, из детского лепетного *мама*»⁸. 4. «Род. п. máтери, др.-русс., ст.-слав. Мати. Родственно лит. mótė, род. п. mótėr̃ «женщина», лтш. mātė, др.-прусс. mūtī, лит. mótina «мать», др.-инд. mātā (mātar-), авест. mātar-, нов.-перс. mādar, арм. maṙ, греч. μήτηρ, дор. μάτηρ, алб. motrë «сестра» (Г. Майер, Alb. Wb. 287 и сл.), лат. māter, mātrīx «мать», ирл. māthir «мать». В основе лежит слово *mā- из детской речи»⁹.

Приведенные выше толкования позволяют заключить, что архисемой лексемы *мать* является сема 'женщина, имеющая детей'. К основным понятийным признакам концепта МАТЬ можно отнести следующие: 1) Самка по отношению к своим детенышам; 2) Источник, давший жизнь чему-либо дорогому, близкому, начало; 3) Духовная ценность, родное, близкое; 4) Монахиня, жена духовного лица; 5) Обращение к пожилой женщине или жене.

Таким образом, МАТЬ, для носителей русской лингвокультуры — это в первую очередь женщина, давшая жизнь, представляющая духовную ценность для детей и для общества.

Образные и ценностные признаки концепта МАТЬ

Для верификации понятийных признаков концепта МАТЬ и выявления динамики образных и ценностных признаков исследуемого концепта обратимся к данным ассоциативных экспериментов, проведенных среди студентов в 1998–1999 гг.¹⁰ и 2023–2024 гг. в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

В Славянском ассоциативном словаре отражены ответы 500 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет. На стимул *мать* было получено 588 реакций, из которых 161 реакция оказалась одиночной.

«МАТЬ: отец 111; родная 44; любовь 30; родина 28; моя 26; женщина 21; любимая, твою 14; добрая 10; дом, жизнь 8; дорогая, тепло 7; забота, мама, святое, хорошая 6; героиня, дети, добро, дочь, земля, милая, нежность, родной человек 5; родня 4; Горький, детство, и мачеха, одна, спокойствие, старая, сын 3; близкий человек, вашу, Горького, детей, доброта, дома, его, единственная, жена, Женя, злая, зовет, и отец, и сын, кормилица, красивая, ласковая, любить, люблю, мачеха, поддержка, радость,

⁷ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь. М. : Дрофа, 2004.

⁸ Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Victory, 2004.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Астрель: АСТ, 2007.

¹⁰ Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.; Издательство Алтайского государственного университета, 2004. EDN: TUKZCX

ребенка, ребенок, родной, свято, семья, старушка, счастье, твоя, хозяйка 2; Аня, Ваня, вечность, вода, вопрос, все, всего человечества, говорила мне о судьбе, грач, день рождения; добро, любовь, ласка; долг, дом родной, дорогое, дорожке нет, дочка, думает; есть мать, она одна; жалко; женщина, имеющая детей; жертва, защитник, и в Африке мать, источник жизни, каша, кровь, кто родил, лучшая, лучше, любимый человек; любовь, забота; любовь, нежность; любящая, Людмила, мать, М. Горький, моя дорогая, “На дне”, насадка, на первом месте, нежная, нет, нет слов просто, нужна, оплот; отец, сын, дочь; отечество, очаг, пилит, подруга, подруги, помощь, посуду, пошло, природа, пришла, расстроенная, рать, родители; родная, красивая; роднее всех, родственник, рождение, Россия, русская, самая добрая, самая дорогая, самая лучшая, самое дорогое, самое прекрасное, самый близкий человек, самый хороший человек, сволочь, седина, сердце, сестра, сказала, скромная, строгая, счастливая, сыра земля, Тамара, твою..., твою (вашу), темнота, тепло и ласка, трех детей, уважение, умная, управление, ученье, черное, это все, это мать, это моя жизнь, это святое, я 1; 588+161+12+97+17» [12]. Распределим полученные реакции по семантическим группам (таб. 1):

Наиболее частотные реакции свидетельствуют о том, что в конце XX столетия молодые носители русской лингвокультуры ассоциировали МАТЬ с любимой (*любовь* 30, *любимая* 14), родной (*родная* 44, *родной человек* 5, *родня* 4) женщиной (*женщина* 21), одним из родителей (*отец* 111).

Проведенный эксперимент верифицирует наличие в концепте МАТЬ актуальной семы ‘духовная ценность, родное, близкое’ (*родина* 28, *дом* 8, *жизнь* 8, *святое* 6, *земля* 5). Понятийный признак ‘источник, давший жизнь чему-либо дорогому, близкому, начало’ репрезентируется следующими ассоциатами: *жизнь* 8, *дети* 5, *дочь* 5, *сын* 3, *всего человечества* 1, *день рождения* 1, *источник жизни* 1, *родители* 1, *рождение* 1.

Комплексный анализ ассоциатов позволяет реконструировать **образ матери** в сознании носителей русской лингвокультуры конца XX века: большая часть ассоциатов характеризует МАТЬ как *добрую* 10, *дорогую* 7, *хорошую* 6, *милую* 5, *нежную* 5, *ласковую* 2 женщину, которая дарит *любовь* 30, *тепло* 7 и *заботу* 6. Реакций с пейоративным значением значительно меньше, чем с мелиоративным: *злая* 2, *жертва* 1, *пилит* 1, *расстроенная* 1, *сволочь* 1, *строгая* 1, что свидетельствует о том, носители русской лингвокультуры осмысливают ценность МАТЕРИ как женщины, не только дающей жизнь, но и репрезентирующей высоконравственные личностные качества. При этом следует отметить наличие в ассоциативном поле стимула *мать* реакций, характеризующих **образ матери** в превосходной степени: *самая добрая* 1, *самая дорогая* 1, *самая лучшая* 1, *самое дорогое* 1, *самое прекрасное* 1, *самый близкий человек* 1, *самый хороший человек* 1.

Таблица 1 / Table 1

Ассоциативное поле стимула мать 1998–1999 гг. /
The associative field of the stimulus mother 1998–1999.

№ п/п	Семантическое основание / Semantic basis	Реакции / Reactions
1	Родственные связи матери, дети / Family ties of the mother, children	отец 111; родная 44; мама 6; дети 5; дочь 5; родной человек 5; родня 4; детство 3; и мачеха 3; сын 3; близкий человек 2; детей 2; жена 2; и отец 2; и сын 2; мачеха 2; ребенок 2; ребенок 2; родной 2; семья 2; дочка 1; женщина, имеющая детей 1; кто родил 1; мать 1; отец, сын, дочь 1; родители 1; роднее всех 1; родственник 1; рождение 1; сестра 1; трех детей 1; это мать 1
2	Мать как хранительница очага / Mother as the keeper of the hearth	Дом 8; дома 2; кормилица 2; хозяйка 2; дом родной 1; каша 1; посуду 1
3	Мелиоративные характеристики образа матери / Reclamation characteristics of the mother's image	любовь 30; любимая 14; добрая 10; дорогая 7; тепло 7; забота 6; святое 6; хорошая 6; добро 5; милая 5; нежность 5; спокойствие 3; доброта 2; ласковая 2; поддержка 2; радость 2; счастье 2; добро 1; любовь 1; ласка 1; защитник 1; лучшая 1; лучше 1; любимый человек 1; любовь 1; забота 1; любовь, нежность 1; любящая 1; моя дорогая 1; наседка 1; нежная 1; помощь 1; самая добрая 1; самая дорогая 1; самая лучшая 1; самое дорогое 1; самое прекрасное 1; самый близкий человек 1; самый хороший человек 1; скромная 1; тепло и ласка 1; уважение 1; умная 1
4	Пейоративные характеристики образа матери / Pejorative characteristics of the mother's image	злая 2; пилит 1; расстроенная 1; сволочь 1; строгая 1
5	Образ жизни матери / Mother's lifestyle	одна 3; она одна 1; жертва 1; подруга 1; подружки 1; счастливая 1
6	Внешность матери / Mother's appearance	женщина 21; старая 3; красивая 2; старушка 2; родная, красивая 1; седина 1
7	Иные, индивидуальные реакции / Other, individual reactions	родина 28; моя 26; твою 14; жизнь 8; героиня 5; земля 5; Горький 3; вашу 2; Горького 2; его 2; единственная 2; Женя 2; зовет 2; любить 2; люблю 2; свято 2; твоя 2; Аня 1; Ваня 1; вечность 1; вода 1; вопрос 1; все 1; всего человечества 1; говорила мне о судьбе 1; грач 1; день рождения 1; долг 1; дорогое 1; дорожке нет 1; думает 1; есть 1; мать 1; жалко 1; и в Африке мать 1; источник жизни 1; кровь 1; Людмила 1; М. Горький 1; "На дне" 1; на 1 месте 1; нет 1; нет слов просто 1; нужна 1; оплот 1; отечество 1; пошло 1; природа 1; пришла 1; рать 1; Россия 1; русская 1; сердце 1; сказала 1; сыра земля 1; Тамара 1; твою...1; твою (вашу) 1; темнота 1; управление 1; ученье 1; черное 1; это все 1; это моя жизнь 1; это святое 1; я 1

Источник: составлено Л.А. Сафаралиевой, В.Н. Денисенко / Source: compiled by Lyubov A. Safaraliev, Vladimir N. Denisenko.

МАТЬ для молодых носителей русской лингвокультуры конца XX столетия — это хранительница домашнего очага: *дом 8, дома 2, кор-милица 2, хозяйка 2, очаг 1*. Поскольку «образ матери на определенном жизненном этапе — это совокупность представлений о собственной матери» [13], такие реакции, как: *Женя 2, Аня 1, Людмила 1, Тамара 1*, являющиеся именами собственными, отражают индивидуальные, личностные восприятия концепта МАТЬ как проекцию образа собственной матери. В ассоциативном поле стимула *мать* обнаруживаются реакции, отражающие культурно-значимые образы. Так, в частности, ассоциаты *Горький 3, Горького 2, М. Горький 1, “На дне” 1* репрезентируют узнаваемость и актуальность романа М. Горького «Мать» в русскоязычном обществе конца XX столетия. А частотная реакция *родина 28* верифицирует значимость культурно-патриотической ценности образа Родины-матери для носителей русской лингвокультуры.

Далее обратимся к анализу результатов ассоциативного эксперимента, проведенного на филологическом факультете РУДН имени Патриса Лумумбы в 2023–2024 гг. В эксперименте приняли участие 142 студента. Было получено 412 реакций, из которых 140 являются одиночными:

МАТЬ

Любовь 65; забота 31; строгость 12; дом, поддержка, тепло 11; семья 10; нежность 9; еда, понимание 7; счастье 6; доброта, уют 5; детство, жизнь, помощь, смех 4; безопасность, добро, защита, красота, опора, родина, родная, уважение 3; веселье, воспитание, грубость, дети, доверие, документы, друг, дружба, земля, ласка, образование, объятия, работа, радость, родное, сила, теплота, учитель, холод, цветы, юмор 2; баня, безусловная любовь, бережение, беседы, бесконечность, благодарность, близкая, близкий человек, болеющая, брат, быт, власть, волнение, волосы, гиперопека, глаза, глупость, гордость, горький, границы, гречка, грустная, грусть, деньги, домашнее задание в школе, душа, ежик, есть, желтый, жестокая, запах любимых духов, зефир, зло, знания, золото, и родственная связь, квартира, компот, контроль, котлеты с пюре, коты, кофе, кошка, крем для рук, крик, лень, лицо мамы, любвеобильность, любимая, Люблино, М. Горький, мать и мама вызывают разные реакции, мерседес, миниатюрная, молния, море, моя мама, мудрость, надежда, надежность, начало жизни, не знаю, невнимательность к эмоциям, нелюбовь, невытая посуда, непонимание, одна, опека, ответственность, отсутствие, отчисление из института, официальность, пеленки, переживание, печаль, пиджак, пирсинг, пицца, планета, платок, платье, поездки в магазин, помочь, помощник, помощь в трудных ситуациях, поцелуи, почитание, пример, природа, прогулка, прогулки, противоречие, пылесос, разговор, ребенок, ребячество, родитель, родной, родственник, роды, рука, свет, светлость, святая, сердце, серьезность, сестра, сигарета, сильная,

сильный характер, скука, словарь, сложно, сложность, советы, сон, спокойствие, ссоры, старающаяся, стена, строгая, танцы, татуировки, терпение, требовательность, ужин, улыбка, упреки, успех, усталость, учеба, фильм, цель, чай с мятой, шарлотка, школа, эгоизм, эмоции, эмоциональность, я 1.

Анализ частотных реакций обнаружил, что, по мнению студентов, МАТЬ — это олицетворение семейной любви (*любовь* 65, *дом* 11, *семья* 10), строгой (*строгость* 12) и нежной (*нежность* 9), дающей заботу, тепло и поддержку (*забота* 31, *тепло* 11, *поддержка* 11). Сопоставление результатов ассоциативных экспериментов, в частности наиболее частотных ассоциатов, обнаруживает наличие определенной семантической динамики в восприятии концепта МАТЬ молодыми носителями русской лингвокультуры (рис. 2).

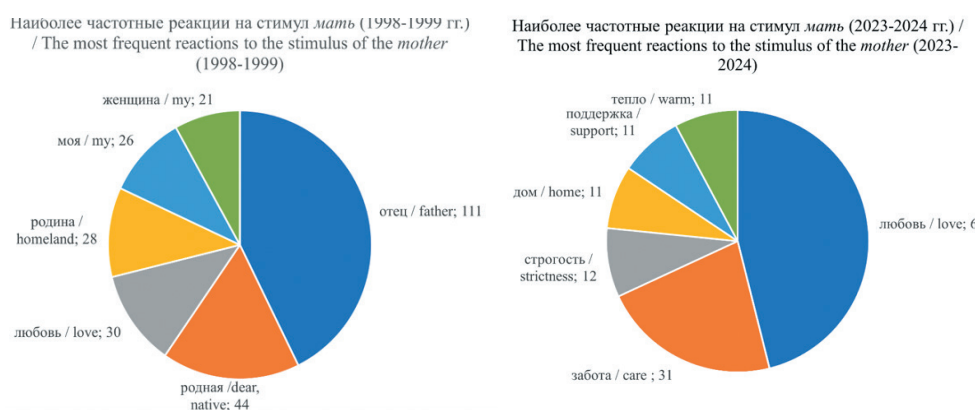


Рис. 2. Семантическая динамика частотных ассоциатов на стимул *мать*
 Источник: составлено Л.А. Сафаралиевой, В.Н. Денисенко.

Fig. 2. Semantic dynamics of frequency associates on the mother stimulus
 Source: compiled by Lyubov A. Safaraliev, Vladimir N. Denisenko.

Так, если в конце XX столетия стимул *мать* вызывал реакцию *отец* у большинства респондентов, то в ответах современных студентов последний ассоциат не обнаруживается. Если два десятилетия назад стимул *мать* ассоциировался с представительницей женского пола, одним из родителей, то в последнем эксперименте обнаруживается следующее: МАТЬ в сознании молодых носителей русского языка — это олицетворение целой семьи, родителя. Подобные семантические сдвиги обуславливаются, по нашему мнению, экстралингвистическими факторами, в частности социально-демографическими процессами, описанными нами ранее: рост числа матерей-одиночек и неполных семей. Для реконструкции ассоциативного поля стимула *мать* распределим полученные реакции по семантическим основаниям (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Ассоциативное поле стимула мать / The associative field of the stimulus is the mother

№, п\п	Семантическое основание / Semantic basis	Реакции / Reactions
1	Родственные связи матери, дети / Family ties of the mother, children	<i>семья 10; детство 4; родная 3; дети 2; друг 2; дружба 2; родное 2; близкая 1; близкий человек 1; брат 1; и родственная связь 1; моя мама 1; ребенок 1; родитель 1; родной 1; родственник 1; сестра 1</i>
2	Мать как хранительница очага / Mother as the keeper of the hearth	<i>дом 11; еда 7; уют 5; быт 1; гречка 1; зефир 1; квартира 1; компот 1; котлеты с пюре 1; кофе 1; немытая посуда 1; пеленки 1; пицца 1; пылесос 1; ужин 1; чай с мятой; шарлотка 1</i>
3	Мелиоративные характеристики образа матери / Reclamation characteristics of the mother's image	<i>любовь 65; забота 31; поддержка 11; тепло 11; нежность 9; понимание 7; счастье 6; доброта 5; помощь 4; безопасность 3; добро 3; защита 3; опора 3; уважение 3; доверие 2; ласка 2; радость 2; сила 2; теплота 2; безусловная любовь 1; благодарность 1; гордость 1; любвеобильность 1; любимая 1; мудрость 1; надежность 1; опека 1; ответственность 1; помочь 1; помощник 1; помощь в трудных ситуациях 1; почитание 1; святая 1; сильная 1; сильный характер 1; спокойствие 1; терпение 1</i>
4	Пейоративные характеристики образа матери / Pejorative characteristics of the mother's image	<i>строгость 12; грубость 2; гиперопека 1; глупость 1; болеющая 1; грустная 1; грусть 1; жестокая 1; зло 1; контроль 1; крик 1; лень 1; невнимательность к эмоциям 1; нелюбовь 1; непонимание 1; печаль 1; ссоры 1; строгая 1; требовательность 1; упреки 1; эгоизм</i>
5	Образ жизни матери / Mother's lifestyle	<i>воспитание 2; документы 2; образование 2; работа 2; учитель 2; беседы 1; деньги 1; домашнее задание в школе 1; знания 1; одна 1; отсутствие 1; переживание 1; поездки в магазин 1; прогулка 1; прогулки 1; разговор 1; скука 1; советы 1; стареющая 1; усталость 1; учеба 1; школа 1</i>
6	Внешность матери / Mother's appearance	<i>красота 3; волосы 1; глаза 1; запах любимых духов 1; лицо мамы 1; миниатюрная 1</i>
7	Иные, индивидуальные реакции / Other, individual reactions	<i>жизнь 4; смех 4; родина 3; веселье 2; земля 2; объятия 2; холод 2; цветы 2; юмор 2; баня 1; бережение 1; бесконечность 1; власть 1; волнение 1; горький 1; границы 1; душа 1; ежик 1; есть 1; желтый 1; золото 1; коты 1; кошка 1; крем для рук 1; Люблино 1; М. Горький 1; мать и мама вызывают разные реакции 1; мерседес 1; молния 1; море 1; надежда 1; начало жизни 1; не знаю 1; отчисление из института 1; официальность 1; пиджак 1; пирсинг 1; планета 1; платок 1; платье 1; поцелуи 1; пример 1; природа 1; противоречие 1; ребячество 1; роды 1; рука 1; свет 1; светлость 1; сердце 1; серьезность 1; сигарета 1; словарь 1; сложно 1; сложность 1; сон 1; стена 1; танцы 1; татуировки 1; улыбка 1; успех 1; фильм 1; цель 1; эмоции 1; эмоциональность 1; я 1.</i>

Источник: составлено Л.А. Сафаралиевой, В.Н. Денисенко / Source: compiled by Lyubov A. Safaraliev, Vladimir N. Denisenko

Анализ первой семантической группы «Родственные связи матери, дети» обнаруживает, что для молодых носителей русской лингвокультуры **образ матери** ассоциируется с близким и родным членом семьи, детством как периодом начала жизни человека (*семья 10, детство 4, родная 3, родное 2*). Реакции названной группы верифицируют наличие понятийных признаков ‘духовная ценность, родное, близкое’ и ‘источник, давший жизнь

чему-либо дорогому, близкому, начало' в концепте МАТЬ. При этом подчеркиваем, что в ассоциаты данной группы не входит лексема *отец*, что может свидетельствовать об увеличении значимости семейной модели «мать — дети (брат — сестра)» в современном обществе по сравнению с периодом 90-х гг. XX столетия, в котором преобладала модель «мать — отец — дети (брат — сестра)».

Комплексный анализ ассоциатов с мелиоративным значением позволяет реконструировать **образ матери** в сознании носителей русской лингвокультуры начала XXI века: МАТЬ — это источник любви, заботы, поддержки (*любовь* 65, *забота* 31, *поддержка* 11), женщина, нежная и понимающая (*нежность* 9, *понимание* 7), но при этом с сильным характером (*сила* 2, *сильная* 1, *сильный характер* 1).

С другой стороны, следует отметить наличие значительного числа реакций с пейоративным значением, в частности молодые носители русского языка полагают, что в **образе матери** выделяются *строгость* 12 и *требовательность* 1, а также отсутствие любви и внимания — *невнимательность к эмоциям* 1, *нелюбовь* 1, *непонимание* 1.

Для большого числа респондентов **образ матери** ассоциируется с ролью женщины — хозяйки дома, хранительницы очага. Так, именно в обязанности **матери** входит организация быта — создание уюта и приготовления пищи: *дом* 11, *еда* 7, *уют* 5, *быт* 1, *гречка* 1, *зефир* 1, *компот* 1, *котлеты с пюре* 1 и др.

В ассоциативном поле стимула *мать* обнаруживается значительная группа ассоциатов, репрезентирующих роль матери не только в воспитании и образовании своих детей: *воспитание* 2, *образование* 2, *учитель* 2, *домашнее задание в школе* 1, *знания* 1, *учеба* 1, *школа* 1, но и в профессиональной деятельности: *работа* 2, *документы* 2, *деньги* 1, *старающаяся* 1, *усталость* 1.

Культурно-значимые образы (такие как образы Родины-матери и героини романа М. Горького «Мать»), актуализированные в результатах ассоциативного эксперимента конца XX столетия, в настоящем исследовании представлены единичными реакциями, что свидетельствует об утрате их значимости для носителей русской лингвокультуры.

Заключение

Исследование показало, что для носителей русской лингвокультуры устойчивыми понятийными признаками концепта МАТЬ являются: 'духовная ценность, родное, близкое'; 'источник, давший жизнь чему-либо дорогому, близкому, начало'. Образ женщины-матери, репрезентируемый концептом МАТЬ, продолжает занимать значимую позицию в аксиологической картине бытия носителей русской лингвокультуры: остается неизменной ценность матери как духовного начала, источника нравственности и морали, безграничной любви к своим детям; отмечается ценностный рост роли матери как центра семьи в современном обществе.

Перспективы дальнейшего исследования концепта МАТЬ в русской лингвокультуре видятся в анализе сочетаемости лексемы *мать* на основе контекстуального анализа примеров, содержащихся в Национальном корпусе русского языка.

Список литературы

1. Газизова Ю.С. Роль матери в современном социуме // Дискуссия. 2012. № 8. С. 122–127. EDN: PBLTML
2. Киселева Т.Г. Женский образ в социокультурной рефлексии : монография. М. : МГУКИ, 2002. EDN: THRDIF
3. Анисян А.А. Образ матери-женщины в корейской литературе // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. № 4. С. 13–19. EDN: EGFLBN
4. Карелова И.И. Концепт «Мать» в идиоконцептосфере Л.Е. Улицкой // Известия ВГПУ. 2008. № 10. С. 18–21. EDN: KBXOMJ
5. Коробкова Н.В. Концепт «МАТЬ» в эпистолярной В.П. Тургеневой // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 2(91). С. 98–100.
6. Мунгашева М.С., Овхадов М.Р. Концепт НАНА «МАТЬ» в чеченской паремиологии // Известия ВГПУ. 2022. № 9(172). С. 166–169. EDN: DGBBQY
7. Оморова Т.М. Образ матери в мифологии тюркских народов // Форум молодых ученых. 2018. № 10(26). С. 912–916. EDN: YVSNEB
8. Хертек Л.К. Концепт «МАТЬ» в тувинских героических сказаниях // МНКО. 2015. № 6(55). С. 341–345. EDN: VKIFWD
9. Чэнь Дайцай. Концепт матери в традиционной Древней семье // Система ценностей современного общества. 2016. № 44. С. 66–73. EDN: VLAMMX
10. Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15. EDN: MQDNJB
11. Газизова Ю.С. Структурное содержание образа матери // Дискуссия. 2013. № 3(33). С. 96–101. EDN: PXPIKN
12. Харламенкова Н.Е., Стоделова Т.С. Изменение отношений в диаде мать ребенок и динамика образа матери в подростковом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2011. № 1. С. 145–153. EDN: OJLNMZ

References

1. Gazizova, Yu.S. (2012). The role of the mother in modern society. *Discussion*, (8), 122–127 (In Russ.). EDN: PBLTML
2. Kiseleva, T.G. (2002). *The female image in socio-cultural reflection*: monograph. Moscow: MGUKI (In Russ.). EDN: THRDIF
3. Anisyan, A.A. (2023). The image of a female mother in Korean literature. *Korean studies in Russia: direction and development*, (4), 13–19 (In Russ.). EDN: KBXOMJ
4. Karelova, I.I. (2008). The concept of “MOTHER” in the idioconceptosphere of L.E. Ulitskaya. *Proceedings of VGPU*, (10), 18–21 (In Russ.). EDN: KBXOMJ
5. Korobkova, N.V. (2021). The concept of “MOTHER” in the epistolary of V.P. Turgeneva. *Scientific notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences*, 9(21), 98–100 (In Russ.).
6. Mungasheva, M.S., & Ovkhadov, M.R. (2022). The concept of NANA “MOTHER” in Chechen paremiology. *Proceedings of VGPU*, 9(172), 166–169 (In Russ.). EDN: DGBBQY
7. Omorova, T.M. (2018). The image of the mother in the mythology of the Turkic peoples. *Forum of Young Scientists*, 10(26), 912–916 (In Russ.). EDN: YVSNEB
8. Khertek, L.K. (2015). The concept of “MOTHER” in Tuvan heroic tales. *World of Science, Culture and Education*, 6(55), 341–345 (In Russ.). EDN: VLAMMX

9. Chen, Daitsai (2016). The concept of a mother in a traditional Ancient family. *The value system of modern society*, (44), 66–73 (In Russ.). EDN: VLAMMX
10. Tyomkina, A.A., & Rotkirkh, A. (2002). Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia. *Sociological research*, (11), 4–15 (In Russ.). EDN: MQDNJB
11. Gazizova, Yu.S. (2013). The structural content of the mother's image. *Discussion*, 3(33), 96–101 (In Russ.). EDN: PXPIKN
12. Kharlamenkova, N.E., & Stodelova, T.S. (2011). Changing relationships in the mother-child dyad and the dynamics of the mother's image in adolescence. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, (1), 145–153 (In Russ.). EDN: OJLNMZ

Сведения об авторах:

Сафаралиева Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, ассоциативная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: kuznetsova-la@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6960-9426; SPIN-код: 1089-5456, AuthorID: 1155571.

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: разработка проблем семантики, фонетики, морфонологии и лексикологии современного русского языка, а также проблем общего и русского языкознания; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-код: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860, AAG-9635-2020.

Information about the authors:

Lyubov A. Safaraliev, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: cognitive linguistics, associative linguistics, linguoculturology; *e-mail*: kuznetsova-la@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-6960-9426; SPIN-код: 1089-5456, AuthorID: 1155571.

Vladimir N. Denisenko, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the of the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semantics, phonetics, morphology and lexicology of the modern Russian language, problems of General and Russian linguistics; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-code: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860, AAG-9635-2020.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-255-264

EDN: CLJAZO

УДК 811.163.1:801.73

Научная статья / Research article

Нозматическая окрестность как текстовый феномен эпохи церковного раскола

А.В. Загуменнов 

Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования
Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви,
Вологда, Российская Федерация

✉ zaw1991@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования подтверждается возрождением интереса научно-го сообщества к филологической герменевтике как общей теории понимания текстов, однако сама по себе эта теория выступает частным случаем учения о бытии мира, данном в личностных и межличностных актах его осмысления, т.е. лингвистической адаптацией феноменологической философии, что полноценно нашло отражение в концепции доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Георгия Исаевича Богина (1929–2001). С опорой на его теоретико-методологические координаты ключевым понятием нашей статьи стала нозма — минимальная неделимая и далее не членимая единица смысла. Цель исследования — моделирование в традиции теории множеств в адаптации А.Ф. Лосева нозматической окрестности посредством интерпретации содержания формально заданного интервала между ключевым словом («благодать») и синтаксически связанной с ним лексикой. Лингвистическим материалом для практической части статьи выступили самые значительные произведения протопопа Аввакума («Книга бесед», «Книга толкований и нравоучений», «Книга обличений, или Евангелие Вечное» и 4 редакции «Жития, им самим написанного»). Основные методы исследования: проработка понятийного содержания с опорой на внутренние противоречия формирующего и оформленного в этом содержании (диалектический метод); отказ от дальнейших суждений обо всем, что вышло за границы словосочетания в широком понимании этого термина и анализ единиц в редуцированном состоянии (феноменологический метод); выведение из совокупности изолированных фактов общей взаимозависимой целостности минимальных единиц смысла (метод моделирования). Предварительные итоги нашей работы: впервые введено и теоретически обосновано понятие нозматической окрестности в традиции теории множеств на теорию множеств (в интерпретации А.Ф. Лосева) и концепцию Г.И. Богина: представлен алгоритм моделирования этой смысловой структуры, растворенной в текстах эпохи русского церковного раскола: предложены перспективы реконструкции языковой личности на герменевтических и феноменологических основаниях.

Ключевые слова: слово, словосочетание, филологическая герменевтика, языковая личность, протопоп Аввакум

© Загуменнов А.В., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Загуменнов А.В. Ноэматическая окрестность как текстовый феномен эпохи церковного раскола // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 255–264. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-255-264>

Noematic Neighborhood as a Textual Phenomenon of the Church Schism Era

Alexandr V. Zagumennov 

The religious organization — the theological educational organization of higher education “The Vologda theological seminary” of the Vologda diocese of the Russian Orthodox Church, *Vologda, Russian Federation*

✉ zaw1991@mail.ru

Abstract. The relevance of the proposed article is proved by the revival of the scientific community’s interest in philological hermeneutics as in a general theory of understanding texts. By itself, this theory acts as a special case of the world’ existence doctrine, given in both personal and interpersonal acts of its comprehension. This description allows us to assert that philological hermeneutics can be a linguistic adaptation of phenomenological philosophy. This is exactly what we find in the concept of Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Georgy Isaevich Bogin (1929–2001). Based on its theoretical and methodological coordinates, the key concept of our article is noema, the minimum indivisible and further non-separable unit of meaning. The purpose of the proposed work is modeling based on the set theory in the adaptation of A.F. Losev’s noematic neighborhood by interpreting the content of a formally defined interval between the keyword (“*blagodat*”) and the syntactically related vocabulary. The linguistic material for the practical part of the article was the most significant works of Archpriest Avvakum (“The Book of Conversations”, “The Book of Interpretations and Morals”, “The Book of Expositions, or the Eternal Gospel” and 4 editions of “The Life description written by himself”). The main methods of our article are the following: firstly, the elaboration of the conceptual content based on the internal contradictions of the formative and formalized in this content, i.e. we are talking about the dialectical method; secondly, the rejection of further judgments about everything that has gone beyond the boundaries of the phrase in the broad sense of the term and the analysis of units in a reduced state, i.e. the phenomenological method; third, the derivation from a set of isolated facts of the general interdependent integrity of the minimum units of meaning, i.e. the modeling method. The preliminary results of our work are as follows. For the first time, the concept of a noematic neighborhood was introduced and theoretically substantiated basing on the set theory and the concept of G.I. Bogin. We presented an algorithm for modeling this semantic structure, dissolved in the texts of the Russian church schism era, and offered prospects for reconstructing the linguistic personality on hermeneutical and phenomenological grounds.

Keywords: word, word combination, philological hermeneutics, linguistic personality, Archpriest Avvakum

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 01.12.2024.

For citation: Zagumennov, A.V. (2025). Noematic Neighborhood as a Textual Phenomenon of the Church Schism Era. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 255–264. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-255-264>

Введение

Герменевтика, в том числе (и в первую очередь) филологическая, имеет свою историю развития и становления [1; 2], а потому, будучи общей теорией «понимания текста» [3. С. 61], в частных исследованиях и концепциях может содержать противоречивые взгляды по тому или иному вопросу или проблеме, что не нарушает ее целостности, но затрудняет ее восприятие как чего-то единого [4]. Например, в докторской диссертации С.Н. Бредихина утверждается, что «поскольку в герменевтике используются семиотические методы, логические и феноменологические приемы, то она должна непременно основываться на методологическом базисе когнитивной лингвистики» [5. С. 104]. Тем не менее у его учителя по Пятигорскому государственному лингвистическому университету — В.П. Литвинова — позиция была иная: «герменевтика имеет собственную методологию, вполне органично ей присущую, поскольку пафос герменевтики не в процедурах интерпретации и в задании правил для нее, а в критическом анализе теорий и методик понимания и интерпретации и их оснований» [6. С. 50]. Количество подобных примеров легко умножить, однако большая их часть учтена или оговорена в концепции Г.И. Богина, на характеристике отдельных вопросов которой мы остановимся подробнее.

Для него «филологическая герменевтика» является научной дисциплиной, изучающей разнонаправленные процессы обращения читательского опыта на текст «с целью освоения его содержательности» [7. С. 6]. Одним из итогов этого акта выступает проявление нозм¹, которые интерпретируются на уровне теории как «интенциональная сущность», «минимальная единица смысла», «наиболее дробное идеальное образование, способное формировать смысл как систему» [8], при толковании самого «смысла» в духе Г.П. Щедровицкого в виде конфигурации «связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [9. С. 562]. Из этих аксиоматических положений мы можем вывести ряд следствий.

¹ В концепции Г.И. Богина понятие «нозма» заимствовано из англоязычных переводов сочинений Э. Гуссерля, основателя феноменологического движения. Следует отметить, что это не единственный случай влияния идей немецкого философа на советского и русского ученого. Г.И. Богин не только на многих страницах своих работ анализирует феноменологию Э. Гуссерля, но и включает «феноменологический метод» (правда, низводя его до «методики») в свою концепцию филологической герменевтики.

Ноэма, далее неделимая и нечленимая единица, предопределяет часть содержательности текста со стороны человека, способного «создавать ... произведения речи», и распределяет часть содержательности текста со стороны реципиента-читателя, готового «принимать произведения речи» [10. С. 5]. Иными словами, это «наиболее дробное идеальное образование, способное формировать смысл как систему» в равной степени принадлежит и понимающей языковой личности, и понимаемой языковой личности². Ноэма присутствует в тексте в виде намека на себя саму (ибо в чистом виде она в нем не дана) постольку, поскольку ее подлинное бытие где-то «между» людьми и, возможно, где-то «после» людей, как отпечаток «в душе» от соприкосновения с ними. По этой причине эта неделимая и нечленимая единица не тождественна ни «семе» (замечание Л.А. Новикова) [11], поскольку ее бытие определено системой языка, ни «понятию» (замечание В.В. Колесова) [12], поскольку его бытие определено оязыковленными логическими структурами. Ноэмы растворены в содержании и выступают как пределы содержательности, но именно как таковые они могут быть описаны посредством адаптированной теории множеств.

Теоретическое обоснование наличия ноэматической окрестности в тексте

В концепции Г.И. Богина термин «окрестность» в отношении ноэмы не применяется, что обуславливает наше обращение к лингвистической адаптации этого раздела математической теории в отечественной традиции, восходящей к трудам А.Ф. Лосева. Этот фрагмент, в силу его значимости, мы вынуждены привести практически полностью, незначительно его сократив. «В математике под окрестностью точки понимается множество всех точек, расстояние которых от данной точки меньше того или иного положительного числа. Если ограничиться образом прямой, то окрестностью точки на данной прямой является, попросту говоря, всякий взятый на ней интервал. <...> Другими словами каждую точку можно мыслить как точку интервала, в пределах которого существует еще бесконечное множество других точек, бесконечно разнообразно отстоящих друг от друга. И если мы данный интервал на прямой мыслим состоящим из бесконечного числа точек, то этот интервал и есть окрестность для каждой из этих его бесконечных точек» [13. С. 194–195].

Как видно из приведенного фрагмента, исходно этот раздел теории множеств не имел ничего общего ни с языком, ни с языкознанием вообще.

² Иногда в исследованиях иной направленности данный термин может быть содержательно близким к понятию сверхкатегории «образа автора» [14. С. 48]. Тем не менее в концепции Г.И. Богина это не только носитель языка с «пустой теоретической схемой» его моделирования, но и носитель коллективной мыследеятельности с включением в нее разных типов и техник понимания, направленностей рефлексии, систематики и типологии текстов.

«Окрестность» мыслится как положение точки в интервале между «чем-то» и «чем-то» (или до «чего-то», если точек всего две), причем все точки являются не статичными, а подвижными, переменными, которые могут быть «ближе» или «дальше» от других точек, которых они никогда не достигнут — «пределов» для этого множества точек. Если же эту разработку рассматривать в модусе языка (как в цитируемой работе А.Ф. Лосева) для нужд грамматического описания, то, например, любой «падеж есть только предел бесконечного числа отдельных его значений, могущих стать ближе к его основному значению, чем любое конкретное его выражение» [13. С. 222]. По этой логике творительный инструментальный, творительный средства, творительный объекта могут быть точками множества, единый предел которых — «основная» семантика творительного падежа. В финале своей работы А.Ф. Лосев указывает, что применение термина «окрестность» не сводится только к описанию конкретной грамматической категории, поскольку «теория точечных множеств имеет универсальное значение для построения всякой вообще теории языка» [13. С. 255]. Именно эту интерпретацию математической разработки мы и будем считать рабочим объяснением в дальнейшем изложении.

Признание того, что нозмы существуют в «окрестности», выступая пределом содержательности контекстов, редуцированных, например, до словосочетания, позволит последователям концепции Г.И. Богина отойти от попыток выстроить типологию одиночных нозм по принципу вычленения изолированных точек из некоторого смыслового множества без сохранения этого множества и его пределов [15]. Минимальные неделимые и нечленимые единицы смысла в чистом виде не дают достаточных оснований для лишённой противоречий научной разбивки по категориям, выделение групп минимальных неделимых и нечленимых смысловых единиц в одну категорию в действительности оперирует неоднородными элементами, статус которых устанавливается индуктивно. Это не значит, что необходимо вовсе отказаться от любых попыток описания структур, комплексов и комбинаций, образуемых нозмами, однако сами эти организованности, по нашему мнению, должны восприниматься и пониматься не как жесткие иерархии, типы, классы, а как бесконечные множества со своими предельными точками. Этот первый шаг в нашем рассуждении потребует следующего в виде ограничения области развертывания «сонмов» минимальных неделимых единиц смысла. Если для математической «окрестности» помимо точек нужна прямая, существующая в некотором пространстве, то для множества нозм и «нозматической окрестности» прямую заменяет последовательность единиц для речевых поступков, образующих собой текст или череду текстов, а аналогом пространства для прямой выступает речемыследеятельность языковой личности, оформленная текстовым массивом.

Моделирование нозматической окрестности с опорой на слово «благодать»

Осуществим дескрипцию «нозматической окрестности» посредством интерпретации самых значительных сочинений эпохи русского церковного раскола XVII в. — «Книги бесед», «Книги толкований и нравоучений», «Книги обличений, или Евангелия Вечного» и 4-х редакций «Жития...» протопопа Аввакума. Мы задаем интервал от опорной для нас лексемы «благодать» до синтаксически связанных с ней лексем в пределах словосочетания. В данный момент «за скобки» (в соответствии с феноменологическими образцами исследования) выносятся описание грамматического статуса этой связи (сочинение, подчинение, координация) и анализ формальной структуры полученного словосочетания в самом широком понимании этого термина. Мы будем последовательно выдерживать «интервал» в две единицы (опорное слово + зависимое или связанное с ним слово), поскольку, исходя из теории множеств, во-первых, предел (единичная «чистая» нозма) никогда не достигается в полном объеме, и, во-вторых, в силу необходимости оставаться в равных «интервалах» связи двух единиц для адекватности проводимых нами операций с лингвистическим материалом.

Благодать³ как субстанция, способная к действию и вовлекаемая в действие (*дѣйствуемая благодатию*⁴ (С. 305), *дѣйствова благодать* (С. 313), *дѣйствуетъ благодать* (С. 315)), обладает целым спектром оттенков этого действия. Она может быть 1) получена от кого-то (*благодать дается* (С. 454), *даетъ благодать* (С. 286), *данную благодать* (С. 318), *получите благодати* (С. 318)) и прийти к кому-то сама (*прииде благодать* (С. 228)). Ее возможное обретение (*обрѣтохъ благодать* (С. 338), *обрѣтохомъ благодать* (С. 365)) происходит в 2) формах излияния (*изліяся благодать* (С. 451)) или явления кому-либо (*являютъ благодать* (С. 290)). Сам процесс получения благодати 3) измерим (*насыщаемся благодати* (С. 517), *и исполнь благодати* (С. 459), *преизбыточествова благодать* (С. 274)), однако от него можно отказаться (*отъ благодати отпадоше* (С. 354)). В зависимости от предпринятого выбора, возможно судить об 4) онтологическом статусе — присутствии (*имѣти благодати* (С. 318), *благодать есть* (С. 492)) либо отсутствию (*благодати не имѣють* (С. 310)) субстанции, причем она сама может обуславливать чье-либо существование (*и бываетъ благодатию* (С. 485), *исцелѣль благодатию* (С. 74), *творить благодатию* (С. 81)). Интервалом между ключевой лексемой и другими словами разных частей речи выявляется множество контекстов

³ Для простоты демонстрации предлагаемого подхода моделирование нозматической окрестности с опорой на слово «благодать» дано в сокращении. Каждый из последующих пунктов может быть содержательно расширен, уточнен, и изменен в силу того, что выборка производилась из наиболее значительных произведений протопопа Аввакума.

⁴Здесь и далее: Русская историческая библиотека Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века, Кн. 1, вып. 1. Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1927.

с разной интенсификацией того или иного смыслового оттенка в общем содержании представленных единиц, однако этими примерами мы не исчерпали содержание самого интервала.

Благодать как субстанция может обуславливать чье-либо бытие, однако она и сама имеет 5) источник (*благодать Святаго Духа* (С. 313), *благодать Господню* (С. 290), *благодати крещенія* (С. 540–541)). Будучи способной к движению, для нее характерны 6) направление (*благодать на преподабныхъ* (С. 353)) и область распространения, будь то неодушевленная вещь (*земля благодати* (С. 509)), или человек (*в себѣ благодати* (С. 318), *во устѣхъ благодать* (С. 566)). Именно получатель может судить о 7) силе (*силою благодати* (С. 618)) воздействия и 8) красоте (*красота благодати* (С. 540–541)) воздействия благодати (*благодатию осянѣемо* (С. 213)). Возможно, благодаря осязаемости этой субстанции в нее и появляется 9) вера у других людей (*върою во благодать* (С. 364)). Синтез ощущений силы, красоты и убежденности в наличии приводит к тому, что благодать 10) присутствует в общении (*о словесѣхъ благодати* (С. 452), *по благодати звани* (С. 559), *благодатию извѣщевати* (С. 495)). Каждый из десяти пунктов по отдельности можно рассматривать как самостоятельный содержательный интервал со своим множеством точек-ноэм и наоборот: все ноэмы как пределы содержания формируют единораздельные сплошности (термин А.Ф. Лосева) общей им «ноэматической окрестности», вычленяемой из актов речемыследеятельности языковой личности протопопы Аввакума. Поскольку мы находимся на позициях лингвистики, то доминирующим типом модели будет именно словесный, однако это не исключает возможности перевода всего описанного в иную знаковую плоскость для феноменологического изучения персонального смыслового мира (рис. 1).

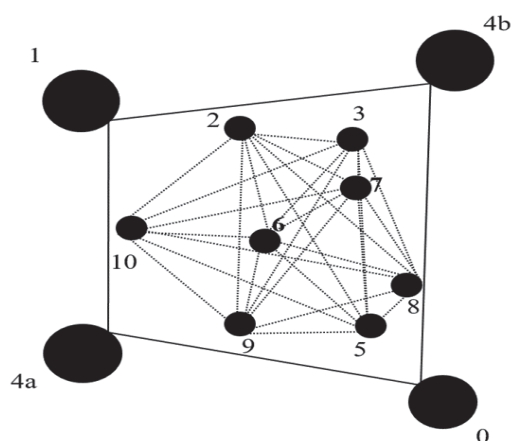


Рис. 1. Модель ноэматической окрестности
Источник: исследование А.В. Загуменнова

Fig. 1. A model of the noematic neighborhood
Source: compiled by Alexandr V. Zagumennov.

На представленном изображении пределы действия (0 — даяние благодати, 1 — получение-обретение благодати, 4a — присутствие благодати, 4b — отсутствие благодати) оказываются и предельными точками для интенсификации смысловых величин, формирующих единораздельные сплошности рассматриваемой нозматической окрестности (цифры внутри квадрата соответствуют выделенным ранее пунктам из анализа лингвистического материала). Расположение составляющих внутри «онтологических рамок» полученной «доски» может быть каким угодно, поскольку — почти декартовская — «протяженность» смысла не имеет ни четкой границы, ни четких координат в выстроенной нами системе исчисления.

Заключение

В статье введено и теоретически обосновано моделирование нозматической окрестности с опорой на содержание формально заданного интервала между словом «благодать» и синтаксически связанной с ним лексикой, однако все осуществленные операции с лингвистическим материалом могут быть применены не только с другими словами на *благ-* (благодарити, благословение, благочестие и т.д.), но и с любым другим словом в его контекстном окружении. Логикой нашего изложения мы стремились нивелировать угрозу смыслового солипсизма (со стороны продуцирующей текст языковой личности) и замкнутости внутри определенной группы грамматически оформленных единиц. Ноэмы в предложенном нами подходе не теряют интересубъективного статуса: к ним сохраняется возможность выхода через интерпретацию содержания для дескрипции их как таковых посредством филологической герменевтики текста. Вместе с тем мы не утверждаем жесткую закреплённость между конкретной единицей языкового яруса и минимальной единицей смысла, что обусловлено учетом рекомендаций из работы А.Ф. Лосева по поводу свободы выбора параметров для моделирования.

Наш подход открывает новые возможности для реконструкции языковой личности на историческом лингвистическом материале, в том числе XVII в., в свете герменевтико-феноменологических разработок Г.И. Богина и А.Ф. Лосева, являющихся по сути альтернативным вариантом развития «стилистики на ментальных основаниях» (В.В. Колесов). Описание совокупности нозматических окрестностей по заранее заданным параметрам позволит очертить контуры мира жизненных смыслов, отображенных через содержание речевого поступка — авторского текста определенного времени и условий создания. Применительно к творчеству протопopa Аввакума, гипотетически, мы сможем определить точки пересечения с другими его сподвижниками в Пустозерске и благодаря им — на уровне языка произведений идеолога староверия — выявить точки расхождения как *не-со-прикасаемость* пределов содержательности оформленных интервалов.

Список литературы

1. Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2005. EDN: QWIOYZ
2. Фуксон Л.Ю. История герменевтики. М. : Перо, 2023.
3. Колосова П.А., Крюкова Н.Ф., Львова Ю.А. и др. Семинарий по филологической герменевтике. Тверская школа. Тверь : Тверской государственный университет, 2021.
4. Hermeneutics and Phenomenology. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2018.
5. Бредихин С.Н. Ноэтическая структура смыслопорождения в философском дискурсе: дисс. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2014. EDN: ZPIKZV
6. Литвинов В.П. Полилогос: проблемное поле. Опыт первый. Опыт второй. Тольятти : МАБИБД (Тольяттинская академия управления), 1997.
7. Богин Г.И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. Тверь : Тверской государственный университет, 2009.
8. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М. : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001.
9. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М. : Школа Культурной Политики, 1995. EDN: JLEFZA
10. Богин Г.И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь : Тверской государственный университет, 2009.
11. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. 1. Проблемы языкового значения. М. : РУДН, 2001.
12. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб. : Златоуст, 2019.
13. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М. : МП РСФСР. МГПИ им. В.И. Ленина, 1968.
14. Валентинова О.И. Образное мышление в науке (на материале сочинения В.О. Ключевского «История России») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 48—57. EDN: NVUWTN
15. Милованова Г.Н. Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» в языковой картине мира : на материале русской, немецкой и японской лингвокультур : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2005. EDN: NNGTLH

References

1. Shpet, G.G. (2005). *Thought and Word. Selected works*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.). EDN: QWIOYZ
2. Fukson, L.Yu. (2023). *The history of hermeneutics*. Moscow: Pero. (In Russ.).
3. Kolosova, P.A., Kryukova, N.F., Lvova, Yu.A., et al. (2021). *Seminary of Philological Hermeneutics. Tver school*. Tver: Tver State University publ. (In Russ.).
4. Hermeneutics and Phenomenology (2018). London, N.Y.: Bloomsbury Publ.
5. Bredikhin, S.N. (2014). *The noematic structure of meaning generation in philosophical discourse* [PhD thesis]. Nalchik. EDN: ZPIKZV
6. Litvinov, V.P. (1997). *Polylogos: a problematic field. The first experience*. Tolyatti. (In Russ.).
7. Bogin, G.I. (2009). *Gaining the ability to understand: works of different years*. Vol. 2. Tver: Tver State University publ. (In Russ.).
8. Bogin, G.I. (2001). *Gaining the ability to understand: Introduction to Hermeneutics*. Moscow: Psychology and Business Online. URL: <https://www.phantastike.com/philosophy/hermenevtika/pdf/> (accessed: 15 September 2024) (In Russ.).
9. Shchedrovitsky, G.P. (1995). *Selected works*. Moscow: School of Cultural Policy. (In Russ.). EDN: JLEFZA
10. Bogin, G.I. (2009) *Gaining the ability to understand: works of different years*. Vol. 1. Tver : Tver State University publ. (In Russ.).
11. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Vol. 1. Problems of linguistic meaning*. Moscow: RUDN University publ. (In Russ.).
12. Kolesov, V.V. (2019). *Fundamentals of conceptology*. Saint-Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).

13. Losev, A.F. (1968). *An introduction to the general theory of language models*. Moscow. (In Russ.).
14. Valentinova, O.I. (2022). Imaginative thinking in science (based on the material of V.O. Klyuchevsky's essay "The History of Russia"). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, (4), 48–57. (In Russ.). EDN: NVUWTN
15. Milovanova, G.N. (2005). *Conceptualization of the concepts of "language" and "native language" in the linguistic picture of the world: Based on the material of Russian, German and Japanese linguistic cultures* [PhD thesis]. Nalchik. EDN: NNGTLH

Сведения об авторе:

Загуменнов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, заведующий заочным сектором бакалавриата, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Вологодская духовная семинария (160901, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Монастырская, д. 2); *сфера научных интересов*: историческая лингвоперсонология; историческая лексикология; историческая стилистика, филологическая герменевтика; феноменологическая философия; семиотика; *e-mail*: zaw1991@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2440-3918; Scopus ID: 57203727245; SPIN-код: 6230-5594, AuthorID: 789235.

Information about the author:

Alexandr V. Zagumennov, PhD in Philology, Head of the correspondence sector of the Bachelor's degree, Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences, The Vologda Theological Seminary (2, Monastirskaia str., Vologda, Russian Federation, 160901); *Research interests*: historical linguistic personology, historical lexicology, historical stylistics, philological hermeneutics, phenomenological philosophy, semiotics; *e-mail*: zaw1991@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2440-3918; Scopus ID: 57203727245; SPIN-code: 6230-5594, AuthorID: 789235.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-265-277

EDN: BQSJUV

UDC 811.161.1:659.4:377

Research article / Научная статья

The Development of Global Citizenship Competence within Professional Public Relations Education

Alla P. Minyar-Beloroucheva¹  , Polina I. Sergienko¹ ,
Natalia Yu. Nelyubova² 

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 ostvera@mail.ru

Abstract. In the era of the Fourth Industrial Revolution aggravated by new challenges facing the humanity, there is a need to consider the significance of developing global citizenship competencies. Public discourse together with those who manage the flows of information in the globalizing world is an indicator of volatility, uncertainty, complexity and ambiguity of the present stage of development. Professional public relations (PR) education at the present stage is closely linked to the ESG system (environmental social governance) and the language instilled in the future specialists, as it reflects the mode of life of society at a particular moment in time. The milieu determines the way of thinking, the worldview which is reflected in the lexical units used to determine new trends and common concerns, having in their turn a reciprocal influence on the changing world view of the people of the globe. The objective of the research is to identify the structural elements of the global citizenship competence development as well as the words and phrases, revealing the major challenges of the present day international community. The methodology concentrates on the recent research of international public relations discourse of different scholars with special regard to global issues. The methods of analysis, synthesis, classification alongside philological analysis were used to contribute to the present holistic study. The results of the investigation have shown that to develop global citizenship competence within ESG paradigm PR undergraduates should concentrate on tackling the urgent issues confronting the world by means of problem discussions that raise awareness and suggest solutions to them. Certain exercises are given to identify certain verbal clusters used in the English language and beyond to become international words and phrases to be taught as part of global citizenship competence in terms of professional PR education governing the way to mass adoption of the universal language.

Keywords: emotional intelligence, ESG system, Discourse Analysis, English, Universal Language

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.12.2024

For citation: Minyar-Beloroucheva, A.P., Sergienko, P.I., & Nelyubova, N.Yu. (2025). The Development of Global Citizenship Competence within Professional Public Relations Education. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 265–277. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-265-277>

© Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Nelyubova N.Yu., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Развитие компетенции глобального гражданства в профессиональном образовании в области связей с общественностью

А.П. Миньяр-Белоручева¹  , П.И. Сергиенко¹ ,
Н.Ю. Нелюбова² 

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 ostvera@mail.ru

Аннотация. В эпоху четвертой промышленной революции, усугубленной новыми вызовами, стоящими перед человечеством, возникает необходимость в рассмотрении значимости развития компетенций глобального гражданства. Коммуникация тех, кто управляет потоками информации в глобализирующемся мире, является индикатором нестабильности, неопределенности, сложности и двусмысленности современного этапа развития. Профессиональное образование в области связей с общественностью (PR) на современном этапе тесно связано с системой ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление) и языком будущих специалистов, поскольку он отражает образ жизни общества в конкретный момент времени. Среда определяет способ мышления, мировоззрение, которое отражается в лексических единицах, используемых для обозначения новых трендов и общих проблем, оказывающих взаимное влияние на меняющееся мировоззрение людей по всему миру. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить структурные элементы развития компетенций глобального гражданства, а также лексические ресурсы, отражающие основные вызовы современного международного сообщества. Методология сосредоточена на исследованиях международного дискурса связей с общественностью различными лингвистами с особым вниманием к глобальным проблемам. Для проведения комплексного исследования были использованы методы анализа, синтеза, классификации и филологического анализа. Результаты исследования показали, что для развития компетенций глобального гражданства в рамках парадигмы ESG студенты PR должны сосредоточиться на решении актуальных проблем, с которыми сталкивается мир, посредством обсуждений проблем, которые повышают осведомленность и предлагают решения. Определенные упражнения приведены для выявления определенных вербальных кластеров, используемых в английском языке и за его пределами, чтобы стать международными словами и фразами, которые должны преподаваться как часть компетенции глобального гражданства в контексте профессионального образования PR, определяющего путь к массовому принятию универсального языка.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, система ESG, дискурс анализ, английский язык, универсальный язык

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

Для цитирования: *Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Nelyubova N.Yu. The Development of Global Citizenship Competence within Professional Public Relations Education // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 265–277. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-265-277>*

Introduction

The history of competence-based approach to L2 professional education dates back to the late 1950s and the early 1960s. American professor Noam Chomsky was the first to introduce the idea of competences as an act of language [1] to be developed

within university undergraduates, including those specialising in public relations (PR), especially relevant for the ESG system. The focus of researchers' interest was revived in 2004 with the acknowledgement of four competences (4Cs) indicated in the CEFR official documents. They included the competences of critical thinking, creativity, communication and collaboration.

With the time the competence-based approach to professional language education developed and two more competences were added, such as citizenship and character, to increase the total number to 6Cs [2]. The frames of the European approach extend to various fields of knowledge including public relation (PR) professional education. “The complexity of today’s global society and the accelerating rate of change require a citizenry that continuously learns, computes, thinks, creates, and innovates. That translates into a critical need to become extremely efficient in the use of the time we spend learning, since we are being required to continuously learn throughout our lives” [3].

In the globalizing world, the development of citizenship competence is regarded to be of primary importance however we consider that at this time it is necessary to develop not only citizenship, but global citizenship competence, which is induced by common threats including climate change, biodiversity extinction, coronavirus pandemic and others, which have blurred all the borderlines of different registers and functional styles of language. Ecological, social, economic, gastic, kinship, medical terminology [4; 5] gained the upper hand to be dispersed in General English, which has spread worldwide to demonstrate and reflect the situations in different parts of the planet.

From educational point of view, it has become essential to include into the curriculum the vocabulary to describe global problems to show the general concern uniting all the humanity. The aim of the study is to identify possible ways to develop global citizenship competence within professional PR education, including the study of the necessary vocabulary units as well as the acquisition of professional skills.

Literature Overview

For a start it is necessary to define the term ‘competence’, which is understood as the combination of emotional and communicative knowledge, skills, attitudes and values¹. Sometimes this combination is grouped around different trends, but the elements are interconnected and superimposed on each other. The capacities of the future PR specialists can be developed in higher institutions, professional practices and part-time projects, where undergraduates get a chance to communicate with other people of different countries, tackle the problems arising before humanity in the face of new challenges, such as the global pandemic.

One of the recent competences is that of citizenship, which is understood as duties and responsibilities of every member of human society to be implemented

¹ McCallum, E., & Coster, I. (2017). Eurydice Report: Citizenship Education at School in Europe. URL: <https://doi.org/10.2797/396908> (accessed: 10.06.2024)

in their every day and professional activities. The citizenship competence deals with the values of every nation and culture individually that separates the peoples but makes them responsible for their actions [6–8]. European educators insist on the necessity to start citizenship competence development at schools for pupils to become responsible, emphatic, caring citizens of the world [9]. Citizenship competence for public relations undergraduates allows them to commit to harmonious coexistence with the people of the world, to take an active part in spreading the plurality of values and beliefs in the community of the planet within the professional discourse [10; 11].

As a result of the carried out research it was established that citizenship competence includes such types as the competence of knowledge, emotional competence, cognitive competence, communicative competence and integrative competence², ³. It should be noted, however, sometimes the competence of communication and collaboration are singled out as self-standing ones [7]. Other scholars consider them to be an integral part of global competence.

The competences developed within PR undergraduates should prepare them to be not only responsible citizens of their countries, but responsible citizens of the whole world. When we discuss public relations activity on the world stage we are to introduce the citizenship competence with regard to the global interests of humanity.

In this context we proceed to discuss global competence, which presupposes the ‘capacity to examine local, global and intercultural issues, to understand and appreciate the perspectives and world views of others, to engage in open, appropriate and effective interactions with people from different cultures, and to act for collective well-being and sustainable development’ [12]. Global competence is associated with skills, values and behaviours [4; 13] preparing PR undergraduates to prosper in the rapidly changing and unified world. “A culturally competent global citizen” [14] is not born but becomes by way of teaching to be so, which can be achieved by specialized training [15–18].

The development of global citizenship competence is the way to bring up responsible citizens of our planet. One of the tasks of a global citizen deals with taking care of the biodiversity of the planet and its environmental protection which is part of the planetary culture which is closely connected with cultural competence and emotional intelligence. Only caring, emotionally sensitive people with high personal culture, emotionally sensitive can cope with the tasks facing them. The behavioural etiquette of global citizenship is determined by the ideas and emotions. Emotions help to perceive the knowledge of the most urgent problems of the day.

To introduce global citizen competence to be developed within future PR specialists, it is necessary to instill all the knowledge, skills and attitudes

² Ministry of National Education. (2017). Basic standards of citizenship competences: Forming for citizenship Yes it is possible! Series Guides No. 6. URL: <https://warbletoncouncil.org/competencias-ciudadanas-5328> (accessed 12.07.2024).

³ Citizen competences. (2017). *Presentation of the Ministry of National Education*. URL: [Es. slideshare.net](https://www.slideshare.net/Es/slideshare.net). (accessed 02.28.2017).

to prepare them to thrive in the future professional life. Global citizenship competence is important for implementation of international practices of PR communication, as it has been vividly illustrated by the spread of communicable diseases throughout world, which have been of truly global character and a threat to human existence. Such issues of global concern make PR undergraduates be globally competent concerning diverse global forces, events, conditions and problems.

Global PR practice is connected with interaction of the people of different countries speaking different languages and belonging to different cultures. This process however is also characterized as communication in the English language with certain regards to cultural and ethnic differences. Some scholars call it international competence, that becomes most relevant for public relations undergraduates who will work within the system of the new world order in the ESG paradigm. Biodiversity preservation, climate change, environmental protection, energy security, healthcare issues have become not only economic, ecological, social or medical phenomena to strike the humanity, but the intercultural phenomena which were actualized and fully realized by intercultural communication, especially at the vocabulary level. Global citizenship competences can be developed by means of special language acquisition which will shape and develop a new worldview and new attitudes to the global processes.

Methodology

Methodology plays an important role in traditional research in general and in research of PR discourse concerning ecological social governance in particular. Theoretical works focus on various approaches concerning the development of L2 PR undergraduates' competences. The methods of questionnaire, analysis, synthesis, classification alongside philological analysis were used to study major challenges as well as common words and phrases that contribute to the dissolution of terminological borderlines and unification of languages to create global worldview, which influences attitudes, values and behaviours of the competent future PR specialists.

The authors put out the following hypothesis: Global citizenship competence can and should be developed within PR undergraduates, assisting them to be successful specialists in the globalized world with regard to the ESG system.

Participants of the survey:

The research has been carried out within PR undergraduates at the Lomonosov Moscow State university to assess global challenges facing humanity at present. A questionnaire was disseminated among the students of the 1st and 2nd years of education, which amounted to 72 respondents (aged 17–20).

Materials or Measures:

The method of original questionnaire as well as classification and generalization of the results were used to help visualizing the outcome. The authors have also produced visual graphs to illustrate the results of the surveys.

Procedure:

A questionnaire was disseminated among the groups by means of Internet, the results were collected and analysed by the authors. The respondents were asked about the most urgent problems of today facing the humanity. An analysis of the answers allowed the authors to draw certain conclusions. The novelty deals with the development of the global citizenship competence on the basis of the global problems and special lexics entailed in its recognition. The authors also analyse the topics chosen by PR undergraduates for round table discussions as well as suggest certain exercises to be implemented for in-class topic discussions and professional vocabulary acquisition.

Results and Discussion

Identifying major challenges for humanity for global citizenship competence

The most important characteristics of the present day are the ideas of digitalisation and globalisation. Digital technologies are being implemented into the system of higher professional education worldwide. New developments of human scientific thought including high speed internet, high capacity digital computer and mobile technologies, Internet instruments, social networks, cloud storages, blogging and wiki services — all have already become new realities of the present day life, business and education. The advances in technology can be used not only for education but for the professional orientation and performance in the chosen field of activity. In the new world of digital globalization there arises the demand for the global citizenship competence to be instilled in the future PR specialist, digital literacy being part of it. The necessary global values, skills, attitudes are expressed by means of language, which reflect the situation of the world. Mankind is destined to live in ‘new normal’, radically different world [19], which is to be discussed, realized and accepted.

Special attention has been paid to investigating how PR undergraduates at the Lomonosov Moscow State university assess global challenges facing humanity at present. A questionnaire was disseminated among PR undergraduates, who were supposed to suggest most urgent issues confronting the wellbeing of the humanity per se.

The answers of the undergraduates can be classified to fit the following categories:

- Biodiversity preservation;
- Environmental protection;
- Climate change;
- Energy security and the renewables;
- The quality of life;
- High tech technologies and AI (artificial intelligence);
- Healthcare and the fight against communicable diseases;
- Human rights advocacy;
- Equality of the people of the planet;
- Space exploration.

When asked to identify the most urgent and relevant issues among those listed above, PR undergraduates of the first and the second years of education (72 in total) gave the following answers — see Picture 1.

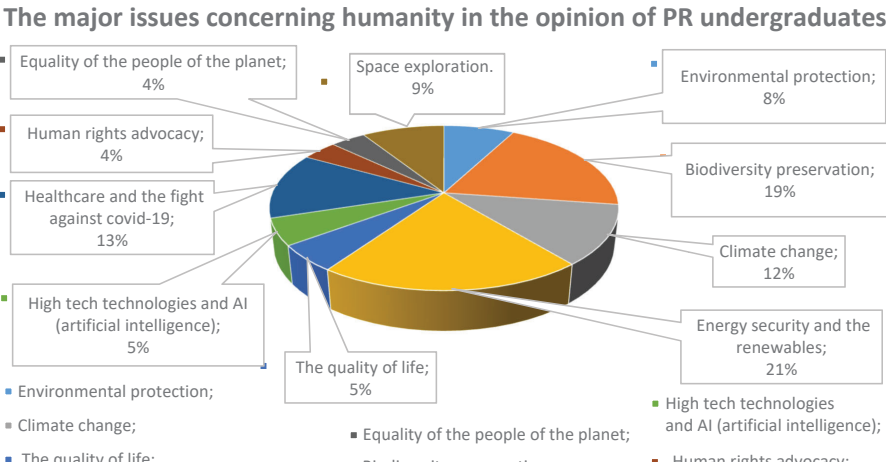


Figure 1. A chart showing the percentage distribution of most urgent issue for the present day humanity in view of PR undergraduates

Source: compiled by Alla P. Minyar-Beloroucheva, Polina I. Sergienko, Natalia Yu. Nelyubova

Picture 1 represents a pie chart showing the attitude of PR undergraduates towards the most important issues of today. When asked to grade the most important ones, they gave the following answers. The majority of PR undergraduates (21 %) consider energy security and renewable sources of energy to be of primary concern. The second important issue is biodiversity preservation (19%), followed by healthcare and the fight against communicable diseases (13 %). The issue of space exploration (9 %) goes hand in hand with climate change (12 %) and environmental protection (8 %) and is followed by high tech technologies and AI (5 %), as well as the quality of life (5 %). The final topic to raise public concern in the opinion given during the questionnaire is equality of the people of the planet and human right advocacy — 4 % each.

The results represented in the pie chart can be explained by the environmental concern of the present day and major challenges facing humanity. Moreover, new sources of energy as well as the issue of biodiversity preservation and the quality of life are inseparably connected with the environmental issues, that drive the most popular PR campaigns [20]. The raised awareness of the challenges and problems of the global society contributes to the formation of the future PR experts and instills the competence of global citizenship.

Global citizenship development through professional discussions and digital literacy

Another way to develop global citizenship competence is to discuss the major issues of the present day with PR undergraduates in groups in the form of panel discussions, professional conferences and round tables. These professional discussions

held in the English language (*lingua franca*) including terminological units, specialized phrases, expressions of challenges, possible solutions and attitudes — all secure the paramount comprehension of the importance of the major concerns of humanity as well as stimulates ways of their resolution. The awareness of the global issues is an essential part of the competence development. Moreover, PR undergraduates should also develop digital competences to secure universal command of the new technologies applied in the profession and education, including online zoom sessions and life broadcasting.

Due to the recent pandemic when the lockdown was imposed globally people started to communicate through the internet more intensely, which became a great impetus for the development of digital instruments, thus making globalization digital. Digital globalization in the twenty-first century is fostered by digital technologies and characterized by accelerating and increasing flows of data and information. In the process of digitalization of the economies, global data flows are surging and digital platforms allow more countries and smaller enterprises to participate [21].

For PR undergraduates digital globalization is of primary importance, as it helps business companies find new clients by coming into new markets and expand its influence among competitors. Besides business issues, PR experts have to cope with ESG problems (environmental and social governance). Scholars note, that developing collaboration on the international level facilitated by social media and multimodal platforms makes coordination and cooperation on the global level possible, thus justifying the development of the corresponding competences in PR classes.

Digital literacy is required as an indispensable instrument in discussing vital issues of universal concern, be it measures to fight the pandemic, or biodiversity preservation. For the academic purposes to practice professional discussions various internet platforms can be used, including skype, zoom, webex. Internet breaks the traditional borderlines, inviting its users worldwide to discuss the urgent issues of today. The example topics suggested by PR undergraduates to discuss the subject ‘The Quality of Life’ during a series of round tables, held at Lomonosov Moscow State university in September 2021 include the following:

- Urgent actions to protect and restore and protect biodiversity for a thriving life on the planet;
- Ecological problems of my city and ways of their solution;
- The relation between the quality of work and the quality of life;
- Attitudes toward ethical issues of genetic testing through the prism of time;
- Is climate change in the Arctic a myth or a reality?
- Digital literacy in the modern world and the life quality;
- Green Economy: the production of pure energy;
- Effects of climate change on human well-being;
- The communicable diseases and their impact on the process and quality of education in Russia and abroad;
- Acute struggle of young Africans for their jobs and education during the recent pandemic;

- The North-South problem: an analysis of the economic situation of developing countries.

The method of classification allows to group all the topics given prominence during students' round tables discussions into the following categories:

- Green economy;
- Environmental protection and biodiversity preservation;
- The level of education in the world;
- communicable diseases consequences;
- Digital literacy;
- Healthcare aspects

When calculating the amount of topics (72 in total) devoted to one of the issues we get the following results — See Table.

Topics discussed during round table series

Topics suggested by PR undergraduates	Amount of talks given
Green economy	15
Environmental protection and biodiversity preservation	14
The level of education in the world	12
communicable diseases consequences	12
Digital literacy	11
Healthcare aspects	9

Source: compiled by Alla P. Minyar-Beloroucheva, Polina I. Sergienko, Natalia Yu. Nelyubova

Table shows that the major concern of PR undergraduates is focused on the green economy and the environmental protection with special regard to biodiversity, as the planet and the living conditions are the most important aspects of the present day.

As it has been demonstrated earlier, “the real life-like experience educational games within the leaner-oriented approach can be described as a favorable factor of L2 acquisition. It facilitates this process of learning because besides pleasure, i.e. the esthetic interest, a game makes the PR undergraduates be engaged in active learning when they use the grammar constructions or the vocabulary naturally and unconsciously” [22]. Moreover, professional real-life discussions, including those held online, contribute to the development of the global citizenship competence, which is important for the present study.

L2 exercises for global citizenship competence development

Global citizenship competence should be developed not only by means of internet group discussions and conferences, but by special exercises, what should be introduced into the PR educational process to bring to heart the importance and responsibility of the global citizens. It becomes especially relevant today at the time of the pandemic and the threat to people's health. The present day witnesses the dynamic development

of lexical units in all strata of the English language. The unprecedented time of the pandemic threat has entailed changes of active vocabulary of common speakers and a shift of language registers. Within a short period lasting several weeks, the changes that occurred in the English language are comparable to a revolutionary upheaval caused by communicable diseases. The mass spread of the coronavirus disease influenced the consciousness and the way of thinking, giving rise to a new form of thinking and its linguistic realization. The virus in question is not only the medical challenge, but a psychological and linguistic phenomenon which influences the people's communication, Mass Media, public relations and creative activities. PR undergraduates should reveal their global citizenship competence in dealing with the issue of healthcare, primarily on the level of vocabulary knowledge. Professional lexical units acquisition is usually achieved by memorizing techniques and can be facilitated by exercises developing vocabulary and instilling confidence in the future PR experts, when discussed in class or in the professional areas.

Let us consider the following exercises aimed at enriching professional vocabulary of PR undergraduates basing on the text, describing pandemic and biodiversity issues, found at the WWF website:

“Nature is declining globally at rates unprecedented in millions of years. The way we produce and consume food and energy, and the blatant disregard for the environment entrenched in our current economic model, has pushed the natural world to its limits. Communicable diseases manifest our broken relationship with nature. It has highlighted the deep interconnection between nature, human health and well-being, and how unprecedented biodiversity loss threatens the health of both people and the planet” [23].

- *Exercise 1: Write out terminological units from the texts. Classify them. Substantiate your criteria.*
- *Exercise 2: Write out the definitions for several terms from the text.*
- *Exercise 3. Write an essay using the words from the text. Discuss it with your fellow students.*

The suggested exercises can be used to practice professional discussions in L2 PR classes to enrich the vocabulary awareness as well as contribute to the development of the assigned competences. It should be pointed out that emotional intelligence plays a big role in developing competences of global citizenship, as emotions and empathy help people assess the situation, critically perceive the information and undertake the required actions to take care of the planet within the ESG system. In general, a special point should be made on the necessity to inform PR undergraduates about the danger and consequences of contagious communicable diseases, the urgency of biodiversity preservation, the current pursuit of the green economy and sustainable development and other issues among current global concern. Such words and phrases can be of help: *independent conservation organizations, the mission to stop the degradation of the planet's natural environment, to build a future in which humans live in harmony with nature, to conserve the world's biological diversity, the use of renewable natural*

resources, sustainable development, to promote the reduction of pollution and wasteful consumption, an international conservation charity, to work to create a world where wildlife thrives, a global impact on environment, global analysis of biodiversity, humankind functions in ecosystems, global plant diversity, to overcome the threat to plants presented by climate change, the deepest global disruption and health crisis of a lifetime. The acquired words and phrases during L2 classes help PR undergraduates navigate in the array of problems, raise awareness, shape attitudes and promotes future solutions. It should be said, that nowadays “Humanity’s increasing destruction of nature is having catastrophic impacts not only on wildlife population but also on human health and all aspects of our lives” [23]. Biodiversity is of primary importance at present. The preservation of biodiversity should be carried out within the frame of environmental protection. The notion of global citizenship competence in reference to biodiversity preservation problems is expressed in language and by language. Among the components comprising emotional intelligence are such as self-awareness, social skills, empathy, self-regulation, motivation, social skills and empathy.

Conclusions

The conducted analysis has shown, that in the times of the Fourth Industrial Revolution the development of global citizenship competence is regarded essential, as it allows future PR experts to deal with common global threats and challenges facing the humanity including climate change, biodiversity extinction, coronavirus pandemic and other issues. Drawing up the line, global citizenship competence exists together with the emotional intelligence, as only those PR undergraduates who can feel sympathy and empathy can respond to the challenges and take care of the whole humanity. With the developed global citizenship competence, alongside other six competences, including communication, collaboration, creativity, critical thinking, character and citizenship, PR undergraduates become the vanguard of the global citizens’ group to implement novel ideas into real life. As is known, the change in society and everything connected with it, especially the way of thinking and the mode of life are hard to bring about, as it is difficult to make people think in a different way. PR undergraduates are educated to hold conferences and meetings to persuade the public of the necessity of change to solve the vital issues of the present. The ESG goal of PR undergraduates should deal with the synthesis of knowledge and skills to form a mindset to extract useful information and spread it throughout the world acting in line with environmental and social governance.

References / Список литературы

1. Chomsky, N. (1969). *Aspects of the syntax theory*. Cambridge : MIT Press.
2. Fadel, C. (2008). *Multimodal learning through media: What the research says*. CA: Cisco Systems. URL: https://www.cisco.com/c/dam/en_us/solutions/industries/docs/education/Multimodal-Learning-Through-Media.pdf (accessed: 05.11.2021).
3. Fullen, M., Quinn, J., & McEachen, J. (2017). *Deep Learning: Engage the World Change the World. Thousand Oaks*. CA: Corwin press.

4. Muzikant, V., Ponomarenko, E., Barabash, V., & Denisenko, V. (2019). New media: invective language transformation of global communication. *XLinguae*, 1(12), 80–90. <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.01.06>
5. Nelyubova, N.Yu., Semina, P.S., & Kazlauskene, V. (2020). Gourmandism in the hierarchy of values of the French and Belgians (a case study of proverbs and sayings). *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 969–990. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990> EDN: THXBFJ
Нелюбова Н.Ю., Семина П.С., Казлаускене В. Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990> EDN: THXBFJ
6. Hazelkorn, E., Ryan, C., Beernaert, Y., et al (2015). *Science Education for Responsible Citizenship. Report to the European Commission of the Expert Group on Science Education*. Brussels: European Commission. <https://doi.org/10.2777/12626>
7. Hoskins, B., Saisana, M., & Villalba, C.M.H. (2015). Civic Competence of Youth in Europe: Measuring Cross National Variation through the Creation of a Composite Indicator. *Social Indicators Research*, 123(2), 431–457. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0746-z>
8. Hofstede, G., Hofstede, G.J. & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations*. New York: McGraw-Hill.
9. Piccardo, E., Goodier, T., & North, B. (2018). *Council of Europe. Common European Framework of References for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors*. Strasbourg: Council of Europe Publ.
10. Malyuga, E.N., & Akopova, A.S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training, Language and Culture*, 5(4), 65–76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76> EDN: SNFBNY
11. Ponomarenko, E.V., Magirovskaya, O.V., & Orlova, S.N. (2020). Introduction: Professional Discourse. In: *The Focus of Functional Linguistics*. Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-32-9103-4_1
12. Barrett, M. (2021). *Preparing our youth for an inclusive and sustainable world: The OECD PISA Global Competence framework, assessments and findings*. Paris: OECD. URL: <https://www.oecd.org/education/Global-competency-for-an-inclusive-world.pdf> (accessed: 30.09.2021).
13. Denisenko, V., Yergazy, N., & Rybakov, M. (2023). Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication. *RUDN Journal of Language Studies Semiotics and Semantics*, 14(3), 575–594. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-575-594> EDN: NRGNZR
14. Winkelman, M.J. (2018). *Cross-cultural awareness, sensitivity and competence*. Las Vegas: Eddie Bowers Publishing.
15. Lazareva, O.V. (2019). Functional Semantics and Linguosemiotics: Modern Trends. *RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics*, 10(4), 731–739. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-731-739> EDN: OHMCEV
16. Malyuga, E.N., Krouglov, A., & Tomalin, B. (2018). Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication, *XLinguae*, 11(2), 566–582. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.46> EDN: OYSQLQ
17. Novospasskaya, N.V., & Lazareva, O.V. (2021). Linguistic Dominants of Grammar and Lexis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 537–546. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-537-546> EDN: BFGMKK
18. Nikolich, M. & Novospasskaya, N.V. (2013). Kinship Terms in the Russian and Serbian Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4(1), 74–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364> EDN: PXZUFL
Николич М., Новоспасская Н.В. Термины родства в русском и сербском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2013. Т. 4. № 1. С. 74–78. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364> EDN: PXZUFL
19. Schwab, K. & Malleret, T. (2020). *COVID-19. The Great Reset*. New York: Forum publ.

20. Minyar-Beloroucheva, A. & Sergienko, P. (2021). The Language of Ecology within the Frame of Public Relations Discourse. *Rural Environment. Education. Personality*, (14), 147—154. <https://doi.org/10.22616/REEP.2021.14.016>
21. Schilirò, D. (2018). *Digital globalization*. Mimeo. URL: https://www.aimcongress.com/October2019/Contents/archives/SchiliroD_DigitalGlobalization_11Dec2018.pdf?ext=.pdf (accessed: 13.02.2024).
22. Sergienko, P., Minyar-Beloroucheva, A., Vishnyakova, O., & Vishnyakova, E. (2021). Academic conferences in professionally oriented language acquisition by public relations undergraduates. *AMAZONIA INVESTIGA*, 10(42), 69—79. <https://doi.org/10.34069/AI/2021.42.06.7> EDN: QJUKEE
23. Almond, R.E.A., Grooten M., & Petersen, T. (2020). *Living Planet Report 2020 Bending the curve of biodiversity loss*. Gland: WWF. URL: https://www.wwf.org.uk/sites/default/files/2020-09/LPR20_Full_report.pdf (accessed 08.11.2021).

Information about the authors:

Alla P. Minyar-Beloroucheva, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Foreign Languages of the History Faculty, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory str., Moscow, Russian Federation, 119991); *Research interests*: language for special purposes, functional stylistics, cognitive linguistics; *e-mail*: ostvera@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9760-3857, SPIN-code: 8712-3304; AuthorID: 384261.

Polina I. Sergienko, PhD in Philology, Lecturer of the Department of English for the Humanities Faculties of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies; Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory str., Moscow, Russian Federation, 119991); *Research interests*: discourse analysis, cognitive linguistics, cross-cultural communication; *e-mail*: poserg@bk.ru

ORCID: 0000-0002-8443-1654; SPIN-code: 6582-6230, AuthorID: 572525.

Nataliya Yu. Nelyubova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Foreign Languages Department, Faculty of Philology, RUDN University; *Research interests*: comparative and typological linguistics, paremiology, linguoaxiology; *e-mail*: neliubova-nyu@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-6538-8267; SPIN-code: 9799-0555, AuthorID: 394192.

Сведения об авторах:

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1); *научные интересы*: язык для специальных целей, функциональная стилистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: ostvera@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9760-3857, SPIN-код: 8712-3304; AuthorID: 384261.

Сергиенко Полина Игоревна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и востоковедения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1); *научные интересы*: анализ дискурса, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: poserg@bk.ru

ORCID: 0000-0002-8443-1654; SPIN-код: 6582-6230, AuthorID: 572525.

Нелюбова Наталия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: сравнительное и типологическое языкознание, ценностные ориентиры различных народов и их отражение в языке, пословичный фонд различных языков, исследования в области французского языка (фонетика, морфология, лексика, фразеология); *e-mail*: neliubova-nyu@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-6538-8267; SPIN-код: 9799-0555, AuthorID: 394192.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-278-290

EDN: BNTENV

УДК 81'27:659.4:32

Научная статья / Research article

Методология изучения коммуникативной личности политика

Д.С. Мухортов  , Е.А. Жовнер 

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
 dennismoukhortov@mail.ru

Аннотация. Изучение коммуникативного поведения личности требует различных методологических приемов в зависимости от целей и задач исследования. Лингвополитическая персонология рассматривает политическую коммуникацию как явление институциональное, характеризующееся определенной степенью театральности и нацеленное на реализацию властных амбиций ее участников, что позволяет исследователям использовать определенный набор методов и приемов, чтобы проанализировать коммуникативное поведение политиков. Цель исследования — описание наиболее эффективного сочетания методов исследования, позволяющих разработать типологию коммуникативной личности политика и апробировать ее на конкретном языковом материале. С опорой на накопленный исследовательский опыт в других гуманитарных дисциплинах задействован описательно-типологический метод для создания типологии коммуникативной личности политика, включающей в себя семь типов: «Защитник», «Этатист», «Слуга», «Воин», «Обвинитель», «Правитель», «Идеалист». Тезаурусный подход позволил установить список ключевых имен существительных и глаголов, характеризующих каждый тип личности и их ведущую коммуникативную интенцию. Апробация типологии проходила на материале британского парламентского дискурса 2010–2022 гг. Использование методов корпусной лингвистики, в частности метода подсчета абсолютной частотности слов при помощи текстового анализатора Sketch Engine, позволило выявить наиболее значимые тенденции в коммуникативном поведении лидеров консервативной и лейбористской партий и установить преобладающие типы коммуникативной личности. Результат исследования — создание универсального алгоритма, в котором поэтапное применение нескольких методов, в том числе изучение тактико-стратегического поведения говорящего, становится основой для холистического анализа коммуникативного поведения политика.

Ключевые слова: лингвоперсонология, политический дискурс, типологический подход, тезаурусный подход, методы корпусной лингвистики

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мухортов Д.С., Жовнер Е.А., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: дата поступления: 26.07.2024; дата приема в печать: 16.12.2024.

Для цитирования: Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. Методология изучения коммуникативной личности политика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 278–290. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-278-290>

Elaborating a Methodology for Gauging a Politician's Communicative Personality

Denis S. Mukhortov  , Elizaveta A. Zhovner 

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation
 dennismukhortov@mail.ru

Abstract. Communicative behaviour studies require using numerous methodological approaches depending on the goal and tasks of research. Linguopolitical personology conceives of political communication as an institutionalized phenomenon aimed at holding power or winning the race for power, which allows researchers to employ a particular toolset to explore a politician's communicative behaviour. This article seeks to provide effective methods in crafting communicative types of political personality. A typology hinges upon cross-disciplinary criteria and includes seven types — The Defender, The Statist, The Servant, The Warrior, The Blame Maker, The Ruler, The Idealist, each commensurate with an overarching communicative goal and dependent lexical sets. It is tested by scrutinizing the British parliamentary debates of 2010–2022 and determining the strength of a type correlation by noun and verb frequency; to that end research exploits the Sketch Engine content analysis program. The proposed methodological algorithm, if supplemented by delving into strategies and tactics, can be regarded as a universal tool for analyzing a politician's communicative behaviour holistically.

Keywords: linguopersonology, political discourse, typological approach, thesaurus approach, corpora linguistics methods

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 26.07.2024; accepted: 16.12.2024.

For citation: Mukhortov, D.S., & Zhovner, E.A. (2025). Elaborating a Methodology for Gauging a Politician's Communicative Personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 278–290. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-278-290>

Введение

Лингвоперсонология, возникшая на стыке «философских концепций персонологии, персонализма и лингвистики» [1. С. 116], трактуется как «интегрированная область научного знания, основной задачей которой является описание языка как вариативной системы, определяемой качеством языковой способности человека» [2. С. 197]. Она направлена на анализ языковых средств, используемых человеком в различных жанрах устной и письменной

речи и характеризующих его тем или иным способом. Классификация данных особенностей позволяет говорить о типах исследуемой личности, проявляющей себя в ситуации общения.

Большое влияние на речевое поведение личности оказывают ее прагматические установки, реализуемые в процессе коммуникации, в связи с чем фокус лингвоперсонологических исследований смещается в сторону изучения коммуникативной личности, а не языковой. Коммуникативная личность, таким образом, рассматривается как единица динамическая, ее речевое поведение может варьироваться и менять ход коммуникации в зависимости от целеполагания говорящего.

Политический дискурс «представляет собой регламентируемую определенными историческими и этнокультурными кодами смыслообразующую и смысловоспроизводящую деятельность, направленную на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе» [3. С. 674]. Лингвополитическая персонология позволяет «охарактеризовать представления о задачах политической риторики, специфике повестки дня и целевой аудитории, а также описывать речевые модели, на которые опирается политический дискурс» [4. С. 102].

Данный раздел лингвистики изучает речевое поведение политиков в условиях институциональной коммуникации. В данном случае выбор политиком «коммуникативной маски», определенной роли или, типа коммуникативной личности, обуславливается целью, адресной, жанровой и тематической направленностью коммуникации. Выявление и последующее изучение типов коммуникативной личности политика требует сочетания нескольких методологических приемов. В связи с этим нами были применены описательно-типологический метод, тезаурусный подход, а также методы корпусного анализа, что позволило провести всеобъемлющий анализ коммуникативного поведения политика.

Описательно-типологический метод

Типологизация личности дает возможность разработать инструмент социально-психологического «фильтра» для описания и анализа речевого поведения политика. Типологический метод заключается в «последовательной характеристике стратегии как макроинтенции, репертуара актуализирующих ее тактик как частных интенций и, наконец, языковых средств и речевых приемов как плана выражения интенции» [5. С. 22] и позволяет сконцентрироваться на «спектре применяемых политиками коммуникативных ролей» [6. С. 24] — типах коммуникативной личности политика.

В данной статье подробно описан следующий алгоритм типологизации коммуникативной личности политика: «1. Установление интенционально-обусловленных критериев, позволяющих выделить конкретные типы коммуникативной личности политика. 2. Выявление ключевых лексем,

характеризующих выделенные типы коммуникативной личности политика, на основании тезаурусного подхода для последующего лингвостатистического анализа. 3. Создание корпуса высказываний политика по заданным коммуникативным ситуациям. 4. Анализ полученного корпуса при помощи программного обеспечения с использованием функции подсчета частотных слов. 5. Описание преобладающего типа коммуникативной личности политика на основе поиска ключевых лексем среди наиболее частотных слов, встречающихся в корпусе высказываний» [7. С. 221].

Для установления интенционально-обусловленных критериев необходимо обратиться к существующим в гуманитарных науках типологиям и отметить в них схожие черты.

Идея типизации в психологии принадлежит швейцарскому психологу К.Г. Юнгу, исследовавшему категорию бессознательного как непосредственную основу глубинных психических структур, или архетипов, определяющих функционирование человеческой психики [8. С. 203]. В более широком смысле архетип может трактоваться как «устойчивый набор неосознаваемых образов, общих для представителей данной культуры» [9. С. 168] и как «психологический фильтр, связанный с социальной средой», «свойство человека как представителя определенной среды» [10. С. 41].

Американские исследователи К. Пирсон и М. Марк изучили двенадцать архетипов брендинга, фокусируясь на основных функциях бренда: Творец («поощряет все воображаемые устремления» и «помогает людям выразить себя»), Заботливый (цель его деятельности — помогать другим), Правитель («вдохновляет на принятие ответственности»), Шут («побуждает к получению удовольствий от жизни»), Славный малый («учит эмпатии, реализму и житейской мудрости»), Любовник («помогает испытывать удовольствие, добиваться близости, быть преданными и идти за своим счастьем»), Воин/Герой («учит преодолевать препятствия» или «видит во всех врагов»), Бунтарь («сосредоточивает подавленную агрессию в отношении структур, которые больше не служат жизни даже в тех случаях, когда эти структуры поддерживаются обществом или нашим сознательным выбором»), Маг (изучает, «как преобразовывать ситуации, влиять на людей и превращать видение в реальность»), Простодушный (реализует миф «о золотом веке», «где жизнь уже идеальна или будет такой»), Искатель («оставляет в покое известное для познания неведомого»), Мудрец («ищет истины, чтобы помочь людям стать мудрыми, объективно увидеть себя и мир и корректировать курс на основе результатов действий и выбора решений») [11. С. 17–20].

При анализе речевого поведения политика во внимание принимаются основные составляющие политической коммуникации: «мифологичность, театральность, алармизм, вежливость, агональность, полевое устройство коммуникативного пространства, где есть центр и периферия, клиенты

и агенты» политического дискурса — и на их основе выделяют следующие типы: политик-мифотворец (стремится «создать вновь или, быть может, возродить из забвения ранее существовавший в рамках данной цивилизации политический миф»), политик-актер (реализует цель «разыгрывать для публики самые различные роли, причем нередко с интенцией всего лишь развеселить аудиторию»), политик-алармист («не только констатирует наличие какой-либо социальной проблемы, но и прагматически подчеркивает свой вклад в ее выявление на политических дебатах»), политик-джентльмен (-леди) («воздерживается от оскорблений, придерживается правил речевого этикета»), политик-агрессор (в отличие от предыдущего типа «проявляет речевую агрессию, дискредитирует своих оппонентов»), политик-маргинал (позиционирует себя «не-политиком» или «нетипичным политиком») [12. С. 155–160].

В теории политического лидерства одной из наиболее выдающихся является типология американского исследователя Г. Лассуэлла, который выделяет следующие типы лидеров: «агитатор», «администратор» и «теоретик». «Агитаторы» стремятся одержать победу в борьбе за власть при помощи эмоционального воздействия на аудиторию. Они относятся к оппонентам как к непримиримым врагам и «преувеличивают значение желаемых социальных перемен, которые возможны в результате осуществления социальных действий определенной направленности» [13. С. 92]. Лассуэлл также отмечает подтип «агитатор-обвинитель», который обращается к моральным установкам и «проецирует неблагоприятные характеристики на других людей на основе нравственности» [там же. С. 274]. «Администраторы» нацелены на высокое качество координации политических действий и оказание влияния на нижестоящих лиц за счет «властных полномочий или за счет авторитета личности» [там же. С. 136], а также стремятся найти сторонников среди круга приближенных лиц, а не обычного населения. «Теоретикам» свойственно опираться на общепринятые догмы и «идеологические обоснования и оправдания политических действий» [там же. С. 9].

М. Херманн рассматривает такие особенности лидерства, как характер самого лидера и его сторонников, их взаимодействие и контекст, в котором осуществляется лидерство. Основанная на этих факторах типология включает в себя четыре типа лидеров: «знаменосец» — ведет сторонников «к мечте», «служитель» — выражает их интересы, «торговец» — стремится путем убеждения «добиться поддержки его политики и ее осуществления», а «пожарный» — реагирует на нужды и проблемы людей [14. С. 91].

В политологии также утверждается, что инструментом оказания влияния на политическую коммуникацию служат политические мифы. Французский исследователь Р. Жирарде выделяет четыре главных политических мифа на основе базовых архетипов: Заговор, Золотой век, Спаситель и Единство [15. С. 6]. Миф «Заговор» основан на идее

о наличии тайной организации, цель которой получить власть из корыстных побуждений. Миф «Спаситель» создает образ героя и провидца, лидера, ведущего за собой. Миф «Золотой век» основан на создании чувства безопасности и защищенности от угроз и бедствий, что является залогом создания счастливого будущего. Миф «Единство» апеллирует к чувству единения, которое позволяет сплоченному народу справиться с любыми кризисами.

Рассмотренные классификации позволяют сформулировать общие принципы. Так, архетип «Заботливый», тип «пожарный» и миф «Спаситель» концентрируются на фигуре человека, стремящегося *помогать другим людям*. Характеристики архетипа «Маг», мифа «Единство» и типа языковой личности политика-мифотворца сводятся к необходимости конструировать реальность в таком ключе и при помощи таких средств, чтобы *воздействовать на максимальное количество людей, объединить их вокруг себя, повести за собой*. Идея, что каждый имеет значение, идея о «просто человеке» из народа, не из числа «власть имущих», *стремящегося совместными с населением усилиями наладить положение дел*, лежит в основе типов «Славный малый», «политик-маргинал», «агитатор», «служитель». Миф «Заговор», типы «Воин» и «политик-алармист» заявляют о *существовании врага, вредящего гражданам, и стремятся его обличить, чтобы защитить интересы народа*. Правитель и «администратор» *несут ответственность за принятие решений и координируют действия*. «Бунтарь», «политик-агрессор» и «агитатор» сконцентрированы на *дискредитации и моральном уничтожении соперника*, мешающего реализации их амбиций. «Теоретик», «Простодушный», «знаменосец» и миф «Золотой век» сосредоточены вокруг *идеи «прекрасного будущего»*, которая оправдывает принятые или предлагаемые к рассмотрению инициативы.

Учитывая данные обобщения, а также деление пространства политического дискурса на «своих» и «чужих», были выведены семь типов коммуникативной личности политика, имеющие определенные характеристики: 1. «**Защитник**» — обращение к «своим» + трансляция идеи обезопасить население своей страны или региона; 2. «**Этатист**» — обращение к «своим» + продвижение идеологических установок (призыв к консолидации общества); 3. «**Слуга**» — обращение к «своим» + пропаганда морально-нравственных ценностей + проактивная позиция; 4. «**Воин**» — обращение к «чужим» + трансляция идеи обезопасить население своей страны или региона; 5. «**Обвинитель**» — обращение к «чужим» + пропаганда морально-нравственных ценностей; 6. «**Правитель**» — обращение к «своим» + проактивная позиция; 7. «**Идеалист**» — обращение к «своим» + продвижение идеологических установок (создание светлого будущего) + пропаганда морально-нравственных ценностей.

Исходя из этих характеристик, можно установить ведущую коммуникативную интенцию каждого типа, а также лексико-семантический репертуар, используемый политиками для его реализации. Для выполнения данного шага необходимо применить тезаурусный подход.

Тезаурусный подход

Согласно иерархии категорий Е.С. Кубряковой, «самой онтологичной оказывается категория предметности, а при делении категории признаков на категории процессуальных и непроцессуальных признаков более высокое место в иерархии займут признаки стабильные» [16. С. 250]. В связи с этим данная работа рассматривает имена существительные и глаголы как основополагающие элементы каждого из выделенных типов коммуникативной личности политика. Имя существительное, будучи средством номинации объектов, и глагол, который является не только «представлением о признаке объекта», но и о «сцене или ситуации», что связывает глагол с категориями времени, аспекта и переходности [там же. С. 260], формируют основу для анализа коммуникативного поведения политика. Иные части речи, например, имя прилагательное, выполняющее функции субкатегоризации и модификации, являются второстепенными для выполнения цели и задач исследования.

В качестве методологической основы был взят подход Н.Н. Цыцаркиной [17]. Для каждого типа коммуникативной личности политика был определен список основных имен существительных и глаголов, входящих в активный вокабуляр, используемый коммуникативной личностью. Данный список составлялся путем изучения семантического поля единиц, связанных с названиями типов коммуникативной личности политика, а конечный список лексем был сформирован при помощи словаря-тезауруса П.М. Роже и других лексикографических источников; таких как *American Heritage Dictionary of the English Language*, *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*, *The Longman Exams Dictionary*, *The Longman Language Activator*, *The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*, *Merriam-Webster's Online Dictionary*, *The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, *The Oxford English Dictionary*, *The Oxford Thesaurus*.

Рассмотрим алгоритм действий на примере типа «Защитник» — *Saviour*. Отправной точкой стал глагол *to save*. При помощи тезаурусного подхода были отобраны глаголы *to save*, *to protect*, *to defend*, *to guard*, *to safeguard*, *to secure*, *to shield* и имена существительные *safety*, *protection*, *safekeeping*, *care*, *security*, *shelter*. Ведущей коммуникативной интенцией типа «Защитник» является намерение убедить аудиторию, что главной задачей политика является обеспечение безопасности населения.

Лексические единицы для остальных типов отбирались по данному алгоритму.

«Этатист» стремится сплотить население ради претворения в жизнь лоббируемой идеи и использует лексемы *country, citizens, commonwealth, homeland, realm, voters, electors, nation, state, people, community, humanity, humans, population, public, society; to unite, to cooperate, to join, to solidify, to strengthen, to build up, to consolidate*.

«Слуга» заявляет о готовности действовать в интересах различных социальных групп при помощи единиц *duty, charge, responsibility, commitment, obligation, aid, help, support, back, loyalty, concern, priority, interest; to serve, to aid, to help, to endorse, to maintain, to promote, to uphold, to arrange, to assist, to deliver, to provide, to support*.

«Воин» воплощает образ борца с врагом, используя слова *fight, battle, combat, conflict, confrontation, contest, dispute, hostility, quarrel, rivalry, riot, war, aggression, attack, belligerence, militancy, resistance, troops, arms, weapons; to fight, to contend, to dispute, to resist, to oppose, to kill, to attack, to assault, to conquer*.

«Обвинитель» обличает соперников в неприемлемых с его точки зрения действиях, используя единицы *guilt, fault, mistake, broken promise, blame, disapproval, criticism, incrimination, reproach, reprimand, rebuke, liability, shame; to blame, to accuse, to condemn, to criticize, to denounce, to disapprove, to rebuke, to reproach, to shame*.

«Правитель» использует лексемы *control, guidance, management, regulation, rule, supervision; authority, domination, power, regime, reign; to rule, to manage, to govern, to administer, to operate, to control, to command, to dictate, to lead, to dominate, to prevail*, чтобы проявить себя как успешного управленца и регулятора власти.

«Идеалист» делится с аудиторией лучшим сценарием развития общества, который он намерен воплотить на практике, и употребляет лексические единицы *future, age, epoch, freedom, democracy, pride, might, value, courage, goal, aim; to achieve, to accomplish, to complete, to fulfill, to gain*.

Необходимо отметить, что выбор политиком определенного типа не подчиняется «сознательному планированию», а «зависит от прогностических представлений индивида о будущем, которые основаны на его прошлом опыте» [18. С. 41] и тем или иным образом переосмыслены.

Составленный список лексем, характеризующих каждый тип, позволяет перейти к следующему шагу, который предполагает анализ практического материала и его сопоставление с полученной типологией.

Методы корпусной лингвистики

Отобранные для анализа речи политика могут быть объединены по жанровому или тематическому признаку. В данном исследовании примером выступает британский парламентский дискурс 2010–2022 гг. Деление парламентских выступлений представлено по «коммуникативным ситуациям» — тематически обусловленным коммуникативным событиям,

«внутри которых политик реализует свои прагматические интенции в борьбе за власть» [7. С. 221].

Для составления корпуса используются стенограммы парламентских выступлений, размещенных на сайте Парламента Великобритании. Данный сайт не только является хранилищем всех парламентских дебатов, но и может выступать в качестве корпусного инструмента, который позволяет работать с выступлениями определенного политика за определенный период времени по данному алгоритму.

На сайте Парламента Великобритании в разделе Spoken Contributions у каждого политика для отбора высказываний по каждой коммуникативной ситуации используется инструмент поиска по ключевым словам. Так, в британском парламентском дискурсе 2010-2022 гг. могут быть выделены следующие коммуникативные ситуации и детерминирующие их ключевые слова: «Брекзит» — *Brexit, European Union*; «Миграция» — *migration, migrant, migrate*; «Здравоохранение» — *NHS, health service*; «Экология» — *environment, ecology, energy*.

Высказывания отбираются за определенный временной промежуток. Из них составляется корпус речей каждого из анализируемых политиков по каждой коммуникативной ситуации. Составление корпусов происходит вручную, путем отбора тематически релевантных высказываний, содержащих ключевые слова.

Парламентские дебаты проходят по определенному графику и регламенту, согласно которому лидеру оппозиции отводится не так много времени на выступление, поэтому объем высказываний не всегда может быть пропорциональным и может варьироваться от трех-четырех до двадцати предложений.

Каждый из сформированных корпусов загружается в текстовый анализатор Sketch Engine для проведения статистических операций. Одной из основных функций данного программного обеспечения является подсчет абсолютной частотности слов. Так как при анализе типов коммуникативной личности задействованы только имена существительные и глаголы, для каждого из корпусов составляются списки частотных имен существительных и глаголов с расположенными по убыванию лексическими единицами (от наиболее частотных к наименее частотным).

Данные списки сопоставляются с именами существительными и глаголами, характеризующими типы коммуникативной личности политика, на основании чего формируются списки наиболее частотных лексем, употребляемых политиком в каждой коммуникативной ситуации при реализации того или иного типа. После анализа всех высказываний в каждом из корпусов отбираются примеры, содержащие выделенные через программное обеспечение лексемы, что позволяет сформировать пул примеров по каждой коммуникативной ситуации у анализируемого политика.

Методы корпусной лингвистики являются неотъемлемой частью исследования. Так, «корпус позволяет получать статистические и количественные данные, которые, в ином случае, были бы недоступны ввиду высокой стоимости или невозможны ввиду недостоверности результатов, полученных при обработке информации «ручным способом» с учетом значительных размеров отдельных корпусов» [19. С. 213]. Психолингвисты полагают, что изучение лексико-семантического репертуара при помощи анализа наиболее частотных слов позволяет увидеть когнитивные и психологические особенности картины мировосприятия человека [20. С. 2]. При этом частотные слова, используемые политиками, делают возможным оценку «воздействия, запускающего реакцию на исходное речевое произведение, поскольку активизируют связанные с ними ассоциации» [21. С. 42].

В результате исследования были сделаны следующие выводы: наиболее частотными в британском парламентском дискурсе 2010–2022 гг. оказались типы «Этатист», «Слуга» и «Защитник»; типы «Правитель» и «Идеалист» были задействованы политиками как вспомогательные в дополнение к первым трем; типы «Воин» и «Обвинитель» в заявленных коммуникативных ситуациях, связанных с вопросами внутренней политики Великобритании, не применялись вовсе.

Заключение

Таким образом, с помощью описательно-типологического метода, тезаурусного подхода и методов корпусной лингвистики был разработан подробный алгоритм типологизации коммуникативной личности политика для последующего анализа его коммуникативного поведения.

Заявленные в других гуманитарных науках критерии типологизации, такие как мотив получения и удержания власти, личностные характеристики индивида, особенности проявления личности в процессе реализации политической деятельности, влияние дискурсивных факторов, апелляция к основным политическим мифологемам, позволяющим определенным образом интерпретировать социальную действительность, позволили выделить в ходе исследования семь типов коммуникативной личности политика, определяемых ведущей коммуникативной интенцией и основным лексико-семантическим репертуаром в речевом поведении.

Последующее сопоставление исходного списка лексических единиц, характеризующих каждый тип коммуникативной личности, со списком единиц, используемых политиком в профессиональной коммуникации, обусловленной жанровой и тематической направленностью, направленностью, позволило оценить, насколько речевое поведение политика соответствует заданной модели, выявить преобладающие типы и отследить текущие тенденции в политическом дискурсе последних десятилетий.

Разработанный алгоритм типологизации коммуникативной личности политика обладает значительным диагностическим потенциалом и может быть применен при анализе президентского дискурса убрать или при проведении диахронических исследований коммуникативного поведения политиков XX века.

Список литературы

1. *Цуцеева М.Г.* Изучение дискурса языковой личности политика в аспекте лингвоперсонологии // *Научное мнение*. 2013. № 12. С. 116–120. EDN: RTHQRN
2. *Мельник Н.В.* Лингвоперсонологические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 4(72). С. 197–204. EDN: ZXVWQR
3. *Боженкова Н.А.* Дискурс политики и религии: ценностно-семасиологические константы // *Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ*, Нур-Султан, Казахстан. 2019. С. 673–679. EDN: EREAGR
4. *Стрелец И.Э.* Лингвостилистические особенности коммуникативного поведения Д. Трампа в кризисный период 2020 г // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2020. № 6. С. 100–114. EDN: KQRVIL
5. *Руженцева Н.Б.* Лингвополитическая персонология: методология и коммуникативные портреты политических лидеров. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2021. EDN: HMPQNG
6. *Никифорова М.В., Чудинов А.П.* Лингвополитическая персонология: методологические основы и методики анализа // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2017. № 1(25). С. 117–123. EDN: YIOLZR
7. *Мухортов Д.С., Жовнер Е.А.* Типологизация коммуникативной личности политика (на примере британского парламентского дискурса 2010–2022 гг.) // *Социальные и гуманитарные знания*. 2024. Т. 10. № 2. С. 218–229. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2024-2-218-229> EDN: PUONDG
8. *Юнг К.Г.* Психологические типы / пер. с нем. С. Лорие. М.: АСТ, Хранитель, 2006.
9. *Шестопал Е.Б.* Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 166–180. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.12> EDN: BRBFIP
10. *Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В.* Политическая реклама. М. : Центр политического консультирования «Никколо М», 1999.
11. *Марк М., Пирсон К.* Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / Пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. СПб. : Питер, 2005.
12. *Алексеев А.Б.* О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. Т. 19. № 4. С. 151–166. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166>. EDN: CEUIGZ
13. *Лассуэлл Г.Д.* Психопатология и политика / пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. М. : Издательство РАГС, 2005.
14. *Херманн М.Дж.* Стили лидерства в формировании внешней политики // *Полис. Политические исследования*. 1991. № 1. С. 91–99. EDN: EQVOKH
15. *Girardet R.* Myths and Political Mythologies. Bucharest : The European Institute publ., 1997.
16. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. EDN: SUQHIP
17. *Цыцаркина Н.Н.* Объективация фреймов «социальных отношений» в современном английском языке. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. EDN: QVYLHZ

18. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003.
19. Чилингарян К.П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 196–218. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218> EDN: YMIAME
20. Vine V., Boyd R.L., Pennebaker J.W. Natural emotion vocabularies as windows on distress and well-being // Nature communications. 2020. № 11(1). P. 1–9. <https://doi.org/10.1038/s41467-020-18349-0> EDN: YHFVPK
21. Скубиёва Е.Н., Шпильная Н.Н. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности // Филология и человек. 2022. № 1. С. 37–52. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-03) EDN: KQMJJ

References

1. Tsutsieva, M.G. (2013). Study of the discourse of a politician's language personality in the aspect of linguistic personology. *The Scientific Opinion*, (12), 116–120. (In Russ.). EDN: RTHQRN
2. Melnik, N.V. (2017). Linguopersonological strategies of text perception (case study of internet comments to political discourse). *Bulletin of Kemerovo State University*, 4(72), 197–204. (In Russ.). EDN: ZXVWQR
3. Bozhenkova, N.A. (2019). Discourse of politics and religion: value and semasiological components. In: *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: Materialy XIV Kongressa MAPRYAL*. Nur-Sultan. (In Russ.). EDN: EREAGR
4. Strelets, I.E. (2020). Featuring language and style of the crisis discourse of Donald Trump in 2020. *Lomonosov Philology Journal*, (6), 100–114. (In Russ.). EDN: KQRVIL
5. Ruzhentseva, N.B. (2021). *Linguistic personology: Methodology and communicative portrayals of political leaders*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ. (In Russ.). EDN: HMPQNG
6. Nikiforova, M.V., & Chudinov, A.P. (2017). Linguopolitical personology: methodological basis and methods of study. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1(25), 117–123. (In Russ.). EDN: YIOLZR
7. Mukhortov, D.S., & Zhovner, E.A. (2024). Politicians' communicative behavioural patterns: A study into British parliamentary discourses of 2010–2022. *Social'nye i humanitarnye znaniya*, 10(2), 218–229. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2024-2-218-229> (In Russ.). EDN: PUONDG
8. Jung, C. (2006). *Psychological types*, S. Lorie (Transl.). Moscow: AST: Khranitel'. (In Russ.).
9. Shestopal, E.B. (2020). Representations of an “ideal” as a factor of the perception of a political leader in reality. *Polis. Political Studies*, (4), 166–180. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.12> (In Russ.). EDN: BRBFIP
10. Egorova-Gantman, E.V., & Pleshakov, K.V. (1999). *Political advertising*. Moscow: Tsentr politicheskogo konsul'tirovaniya «Nikkolo M». (In Russ.).
11. Mark, M., & Pirson, K. (2005). *Hero and Rebel. Creating a brand with archetypes*, V. Domnina, A. Sukhenko (Transls.). Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
12. Alekseev, A.B. (2021). The influence of political discourse on the formation of the language personality of a politician. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 19(4), 151–166. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166>. EDN: CEUIGZ
13. Lasswell, G.D. (2005). *Psychopathology and politics*, T.N. Samsonova (Transls.) & N.V. Korotkova (Transls.). Moscow: Izdatel'stvo RAGS. (In Russ.).
14. Hermann, M.G. (1991). Leadership styles and Foreign Policy. *Polis. Political Studies*, (1), 91–99. (In Russ.). EDN: EQVOKH
15. Girardet, R. (1997). *Myths and Political Mythologies*. Bucharest: The European Institute publishing house.
16. Kubryakova, E.S. (2004). *Language and knowledge: On the way to receive knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in knowledge of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.). EDN: SUQHIP

17. Tsytsarkina, N.N. (2010). *Actualization of frames of 'social relations' in modern English*. Kurgan: Kurgan State University publ. (In Russ.). EDN: QVYLHZ
18. Makarov, M.L. (2003). *Foundations of the theory of discourse*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
19. Chilingaryan, K.P. (2021). Corpus linguistics: theory vs methodology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 196–218. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218> (In Russ.). EDN: YMIAME
20. Vine, V., Boyd, R.L., & Pennebaker, J.W. (2020). Natural emotion vocabularies as windows on distress and well-being. *Nature communications*, 11(1), 1–9. <https://doi.org/10.1038/s41467-020-18349-0> EDN: YHFVPK.
21. Skubieva, E.N., & Shpilnaya, N.N. (2022). Model of a linguistic personality as a native speaker of dialogical linguistic ability. *Philology & Human*, (1), 37–52. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-03) (In Russ.). EDN: K AQMJJ

Сведения об авторах:

Мухортков Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедры английского языка № 1 факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76); *сфера научных интересов*: политический дискурс, лингвоперсонология, переводоведение, методика преподавания английского языка; *e-mail*: dennismoukhortov@mail.ru ORCID: 0000-0002-8174-7055; SPIN-код: 8238-9974; ResearcherID (IRID): 343932; Scopus Author ID: 58159878800.

Жовнер Елизавета Андреевна, кандидат филологических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76); *сфера научных интересов*: английский язык, имагология, политический медиадискурс; *e-mail*: e.zhovner@my.mgimo.ru ORCID: 0000-0002-0656-5307; SPIN-код: 5814-6545; Scopus Author ID: 55281462000; ResearcherID: HLG-7569-2023.

Information about the authors:

Denis S. Mukhortov, PhD, Associate Professor of the English Department № 1, International Relations School, Moscow State University of International Relations (76, Vernadsky Prospekt, Moscow, Russia Federation, 119454); *Research interests*: political discourse, personology language studies, translation studies, language instruction methods; *e-mail*: dennismoukhortov@mail.ru ORCID: 0000-0002-8174-7055; SPIN-code: 8238-9974; ResearcherID (IRID): 343932; Scopus Author ID: 58159878800.

Elizaveta A. Zhovner, PhD in Philology at the English Department № 1, International Relations School, Moscow State University of International Relations (76, Vernadsky Prospekt, Moscow, Russia Federation, 119454); *Research interests*: political image studies; *e-mail*: e.zhovner@my.mgimo.ru ORCID: 0000-0002-0656-5307; SPIN-code: 5814-6545; Scopus Author ID: 55281462000; ResearcherID: HLG-7569-2023.



DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-291-310

EDN: BNPTHB

UDC 81'27:070:502/504:004.056.5:37

Research article / Научная статья

Genre Features of the Educational Media Discourse in the Context of Information Ecology and Cyber Security

Olga V. Sergeeva¹, Marina R. Zheltukhina² ✉, Elena B. Ponomarenko³

¹Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

²Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

³RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ zzmr@mail.ru

Abstract. In the 21st century, the interdisciplinary research interest is increasingly aroused by the linguistic problem of realizing educational discourse, especially in the media space. Information ecology and cyber security make it possible to form the skill of making adequate educational, and managerial decisions in the field of education under the conditions of saturation with information, information noise in the digital environment. The purpose of the study is to identify the genre features of the educational media discourse in the context of information ecology and cyber security. A functional-genre analysis of the educational media discourse in the digital media space is carried out in the study. By applying a set of methods (descriptive method, content analysis, discursive analysis, linguosemiotic analysis, linguopragmatic analysis, functional-genre analysis, interpretive analysis), the genre media reflection of the regulation of society's activities to achieve hygienic safety goals related to information is studied, which constitutes the scientific novelty of the study. The main genres of the educational media discourse that are significant for the development of genre theory have been identified, those are: analytical, popularizing, explanatory, didactic, regulating, recommendation, discussion, multimedia, case study genres. Their analyses allow conclude that an ecosystem comfortable for training students is formed due to compliance with the requirements of information ecology, information and Internet hygiene, ethics, cyber security, which are among the preventive trends and protective measures in the digital environment. The analysis of factual material emphasizes the importance of ensuring the safety of students as one of the key tasks of the modern educational process, considering the active influence of the media environment. It is established that media articles inform an addressee about the activities of preventive medicine and state sanitary and epidemiological services that are developing norms that reflect the safe organization of the work and educational process using information tools in the digital media space. Documents presented in various media genres determine the norms of lighting at different times of the day, the norms of noise parameters and work with electronic teaching aids and other acceptable conditions to ensure high-quality work without harm to health. The identified genre features of the educational media discourse in the

© Sergeeva O.V., Zheltukhina M.R., Ponomarenko E.B., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

context of information ecology and cyber security clearly demonstrate that the informational ecology is a promising direction for the study and development of the media discourse, incl. educational media discourse, based on the material of various linguistic cultures.

Keywords: genre features, information stress, information noise, linguoecology, information security, information hygiene

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 13.09.2024; accepted: 15.01.2025

For citation: Sergeeva, O.V., Zheltukhina, M.R., & Ponomarenko, E.B. (2025). Genre Features of the Educational Media Discourse in the Context of Information Ecology and Cyber Security. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 291–310. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-291-310>

Жанровые особенности образовательного медиадискурса в контексте информационной экологии и кибербезопасности

О.В. Сергеева¹, М.Р. Желтухина² ✉, Е.Б. Пономаренко³

¹Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

²Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Российская Федерация

³Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ zzmr@mail.ru

Аннотация. В XXI в. все больший междисциплинарный исследовательский интерес вызывает лингвистическая проблема реализации образовательного дискурса, особенно в медиaprостранстве. Информационная экология и кибербезопасность позволяют сформировать навык принятия адекватных учебных, воспитательных и управленческих решений в сфере образования в условиях насыщения информацией, информационного шума в цифровой среде. Цель исследования состоит в выявлении жанровых особенностей образовательного медиадискурса в контексте информационной экологии и кибербезопасности. Осуществляется функционально-жанровый анализ образовательного медиадискурса в цифровом медиaprостранстве. Путем применения комплекса методов (описательного метода, контент-анализа, дискурсивного анализа, лингвосомиотического анализа, лингвопрагматического анализа, функционально-жанрового анализа, интерпретативного анализа) изучается жанровое медиаотражение регулирования деятельности общества по достижению целей гигиенической безопасности, связанных с информационными и коммуникационными процессами в цифровом образовательном медиадискурсе, что составляет научную новизну исследования. Выявлены основные жанры образовательного медиадискурса, значимые для развития теории жанров: аналитические, дискуссионные, популяризационные, объясняющие, рекомендательные, дидактические, регулирующие, мультимедийные, жанры кейсов. Их анализ позволяет заключить, что комфортная для подготовки обучающихся экосистема формируется за счет соблюдения требований информационной экологии, информационной и интернет-гигиены, этики, кибербезопасности, которые входят в число профилактических трендов и защитных мер в цифровой среде. Анализ фактического материала акцентирует важность обеспечения безопасности обучающихся как одной из ключевых задач современного об-

разовательного процесса с учетом активного воздействия медиасреды. Уставлено, что медиастатьи информируют адресата о деятельности профилактической медицины и государственных санитарно-эпидемиологических служб, которые занимаются разработкой норм, отражающих безопасную организацию рабочего и образовательного процесса с использованием информационных инструментов в цифровом медиапространстве. Документы, представленные в различных жанрах массмедиа, определяют нормы светового освещения в разное время суток, нормы шумовых параметров и работу с электронными средствами обучения и другими приемлемыми условиями для обеспечения качественной работы без вреда для здоровья. Выявленные жанровые особенности образовательного медиадискурса в контексте информационной экологии и кибербезопасности наглядно демонстрируют, что информационная экология — перспективное направление для изучения и развития медиадискурса, в т.ч. и образовательного медиадискурса, на материале разных лингвокультур.

Ключевые слова: жанровые особенности, информационный стресс, информационный шум, лингвоэкология, информационная безопасность, информационная гигиена

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 13.09.2024; дата приема в печать: 15.01.2025

Для цитирования: *Sergeeva O.V., Zheltukhina M.R., Ponomarenko E.B.* Genre Features of the Educational Media Discourse in the Context of Information Ecology and Cyber Security // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 291–310. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-291-310>

Introduction

Rapid development of the informational society leads to the interdisciplinary research interest of the **current issue** of educational discourse studying, especially in the media space. The dynamics of the electronic technologies' development forms an increasingly dense, saturated, and complex digital information environment. Digital technologies have firmly established in the life of the whole world. Therefore, the state continues to deploy an active policy regarding the digitalization of education. The Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 29.12.2012 N-273-FZ¹ is one of the fundamental documents regulating the process of education digitalization. Decree of the Russian Federation President No. 203 dated 09.06.2017 “On the strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030”² reflects the provisions on solving the tasks of human development and ensuring the citizens and the state security, digital economy development at the expense of various resources, including the formation of information space.

¹ The Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 29.12.2012 N-273-FZ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: 10.03.2022) (In Russ.).

² Decree of the Russian Federation President N203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”, 9 May 2017. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed: 10.03.2022) (In Russ.).

Large flows of information and many innovative tools development have a significant impact on society as a whole and on humans [1]. This influence is reflected in the behavior of an individual who is forced to navigate data that tends to be constantly updated, use many technologies, which leads to long-term interaction with gadgets. This characteristic is relevant for the modern linguistic personality in different types of discourse, for the linguistic personality of the teacher and for the linguistic personality of the student in educational media discourse, which are pushed to use new information and communication tools. Under these conditions, innovative technologies play a significant role in the formation of professional competence, primarily the language personality of the student and allow him becomes a competitive specialist in a digital communicative space³.

At the same time, electronic technologies have an impact not only on the formation of professional competencies of the language personality of the student, but also on his mental and physical health, particularly in electronic media space [2–3]. Therefore, it is worth paying attention to the regulation of the various gadgets use. Over time, it becomes clear that a competitive specialist training is closely related to the implementation of measures to preserve the health of students due to the intensification of educational activities in new digital conditions. Information ecology in the educational media discourse is responsible, among other things, for preserving the health of students in the electronic environment.

The new industrial revolution reveals young people as the social layer most exposed to technology. It is young people who need greater protection and prevention of negative information influences [3–8].

Despite the importance of the issue under consideration and its active study in various branches of science (linguistics, education, sociology, IT etc.), its **insufficient study and development** from the standpoint of modern linguistics is noted. **The purpose** of this study is the necessity to highlight and analyze the main genre features of educational media discourse in the aspect of informational ecology and cyber security to establish the possibilities of protecting information in the digital environment and protecting the media addressee from information influence. **The object** of study is an educational media discourse. **The subject** of our study means that we have identified the main genre features of the educational media discourse in the context of information ecology and cyber security.

Materials and Methods

A comfortable ecosystem for training students is formed due to compliance with the requirements of informational ecology, information and Internet hygiene, ethics, cyber security, which are among the preventive trends and protective measures

³ Р 2.2.2006-05. Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса. Критерии и классификация условий труда (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 29.07.2005). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200040973>; <https://rosugleprof.ru/docs/OT42.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).

in the digital environment. Ensuring the safety of students is one of the key tasks of the modern educational process. One of the main reasons for the requirements for a training organization providing safety conditions is information stress, which appears because of the long-term exposure to informational noise, the prevalence of false information, addictive behavior, anxiety, and depression. This paper presents an analysis of the genre specifics of educational media discourse in the aspect of informational ecology and cyber security, which is aimed at developing parameters for the safe use of electronic tools and technologies in educational discourse, to protect health and preserve the state of work of citizens and students, in particular; it covers the regulation of society's activities to achieve hygienic safety goals [9]. The study analyzed various genre varieties of educational media discourse in the aspect of informational ecology and cyber security, selected by receiving a continuous sample from the Internet (total volume — 20 author's sheets).

The analysis was carried out in several stages using various **methods**: descriptive method, content analysis, discourse analysis, linguosemiotic analysis, linguopragmatic analysis, functional-genre analysis, interpretive analysis. At the first stage, the genres of educational media discourse regulating the labor and educational process, broadcasting in mass media were determined. Further, the most important genres were identified, which reflect the positions regarding the norms of the ecology of the language, noise parameters, light parameters, ultraviolet radiation, as well as natural, artificial, and combined lighting, including insolation, indicators of severity and intensity of work and the duration of use of electronic teaching tools for different age categories [10–11]. Linguosemiotic analysis and linguopragmatic analysis of the identified genres made it possible to establish the main genre features of educational media discourse from the point of view of information ecology and cyber security, focusing on the protection of information and media addressee [2; 4–7; 12–14]. The paper presents a summary of the results considering the methods and stages of the study.

Genres

As a result of the analysis of the actual material, it was established that the main genres of educational media discourse, which regulate labor and educational processes, include the following:

- **Curricula, programs describing the goals, content, and methods of training, as well as requirements for students, e.g.⁴.**

(1) *Online course program “Media ecology and modern information space.”*
A course on how to critically evaluate modern information content.

Chapter 1. Modern media and information space

- *Media Space: Integral Characteristics*
- *Information noise*

⁴ Hereinafter, the translation of examples from Russian into English is made by Denis S. Mukhortov, Elizaveta A. Zhovner.

- *Multimedia, Cross media and Transmedia*

Chapter 2. Current media consumption trends

- *Current media consumption trends*
- *Current trends in media consumption in social networks*
- *Media trends of information content consumption*

Chapter 3. Media ecology in the context of social media transformation

- *Social Media Today*
- *Media Community*

Chapter 4. Media Environmental Literacy Tools and Technologies

- *Factchecking as the foundation of media environmental literacy*
- *Digital Visual Forms of Communication*⁵.

(2) Program of measures to prevent health disorders of students in classes using computer technology and electronic means of training in educational organizations

3.1. Ensuring a health-safe learning environment for learners using e-training tools

Electronic training tools (electronic boards, computers, laptops, tablets, etc.), electronic textbooks and other types of educational tools must have certificates or other documents confirming their compliance with the requirements of the Technical Regulations of the Customs Union (Technical Regulations of the Customs Union TR CU 004/2011 “On safety of low-voltage equipment”; Technical Regulations of the Customs Union TR CU 020/2011 “Electromagnetic compatibility of technical means”) and the Unified sanitary-epidemiological and hygienic requirements for goods subject to sanitary-epidemiological supervision/control (Unified sanitary-epidemiological and hygienic requirements for products (goods) subject to sanitary-epidemiological supervision (control))⁶.

- **Methodological recommendations as publications that help in the organization of the educational process, including methods of teaching, monitoring, assessment, e.g.**

(3) <... > *According to the Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 822n dated 5.11.13 (as amended from 21.02.2020) “On the approval of the Procedure for the Provision of Medical Assistance to Minors, Including During Training and Education in Educational Organizations,” the Medical Assistance Department of Students participates in monitoring compliance with sanitary and hygienic requirements for the conditions and organization of education and training, in hygienic control of training and educational means and their use in the educational process.*

The activities of medical workers in the prevention of school-related diseases in students in modern conditions of digital learning are possible in cooperation with the administration and teachers of an educational organization (EO). These guidelines contain materials representing the content of the work and the program of measures to prevent the negative effects of the use of electronic means of training on the health of students for medical workers with the participation of the administration, teachers of the EO.

<...> The implementation of a set of measures by teachers under the supervision of medical workers, including the creation and maintenance of optimal conditions for the intra-school environment, hygienic control of the compliance of the e-learning tools with the

⁵ URL: <https://www.lektorium.tv/media-ecology> (accessed: 23.11.2024).

⁶ URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-ispolzovaniyu-kompiuternykh-tehnologii-i-elektronnogo-obucheniya/> (accessed: 23.11.2024).

requirements of hygienic safety, compliance with the regulations for the e-learning tools use in the lesson, rational organization of the lesson, constant updating of hygienic knowledge on the e-learning tools use in the educational process, contributes to ensuring educational conditions safe for the health of students, preventing the occurrence of health disorders in the context of digitalization of the educational process⁷.

- **Scientific articles as the research and analyses in scientific journals facilitating the exchange of knowledge and techniques, e.g.**

(4) Ioseliani AD, Sokolov A.V. Causes and consequences of the spread of “Fake News” in the global technogenic world: socio-philosophical analysis. Socio-humanitarian knowledge. 2023. № 11. Pp. 130–133. DOI: 10.24412/0869-8120-2023-11-130-133.

The article analyzes the genesis and essence of the concepts “Fake” and “Fake News”; the history of the origin of the fake, the qualitative change in the mechanisms of its creation and application in the global technogenic world are explored. Scientific analysis of the problems associated with fake news and practical life shows that the audience of the media and the Internet are not protected from the influence of “Fake News”, which is created purposefully for entertainment and other purposes and mixed with truthful information, they are given “sensationalism”, and after coverage large audiences of readers turn into business. The types of fakes used in the information space are considered. The work pays considerable attention to the analysis of the question of why people believe in fake news, what are the psychological and other reasons for such consumption of fake news. The nature of the fake is analyzed so that it is possible to create mechanisms for filtering fakes from true information. According to the authors, the development of media literacy and media philosophy is necessary to protect individuals and society from “Fake News”. The creation of media monitoring institutions is the next step for a democratic society...⁸.

- **Diagnostic, analytical materials, reports as studies and data on the state of education, assessment results, comparative analyses, e.g.**

(5) Questionnaire for assessing the hygienic rationality of a school lesson⁹:

Dear teachers! The purpose of our survey is to study how a lesson in a modern school is organized from a physiological and hygienic standpoint. Please describe your lesson. We are grateful in advance for participating in our survey!			
City _____	School _____	Subject _____	Class _____
1. What, on average, is the density of the lesson you usually conduct (% of the time spent by schoolchildren directly on educational work) — emphasize:			
a. less than 60 % b. 60–80 % c. 85–90 % g. more than 90 % of lesson time			

⁷ URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-ispolzovaniyu-kompiuternykh-tehnologii-i-elektronnogo-obucheniya/> (accessed: 23.11.2024).

⁸ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-posledstviya-rasprostraneniya-feykovykh-novostey-v-globalnom-tehnogennom-mire-sotsialno-filosofskiy-analiz> (accessed: 23.11.2024).

⁹ <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-ispolzovaniyu-kompiuternykh-tehnologii-i-elektronnogo-obucheniya/> (accessed: 23.11.2024).

2. How many types of educational activities (writing, reading, listening, storytelling, consideration of visual aids, answers to questions, etc.), as a rule, can be distinguished in your lesson? (<u>underline</u>):
a. 1–2 types of educational activities b. 2–3 types c. 4–7 types g. more than 7
3. What is the average duration of each training activity? (<u>underline</u>):
a. 10 min and less b. 11–15 min. c. more than 15 min.
4. Are there emotional detachments in your lesson (saying, famous statement, musical minute, humorous picture, etc.)? — <u>underline</u> :
a. YES b. NO
5. If YES, what are the number of emotional detachments in your lessons?
a. 1 b. 2–3 c. No g. Other (write) _____
6. Do you use electronic learning tools such as computers, laptops, interactive whiteboards, other electronic devices (write what) _____ during your lesson? (<u>Underline</u>):
a. YES b. NO
7. If YES, specify: - approximate continuous duration of their use per lesson (In minutes) _____ - approximate (total per lesson) duration of their use in minutes _____
8. Do you have physical education at your lesson? (<u>underline</u>):
a. YES b. NO
9. If YES, specify their content and duration (select answer):
a. twice b. once per lesson c. is not carried out.
10. If you are doing so, specify (approximately) in which minute of the lesson _____ Duration of exercise _____
9. Your comments and wishes within the framework of the studied problem? _____
Thanks for the answers!

(6) Informational security factors of schoolchildren in the educational organization: analytical note / Author's team: Alekseev S.V., Korobkova E.N., Evtukh E.V., Sattarova N.I., Nesterova T.M., Ushanov S.V. St. Petersburg: SPb APPO, 80 p.

The purpose of this study is to: analyze the modern practice of using IC technologies in educational activities and determine approaches to the development of a mechanism for ensuring the information security of students using Internet resources in education. Among the tasks that ensure the achievement of the set goal can be defined as follows: 1. Determining the main information security factors for schoolchildren within the framework of modern practice of using IC technologies in education; 2. Design of the study model for the main information security factors of schoolchildren; 3. Development of diagnostic tools for studying the personal information and educational environment of a student as a combination of activities to prevent harm to his health, consciousness and psyche; 4. Conduct the study and analyze the results obtained; 5. Systematization of the identified trends and determination of possible recommendations for ensuring the information security of schoolchildren at school ¹⁰.

- **Educational standards as documents defining minimum requirements to the quality of education at various levels, e.g.**

(7) Meta-subject results of mastering the basic educational program of primary general education should reflect: <...>

6) use of symbolic means of information presentation to create models of studied objects and processes, schemes for solving educational and practical problems; 7) active use of speech means and means of information and communication technologies (hereinafter referred to as ICT) to solve communication and cognitive problems; 8) use of various methods of search (In reference sources and open educational information space of the Internet), collection, processing, analysis, organization, transmission and interpretation of information in accordance with communicative and cognitive tasks and technologies of the educational subject; including the ability to enter text using a keyboard, record in digital form the measured values and analyze images, sounds, prepare your performance and perform with audio, video and graphic accompaniment; comply with the norms of information selectivity, ethics and etiquette...¹¹.

(8) Super User. Reflection of information security in the FSES. 02.05.2019¹².

- **E-resources, educational sites, online courses as multimedia materials and learning and education platforms supporting self-education, e.g.**

(9) Information security at school

Local regulations in the field of information security education for students

- *Regulation on the procedure for processing and protecting personal data of employees of MBEI "School No. 101" (Order No. 361 of 31.08.2018)*
- *Plan of measures to ensure the information security of students of MBEI "School No. 101" for 2019–2020*

Regulation

¹² URL: <https://www.gymnasia93.ru/safety/index.php/2018-06-06-09-57/35-otrazhenie-informatsionnoj-bezopasnosti-v-fgos> (accessed: 21.02.2024).

- *Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”* (hereinafter referred to as *Federal Law No. 436-FZ*).
- *Federal Law of July 2, 2013 No. 187-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Rights in Information and Telecommunications Networks”*. <...>
- *Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” Art. 15*. <...>
- *Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 “On the approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation”* <...>

Teachers

- <http://www.ligainternet.ru/> — *Safe Internet League*.
- <http://www.microsoft.com/ru-ru/security/default.aspx> — *Microsoft Security Center website*. <...>
- http://mon.tatarstan.ru/prof_internet_zavisimosti.htm — *Materials (booklet, presentation and text) for conversations for the prevention of game and Internet addiction in children and adolescents on the website of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan* <...>
- <http://i-deti.org/> — *portal “Safe Internet for Children”, resources, recommendations, comics*
- http://detionline.com/assets/files/research/Book_Praktikum.pdf — *Internet: capabilities, competencies, security*
- <http://www.mindmeister.com/ru/12485180/> — *scheme “Child safety on the Internet.”*
- *Video materials for lessons on personal data protection*

Students

Memos for schoolchildren:

- *How to protect yourself from computer viruses*
- *How to use Wi-Fi securely*
- *How to communicate safely on social media*
- *How to safely pay with electronic money*
- *How to use; e-mail: securely*
- *How to protect yourself from cyberbullying*
- *How to safely use your smartphone, tablet*
- *How to play ONLINE safely*
- *How to protect yourself from phishing*
- *How to protect your digital reputation*
- *What is Copyright*
- *How to secure your account*

Presentations

- *Presentation. Personal data. Lesson 1*
- *Presentation. Personal data. Lesson 2*

Children’s Safe Sites

- 1. <http://www.nachalka.com/node/950> — *Video “Entertainment and Security on the Internet.”* <...>
- 4. <http://www.igra-internet.ru/> — *Online Internet game “Learn the Internet — Manage It.”* <...>

Parents (legal representatives) of students

Internet resources:

<http://www.oszone.net/6213/> — OS.zone.net: Computer information portal. Article for parents "Ensuring the safety of children when working on the Internet." Parental Control Guidelines.

An effective measure is to install software with "parental control" functions on the computer. Parents can recommend installing the free program "Internet Censor" [www.icensor](http://www.icensor.com/) <https://licensor.livejournal.com/ru> on their home computer.

Children's Information Security Memo for Parents

(* This section uses materials from the reference system for specialists in education "Education System")

How to protect yourself from computer viruses

File size: 107.60 KB Download

How to use Wi-Fi securely

File size: 101.11 KB Download <...>

Training Information Security Plan.pdf signature

Regulation on the Procedure for Processing and Protection of Personal Data of Employees of MBOU School No. 101.pdf signature

Information resources.¹³

(10) Requirements for the use of ELT in the educational process. The requirements for the use of ELT (e-learning tools) in educational institutions are established by the "Sanitary and Epidemiological Requirements for Organizations for Education and Training, Recreation and Rehabilitation of Children and Youth" SR 2.4.3648-20, "Methodological Recommendations for Training Sanitary and Epidemiological Requirements for Organizations for Education and Training, Recreation and Rehabilitation of Children and Youth" MR 2.4.0242-21 (p. 3.8). Electronic learning tools are interactive boards, touch screens, information panels and other means of displaying information, as well as computers laptops tablets, monoblocks, other e-learning tools (hereinafter referred to as ELT), are used in accordance with the operating manual (or) technical passport of ELT must have documents on assessment (confirmation) of compliance. The use of ELT should be carried out subject to their compliance with the Unified Sanitary and Epidemiological and Hygienic Requirements for Products (Goods). <...>

ELT advantages

- Trainees as active participants in the training process;
- Increase the amount of independent work;
- Acquire the skill of mastering modern information processing tools and technologies;
- Relevance and efficiency of the received information;
- Constant contact of students with the teacher.

! When using ELT during classes and breaks, eye gymnastics should be carried out. When using book educational publications, eye gymnastics should be carried out during breaks. To prevent posture disorders during classes, appropriate physical exercises should be carried out (away — physical training).

! For children with chronic pathology, often ill (sick 4 times a year), after having suffered diseases for 2 weeks, the duration of direct educational activities using ELT should be reduced by 7–10 minutes.

The world gets better when we help others, and we ourselves are happier.

¹³ URL: <https://school101.roovr.ru/cvedeniya-ob-obrazovatelnoy-organizatsii/informatsionnaya-bezopasnost-v-shkole/> (accessed: 21.02.2024).

The information was prepared by the Department of Hygienic Education and Consulting Services of the FBIH “Center for Hygiene and Epidemiology in the Smolensk Region”¹⁴.

(11) “RG” publishes new sanitary rules for schools

Gennady Onishchenko recommended schools to have two sets of textbooks¹⁵.

- **instructions, manuals as documents describing the procedures and rules of the labor process in educational institutions, as well as monitoring compliance with norms and rules, e.g.**

(12) *TEACHER’S MEMO “HYGIENIC RECOMMENDATIONS FOR ORGANIZING THE EDUCATIONAL PROCESS USING THE ELT”*

In recent years, the health indicators of Russian schoolchildren reflect an increase in the prevalence of those violations, which are largely due to the long-term influence of adverse factors in the school environment throughout the entire period of study at school, including the impact on the child’s body of electronic means of education, audiovisual products. School lessons, starting from elementary grades, are characterized by the active use of various electronic teaching tools, both collective use (interactive boards, panels) and individual — personal computers, laptops, tablets. Conditions that contribute to the occurrence of a potential risk to children’s health are created if the hygienic requirements for the use of electronic learning tools are not met in the lesson. <...> The organization of the educational process, considering the requirements and recommendations presented, will allow to maintain efficiency, prevent the occurrence of overwork and school-related diseases in students¹⁶.

(13) Preventive medicine and state sanitary and epidemiological services are engaged in the development of norms reflecting the safe organization of the work and educational process using information tools. The Table shows the documents and tasks to be solved as part of their implementation.

The documents determine the norms of light lighting at different times of the day, the norms of noise parameters and work with ELT and other acceptable conditions to ensure high-quality work without harm to health in digital conditions.

According to the current Federal Law “On Education in the Russian Federation” [1] dated 29.12.2012 (ed. 08.08.2024)¹⁷, the requirements of other regulations are being implemented. Strategy for the development of the information technology industry in the Russian Federation for 2014–2020 and for the future

¹⁴ URL: <https://fguz-sm.ru/edimg/File/KC/2022/eso2022.pdf> (accessed: 21.02.2024).

¹⁵ URL: <https://rg.ru/documents/2011/03/16/sanpin-dok.html> (accessed: 21.02.2024).

¹⁷ URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (accessed: 21.02.2024).

until 2025 (approved by the Government of the Russian Federation 01.11.2013 No. 2036-¹⁸ reflects the integrated development of this industry and determines the main mechanisms and ways to achieve the set goals.

Regulation of the company’s activities to achieve hygienic safety goals related to information and communication processes

Sanitary Regulations and Norms 1.2.3685-21 "Hygienic standards and requirements for ensuring the safety and (or) harmlessness of environmental factors for humans" Validity period: from 01.03.2021 to 01.03.2027	Guidelines for the hygienic assessment of work environment and work process factors, criteria and classification of working conditions
- hygienic standards for noise parameters	- general principles of hygienic classification of working conditions
- hygienic standards of ultraviolet radiation	- hygienic criteria
- hygienic standards for indicators of natural, artificial, and combined lighting	- assessment of working conditions based on the "lighting" factor
- normalized duration of continuous insolation	- working conditions under the influence of electromagnetic radiation
- acceptable values of psychophysiological production factors in terms of work severity and intensity	- characteristics of the severity and intensity of the labor process, working conditions classes
- duration of electronic learning tools use	- general methodological approaches to monitoring factors of the working environment and the labor process

Source: compiled by Olga V. Sergeeva, Marina R. Zheltukhina, Elena B. Ponomarenko

Genre features

Analysis of these genres made it possible to identify the main genre features of educational media discourse from the point of view of informational ecology, focusing on the protection of information and media addressee. These include the following:

- 1) presentation of the results of studying the impact of information on the addressee and methods of protection (analytical genres: reports, research, scientific articles, analytical articles);

¹⁸ URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4084/> (accessed: 21.02.2024).

- 2) illustration of the implementation of the information protection strategy in practical work (case study genres, multimedia genres: examples of successful data protection; infographic visualization of complex data on cyber threats and information protection, multimedia presentations (visual and audio presentations));
- 3) discussion of current problems, modern trends in the field of informational security and best practices for informational protection to exchange experience (discussion genres: forums, blogs, talk shows, round tables, panel discussions, etc.);
- 4) training on cyber security, media literacy, testing knowledge about security in the digital environment, raising awareness (didactic genres: online courses, webinars, quizzes, tests);
- 5) disclosure of the concept of informational security and ecology, formation of critical perception of information (explanatory genres: explanatory articles, manuals, myth-making, and fact-checking as an analysis of common misconceptions about cyber threats);
- 6) establishing rules for working with personal data to protect the media addressee (regulating genres: program documents, privacy policy);
- 7) recommendations on safe behavior on the Internet, focused on protecting the media recipient from manipulation and misinformation (recommendation genres: instructions, manuals, collections of best practices, guidelines for teachers on introducing information security topics into educational programs and courses);
- 8) popularizing the basics of informational security and drawing attention to current threats (popularizing genres: popularizing article, videos, brief posts on social networks).

Measures to prevent the negative consequences of the introduction of electronic technologies include informational ecology and cyber security [4–7; 10; 15–18], are closely interconnected and complement each other.

Informational security [19] is considered as protection against unauthorized access to sources of information, protection against its distortion, use or modification, as well as protection of a person's mental, physical, and social well-being, which refers to the concept of assessing hygienic content that ensures student performance.

Informational ecology makes it possible to ensure the protection of intellectual biosystems, society as a whole and individuals by improving methods for the development of the informational environment. Ecology determines the study of the influence of information on the functioning of society, human relations, the use of modern software tools in compliance with environmental requirements in the process of solving professional problems [4–7; 10; 15]. It allows you to look at the communicant's place in the virtual environment and identify problems that may arise when adapting to the environment.

Informational hygiene is a system of actions to prevent the negative impact of information on human well-being (mental, physical, social) and implies the prevention of diseases associated with information flows. Information hygiene helps users to consciously approach information, which in turn contributes to the creation of a healthy informational ecosystem. Since the predominant share of information is in the Internet space, the Internet hygiene is an integral part of informational hygiene. It includes the following main parameters:

- 1) critical thinking as an assessment of information for reliability, relevance and objectivity;
- 2) filtering information as the ability to separate facts from opinions and rumors with protection from excess information;
- 3) fact-checking as the use of specialized resources to verify data and statements;
- 4) personal data management as awareness of privacy and protection of their personal data on the Internet;
- 5) limiting the screen time as controlling the time to operate on the Internet to prevent information overload and reduce stress;
- 6) correct sources of information as a choice of reliable and authoritative sources of news and educational materials;
- 7) safe use of social networks as awareness of the consequences of the publication of personal information and interaction with other users;
- 8) training in media literacy as participation in courses and programs aimed at developing skills in critical perception of media information;
- 9) development of self-education skills as the use of online resources for self-study of topics related to informational security and hygiene;
- 10) participation in discussions as a discussion of the quality of information and its influence on society for the exchange of experience and knowledge.

Cyber security in the educational media discourse refers to activities that are aimed at protecting systems, networks and programs from digital attacks, the purpose of which is to receive and use, modify, or destroy confidential information.

As a result of the analysis of special literature [16–18], it was established that cyber security includes:

- database preservation methods;
- methods of tracking activity on social networks;
- methods of information protection;
- communication technologies for protection against hacker attacks.

It is worth noting that due to the increase in the volume of information and the emergence of related threats, the training of specialists with the necessary knowledge in this area is being updated. The formation of their professional competence is based on the study of computer and network security, includes digital forensics, security risk management, cybercrime investigations [20]. Informational ecology and cyber security [4–7; 10; 15; 17; 18; 21; 22] make it possible to form the skill of making adequate management decisions in the

context of informational saturation, informational noise. Along with the concept of cyber security, there is a cyber hygiene that allows you to maintain the cleanliness of content, reduces the risks of being online and ensures the protection of information at more global levels. As the analysis of the media genres of the educational media discourse in the sphere of informational ecology showed, teachers highly appreciate the risks that may arise due to non-compliance, which confirms the relevance and importance of studying this linguistic issue to ensure the protection of information and protection against information influence on media addresses in the modern educational media discourse.

Conclusions

The high pace of development of the informational society has led to the formation of protection systems against information flows and their competent use. As a result of the study, the main genres of the educational media discourse were differentiated, which regulate labor and educational processes. They include the following varieties: analytical genres, case study genres, multimedia genres, discussion genres, didactic genres, explanatory genres, regulating genres, recommendation genres, popularizing genres.

Analysis of these genres made it possible to identify the main genre features of educational media discourse from the point of view of informational ecology, focusing on the protection of information and media addressee. The identified features include the following: 1) presentation of the results of studying the impact of information on the addressee and methods of protection; 2) illustration of the implementation of the information protection strategy in practical work; 3) discussion of current problems, modern trends in the field of informational security and best practices for information protection to exchange experience; 4) training on cyber security, media literacy, testing knowledge about security in the digital environment, raising awareness; 5) disclosure of the concept of informational security and ecology, formation of critical perception of information; 6) establishing rules for working with personal data to protect the media addressee; 7) recommendations on safe behavior on the Internet, focused on protecting the media recipient from manipulation and misinformation; 8) popularizing the basics of information security and drawing attention to current threats.

The existing requirements established by law make it possible to build environmentally friendly interaction of students with electronic tools in educational media discourse in the modern media space of digitalization, which allows strengthen health and preserving the performance of students in the process of forming professional competence. Many federal and local regulations reflect the state's interest in regulating students and future professionals in educational discourse to preserve and enhance their effectiveness and competitiveness.

Modern informational ecology is a promising direction for linguosemiotic and linguopragmatic study. Due to compliance with the conditions and requirements of informational ecology and cyber security, a comfortable ecosystem is being formed for life in the conditions of the fourth industrial revolution. It has been established that the regulation of this branch of activity in professional educational discourse in modern digital media space is currently supported by the genres of related discourses (pedagogical discourse, educational media discourse, legal discourse, medical discourse, political discourse, etc.), legislative acts and sanitary requirements that are adapted to modern educational conditions in the digital media environment and supplemented systematically.

References

1. Akvazba, E., Bogdanova, V., Uzlova, N., & Patrusheva, I. (2019). Problems and prospects of the Russian information society. *Amazonia Investiga*, 8(20), 310–322.
2. Zheltukhina, M.R., & Sergeeva, O.V. (2023). Linguopragmatic characteristics of the educational media discourse: American, British and Russian visual presentations. *Actual problems of philology and pedagogical linguistic*, (4), 169–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-4-169-186> EDN: UNCLCM
3. Zheltukhina, M.R., Krasavsky, N.A., Pavlov, P.V., Ponomarenko, E.B., & Aleshchanova, I.V. (2016). Political Facebook posts using ideological symbols for media image designing of Russia as enemy. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(18), 12005–120013. EDN: YVASDX
4. Kazantseva, E.A. (2019). *Ecology of academic discourse: monograph*. Ufa: RIC BashSU. (In Russ.).
5. Skovorodnikov, A.P. (2000). To the formation of linguoecological terminology. *Speech communication: specialized bulletin*, 3(11), 70–78. (In Russ.).
6. Shakhovsky, V.I. (2019). The ecological multitude of human communication media. *Ethnopsycholinguistics*, (2), 80–101. <https://doi.org/10.31249/epl/2019.02.06> (In Russ.). EDN: JDZSRR
7. Shakhovsky, V.I. (2020). Ecology of language and man in a changing world. *Neophylology*, 6(22), 217–225. (In Russ.).
8. Kharytonov, E., Kharytonova, O., Tolmachevska, Y., Fasii, B., & Tkalych, M. (2019). Information Security and Means of Its Legal Support. *Amazonia Investiga*, 8(19), 255–265.
9. Demidov, A.A., Syrina, T.A., & Tretyakov, A.L. (2020). Development of digital skills and media education system: from the organization of environmental education of preschool children to the ICT competence of teachers. *Media Education*, 60(1), 11–23. EDN: STDUPI
10. Ivanyan, E.P. (2016). Linguoecology of pedagogical speech. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, (11–12), 48–56. <https://doi.org/10.20534/AJH-16-11.12-48-56> (In Russ.). EDN: YIFAPH
11. Mazanyuk, E.F., Tretyakov, A.L., & Amichba, L.R. (2020). Game technologies as a tool of motivation and improvement the quality of university students' training. *SHS Web of Conf.*, 87, 00108. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208700108> EDN: PIAAWL
12. Berleva, I.N., & Belyaev, D.A. (2023). The language of screen culture: semiotics of texts and rhetorical possibilities. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2(106), 86–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2023.2.14> EDN: OKLJDB
13. Evgrafova, Ju.A. (2019). Semiotic “stacking doll”: coding in heterogeneous screen texts (case study of a film text “King’s speech” and a videotext “You’re single, you’re such a name”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 75–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-75-84> EDN: ZBOAFV

14. Karasik, V.I. (1999). Characteristics of pedagogical discourse. In: *Linguistic personality: aspects of linguistics and linguodidactics* (pp. 3–18). Volgograd: Peremena. (In Russ.). EDN: UDBCOJ
15. Ivanyan, E. (2016). Problems of linguoecology of Russian speech. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica*, 12, 63–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.18778/1731-8025.12.07>
16. Imamgaizova, D.I. (2020). Framing of cybercrimes in Russian and English media texts. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 26(4), 109–114. <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2020-26-4-109-114> (In Russ.). EDN: IAGWNS
17. Karas, T.H., Moore, J.H., & Parrott, L.K. (2008). Metaphors for cyber security. *SANDIA report*, SAND 2008–5381, 3–42. <http://doi.org/10.2172/947345>
18. Lawson, S., & Middleton, M.K. (2019). Cyber Pearl Harbor: Analogy, fear, and the framing of cyber security threats in the United States, 1991–2016. *First Monday*, 23(3). <http://doi.org/10.5210/fm.v24i3.9623>
19. Manikovskaya, M.A. (2019). Digitalization of education: challenges to traditional norms and moral principles. *Power and administration in the East of Russia*, 2(87), 100–106. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-87-2-100-106> (In Russ.). EDN: AUQMUA
20. Zheltukhina, M.R., & Pavlov, P.V. (2016). Social network «FACEBOOK» in the XXI century: from the communication tool to the information war tool. *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 7–3(61), 89–93. (In Russ.). EDN: WBCUDL
21. Eryomin, A.L. (2020). Information hygiene: modern approaches to hygienic evaluation of content and physical signals of information carriers. *Environmental hygiene*, 99(4), 351–355. <https://dx.doi.org/10.33029/0016-9900-2020-99-4-351-355> EDN: VBZEGK
22. Vaganova, O.I., Bakharev, N.P., Kulagina, J.A., Lapshova, A.V., & Kirillova, I.K. (2020). Multimedia technologies in vocational education. *Amazonia Investiga*, 9(26), 391–398. <https://doi.org/10.34069/AI/2020.26.02.45> EDN: SXOFNI

Список литературы

1. Akvazba E., Bogdanova V., Uzlova N., Patrusheva I. Problems and prospects of the Russian information society // *Amazonia Investiga*. 2019. № 8(20). P. 310–322.
2. Желтухина М.Р., Сергеева О.В. Лингвопрагматические характеристики образовательного медиадискурса: американские, британские и русские визуальные презентации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 4. С. 169–186. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-4-169-186> EDN: UNCLCM
3. Zheltukhina M.R., Krasavsky N.A., Pavlov P.V., Ponomarenko E.B., Aleshchanova I.V. Political Facebook posts using ideological symbols for media image designing of Russia as enemy // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11(18). P. 12005–12013. EDN: YVASDX
4. Казанцева Е.А. Экология академического дискурса: монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2019.
5. Сковородников А.П. К становлению лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализир. вестник. Вып. 3(11). Красноярск : Красноярск. гос. ун-т, 2000. С. 70–78.
6. Шаховский В.И. Экологическая многоликость коммуникативных сред человека // Этнопсихоллингвистика. 2019. № 2. С. 80–101. <https://doi.org/10.31249/erpl/2019.02.06> EDN: JDZSRR
7. Шаховский В.И. Экология языка и человека в меняющемся мире // *Неофилология*. 2020. № 6(22). С. 217–225.
8. Kharytonov E., Kharytonova O., Tolmachevska Y., Fasii B., Tkalych M. Information Security and Means of Its Legal Support // *Amazonia Investiga*. 2019. № 8(19). P. 255–265.
9. Demidov A.A., Syrina T.A., and Tretyakov A.L. Development of digital skills and media education system: from the organization of environmental education of preschool children to the ICT competence of teachers // *Медиаобразование*. 2020. № 60(1). P. 11–23. EDN: STDUPI

10. Иванян Е.П. Лингвоэкология педагогической речи // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. № 11–12. Р. 48–56. <https://doi.org/10.20534/AJH-16-11.12-48-56> EDN: YIFAPH
11. Mazanyuk E.F., Tretyakov A.L., Amichba L.R. Game technologies as a tool of motivation and improvement the quality of university students' training // *SHS Web of Conf*. 2020. № 87. Р. 00108 <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208700108> EDN: PIAAWL
12. Берлева И.Н., Беляев Д.А. Язык экранной культуры: семиотика текстов и риторические возможности // *Общество: философия, история, культура*. 2023. № 2(106). С. 86–91. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.2.14> EDN: OKLJDB
13. Евграфова Ю.А. Семиотическая «матрёшка»: кодирование в гетерогенных экранных текстах (на примере кинотекста «Король говорит!» и видеотекста «Ты один ты такой») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10. № 1. С. 75–84. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-75-84> EDN: ZBOAFV
14. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // *Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики*. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3–18. EDN: UDBCOJ
15. Иванян Е. Проблемы лингвоэкологии русской речи // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*. 2016. № 12. Р. 63–68. <https://doi.org/10.18778/1731-8025.12.07>
16. Имамгаязова Д.И. Фреймирование киберпреступлений в медиатекстах на русском и английском языках // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26. № 4. С. 109–114. <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2020-26-4-109-114> EDN: IAGWNS
17. Karas T.H., Moore J.H., Parrott L.K. Metaphors for cyber security // *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381. Р. 3–42. <http://doi.org/10.2172/947345>
18. Lawson S., Middleton M.K. Cyber Pearl Harbor: Analogy, fear, and the framing of cyber security threats in the United States, 1991–2016 // *First Monday*. 2019. Vol. 24. № 3. <http://doi.org/10.5210/fm.v24i3.9623>.
19. Маниковская М.А. Цифровизация образования: вызовы традиционным нормам и принципам морали // *Власть и управление на Востоке России*. 2019. № 2(87). С. 100–106. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-87-2-100-106> EDN: AUQMUA
20. Желтухина М.Р., Павлов В.П. Социальная сеть «FACEBOOK» в XXI веке: от инструмента коммуникации к инструменту информационной войны // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 7–3(61). С. 89–93. EDN: WBCUDL
21. Еремин А.Л. Информационная гигиена: современные подходы к гигиенической оценке контента и физических сигналов носителей информации // *Гигиена и санитария*. 2020. № 4. С. 351–355. <https://dx.doi.org/10.33029/0016-9900-2020-99-4-351-355> EDN: VBZEGK
22. Vaganova O.I., Bakharev N.P., Kulagina J.A., Lapshova A.V., Kirillova I.K. Multimedia technologies in vocational education // *Amazonia Investiga*. 2020. № 9(26). Р. 391–398. <https://doi.org/10.34069/AI/2020.26.02.45> EDN: SXOFNI

Information about the authors:

Olga V. Sergeeva, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology of the Romano-Germanic Philology Faculty, Kuban State University (149, Stavropolskaya str., Krasnodar, Russian Federation, 350040); *Research interests*: discourse linguistics, media linguistics, psycho- and sociolinguistics, genristics, semiotics, semantics, pragmatics, multimodal and polycode texts, educational, political media communication; *e-mail*: docsov117@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9950-000X, SPIN-code: 8417-6424; AuthorID: 778206

Marina R. Zheltukhina, Dr.Sc. in Philology, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Director, Chief Researcher of the Scientific and Educational Center “Person in Communication”, Pyatigorsk State University (9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, Russian Federation, 357532); *Research interests*: discourse linguistics, media linguistics, psycho- and sociolinguistics, genristics, semiotics, semantics, pragmatics, multimodal and polycode texts, educational, political media communication; *e-mail*: zzm@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7680-4003; SPIN-code: 2798-8026, AuthorID: 321401

Elena B. Ponomarenko, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: discourse linguistics, media linguistics, psycho- and sociolinguistics, genristics, semiotics, semantics, pragmatics, multimodal and polycode texts, educational, political media communication; *e-mail*: ponomar_elena@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3181-507X; SPIN-code: 8475-5605, AuthorID: 613640

Сведения об авторах:

Сергеева Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии, Кубанский государственный университет (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149); *научные интересы*: дискурсивная лингвистика, медиалингвистика, психо- и социалингвистика, генристика, семиотика, семантика, прагматика, мультимодальные и поликодовые тексты, образовательная, политическая медиакommunikация; *e-mail*: docsov117@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9950-000X, SPIN-code: 8417-6424; AuthorID: 778206

Желтухина Марина Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор Российской академии образования, академик Российской академии естественных наук, директор, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Человек в коммуникации», Пятигорский государственный университет (357532, Российская Федерация, г. Пятигорск, проспект Калинина, д. 9); *научные интересы*: дискурсивная лингвистика, медиалингвистика, психо- и социалингвистика, генристика, семиотика, семантика, прагматика, мультимодальные и поликодовые тексты, образовательная, политическая медиакommunikация; *e-mail*: zzm@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7680-4003; SPIN-code: 2798-8026, AuthorID: 321401

Пonomаренко Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: дискурсивная лингвистика, медиалингвистика, психо- и социалингвистика, генристика, семиотика, семантика, прагматика, мультимодальные и поликодовые тексты, образовательная, политическая медиакommunikация; *e-mail*: ponomar_elena@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3181-507X; SPIN-code: 8475-5605, AuthorID: 613640.